

М-13

И. Маевский

ЭКОНОМИКА
РУССКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГОСПОЛИТИЗДАТ. 1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

И. В. МАЕВСКИЙ

доктор экономических наук

ЭКОНОМИКА
РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва . 1957

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на то что с момента окончания первой мировой войны прошло уже около 40 лет, мы не можем сказать, что экономические последствия этой войны изучены достаточно полно. Особенно мы не можем сказать этого в отношении экономики русской промышленности, исследованию которой не посвящено по сути дела ни одной сколько-нибудь цельной и законченной монографической работы.

В тех немногих работах, которые вышли из-под пера буржуазных экономистов (Туган-Барановский, Прокопович, Гриневецкий, Клаус и др.), а также в журнальных и газетных статьях, опубликованных в годы войны и революции, рассмотрение вопросов экономики русской промышленности является либо скудным привеском к описанию военной экономики вообще, либо представляет собой узко отраслевые конъюнктурные обзоры, не раскрывающие не только общих закономерностей и основных социальных противоречий, под действием которых находилась и развивалась русская промышленность в годы войны, но и не дающие сколько-нибудь объективного научного анализа содержащегося в них фактического материала.

Лишь в единичных работах советских авторов, в частности в соответствующих разделах историко-экономических монографий П. И. Лященко, П. А. Хромова, Г. Д. Бакулева, в журнальных статьях А. Л. Сидорова и др., сделана попытка осветить с марксистских позиций некоторые стороны экономики русской промышленности в условиях первой мировой войны и положить тем самым

начало к устранению имеющегося в этой области пробела. Однако следует иметь в виду, что в этих сравнительно небольших по своему объему статьях и разделах книг проблемы экономики русской промышленности затронуты лишь частично; они не исчерпывают всего многообразия вопросов, входящих в предмет исследования этой темы.

В настоящей работе автор пытается восполнить, насколько это возможно, существующий пробел в освещении данной темы, стремясь внести свой посильный вклад в дело создания более или менее цельного исследования, посвященного экономике русской промышленности в условиях первой мировой войны. С этой целью автор построил свою работу в сравнительно широком экономическом плане, охватывающем более или менее значительный круг проблем, связанных с анализом как общих закономерностей развития русской промышленности в условиях первой мировой войны, так и тех изменений, которые произошли в ней в годы войны.

Само собой разумеется, что данная монография не претендует на исчерпывающее освещение всех содержащихся в ней вопросов, поскольку некоторые из них, например государственно-монополистический капитализм, возникновение и эволюция монополий в различных отраслях промышленности и др., требуют самостоятельного исследования.

Настоящая работа охватывает по времени небольшой, но весьма своеобразный и важный период исторического развития, в течение которого вся экономика России и прежде всего промышленность, сохраняя внутренне присущие ей закономерности развития, подверглась таким глубоким изменениям, уловить и проанализировать которые представляет не только научный, но в известной мере и практический интерес. Если автору удалось с этой задачей справиться хотя бы частично, то он мог бы считать свою работу достигшей цели.

ГЛАВА I

РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война, развязанная милитаристскими кругами кайзеровской Германии, была подготовлена всем ходом исторического развития капитализма. Неизбежность этой войны основоположники марксизма-ленинизма видели еще задолго до ее возникновения. Уже в 1887 г. в предисловии к брошюре Сигизмунда Боркгейма Фридрих Энгельс, говоря о грядущей мировой войне и ее будущих организаторах — немецких милитаристах, писал: «...для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размаха, невиданной силы. От 8 до 10 миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда еще не объедали тучи саранчи»¹.

Высказывание Энгельса о будущей мировой войне В. И. Ленин назвал гениальным пророчеством. Энгельс с исключительной глубиной научного предвидения предсказал не только масштабы и сроки войны, но и ее последствия: крах многих европейских монархий и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

«Опустошение... распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 303—304.

государственной мудрости,— крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса»¹.

Гениальное предсказание Энгельса о неизбежности будущей мировой войны, ее масштабах, сроках и даже социальных последствиях сбылось почти полностью. А если, как говорит В. И. Ленин, «кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе»², то в этом нет ничего удивительного. За 27 лет, предшествовавших мировой войне, произошли такие огромные изменения, предугадать которые (в точности, в деталях) не могли ни Маркс, ни Энгельс, жившие в условиях домонополистического капитализма, когда неравномерность его развития не имела такой скачкообразности и катастрофичности, какую она приобрела в период империализма.

В. И. Ленин, как и его великие предшественники К. Маркс и Ф. Энгельс, указывал, что войны неизбежны в эпоху капитализма. Но они, по выражению В. И. Ленина, стали особенно неизбежными в конце XIX и начале XX века, когда капитализм перерос в империалистическую стадию своего развития, когда изменилось соотношение экономических и политических сил в лагере капитализма, обострились противоречия между основными группами империалистических держав.

Финансовый капитал, как наиболее концентрированное выражение основных свойств империализма, обнаружил неукротимое стремление к захвату новых колоний, источников сырья, рынков сбыта и сфер приложения капитала. Между тем вся территория земного шара была уже к концу XIX века поделена между капиталистическими государствами. Развитие капитализма в эпоху империализма отличается крайней неравномерностью и скачкообразностью. Изменяется соотношение экономических и политических сил между империалистическими государствами, и это при отсутствии «свободных», не занятых еще

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 304.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, изд. 4, стр. 456 (в дальнейшем работы В. И. Ленина цитируются по 4-му изданию).

капиталистическими странами колоний вызывает стремление к новому переделу мира.

Выражением этих стремлений явилась война 1914—1918 гг., которая, как говорит Ленин, «была с обеих сторон империалистской (т. е. захватной, грабительской, разбойнической) войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний, «сфер влияния» финансового капитала и т. д.»¹.

Эта война, начавшаяся с выстрела в Сараеве, сразу же приняла общеевропейский, а затем и мировой характер, затронула интересы почти всех империалистических государств мира. Ее непосредственной причиной были столкновения интересов двух империалистических групп: Германии и Австрии, с одной стороны, и стран Антанты — Англии, Франции и зависимой от них России — с другой.

Русский царизм вступил в первую мировую войну не только как вассал англо-французского капитала, но и как выразитель интересов своего собственного, «отечественного» финансового капитала, стремившегося к осуществлению своих захватнических целей как в Азии, так и в некоторых районах Центральной Европы. В частности, он рассчитывал «при помощи Англии и Франции разбить Германию... чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д.»².

Однако, ставя перед собой такие цели, русский империализм не имел для их осуществления не только заранее разработанных стратегических планов, но, что самое главное, — достаточных экономических и материально-технических ресурсов. Несмотря на обилие природных богатств и огромные людские резервы, Россия была по сравнению с другими крупными капиталистическими государствами наиболее отсталой страной, в которой вполне развитые формы капиталистических отношений переплетались с рутинным общественно-политическим строем, с отсталыми формами докапиталистических (преимущественно феодально-крепостнических) отношений.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 177—178.

² В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 115—116.

В. И. Ленин, характеризуя социально-экономическую структуру царской России, указывал, что здесь, так же как и на Западе, «капитализм стал монополистическим, об этом «Продуголь», «Продамет», сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно»¹. Но в России новейшекапиталистический империализм был оплетен особенно густой сетью отношений докапиталистических. Вследствие этого Россия не была и не могла быть классической страной империализма, хотя и являлась узловым пунктом, средоточием всех империалистических противоречий.

Несмотря на усилившееся за последние перед войной десятилетия выравнивание (нивелирование) условий хозяйства и жизни в различных капиталистических странах под давлением крупной промышленности, обмена и финансового капитала, Россия не сумела подтянуть свою экономику до уровня передовых капиталистических стран. Больше того, под действием процесса нивелирования неравномерность экономического и политического развития капиталистического мира еще больше усилилась. В результате одни страны вырвались вперед, другие остались позади. В числе отставших оказалась и Россия, которая не выдержала соревнования ни со старыми капиталистическими странами (Англия и Франция), ни, тем более, с молодыми — США, Германией и Японией.

В связи с этим царская Россия, будучи страной со средним уровнем развития капитализма, вступила в первую мировую войну с относительно слабым военно-экономическим потенциалом. Промышленность России сильно отставала от промышленности других крупных капиталистических стран. В ней преобладали старые фабрики и заводы с изношенным оборудованием, которые не могли служить прочной материально-технической основой для ведения большой и, тем более, продолжительной войны.

Превосходя передовые капиталистические страны по территории, размеру и численности населения, царская Россия во многом уступала им по своему военнопромышленному потенциалу. По таким важнейшим показателям уровня промышленного развития, как выработка электроэнергии, добыча каменного угля, выплавка чугуна и стали, выплавка меди и выпуск машин, Россия занимала в мировом производстве соответственно 15, 6, 5, 7 и 4-е места.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 331.

Чтобы нагляднее представить себе степень промышленной отсталости России от передовых капиталистических стран, приведем некоторые данные о выпуске важнейших видов промышленной продукции в России, США, Германии, Англии и Франции.

Продукция важнейших отраслей промышленности в 1913 г.
(в тыс. т)¹

	Россия	США	Англия	Франция	Германия
Чугун	4 212	31 464	10 428	9 072	10 920
Сталь	4 248	31 803	7 787	6 976	11 775
Каменный уголь	29 052	517 060	292 043	43 847	141 384

Как явствует из этих данных, Россия производила чугуна и стали почти в 7 раз меньше, чем США, в 2,5 раза меньше, чем Германия, и в 2 с лишним раза меньше, чем Англия и Франция; добывала угля в 18 раз меньше, чем США, в 10 раз меньше, чем Англия, в 5 раз меньше, чем Германия, и в полтора раза меньше, чем Франция.

Еще большим было отставание в области производства на душу населения. Так, например, по производству стали это отставание выражалось: по сравнению с США — в 11 раз, с Германией — в 8, с Англией — в 6, с Францией — в 4 раза; по добыче угля отставание было еще значительнее: по сравнению с США — в 26 раз, с Англией — в 31, с Германией — в 15 раз, с Францией — в 5 раз².

Намного отставала Россия от других капиталистических стран и по переработке хлопка. В 1911 г. его было переработано в расчете на душу населения всего лишь 5,6 фунта, или почти в 8,5 раза меньше, чем в Англии, в 5 раз меньше, чем в США, почти в 3 раза меньше, чем в Германии и Франции, и почти в 2 раза меньше, чем в Австро-Венгрии³.

¹ Составлено по данным «Контрольных цифр народного хозяйства на 1926/1927 год», М. 1926, стр. 150—152.

² См. «Развитие советской экономики», М. 1940, стр. 9.

³ См. «Промышленность и торговля» № 13, 1913 г., стр. 2.

Запасы нефти в России составляли 38% всех мировых запасов, и они были в 3 раза больше запасов США, не говоря уже о других странах, не имевших больших запасов нефти. Добывалось же нефти в России в 4 раза меньше, чем в США. А между тем за 13 лет до этого — в 1900 г. — Россия добывала нефти на 122 млн. пудов больше, чем США¹. Снижению добычи нефти в России (с 706,3 млн. в 1901 г. до 561,3 млн. пудов в 1913 г.)² способствовала широкая монополизация нефтяной промышленности, протекавшая при активном участии иностранного капитала, стремившегося к получению высоких прибылей (за счет установления монопольно высоких цен на продукты нефтяной промышленности, ухудшения жизненных условий рабочих, интенсификации их труда и т. д.) без соответствующего расширения производства и роста его технической вооруженности.

В 1913 г. царская Россия имела общую мощность двигателей в 13 млн. л. с., что равнялось всего лишь 2,3% мощности двигателей, имевшихся в мировом хозяйстве, или 10% мощности двигателей, имевшихся в экономике США. То же самое можно сказать и о технической вооруженности труда, по уровню которой Россия стояла на самом последнем месте среди главных капиталистических стран. Техническая оснащенность труда рабочих была в России в 9 раз ниже, чем в США, и в 3 раза ниже, чем во Франции.

Конечно, промышленное развитие России сделало после отмены крепостного права значительный шаг вперед, особенно в последнюю четверть XIX и в первые 10—13 лет XX столетия. Как явствует из подсчетов немецкого конъюнктурного института, объем промышленного производства России за период с 1860 по 1913 г. увеличился в 10,5 раза, в то время как в Германии — только в 6 раз, во Франции — в 3, в Англии — в 2,5, в США — в 6 раз³.

Анализируя развитие капитализма в России, В. И. Ленин указывал, что «если сравнивать докапиталистическую эпоху в России с капиталистической (а именно такое сравнение и необходимо для правильного решения во-

¹ См. П. А. Хромов, Экономическое развитие России в XIX—XX веках, М. 1950, стр. 318.

² См. «Народное хозяйство в 1913 г.», Пгр. 1914, стр. 337—338.

³ См. Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung, Sonderheft 31, 1933, S. 18.

проса), то развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым»¹.

Однако если учесть мизерность абсолютных размеров промышленного производства России сравнительно с ее территорией и численностью населения, а также достигнутый уровень современной техники и культуры вообще, то, как справедливо указывал В. И. Ленин, такое развитие капитализма в России придется признать медленным.

Таким образом, довоенная Россия, несмотря на усилившуюся тенденцию ее капиталистического, а стало быть, и промышленного развития, продолжала оставаться по сравнению с передовыми капиталистическими странами «невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки»².

Этим, собственно, и объясняется основная причина низкой производительности труда фабрично-заводских рабочих России. В металлургической промышленности уровень производительности труда русского рабочего в 1913 г. был в 4 раза ниже, чем в США, почти в 2 раза ниже, чем в Германии и Англии, и примерно на 15% ниже, чем во Франции. В каменноугольной промышленности выработка на одного рабочего в год составляла: в США — 759 т, в Англии — 264, в Германии — 287, во Франции — 203, а в России — только 153 т. При резком увеличении производительности труда в области добычи нефти в США, где в связи с повышением коэффициента энерговооруженности рабочих, среднегодовая выработка на одного рабочего увеличилась с 1870 по 1902 г. в 6 раз, в России она сократилась с 1889 по 1913 г. почти в 3 раза³.

Говоря о важной роли производительности труда в развитии процесса материального производства, Маркс не случайно при перечислении условий, определяющих рост производительной силы труда, указывал на размеры и эффективность средств производства⁴, которые в сочетании с естественными условиями и соответствующим уровнем

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 527.

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 261.

³ См. П. А. Хромов, Экономическое развитие России в XIX—XX веках, стр. 321, 325, 327.

⁴ См. К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 46.

науки, а также организацией общественного производства могут оказать и оказали в ряде передовых капиталистических стран революционизирующее влияние на рост производительности труда и на общий уровень промышленного производства.

В России эти условия в силу феодально-крепостнических пережитков, низкого уровня техники и торможения ее развития иностранными монополиями не получили широкого развития, а следовательно, и не оказали решающего влияния на рост производительности труда и на повышение уровня промышленного производства страны до уровня передовых капиталистических стран.

Но низкий уровень промышленного развития России и слабость ее промышленного потенциала накануне первой мировой войны характеризуются не только абсолютными и относительными величинами промышленного производства, но и распределением самостоятельного населения по роду занятий. Известно, что свыше 76% самостоятельного населения России было занято перед войной в сельском хозяйстве и только 10% — в промышленности¹. Отсюда и невыгодно складывающиеся пропорции между промышленным и сельскохозяйственным производством. В то время как в совокупной продукции крупной промышленности и сельского хозяйства на долю сельского хозяйства приходилось 57,9%, на долю крупной промышленности — только 42,1%².

Примерно такую же картину представлял и национальный доход царской России, в структуре которого удельный вес промышленности был крайне мал. Так, по исчислениям Госплана СССР, национальный доход Российской империи в 1913 г. равнялся 17 108 млн. руб.³, при этом на долю сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства приходилось 51,4%, а на долю промышленности — только 28,7%⁴.

Доля национального дохода, приходившаяся на душу населения, составляла: в России — 102,2 руб., в США —

---

¹ См. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/1927 г.», стр. 174—175.

² См. «Развитие советской экономики», стр. 10.

³ Без Сибири, Средней Азии, Кавказа, Польши и Финляндии.

⁴ См. «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг.», М. 1928; «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/1927 г.», стр. 214.

695, в Англии — 463, во Франции — 355 и в Германии 292 руб.¹.

Несмотря на то что доход от промышленности в предвоенные годы рос быстрее, чем доход от сельского хозяйства (доход от промышленности возрос с 1900 по 1913 г. на 62,2%, а доход от сельского хозяйства только на 33,8%)², тем не менее это не оказало сколько-нибудь заметного влияния на изменение структуры народного дохода и на повышение в нем удельного веса промышленности.

Неблагоприятно для военно-промышленного потенциала России складывалось и соотношение между производством средств производства и производством предметов потребления. Если взять данные за 1913 г., то мы увидим, что на долю первых приходилось всего лишь 33,3%, а на долю вторых — 66,7%. Несмотря на то что в последние два десятилетия, предшествовавшие войне, производство средств производства развивалось более быстрыми темпами, чем производство предметов потребления (производство средств производства в 1913 г. составляло по отношению к 1890 г. 625%, а производство предметов потребления — только 300%), соотношение между ними было не в пользу первого.

Русская промышленность была самой концентрированной в мире (на ее крупных предприятиях с числом рабочих от 500 человек и выше, составлявших 5% общего числа заведений, было занято 54,1% всех промышленных рабочих³). Тем не менее это не могло служить показателем ее высокой технической оснащенности и организационной слаженности.

В то время как в Германии крупные промышленные предприятия, насчитывавшие 500 рабочих и более, имели вполне законченную организацию производства, в России многие крупнейшие заводы с числом рабочих от 5 тыс. до 10 тыс. человек (Сормовский и др.) представляли зачастую конгломерат отдельных мастерских и автономных цехов, объединенных лишь в административном и разоб- щенных в технико-производственных отношениях.

---

¹ См. П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, 1948, стр. 348.

² См. С. Прокопович, Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900—1913 гг., М. 1918, стр. 66.

³ См. «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.», Пгр. 1914, стр. XXI.

Ко всему этому надо прибавить еще и то, что русская промышленность значительно отставала от промышленности крупнейших капиталистических стран и в области специализации производства. Специализированными предприятиями в России были преимущественно предприятия текстильной и пищевой промышленности. Некоторое количество специализированных предприятий имелось в машиностроительной промышленности, в частности предприятия, изготовлявшие железнодорожные вагоны, сельхозмашины, арматуру и др. В целом же машиностроение и металлообработка страдали чрезмерным универсализмом и слабой специализацией.

Развитие целого ряда отраслей промышленности и, в частности, отраслей, связанных с обработкой металла, хлопка, льна и т. д., происходило не на основе приближения их к сырьевым и топливным базам, а в отрыве от них (Петербург, Москва, Иваново-Вознесенск). Вследствие этого в России имели место не только крайне неравномерное размещение промышленности, но и относительно более высокие затраты общественного труда, а следовательно, и более высокие общественные издержки в промышленном производстве. Это также не могло не отразиться на военно-экономическом потенциале страны.

Нерациональность размещения промышленности царской России была результатом действия экономического закона анархии производства, усиленного реакционной политикой царизма, сознательно препятствовавшего развитию производительных сил национальных районов, геологическому изучению и комплексному освоению их огромных природных богатств и прежде всего неисчерпаемых запасов сырья и топлива¹.

Между тем размещение промышленности (ее удаленность от пограничной полосы и близость к источникам

---

¹ Ряд богатых сырьем и топливом районов юга и востока страны имел перед войной лишь предприятия по первичной обработке хлопка (Туркестанский край) или горнозаводские предприятия по добыче наиболее важных видов стратегического сырья: нефть, черные, цветные и редкие металлы (Урал, Казахстан, Сибирь, Дальний Восток и др.). Переработка же этих видов сырья, их фабрикации, осуществлялась, как правило, в центральных и северо-западных районах страны, что вызывало огромные издержки по транспортировке этих видов сырья и повышало стоимость готовой продукции.

сырья и топлива) имеет не только экономическое, но и военное значение. Угрожаемые пограничные районы, перегруженные промышленностью, крайне стесняют маневрирование войск, требуют выделения крупных военных сил и подготовки долговременной фортификационной защиты. Пограничные районы и находящиеся там промышленные центры всегда находятся под угрозой либо занятия, либо бомбардировок противником. К примеру, можно указать на северные районы Франции, с их сильно развитой металлургической и каменноугольной промышленностью. Оккупация этих районов немцами парализовала, как известно, не только военную инициативу французской армии в период первой мировой войны, но и внесла серьезную дезорганизацию в хозяйственную жизнь страны.

Для царской России такую же опасность представляла оккупация западных районов, имевших относительно высокий уровень промышленного развития. В Польше были развиты текстильная промышленность, каменноугольная, чугунолитейная, железоделательная, химическая; в Петербургском районе были сконцентрированы металлообработка, машиностроение, текстильная промышленность. Значение этих районов и районов, расположенных вблизи границы, в промышленном потенциале России можно видеть из следующей таблицы (в абсолютных цифрах и в % к общим цифрам по России) ¹.

Группы губерний	Число предприятий		Число рабочих		Стоимость продукции	
	абсолютно	в % к общему числу предприятий	тыс.	в % к общему числу рабочих	млн. руб.	в % к общей стоимости продукции
Прибалтийские .	2 033	10,1	264,8	12,2	698,4	15,3
Польские	3 172	16,0	270,2	12,5	523,6	11,4
Белорусско-Литовские . . .	1 967	9,9	56,4	2,6	99,0	2,2
Всего . . .	7 172	36,0	591,4	27,3	1 321,0	28,9

¹ См. «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.», СПб 1912, стр. 8—9.

Как видим, более одной трети всех предприятий России было расположено в районах, угрожаемых при возникновении военных действий. В них работало 27% всего числа рабочих, и давали они около 29% всей промышленной продукции. Почти 600 тыс. рабочих было занято на этих предприятиях. В то же время в районах, отдаленных от германской границы (на Урале и в Средней Азии), находилось только 7,4% всех предприятий России и производили они только 6,8% всей продукции. Что касается районов на востоке от Урала, то их общее промышленное производство, по переписи 1908 г., составляло всего 3,5% имперского производства.

Таким образом, размещение русской промышленности перед первой мировой войной сложилось настолько неблагоприятно, что оно не гарантировало ни ее безопасности в военное время, ни, тем более, возможности бесперебойного использования ее для нужд фронта и тыла.

Отрыв промышленности от топливно-сырьевых баз обнаружился со всей остротой в период войны, когда промышленные предприятия северо-западных областей и Прибалтики, работавшие ранее на привозном английском и германском угле, вынуждены были в связи с блокадой Балтийского моря испытывать серьезные затруднения в снабжении топливом. В 1912 г. для промышленности Петербурга было завезено из Англии и Германии около 128 млн. пудов угля и значительное количество готового металла.

Мы не можем указать сколько-нибудь значительных причин, требовавших промышленного развития Петербурга в таких крупных масштабах, которых оно достигло в конце XIX — начале XX века. Можно лишь отметить, что выгодным фактором для развития в этом районе крупной металлической промышленности являлось наличие морских путей, связывавших Петербург с внешним рынком, но и это преимущество сводилось на нет, поскольку металлическая промышленность Петербурга работала не на вывоз, а на удовлетворение внутренних потребностей России.

Петербургская промышленность вообще, а металлическая в особенности, оторванная от топливно-сырьевой базы, оказалась в условиях военного времени в чрезвычайно тяжелом положении. Она вынуждена была переключиться на дорогостоящие и труднодоступные (ввиду

дальности расстояния и развала транспорта) донецкий уголь и уральскую руду.

Нерациональное размещение русской промышленности, обусловленное действием стихийных экономических законов капитализма и феодально-крепостническими пережитками в экономике царской России (особенно в земледелии, где господство монопольной собственности на землю серьезно препятствовало свободному переливанию капиталов и развитию предпринимательской инициативы), дополнялось засильем иностранного капитала, приток которого начался в Россию еще задолго до первой мировой войны. Уже в 1865 г. Энгельс отмечал, что «Россия импортирует капитал, а с ним и спекуляцию»¹ как неизбежного спутника капитала, как одно из средств его приумножения.

Когда Энгельс писал эти слова, импорт капитала в Россию не имел еще массового характера и в нем преобладал преимущественно денежный (в форме займов) капитал, а не производительный. Для массового притока иностранного капитала, в том числе производительного, характерен период промышленного подъема России и особенно период вступления ее в империалистическую стадию своего развития, т. е. последняя четверть XIX и первые годы XX столетия. За эти 20—25 лет предвоенного развития России иностранный капитал успел не только основательно вплестись в русскую промышленность и опутать ее инвестициями и займами, но и подчинить своему влиянию важнейшие сферы промышленного производства России.

Усиленному притоку иностранных капиталов в русскую промышленность способствовала не только высокая норма прибыли на инвестируемый капитал (вследствие обилия природных богатств, широкого рынка сбыта и дешевого рынка труда в России), но и экономическая политика русского абсолютизма, всемерно поощрявшая приток иностранных капиталов в Россию в ущерб развитию своей собственной национальной промышленности.

Об усиленном притоке в Россию иностранных капиталов говорят как приводимые ниже цифры, так и многочисленные документы, одним из которых является письмо группы промышленных деятелей России в адрес председа-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII стр. 134.

теля Особого совещания по обороне. В этом письме, между прочим, говорилось: «В то время как Франция, Англия и особенно Германия способствовали и поощряли развитие национальной промышленности, у нас молодые, неокрепшие предприятия пускались на свободную конкуренцию со старыми и сильными заграничными фирмами и понятно, что в этой конкуренции при отсутствии серьезной защиты наши предприятия уступали место заграничным»¹.

Подобная политика приводила к тому, что многие отрасли русской промышленности погибали, не успев окрепнуть в достаточной мере, чтобы выдержать иностранную конкуренцию (например, производство станков), а если некоторые отрасли металлообрабатывающей промышленности, как например паровозостроительная, вагоностроительная и рельсопрокатная, «все же смогли развиваться при таких неблагоприятных условиях, то только потому, что они своевременно успели организовать (т. е. объединиться в соответствующие монополистические союзы.— *И. М.*), и это дало им возможность выдержать все испытания, жестокую борьбу с иностранным капиталом»².

Торговые и кредитные соглашения, заключавшиеся русским самодержавием с иностранными государствами, создавали условия, благоприятствовавшие больше иностранному капиталу, чем развитию своей собственной национальной промышленности. Примером этому может служить русско-германский торговый договор 1894 г., расширявший не только ввоз в Россию изделий немецкой промышленности, но и понижавший на эти изделия таможенные пошлины. Об этом договоре Шульце-Гевеверниц не без основания писал, как о документе, выражающем «несомненные выгоды для немецкого вывоза»³.

Такая недалёковидная, по существу антinationальная политика царского самодержавия приводила к тому, что внутренний рынок России все более и более наводнялся изделиями иностранного производства. В 1907 г. было ввезено в Россию, главным образом из Германии,

---

¹ Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 175. (В дальнейшем наименование этого архива будет обозначаться сокращенно: ЦГВИА.)

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 176.

³ *Г. Шульце-Гевеверниц*, Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, СПб 1901, стр. 505.

машин, не считая электротехнической аппаратуры, на 20 млн. руб. В последующие годы ввоз машин в Россию быстро возрастает и достигает в 1911 г. почти 41 млн. руб. Еще более быстрыми темпами рос импорт электротехнических товаров, который составил в 1907 г. 5,4 млн. руб., в 1911 г.—13,5 млн., а уже в 1913 г.—25,2 млн. руб. То же самое можно сказать и относительно импорта станков, составившего в 1910 г. 3 млн. руб., в 1911 г.—7,4 млн., в 1912 г.—8 млн., а в 1913 г.—12,7 млн. руб. Из всей ежегодной потребности в техническом оборудовании, оцениваемой в 1913 г. в 720 млн. руб., 37% покрывалось за счет импорта, а по сложным машинам и того больше — 58%¹.

Но засилье иностранного капитала состояло не только и не столько в привозе готовых изделий заграничного производства (хотя и это имело свои отрицательные последствия, поскольку на их покупку расходовался миллиард рублей ежегодно²), сколько в притоке иностранных капиталов, росте предприятий и отделений иностранных компаний. «В последнее время,— писал В. И. Ленин в 1896 г.,— иностранные капиталисты особенно охотно переносят свои капиталы в Россию, строят в России отделения своих фабрик и заводов и основывают компании для новых предприятий в России. Они жадно набрасываются на молодую страну, в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде, в которой... иностранные капиталисты могут получать громадные, неслыханные у себя на родине, барыши»³.

За период с 1901 по 1911 г. были допущены к деятельности в России 184 иностранные компании с капиталом в 267 656 тыс. руб. Причем только в одном 1911 г. было утверждено 40 компаний с капиталом в 80 млн. руб.⁴ Это значит, что если в среднем на каждый год указанного десятилетия приходилось по 16,5 компаний с капиталом в 24 332 тыс. руб., то в 1911 г. количество открытых компаний было в 3 раза больше, а сумма основного капитала в 3,5 раза больше, чем в среднем за каждый год.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 176—178.

² См. «Промышленность и торговля» № 13, 1913 г., стр. 3.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 93.

⁴ См. «Промышленность и торговля» № 10, 1913 г., стр. 444—445.

Больше половины открытых в 1901—1911 гг. иностранных компаний и капиталов падает на горную промышленность (каменноугольную, нефтяную, золото-платиновую), где за этот промежуток времени были допущены 93 компании с капиталом в 177 355 тыс. руб.¹ Причем первенствующее значение и господствующее место, как по количеству акционерных обществ, так и по сумме их капиталов занимали английские монополисты (89 обществ), вложившие за указанные годы в русскую промышленность 171 621 тыс. руб., или 64% всех вложений². Английский капитал за сравнительно короткий промежуток времени значительно усилил свои позиции в русской нефтяной промышленности и был почти полным хозяином в цветной металлургии, где он сосредоточил в своих руках до 56% всей добываемой в России меди и более 70% золото-платиновых разработок.

Усилению позиций английского капитала в русской нефтяной промышленности, в которой функционировал англо-голландский трест, возглавляемый Детердингом, способствовало, помимо всего прочего, то обстоятельство, что основные нефтяные районы России территориально примыкали к нефтяным владениям английских концернов в Южной Персии и в азиатской Турции (Мосул), являвшимся для английского капитала своего рода опорными базами в его международной борьбе за нефть, от исхода которой в немалой степени зависело владычество англичан на море.

Вслед за англичанами по сумме вложенных капиталов идут французские монополисты, открывшие за указанные выше 11 лет (1901—1911) 26 обществ с капиталом в 36 486 тыс. руб., что составляло около 14% всех капиталов, вложенных иностранцами в русскую промышленность. Третье место по сумме вложенных капиталов принадлежало бельгийским компаниям³.

Большой интерес к русской промышленности начал проявлять американский капитал, основавший в России дочернее предприятие известной мануфактурной компании «Зингер» с акционерным капиталом в 50 млн. руб. и русское дочернее общество Международной компании жатвенных машин с капиталом в 60 млн. руб.

¹ См. «Промышленность и торговля» № 10, 1913 г., стр. 446.

² См. там же, стр. 447.

³ См. там же.

К началу первой мировой войны общая сумма иностранных капиталов, вложенных в русскую промышленность, исчислялась в 1282 млн. руб., что составляло около одной трети всего акционерного капитала промышленности России¹.

Но роль иностранного капитала в промышленности России определяется не только абсолютными величинами, но и теми командными высотами, которые он занимал. Такие ключевые отрасли промышленности, как металлургическая, топливная, находились в руках иностранного капитала, главным образом англо-французского и бельгийского. Особенно это относится к южной металлургии, где 90% всего капитала, вложенного в эту отрасль промышленности, принадлежало франко-бельгийским банковским и промышленным монополиям².

Аналогичное положение было и в каменноугольной промышленности Донбасса, где на долю 25 акционерных обществ, в которых главенствовал иностранный капитал (преимущественно франко-бельгийский), приходилось 95,4% всей добычи каменного угля.

Иностранному капиталу, главным образом немецкому, в лице международного треста «АЕГ», за спиной которого стоял германский банк «Diskonto Gesellschaft», принадлежало около 90% всего основного капитала действовавших в России электротехнических предприятий и свыше трех четвертей основного капитала акционерного

---

¹ См. Б. С. Зив, Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности, Пгр. 1917, стр. 123. По другим источникам (см. «Развитие советской экономики», стр. 17, Л. Эвентов, Иностранные капиталы в русской промышленности, М. 1931, стр. 21—22 и др.) доля иностранных капиталов в русской промышленности исчисляется в 47% общей суммы акционерных капиталов в промышленности. Это исчисление, как нам кажется, несколько завышено, так как, во-первых, при подсчете иностранных капиталов в русской промышленности принимались во внимание лишь крупные акционерные предприятия и исключались мелкие и средние акционерные предприятия с капиталом ниже 500 тыс. руб., в которых иностранный капитал, как правило, отсутствовал (так поступал, например, Эвентов; см. стр. 71 названной работы); во-вторых, в сумму иностранного капитала включался обычно весь капитал иностранного происхождения, без подразделения его на экспортированный капитал и капитал, переселившийся в Россию вместе со своими хозяевами и ставший в значительной мере «русским» национальным капиталом.

² См. Г. Д. Бакулев, Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна, М. 1955, стр. 152.

общества «Сименс и Шуккерт»¹. Русская химическая промышленность финансировалась, а следовательно, и контролировалась также немецкими капиталистами, создавшими в России филиалы своих концернов.

Под финансовым и производственно-техническим контролем немецкого капитала находилась и значительная часть предприятий военной промышленности России. К ним относятся, в частности, Невский судостроительный и механический завод, завод Крейтона (Охтинское адмиралтейство), Рижский машино- и судостроительный завод Ланге, завод «Феникс», выполнявший заказы по постройке башен для миноносцев и контролировавшийся немецким капиталом, в частности Учетным и ссудным банком. В руках немецкого капитала оказались также Русское судостроительное общество с капиталом в 10 млн. руб., общество «Ноблесснер», выполнявшее заказы завода Нобеля на подводные лодки и Лесснера на мины и вооружение, с капиталом в 3 млн. руб., дочернее предприятие Лесснера «Русский Уайтход», металлообрабатывающие и машиностроительные заводы Гартмана, Коломенский машиностроительный завод, акционерное общество «Треугольник», Шлиссельбургский пороховой завод, Русское общество артиллерийских заводов и др.²

В руках французского капитала находились Общество русско-балтийских судостроительных заводов с капиталом в 15 млн. руб., Русское общество для производства артиллерийских снарядов и военных припасов, реорганизованное по инициативе французской фирмы Шнейдера из единоличного предприятия «Парвайнен» в акционерное общество с преобладанием французского капитала.

Усилившийся в конце XIX и начале XX столетия приток иностранных капиталов в русскую промышленность, несомненно, ускорил развитие капиталистических отношений в России. Но вместе с тем иностранный капитал взял в свои руки основные командные высоты в русской

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 289, л. 83.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 98, л. 61, 115—116. Такие позиции немецких капиталистических фирм в важнейших отраслях русской военной промышленности давали им возможность не только оказывать тормозящее влияние на укрепление военнопромышленного потенциала России, но и заранее знать все секреты по производству военных припасов, влиять на ход выполнения важных заказов, на уровень обеспечения русской армии средствами боевого и материально-технического снабжения и т. д.

промышленности, в банках и других отраслях народного хозяйства, усилил свое влияние на экономическую и политическую жизнь страны. Здесь в полной мере проявился присущий капиталистическому способу производства закон постоянного стремления капитала к экономическому и политическому господству, к расширению сфер влияния и к приумножению источников получения монопольных прибылей.

Инвестируя свои капиталы в промышленные предприятия России, образуя новые акционерные компании и общества, иностранные капиталисты могли получать в России «громadne, неслыханные у себя на родине, барыши»¹. Вместо 4—5% дивиденда, получаемого у себя «на родине», иностранные капиталисты получали в России от 20 до 30% дивиденда на вложенный капитал². За время с 1887 по 1913 г. чистая прибыль иностранных капиталистов в России составила (за вычетом промыслового налога) 2326,1 млн. руб., или почти на 30% больше инвестированного капитала³. Это значит, что от эксплуатации природных и человеческих ресурсов России иностранный капитал получал в среднем каждый год около 90 млн. руб. золотом, не давая взамен этого никакого эквивалента. Это была прямая дань России иностранному капиталу, прямой вычет из ее национального дохода.

Игнорируя эти и другие приведенные выше факты, многие исследователи иностранного капитала в России пришли к односторонней, совершенно неправильной оценке его роли в развитии русской промышленности, приписывая ему лишь «благотворное» влияние на судьбы промышленного развития России. Между тем нет никаких сомнений, что иностранный капитал посредством инвестиций и займов осуществлял в России не политику взаимных выгод и равных возможностей, как ошибочно утверждали Брандт, Витте и др.⁴, а политику диктата и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 93.

² См. «Горный журнал» № 1, 1897 г.

³ См. «Развитие советской экономики», стр. 19.

⁴ См. Б. Ф. Брандт, Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны, ч. 1, СПб 1898; С. Ю. Витте, Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, СПб 1912 и др. В частности, суждения Брандта по данному вопросу таковы: «Раз экспортирующие страны заинтересованы если не в большей, то по крайней мере в одинаковой степени в экспорте капиталов, в какой заинтересованы импортирующие страны в приливе к ним

дискриминации, политику торможения индустриального развития России, подрыва ее производительных сил за счет хищнической эксплуатации природных ресурсов и живого труда, политику ослабления ее экономической и политической независимости, политику превращения ее в сферу своего влияния, в свой аграрно-сырьевой придаток.

В связи с этим нельзя согласиться и с профессором Е. Л. Грановским, который, исходя из односторонней оценки роли иностранного капитала в экономике России, пришел к выводу, что основой экономической и политической зависимости последней от западноевропейского капитализма являются только займы. Что касается инвестиций, то о них он пишет так: «Рост вложений иностранного капитала в русскую промышленность и банки отнюдь не приводил к потере Россией ни ее экономической, ни ее политической самостоятельности»¹.

Противопоставляя одну форму экспорта капитала другой, т. е. экспорт ссудного капитала (в виде займов) экспорту производительного капитала (в форме инвестиций), автор приходит к тому ошибочному выводу, что если экспорт ссудного капитала приводит страну, импортирующую этот вид капитала, к потере политической и экономической независимости, то экспорт производительного капитала, наоборот, приводит к укреплению ее экономической и политической самостоятельности, к росту ее национального богатства и т. д.

Но ведь в таком же примерно плане рассуждал и Брандт, который пытался доказать, что наибольший экономический эффект дает импорт производительного, а не ссудного капитала, что капитал, полученный в форме ссуды (займа), «в более или менее короткий промежуток времени истребляется, а страна на долгое время остается вынужденной платить ежегодно проценты иностранцам из своего бюджета»². Этого, по его мнению, нельзя будто

капиталов, то очевидно, что об экономическом давлении одной страны на другую не может быть речи. В совершающемся международном экономическом акте обе стороны являются полноправными, обе одинаково зависят друг от друга и, следовательно, могут друг другу диктовать условия, клонящиеся к обоюдной выгоде». (См. названную работу, ч. 1, стр. 47.)

¹ Е. Л. Грановский, *Монополистический капитализм в России*, М. 1929, стр. 162.

² Б. Ф. Брандт, *Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны*, ч. 1, стр. 84—85.

бы сказать в отношении производительного капитала, помещаемого в промышленные предприятия и банки, так как последний, несмотря на огромные прибыли, приносимые своим владельцам (иностранным капиталистам), работает сам на себя, «нисколько не затрагивает национального дохода», экономических и политических интересов той страны, в которую он устремляется.

В действительности, однако, иностранный капитал, независимо от форм его экспорта, национальной и иерархической принадлежности (т. е. принадлежит ли он государству или отдельным финансовым группам), осуществляет одну общую цель — извлечение монопольно высоких прибылей и установление экономического господства. Вне этого понятия нельзя дать правильного анализа роли иностранного капитала в русской промышленности, его влияния на экономические и военно-политические судьбы России.

Нельзя согласиться в этой связи и с Б. Б. Граве, которая считает, что «большой удельный вес иностранных капиталов в той или иной отрасли промышленности еще не означал ее подчинения той или иной группе империалистических держав», что иностранные капиталы устремлялись в Россию только с целью получения высоких прибылей и «не всегда с прямыми целями осуществления общеполитических государственных задач»¹.

Конечно, получение высоких прибылей, являющееся целью капиталистического производства, стимулировало приток иностранных капиталов в Россию, где норма прибыли была значительно выше, чем в странах, экспортировавших капитал. Но погоня за этими высокими прибылями со всей неизбежностью приводила к захвату иностранным капиталом основных и решающих сфер материального производства, к монополизации рынка труда, сырья и топлива, к установлению монопольно высоких цен на поставляемую казне и населению продукцию, к усилению его влияния на весь механизм политической и экономической жизни страны.

Сводя роль иностранного капитала к узко предпринимательским целям, Б. Б. Граве приходит к весьма поспешному и сомнительному выводу о том, что «капитализм в России развивался под непосредственным влиянием

---

¹ «Вопросы истории» № 6, 1956 г., стр. 66.

европейского капитализма» и что последний в России «способствовал развертыванию промышленного строительства и оживлению народного хозяйства»¹.

С такой преувеличенной оценкой роли иностранного капитала в развитии капитализма и особенно промышленного строительства в России согласиться нельзя, так как, во-первых, она недоучитывает наличие в России внутренних возможностей, выявившихся после отмены крепостного права, для развития капитализма и, во-вторых, она во многом напоминает нам целый ряд ошибочных концепций, развивавшихся в свое время на страницах буржуазной прессы. Известно, например, суждение Витте, который, открывая все шлюзы для притока иностранного капитала в Россию, успокаивающе писал: «Странно даже говорить о какой-то опасности для русской самобытности от ищущих у нас заработка иностранцев и иностранных капиталов»². Более того, усиленный приток иностранных капиталов в Россию рассматривался сторонниками Витте как «большое благо»³, как «прямое и самое сильное оправдание правительственной системы»⁴ и т. д.

Слов нет, развитие капитализма, а следовательно, и промышленности «значительно *ускоряется* примером и помощью старых стран»⁵, но лишь в той мере и в тех размерах, в каких это выгодно старым странам. Пример России является в этом отношении весьма показательным. Иностраный капитал, подчинивший своему контролю важнейшие сферы промышленного производства России, в частности металлургическую и угольную промышленность, сознательно задерживал их развитие (начиная с первых лет XX века), хотя потребность на металл и уголь непрерывно возрастала. Предприятия металлургической промышленности России перед первой мировой войной значительно отстали от передовых предприятий Западной Европы и Америки как по объему производимой продукции, так и по технике производства.

---

¹ «Вопросы истории» № 6, 1956 г., стр. 66.

² С. Ю. Витте, Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, стр. 141.

³ Б. Ф. Брандт, Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны, СПб 1901, ч. 2, стр. 267.

⁴ «Торгово-промышленная газета» № 12, 1897 г. (ст. Федорова).

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 429.

Можно считать установленным, что начиная с первых лет XX века иностранный капитал, безусловно, стал фактором торможения промышленного развития России, которое пошло бы быстрее без его участия, без участия международных монополистических союзов, прекративших в этот период сколько-нибудь значительное вложение в русскую промышленность новых капиталов, расширение и обновление ее производственных фондов и вывозивших из России огромные прибыли.

Таким образом, приток иностранных капиталов в русскую промышленность привел не только к захвату иностранными монополиями важнейших сфер промышленного производства (металл, уголь, нефть, химия, электротехника и т. д.), но и к торможению индустриального развития страны, к ослаблению ее промышленного и общеэкономического потенциала, к все большему усилению ее экономической и политической зависимости от международных монополий и передовых капиталистических стран Западной Европы и Америки.

Во всем этом повинно как само царское правительство, всегда ориентировавшееся на иностранные капиталы и займы, так и та казенная экономическая наука, представители которой на протяжении многих лет доказывали либо «полезность» для России сосредоточить свое внимание на сельскохозяйственном экспорте, чтобы в обмен на него получать из Западной Европы промышленные изделия (Шторх)¹, либо необходимость отдачи промышленного развития России на откуп иностранному капиталу (Брандт, Витте и др.), что привело, как известно, не к укреплению, а к ослаблению ее промышленного потенциала, не к упрочению, а к ослаблению ее экономических и политических позиций на международной арене.

Но если представители казенной экономической науки Шторх, Брандт и их покровители из состава царского правительства — Канкрин, Витте, а позднее Штюмер и др. — доказывали (в интересах иностранного капитала) ненужность развития национальной промышленности России по «чисто экономическим соображениям», считая, что она получит больше «выгод» от импорта капитала и промышленных изделий из-за границы, то неонародники типа Блиоха и Гулевича доказывали ненужность промыш-

---

¹ См. «Архив графов Мордвиновых», т. V, СПб 1902, стр. 111.

ленного развития России по «военностратегическим соображениям», наивно утверждая, что в условиях будущей войны, под которой они имели в виду первую мировую войну, промышленно развитые страны окажутся менее устойчивыми, чем отсталые, сельскохозяйственные страны.

Над обоснованием этого реакционного взгляда на роль промышленности в условиях войны особенно много поработал И. С. Блюх, который в 1898 г. (т. е. незадолго до первой мировой войны) выступил с многотомной работой о будущей войне¹, в которой доказывал нецелесообразность промышленного развития России с военной точки зрения. В этой работе Блюх развивал мысль о том, что высокоразвитые в промышленном отношении страны страдают в будущей войне больше, чем аграрные страны «с населением преимущественно земледельческим», в которых «самый строй общественных отношений проще и патриархальнее». С этой точки зрения, умозаключает Блюх, «низкий уровень, на котором стоит развитие земледелия в России, увеличит ее оборонительную силу»².

Приписывая аграрным странам наибольшую силу экономической и военной устойчивости и ставя их в более выгодное положение по сравнению с промышленно развитыми странами, Блюх исходит из той ложной концепции, что судьба армии будто бы в большей мере зависит от продовольственного снабжения, а следовательно, от уровня сельского хозяйства, чем от уровня промышленного развития страны и от степени снабжения армии боеприпасами и вооружением.

Но если бы преимущество в условиях современной войны определялось именно этим фактором, то в годы первой мировой войны решающий перевес должен был бы оказаться не на стороне промышленной Германии, а на стороне аграрной России, находившейся в смысле продовольственной обеспеченности «в самом лучшем положении»³. Однако, как мы увидим ниже, дело обстояло далеко не так.

---

¹ См. *И. С. Блюх*, Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. В шести томах, СПб 1898.

² *И. С. Блюх*, Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях, т. IV, СПб 1898, стр. 6.

³ *И. С. Блюх*, Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях, т. II, СПб 1898, стр. 585.

Рассуждения Блюха об устойчивости и выносливости натурально-патриархального хозяйства, обладающего достаточными продовольственными ресурсами, есть не только продукт отсталых и наивных взглядов на современную войну, но и пример вредного, реакционного отношения к техническому прогрессу вообще, к промышленному в особенности. Подобные рассуждения способствовали сохранению вековой технико-экономической отсталости России, за которую она часто расплачивалась дорогой ценой.

Опыт первой мировой войны не только опроверг наивные и объективно вредные рассуждения Блюха о преимуществах аграрных стран в современных войнах, но и показал ахиллесову пяту русской армии, испытывавшей постоянные перебои в снабжении ее средствами истребления армий противника и особенно средствами артиллерии. Вот что по этому поводу заявил военный министр царского правительства генерал Поливанов в своей речи на заседании Государственной думы 19 июля 1915 г.: «Самая трудная и самая острая для продолжения войны задача — это снабжение армии техническими средствами... В этом смысле, в смысле богатства артиллерийского снабжения, Германия обеспечила себе значительный перевес и над нашей армией и над армиями наших союзников. Она достигла этого двумя путями: заготовкой огромных запасов перед войной и заблаговременной подготовкой своей промышленности к развитию ее тотчас по объявлении войны. Ее промышленность снабжала до войны своими изделиями почти весь мир, а во время войны все освободившиеся от прекращения вывоза станки заработали на армию. Перевес немцев более всего сказался в их тяжелой артиллерии, в количестве снарядов, пулеметов и винтовок»¹.

В оценке военно-экономического потенциала вообще и российского в особенности Блюх допустил не только грубую ошибку, но и вреднейшие деморализующие рассуждения насчет материально-технических факторов войны. Концепция Блюха в отношении русского военно-экономического потенциала во многом напоминает старания канкринных и штюрмеров (немецких агентов в составе

---

¹ «Стенографический отчет заседаний Государственной думы IV созыва», Пгр. 1915, стр. 15.

царского правительства), которые делали в свое время все, чтобы держать Россию на уровне отсталой крестьянской страны, всецело зависимой от экономики других стран и прежде всего от экономики Германии, удельный вес которой во внешнеторговых закупках России составлял в 1896—1898 гг. 34,4% ¹.

Но не только Блюх отличался такими реакционными, неонародническими рассуждениями насчет необязательности промышленного развития России и укрепления ее военно-экономического потенциала. Он имел также и единомышленников в этом вопросе, наиболее типичным из которых является генерал А. А. Гулевич, опубликовавший в том же 1898 г. в «Военном сборнике» статью под названием «Война и народное хозяйство». В этой статье Гулевич доказывал, что прекращение правильного и регулярного международного обмена может во время войны «пагубно отразиться на промышленном строе государства, внешняя торговля и фабрично-заводская деятельность которых представляются наиболее развитыми» ². Россию он считал в этом отношении менее уязвимой, так как ее земледельческий характер имеет то «преимущество», что в условиях большой войны она будет не только меньше подвержена разрушениям, но и окажется более устойчивой и выносливой, чем промышленные страны Запада ³.

Более того, земледельческий характер России, обеспечивающий ей «мощную продовольственную базу» ⁴, является, по мнению Гулевича, основным фактором ведения войны, хотя вследствие своей примитивности сельское хозяйство России, как признает и сам Гулевич, в 3 раза менее производительно по сравнению с сельским хозяйством Германии и Франции и в 4 раза — по сравнению с сельским хозяйством Англии ⁵. Тем не менее генерал Гулевич имел смелость утверждать, что народнохозяйственный и военный потенциал России являлся по сравнению с народнохозяйственным и военным потенциалом западноевропейских стран и, в частности, Германии наиболее устой-

---

¹ См. П. А. Хромов, Экономическое развитие России в XIX—XX веках, стр. 263.

² «Военный сборник», кн. II, СПб 1898, стр. 280.

³ См. там же, стр. 285.

⁴ Там же, стр. 283.

⁵ См. там же, стр. 286.

чивым, способным выдержать самую длительную и самую большую войну.

Но если Гулевич и Блюх выступали со своими ошибочными и объективно вредными военно-экономическими концепциями за 15—16 лет до начала первой мировой войны, то Туган-Барановский выступил с такого же рода взглядами уже в самый разгар войны. В своей статье, опубликованной в 1915 г. под названием «Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии», Туган-Барановский доказывал, что «по отношению к разрушительному влиянию войны на народнохозяйственный организм страны в лучшем положении находятся сельскохозяйственные страны, которые гораздо менее страдают от войны, чем страны торгово-промышленного типа»¹.

Говоря о большей выносливости и стойкости народнохозяйственного организма аграрных стран и, в частности, России, Туган-Барановский писал: «Наше народное благосостояние покоится прежде всего на сельскохозяйственном промысле, который дает занятие приблизительно $\frac{3}{4}$ нашего населения. Наша народная масса складывается преимущественно из крестьян, а не из фабричных рабочих. В этом наиболее существенное отличие России от Германии и в этом вместе с тем заключается причина несравненно большей выносливости русского народнохозяйственного организма сравнительно с Германией»².

Апологетический смысл этих изречений ясен. Они не были продиктованы соображениями объективного анализа действительного положения вещей в экономике России, а были высказаны под влиянием шовинистического угара начавшейся войны, идеологическим сторонником, пропагандистом и защитником которой был Туган-Барановский.

Даже тогда, когда народнохозяйственный организм России начал основательно надламываться под тяжким бременем первой мировой войны и когда уже обнаружились признаки надвигавшегося военного, экономического

---

¹ Сб. «Вопросы мировой войны», Пгр. 1915, стр. 270.

² См. там же, стр. 320—321. В таком же тоне рассуждал и Финн-Енотаевский, который в статье, опубликованной в журнале «Современный мир» № 9, 1914 г., писал, что «недостаточное развитие капитализма (т. е. прежде всего промышленности.—И. М.), сохранение у нас во многих местах остатков натурального хозяйства... является плюсом в военном отношении» (стр. 175).

и политического кризиса, Туган-Барановский, опьяненный ура-патриотическим настроением, писал: «Мы можем с полной уверенностью утверждать, что война не нанесла тяжелых ударов нашему народнохозяйственному организму, который переносит тяжесть войны без расстройства своих основных жизненных функций, сохраняя всю свою жизнеспособность и составляя в этом отношении разительный контраст с тем, что мы видим в Германии»¹.

Этими своими реакционно-националистическими восхвалениями «российской» отсталости, которую он возвел в военно-экономическое преимущество России перед промышленной Германией, Туган-Барановский поставил себя фактически в один ряд с Блюхом и Гулевицем, неонародническую концепцию которых он когда-то оспаривал. Теперь же Туган-Барановский в своем угодничестве перед царским самодержавием поднял эту концепцию на щит и выступил с оправданием и даже восхвалением сельскохозяйственного характера экономики России.

Подобными восхвалениями промышленной отсталости России Туган-Барановский, так же как и Блюх и Гулевич, считавшие себя «русскими патриотами», фактически лил воду на мельницу врагов России, в частности на мельницу милитаристской Германии, с давних пор стремившейся расширить свои «жизненные пространства» за счет территории нашей родины. Уже первый год войны показал непрочность военно-экономического потенциала России, неустойчивость ее народнохозяйственного организма, оказавшегося не в состоянии снабдить армию нужным вооружением и боеприпасами. И как ни странно, Туган-Барановский «не заметил» этого, хотя и писал работу в разгар той хозяйственной и военнопромышленной паники, которая охватила Россию в первый же год войны.

Подобным же восхвалением отсталости промышленного развития России страдал и еще один «ура-патриот» — профессор Мигулин, который в статье, напечатанной в начале войны в «Новом экономисте» (редактором которого он был), целиком разделял ошибочные взгляды Блюха, Гулевича и Туган-Барановского. Мигулин считал, что война, поскольку она вызывает расстройство мировых экономических связей, тяжело отразится прежде всего на промышленно развитых странах, т. е.

---

¹ Сб. «Вопросы мировой войны», стр. 324.

странах, промышленность которых работает на вывоз и питается привозным сырьем и продовольствием. Рассматривая экономику России с позиций автаркизма, Мигулин писал: «Экономическое положение России сравнительно с Германией и Австрией несравненно выгоднее... ибо обрабатывающая промышленность наша работает исключительно на внутренний рынок, и закрытие для нее внешних рынков не окажет никакого влияния»¹.

Таким образом, устойчивость народнохозяйственного организма страны выводится Мигулиным не из роста ее национальных производительных сил, а из внешнеторговых связей, которые в ходе войны нарушаются будто бы в наибольшей степени у промышленно развитых стран². Между тем известно, что война вовсе не ликвидирует внешнеторговых связей, а лишь сокращает и деформирует их. Экономические связи сокращались, а иногда и нарушались не только между воевавшими странами, но и между союзными. Эти связи сокращались или нарушались по причине блокады, закрытия морских путей и установления контроля над вражескими портами. Но эти моменты порождаются самим ходом военных действий, в результате которых устанавливается перевес той или иной стороны в области экономической войны. Следовательно, в этом вопросе опять-таки берет верх та сторона, которая располагает высокоразвитой промышленностью, а следовательно, и военнотехнической мощью (авиация, флот и т. д.).

На ошибочных позициях стоял и П. Струве, который под военно-экономической мощью страны подразумевал не материально-технические ресурсы в лице крупной промышленности, способной обеспечить армию средствами боевого снабжения, а денежное хозяйство, сферу обращения. Струве писал: «Пока наш внутренний денежный рынок не будет способен нормально удовлетворять потребность государства, втрое или вчетверо превышающую ту кредитную потребность, которую обнаружила Россия по случаю столкновения с Японией, до тех пор наши

---

¹ «Новый экономист» № 30, 1914 г., стр. 3.

² На этих же позициях стоял и М. И. Боголепов, который писал: «Все народное хозяйство, в его целой совокупности, страдает от войны главным образом постольку, поскольку оно оказывается изолированным от всемирного рынка...»

шансы в вооруженном столкновении с этой европейской коалицией, которая реально противостоит нам, будут значительно слабее шансов наших противников»¹.

Находясь во власти буржуазно-идеалистического мировоззрения, Струве свел понятие военно-экономической устойчивости страны исключительно к богатству казны, к финансовым возможностям государства. Конечно, деньги, как атрибут товарно-денежных отношений, имеют немаловажное значение в укреплении реальной силы армии и военно-морского флота. Но сила армии и флота покоится в конечном счете не на деньгах, расходуемых на вооружение, а на сфере материального производства, изготавливающей это вооружение и определяющей тем самым состояние и прочность денежного хозяйства. Следовательно, деньги, указывает Энгельс, должны быть в конце концов добыты посредством экономического производства; а значит, и сила опять-таки определяется хозяйственным положением, доставляющим ей средства для приобретения необходимых орудий².

Таким образом, если в народнохозяйственных организациях промышленных и аграрных стран и существует глубокое различие, то не в пользу последних. Промышленные страны являются не только более богатыми странами вообще, но и более устойчивыми в военно-экономическом отношении, более мобильными в залечивании ран и более способными к нанесению сокрушительных ударов противнику. Этой простой истины не поняли или не хотели понять некоторые представители военно-экономической мысли России, которые в угоду российскому абсолютизму проповедовали антинаучные, вредные идеи, нанесшие немалый ущерб упрочению военно-экономического и военнопромышленного потенциала страны.

Между тем еще задолго до капиталистического развития России великий ученый-патриот М. В. Ломоносов, придавая огромное значение развитию производительных сил и укреплению военной мощи России, указывал на необходимость «размножения ремесленных дел и общего улучшения государственной экономики». Он настойчиво призывал к поднятию производительных сил, в которых

---

¹ «Великая Россия» (Сборник статей по военным и общественным вопросам), кн. 2, М. 1911, стр. 153.

² См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1953, стр. 156.

он видел «благополучие, славу и цветущее состояние государства»¹.

Еще более определенно высказывал свои мысли о роли промышленности в деле развития производительных сил и укрепления военной мощи страны другой великий русский ученый и патриот — Д. И. Менделеев, который на основе изучения закономерностей экономического развития России и других стран справедливо обрушился на физиократическую школу Кенэ и Тюрго, недооценивавшую промышленное производство и переоценивавшую сельское хозяйство. Менделеев вместе с этим подверг сокрушительной критике и их последователей в России типа Блюха и Гулевича, которые, ратуя за аграрный характер русской экономики, объективно тормозили промышленное развитие страны.

Будучи последовательным сторонником промышленного развития России, Менделеев вопреки реакционным воззрениям Блюха, Гулевича и др. писал, что во имя благополучия нашей Родины «надо заботиться не столько о развитии у нас одного земледелия, сколько всех видов промышленности»². При этом он особое внимание уделял металлообрабатывающей промышленности, форсированное развитие которой он связывал с укреплением военно-экономического потенциала страны и созданием условий для роста всех остальных отраслей промышленности. Будущее нашей страны, писал Менделеев, зависит прежде всего «от меры развития у нас передельвающей промышленности»³, увеличения добычи каменного угля и железа, представляющих, как он правильно говорил, «истинные корни всякого промышленного успеха»⁴.

Менделеев определил даже примерные затраты, с помощью которых можно было бы в течение небольшого исторического отрезка времени догнать уровень развития США, от которых Россия отставала в конце XIX века по производству промышленной продукции на душу населения в 13—14 раз. Если мы хотим догнать американцев хотя бы в 20 или 30 лет, писал Менделеев, «нам надо

---

¹ М. В. Ломоносов, Соч., т. VII, 1934, стр. 287.

² Д. И. Менделеев, Заветные мысли, 1903—1904, стр. 141.

³ Там же, стр. 194.

⁴ Д. И. Менделеев, Соч., т. XVIII, стр. 196.

вкладывать в промышленность не менее как 700 млн. руб. в год»¹.

Так рассуждал Менделеев, патриотические чувства и научная совесть которого не могли мириться с лженаучными и реакционными концепциями о так называемой экономической выносливости и военной устойчивости отсталых в промышленном отношении стран.

Марксистско-ленинская наука доказала, а историческая практика подтвердила, что влияние технического прогресса в его применении к военному делу всегда вело за собой изменения и даже целые перевороты в способе ведения войны. «Ничто так не зависит от экономических условий,— писал Энгельс,— как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент степени производства и от средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение живого солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивалось тем, что они приспособляли способ борьбы к новому оружию и к новым бойцам»².

Это положение, высказанное Энгельсом в связи с критикой «теории насилия» Дюринга, имеет важное значение и по сей день, ибо, во-первых, оно отстаивает основополагающий тезис марксизма о решающей роли в современной войне экономических условий, т. е. материального производства, от степени развитости которого зависит не только воспроизводство материально-технических элементов войны, но и факторов, обеспечивающих победу силам, ее ведущим³; во-вторых, оно доказывает несостоятельность идеалистической переоценки роли отдельной личности в условиях войны, т. е. «полководческого гения», от «свободного творчества ума» которого зависит будто бы исход войны.

---

¹ Д. И. Менделеев, Мысли о развитии сельскохозяйственной промышленности, 1899, стр. 10.

² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 156.

³ Этот тезис нашел свое отражение и в работах В. И. Ленина, указывавшего на то, что в современной войне «экономическая организация имеет решающее значение» (см. В. И. Ленин, Грозная катастрофа и как с ней бороться, Соч., т. 25, стр. 335).

Будучи крупным знатоком военного дела, Энгельс не раз подчеркивал, что развитость сферы материального производства является основой экономического и военного могущества страны. Без этого никакая армия, никакое полководческое искусство отдельных лиц, никакая хитроумно разработанная стратегия и тактика не могут иметь реальной силы. «...Насилие,— указывает Энгельс,— не есть просто волевой акт, но требует весьма реальных предпосылок для своего осуществления, а именно — известных *орудий*, из которых более совершенное одерживает верх над менее совершенным... одним словом... победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще, следовательно — на «экономической мощи», на «хозяйственном положении», на *материальных* средствах, находящихся в распоряжении насилия»¹.

Это значит, что никакое государство, будь оно самое большое как по численности населения, так и по размерам территории, не может в условиях современной войны рассчитывать на победу своих вооруженных сил, если оно сохраняет земледельческий характер и не имеет высоко развитой промышленности. Больше того, при отсутствии или слабом развитии последней оно не пожнет в условиях такой войны ничего иного, кроме тумачов².

Пример царской России является в этом отношении весьма поучительным. В ее военно-экономической истории было не мало случаев, когда она пожинала подобные тумачи именно за свою экономическую и прежде всего промышленную отсталость. Уже в Крымскую войну обнаружилось трагическое положение России, выступившей с отсталой техникой, с отсталым способом производства «против наций с современным производством»³. Капиталистическое производство западноевропейских стран взяло верх над рутинными формами феодально-крепостнического хозяйства России, над ее промышленно-экономической отсталостью.

В первую мировую войну царская Россия вступила также с более слабым военнопромышленным потенциалом,

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 155—156.

² См. там же, стр. 160—161.

³ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», изд. 2, Госполитиздат, 1951, стр. 165.

чем ее главный противник — милитаристская Германия. Царская Россия, будучи неисчерпаемым резервуаром «пушечного мяса», не могла производить достаточного количества самих пушек. Как признавался военный министр генерал Поливанов, России недоставало «тех видов промышленности, которые изготовляют предметы государственной обороны, и более всего — тех отраслей, которые изготовляют предметы артиллерийского снабжения»¹.

Это заявление царского министра, сделанное им через год после начала военных действий, является бесспорным признанием слабости военнопромышленного потенциала России, не имевшей достаточно развитой промышленности вообще и особенно тех ее отраслей, которые призваны изготовлять предметы «государственной обороны». Это особенно относится к промышленности, занимавшейся изготовлением предметов боевого снабжения (ружья, патроны, пушки, снаряды, порох, взрывчатые вещества, самолеты, военные суда, бронемашины и т. д.), которая, несмотря на особое «попечительство» со стороны военного ведомства, оказалась так же слабо подготовленной к войне, особенно в организационном и техническом отношении, как и гражданская промышленность. Количество предприятий военной промышленности (оружейных, артиллерийских, пороховых и др.) не намного увеличилось к началу XX века по сравнению с серединой XIX века.

К началу войны в составе русской военной промышленности, которая почти целиком находилась в руках казны и подчинялась военному ведомству, имелось считанное количество специализированных военных предприятий, изготовлявших соответствующие виды вооружения. Так, например, артиллерийские орудия изготовлялись лишь на трех казенных заводах; два находились в Петербурге и один — в Перми. Винтовки, пулеметы и пистолеты производили только три завода (Тульский, Сестрорецкий и Ижевский), и два завода (Петербургский и Луганский) изготовляли патроны к этим видам ручного оружия. Имелись три пороховых завода (Охтенский, Шостенский, Казанский) и два завода взрывчатых веществ

---

¹ «Стенографический отчет о заседании Государственной думы IV созыва, 19 июля 1915 г.», стр. 15.

(Охтенский и Самарский). Дистанционные и ударные трубки изготавливались на двух трубочных заводах — Петербургском и Самарском. Специальные стали вырабатывались на Ижевском заводе, а ремонт и переделка некоторых видов вооружения производились в семи сухопутных и двух морских арсеналах, из коих наиболее крупными были Петербургский, Киевский и Брянский.

Военно-морское ведомство имело, кроме того, адмиралтейские заводы и крупные мастерские: в Петербурге (Балтийский и Адмиралтейский), Кронштадте, Севастополе и в Николаеве. Ряд казенных заводов, на которых производились некоторые виды вооружения, имело Министерство торговли и промышленности: Пермский завод (стволы пушек и снаряды), Олонецкие и Гороблагодатские заводы (артиллерийские снаряды), Златоустовский завод (холодное оружие). Помимо того что количество предприятий, изготавливавших средства «государственной обороны», было крайне незначительно, технический уровень этих предприятий и производительность также отставали от требований войны.

Большинство военных заводов было создано в начале и в конце XVIII века. Их переделки и усовершенствования в течение XVIII и первой половины XIX века не вносили коренных изменений в технологический процесс и технический базис этих предприятий. К примеру можно взять Казанский пороховой завод, который лишь с 1888 г. перешел на машинный способ производства. К производству бездымного пороха русские военные заводы (Охтенский, Казанский, Шостенский) перешли лишь в конце прошлого столетия и к началу первой мировой войны довели свою производительность до 700 тыс. пудов, что составляло не более 10% потребности на этот вид продукции в 1916 г.¹

Наряду с низкой производительностью и слабой технической оснащенностью отечественные заводы обладали и другим серьезным недостатком — чрезмерным универсализмом и отсутствием строгой специализации. Даже такой наиболее современный и сравнительно неплохо оборудованный завод, как Обуховский, занимался изготовлением бесчисленного количества предметов «государ-

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119 (доклад начальника ГАУ военному министру, 20. X 1916 г.), л. 10—11.

ственной обороны» (пушки разных калибров, ружейные стволы, снаряды, лафеты образца 1902 г., броневые плиты, мины Цайтхеда, оптические приборы и т. д.), не имея как военнопromышленное предприятие строго очерченного профиля. Из-за отсутствия или в лучшем случае недостаточности специализации изготовление предметов «государственной обороны» на этом заводе обходилось намного дороже, чем за границей. В связи с этим завод, несмотря на выгодность исполнения военных заказов, не выходил из финансовых затруднений и часто обращался к казне за субсидиями. Точность калибров при изготовлении огнестрельного оружия (винтовок, пулеметов, пушек) не соблюдалась, что не только ухудшало качество оружия, но и затрудняло заменяемость отдельных его частей, вышедших из строя.

Такие средства ведения современной войны, как зенитные орудия, которыми были вооружены французская, английская и немецкая армии, вовсе не изготовлялись на отечественных военных заводах, и только небольшое количество этих орудий, около 200, было приобретено за границей для охраны Ставки. Не производились в России и авиационные моторы, бомбометы и минометы. Пулеметы выпускались в ничтожном количестве.

Царское правительство, ориентировавшееся на заграничный рынок и недооценивавшее развития отечественной военной промышленности, не только не способствовало росту ее производственных мощностей и обновлению ее технической базы, но мешало этому, поскольку ставка делалась не столько на технику, сколько на живую силу, на «шапкозакидательство».

Давая показания в чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, генерал Поливанов не случайно заявил, что «перед войной у высшего начальства, и бывшего государя, и бывшего военного министра (Сухомлинова.— И. М.) было к технике отношение довольно пренебрежительное»¹.

Это пренебрежительное отношение к технике вообще и военной в особенности привело, как это видно из письма группы промышленных деятелей России от

---

¹ «Падение царского режима». Стенографический отчет допросов и показаний, данных в 1917 г. чрезвычайной комиссии Временного правительства, т. VII, М.—Л. 1927, стр. 194.

27 февраля 1916 г., адресованного на имя Особого совещания по обороне, к тому, что «в отличие от других европейских государств у нас не было создано военной промышленности на своей территории и своими силами»¹. Не способствуя развитию отечественной военной промышленности, правительственные органы в то же время установили строгий, бюрократический контроль над существующими казенными заводами, стеснявший всякую производственную инициативу, глушивший всякие технические усовершенствования, ломавший и задерживавший производственные планы по выпуску и подбору соответствующих образцов вооружения вследствие бесконечной волокиты, которая царила в проектных и правительственных инстанциях. Примером этому является проектирование осадных пушек и гаубиц, затянувшееся на несколько лет из-за распрей между Путиловским заводом и заводами Шнейдер-Крезе и Круппа. Проектирование и испытание 34-секундных дистанционных трубок шло чрезвычайно медленно, и война застала, как свидетельствует о том бывший начальник ГАУ генерал Маниковский², русскую артиллерию с устаревшими 22-секундными трубками, между тем как французские заводы изготовляли 37-секундные трубки, позволявшие стрелять шрапнелью на 7—8 верст.

Еще хуже обстояло дело с частными предприятиями военной промышленности, которые были менее специализированы, чем казенные военные заводы, и наряду с пушками, снарядами, броневыми плитами, военными судами и пр. выпускали также рельсы, паровозы, вагоны, сортовое железо, мосты, торговые суда и т. д.

Основными предприятиями частной военной промышленности были металлургические и металлообрабатывающие заводы, изготовлявшие разного рода артиллерийские припасы, небольшие химические заводы, изготовлявшие порох и взрывчатые вещества, а также судостроительные верфи, выпускавшие наряду с торговыми судами и военные.

Наиболее мощную группу предприятий частной военной промышленности составляли Путиловские заводы,

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 176.

² См. его книгу «Боевое снабжение русской армии в мировую войну», М.—Л. 1930, т. 1, стр. 40.

изготавливавшие пушки, снаряды к ним и т. д., Русское общество по производству снарядов и военных припасов (бывшее немецкое предприятие «Парвийнен»), Русское общество артиллерийских заводов, организованное английской фирмой «Виккерс», общество заводов, изготавливавших артиллерийские припасы, Общество механических, гильзовых и трубочных заводов Барановского, Тульские патронные заводы, Русское общество пороховых заводов и заводов взрывчатых веществ и др.

Хотя эта группа предприятий частной промышленности и не была так специализирована на производстве предметов «государственной обороны», как казенные военные заводы, тем не менее она представляла по своей экономической значимости и организационной «сплоченности» более мощную силу. Она была типичной представительницей монополистического капитала, тесно связанной с крупными иностранными фирмами (Крупп, Шнейдер, Виккерс, Армстронг). Являясь «русскими» по названию, предприятия частной акционерной военной промышленности находились фактически в руках иностранного, в том числе и немецкого, капитала, широко использовавшего свое господствующее положение в русской промышленности не только в экономических, но и в военно-политических целях.

Так, через своих младших партнеров — русских банковских и промышленных дельцов (Плотникова, Давыдова, Мануса и др.) немецкие финансовые магнаты — Крупп, Вебер, Ландсгоф и др. — оказывали значительное влияние на промышленность России, направляя ее развитие в ущерб военно-экономической мощи страны.

Являясь исполнителями многих ответственных военных заказов России (от которой немецкие промышленники уже накануне самой войны получили в два раза больше заказов, чем английские и французские промышленники, вместе взятые), немецкие фирмы имели возможность не только зарабатывать на них огромные сверхприбыли, но и знать «секреты» военно-технического оснащения русской армии.

Как явствует из многочисленных опубликованных материалов, германский империализм уже тогда проявил стремление к мировому господству. При этом завоевание мирового господства предполагалось начать с войны с Россией, с ее разгрома и превращения в аграрно-сырье-

вой придаток и рынок для германского империализма¹.

Готовясь на протяжении длительного времени к войне с Россией и ее западноевропейскими союзниками, правящие круги Германии исходили из того положения, что эта война потребует не только новых методов ведения боя, но и мобилизации всех материальных и в первую очередь промышленных ресурсов. С этой целью они наряду с созданием запасов вооружения и боеприпасов в мирное время вели подготовку по обеспечению промышленности запасами сырья и топлива на случай войны и переводу ее на рельсы военного производства. В связи с этим не только военные, но и многие гражданские заводы получили «мобилизационные задания» с указанием количества и образцов вооружения, которое они должны производить в военное время. При этом характерно, что не только правительственные и деловые круги занимались подготовкой промышленности к надвигавшейся войне, но и военно-экономическая литература не стояла в стороне от этого вопроса. На ее страницах широко обсуждались проблемы характера и масштабов будущей войны и роли промышленности в обеспечении ее средствами боевого и материально-технического снабжения².

Когда же началась война, то, по свидетельству одного из ее участников и исследователей, М. Шварте³, вся промышленно-экономическая жизнь Германии была подчинена военно-экономической программе, охарактеризованной Гинденбургом как требование фронта к промышлен-

¹ Осуществлению завоевательных планов германского империализма и развязыванию им войны против России способствовали по существу и англо-американские империалисты, которые, следуя своей извечной политике лавирования, были заинтересованы в ослаблении экономической и военной мощи как своего немецкого противника, так и русского «союзника». В этой связи и их помощь России содействовала не столько укреплению ее военно-экономического потенциала, сколько истощению ее валютных и людских ресурсов и еще большему ослаблению ее экономической и политической независимости.

² Этим вопросам посвящены, в частности, такие работы, как: Volker, Die Deutsche Volkswirtschaft im Kriegsfall, 1909; Blaustein, Versuch einer Bibliographie zur Kriegswirtschaftslehre, 1911; Jöhr, Die Wirtschaft der Schweiz im Kriegsfall, 1913, и др.

³ См. его работу «Die Technik im Weltkrieg», вышедшую в 1920 г.; а также «Der Grosse Krieg, 1914—1918», вышедшую в 1923 г., в десяти томах.

ности. Эта программа, разработанная военным командованием и руководителями германской индустрии, представляла собой «тотальную» мобилизацию всех материально-технических ресурсов на обслуживание нужд войны (сырье, рабочая сила, транспорт, производственно-технический аппарат промышленности и т. д.).

Программа Гинденбурга, считавшаяся в Германии «планом материально-технического покрытия войны» или «большой программой войны»¹, означала удвоение производства минометов и боеприпасов, утроение производства орудий и пулеметов². Это дало свои результаты, и канцлер Германской империи Бетман-Гольвег, подводя итоги наступательным действиям немецкой армии на Восточном фронте, имел все основания заявить в рейхстаге в июле 1916 г., что «этим мы обязаны нашей крупной индустрии, которая оказалась на высоте всех требований войны... Без нашей индустрии... мы давно бы проиграли войну»³.

Бесспорно, военная мощь Германии держалась главным образом на ее крупной промышленности — машиностроении, угле и металле. Если бы, говорит Шварте, Германия не приняла соответствующих мер к обеспечению себя металлом, то ее способность к активным действиям на фронтах первой мировой войны иссякла бы значительно раньше⁴. И это понятно, ибо многочисленные армии вооруженных людей уподобляются, по образному выражению фон Гольца⁵, ненасытному чудовищу, нуждающемуся в постоянном боевом снабжении, и, как Антей, сохраняют свою силу до тех пор, пока в состоянии черпать ее от материально-технического и экономического базиса войны. Это особенно характерно для первой мировой войны, принявшей характер состязания военно-промышленных потенциалов и разросшейся по размаху боевых действий до невиданных масштабов.

Какие масштабы приняла первая мировая война и какие требования предъявила она к экономике и прежде всего к промышленности воевавших стран, можно видеть

---

¹ E. *Wrisberg*, *Wehr und Waffen 1914—1918*, Leipzig 1922, S. 142.

² См. «Мобилизация промышленности в иностранных государствах», вып. 1, М. 1924, стр. 46.

³ «Экономическое обозрение», кн. 1, 1916, стр. 19.

⁴ См. M. *Schwarte*, *Die Technik im Weltkrieg*, S. 3, 7 и др.

⁵ См. его книгу «Вооруженный народ», СПб 1886, стр. 427.

из следующих обобщающих показателей. За годы войны было поставлено под ружье обеими коалициями около 67 млн. человек. Потери с обеих сторон составили только убитыми свыше 10 млн. человек. По количеству людей, погибавших ежедневно в результате боевых действий, первая мировая война была губительнее наполеоновских войн в 30 раз. Наполеоновские битвы при Ваграме, под Иеной, Аустерлицем, при Маренго, Фридлянде, Тильзите, Бородине, Ватерлоо (где 200—300 тыс. солдат решали в течение одного-двух дней судьбы воюющих стран) были ничтожны по сравнению с битвами во время первой мировой войны. Одна битва в Шампани стоила французам и немцам больше жизней, чем франко-прусская война 1870—1871 гг., битва под Верденом потребовала большего количества жертв, чем обе Балканские войны 1911—1913 гг.¹

По данным немецкого экономиста профессора Эрнста Шульце, стоимость первой мировой войны исчисляется цифрой 685,8 млрд. золотых марок, что в 11,5 раза превышает стоимость всех войн, ведшихся с 1793 по 1905 г. включительно, т. е. на протяжении 112 лет, из коих на войны приходится 57%. Чистые расходы на войну (т. е. не считая колоссальных убытков от разрушения промышленных и городских центров, железнодорожного и водного транспорта) составили около 230 млрд. золотых рублей, из коих на долю России приходится более 44 млрд. руб., или в 22—23 раза больше, чем расходы России на русско-японскую войну².

Если во время русско-японской войны ежедневные расходы России составляли 2,6 млн. руб., то во время первой мировой войны ежедневные расходы России составили 41,7 млн. руб. в 1916 г. и 58,4 млн. руб. в 1917 г.⁴

Государственные долги важнейших стран мира увеличились после первой мировой войны до 248 млрд. долл. против 44 млрд. долл. к началу 1914 г., или почти в 6 раз⁵. Внутренняя и внешняя задолженность Российского государства составила 80 млрд. руб., или две трети

¹ См. *М. Павлович*, Итоги мировой войны, М. 1924, стр. 13.

² *E. Schulze*, Die Zerrütung der Weltwirtschaft, 1920, S. 32—33.

³ См. *М. Павлович*, Итоги мировой войны, стр. 38.

⁴ См. *Г. Деметьев*, Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства во время войны с Германией и Австро-Венгрией, Пгр. 1917, стр. 32.

⁵ *Bogart*, Wars and their Financing, N. Y. 1921, p. 371.

всего национального дохода. Если разделить эту сумму на количество населения, то на каждую душу пришелся бы 571 руб.

Война потребовала от своих участников не только людских, денежных и иных затрат, но и огромного количества железа, стали и чугуна, превращенного в пушки, снаряды, минометы, пулеметы, колючую проволоку и т. д.

О том, каких размеров достигло расходование в первую мировую войну металла, можно судить по следующим сравнительным данным: если при знаменитом сражении под Ватерлоо (1815 г.) было выпущено в течение дня только 9044 снаряда, то в войну 1914—1918 гг. их выпускалось в среднем каждый день около 500 тыс.¹ Далее, если в течение франко-прусской войны немцы израсходовали всего лишь 817 тыс. снарядов, а Япония и Россия за время русско-японской войны — 954 тыс. снарядов, то в течение первых двух лет войны 1914—1918 гг. одна лишь Россия израсходовала около 48,6 млн. снарядов², или почти в 50 раз больше, чем обе воевавшие стороны за время всей русско-японской войны (если же взять расходы артиллерийских снарядов одной только русской стороной, то их соотношение будет 100 : 1).

Таким образом, даже на основании чисто количественного сопоставления расходов снарядов, не считая возросшего их веса в связи с массовым появлением дальнобойной и крупнокалиберной артиллерии, можно заключить, что на их производство расходовалось металла в течение каждого года первой мировой войны примерно в 100—120 раз больше, чем в русско-японскую войну. Производство же металла за последние 10 лет, предшествовавшие первой мировой войне, увеличилось в России всего лишь на 70—75%³. Это значит, что возросший в 100 раз и более расход металла на снаряды покрывался не столько за счет абсолютного прироста производства металла, сколько за счет перераспределения его в пользу войны, в ущерб мирным отраслям народного хозяйства, получавшим металл в ничтожных количествах и в последнюю очередь.

¹ См. Г. И. Шигалин, Подготовка промышленности к войне, М.—Л. 1928, стр. 18.

² ЦГВИА, ф 369, оп. 2, д. 70, л. 7.

³ См. «Народное хозяйство в 1913 г.», Пгр. 1914, стр. 372, 380—381; «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, Пгр. 1922, стр. 92—115.

При годовой потребности железа и стали в 21,5 млн. пудов внутреннее производство способно было дать в конце 1916 г. только около 16 млн. пудов¹, что недостаточно было не только для удовлетворения всего народного хозяйства, но и одной военной промышленности. Еще более тяжелым было положение с цветными металлами, потребность в которых возросла в 4 раза по сравнению с масштабами внутреннего производства. Между тем только на изготовление орудий, пулеметов и винтовок требовалось во время войны от 50 до 60% всей продукции черной металлургии, из коих на изготовление одних лишь снарядов уходило до 70—80%.

Первая мировая война явилась серьезным испытанием прочности военно-экономических потенциалов воюющих стран и прежде всего их промышленных потенциалов. Она не только подтвердила правильность марксистского тезиса о ведущей роли промышленности в хозяйственной и военной жизни страны, но и заставила пересмотреть устаревшую концепцию о том, будто войну можно вести за счет запасов, произведенных в мирное время. Как показал опыт войны, произведенных запасов, как бы они ни были велики, не может хватить на всю войну, тем более большую и затяжную. Этих запасов может хватить в лучшем случае лишь на короткий срок для начала боевых действий. Первая мировая война, проглотившая за несколько недель созданные в мирное время запасы боевых средств, предъявила к промышленности воевавших стран, в том числе и к русской промышленности, колоссальные требования на снабжение армии миллионами снарядов, десятками тысяч орудий, пулеметов, минометов, винтовок и т. д.

Для того чтобы удовлетворить растущую потребность армии в одних только снарядах, нужно было организовать в невиданных масштабах изготовление стальных снарядных корпусов, латунных гильз, снарядных трубок и взрывателей, требующих высокой точности обработки. Вместе с этим необходимо было развернуть производство огромного количества бездымного пороха и взрывчатых веществ, без которых нельзя было организовать производство артиллерийских снарядов. Развертывание этих производств в свою очередь нуждалось в гигантском расширении выработки специальной стали, прокатки ла-

¹ См. «Развитие советской экономики», стр. 34.

туни, изготовления азотной кислоты и других материалов. Это требовало в свою очередь строительства новых заводов, для оборудования которых необходимо было организовать производство новых станков, аппаратов, машин и т. д.

Для того чтобы справиться с решением только этого далеко не полного круга производственно-технических вопросов, нужно было иметь: во-первых, высокоразвитую военную промышленность, способную с первых же дней войны загрузить свои производственные мощности до пределов, удовлетворяющих основные потребности армии в средствах ведения войны, во-вторых, мощную гражданскую промышленность, заранее (т. е. еще до войны) подготовленную к быстрой перестройке на выпуск военной продукции в соответствии с профилем и технологическими возможностями каждого промышленного предприятия, получившего «мобилизационное задание».

Этого не имела царская Россия. Ее промышленность не только в производственно-техническом, но и в организационном отношении была подготовлена к войне хуже, чем промышленность других капиталистических стран, участвовавших в войне, не говоря уже о Германии, вступившей в эту войну с более совершенными техническими средствами, чем Россия.

«Технические средства противника, готовившегося к войне в течение 40 лет, оказались сильнее, чем в России», — оправдывался бывший военный министр Сухомлинов в письме на имя Верховной следственной комиссии Временного правительства¹. Конечно, длительная подготовка к войне, накопление технических средств для ее ведения имели свое значение. Но дело не только и не столько в этом, сколько в уровнях промышленного развития России и ее главного противника — кайзеровской Германии. Россия, как мы указывали выше, несмотря на значительный скачок, совершенный ею в области промышленного развития за последнюю четверть XIX и первые 10—13 лет XX столетия, продолжала все же по сравнению с передовыми западноевропейскими странами и, в частности, по сравнению с Германией оставаться невероятно, невиданно отсталой страной, особенно по уровню технической оснащенности промышленного производства и по размерам выпускаемой продукции в расчете на душу населения.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 338, л. 4.

Но что же тормозило развитие русской промышленности, мешая ей подняться до уровня передовых капиталистических стран, до степени развитости их военно-промышленных потенциалов, с которыми они вступили в первую мировую войну? Причин можно найти немало, но главными из них являются, на наш взгляд, следующие:

Во-первых, наличие феодально-крепостнических пережитков в народном хозяйстве России и прежде всего в сельском хозяйстве, мешавших развитию капиталистической предприимчивости и вовлечению в промышленный оборот на основе перемещения капиталов огромных богатств земли и ее недр, находившихся в монопольной собственности помещиков, монастырей, представителей царской фамилии и т. д.

Во-вторых, недооценка роли промышленного фактора в укреплении военно-экономического потенциала страны правящими кругами России и их теоретическими оруженосцами (Блюх, Гулевич, Туган-Барановский, Струве и др.), считавшими основой военно-экономической устойчивости России не высокоразвитую промышленность и прежде всего промышленность, изготовляющую средства производства, а отсталое земледелие, торговлю и деньги.

В-третьих, не в меру благосклонное отношение царского правительства к притоку иностранного капитала, сумевшего за сравнительно короткий промежуток времени подчинить своему влиянию важнейшие отрасли русской промышленности и направить их развитие не по пути повышения индустриального уровня России, а по пути закрепления за ней технико-экономической отсталости, по пути превращения ее в свой аграрно-сырьевой придаток, в объект хищнической эксплуатации ее природных богатств и живого человеческого труда.

Совокупность этих причин явилась главным источником, породившим экономическую и промышленную слабость России. Эта слабость особенно резко проявилась в годы войны, когда к отечественной промышленности были предъявлены со стороны армии и тыла такие требования, справиться с которыми она оказалась неспособной, несмотря на максимальное напряжение всего ее производственно-технического аппарата.

ГЛАВА 2

ХАРАКТЕР И РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (МОБИЛИЗАЦИИ) ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА УДОВЛЕТВОРЕНИЕ НУЖД ВОЙНЫ

С началом войны, по мере того как между русской и немецкой армиями начали развиваться крупные боевые действия, слабость русской промышленности и степень неподготовленности ее к обслуживанию нужд войны проявились со всей очевидностью. Особенно это обнаружилось в нарастающей изо дня в день *диспропорции между спросом на средства боевого и материального снабжения армии и возможностью покрытия этого спроса за счет внутреннего производства*. Так, на один из видов массового вооружения армии — винтовки спрос со стороны военного ведомства определился уже в первый период мобилизации (т. е. в первые месяцы войны) в 5 млн. штук¹, в то время как внутреннее производство их составляло к началу войны, при максимальной производительности всех отечественных оружейных заводов, не более 525 тыс. в год². Образовавшийся дефицит в винтовках пришлось покрывать если не полностью, то в значительной мере за счет поступлений из-за границы.

---

¹ См. «Научно-технический вестник» № 6, 1921 г., стр. 4 (ст. С. Ванкова «О состоянии нашей металлообрабатывающей промышленности к началу войны 1914 г. и во время войны»).

² По сообщению генерала Маниковского, фактическая производительность этих заводов перед войной составляла: в 1911 г. — 36 967 винтовок, или 7% их производственной мощности, в 1912 г. соответственно — 47 157, или 9%, в 1913 г. — 65 044, или 12%.

Какова была доля заграничных винтовок в общем их поступлении на вооружение русской армии, видно из следующей таблицы, составленной по данным Главного артиллерийского управления по состоянию на 1 января 1916 г.¹

Всего поступило (в штуках)	С отечествен- ных заводов	Из-за границы, в том числе		
		из Франции	из Америки	из Японии
1 547 976	867 806	118 180	80 310	481 680

Из этих данных видно, что отечественная промышленность изготовила немногим более 50% общего количества винтовок, поступивших на вооружение русской армии. Остальные 50% были закуплены за границей. Всего же за годы войны на иностранном рынке было закуплено более 5 млн. винтовок из общего количества 11 375 тыс. штук, поступивших на вооружение русской армии. Только на период с 1 июля 1916 г. по 1 июля 1917 г. потребность в винтовках исчислялась военным ведомством в 6 млн. штук, из коих на долю внутреннего производства падало лишь 1814 тыс.²

Аналогичное положение было и с пулеметами, которых поступило на вооружение русской армии по состоянию на 1 января 1916 г. всего лишь 6094 штуки, что вместе с имевшимися запасами составляло не больше 1,5 пулемета на тысячу штыков. В дальнейшем в связи с расширением внутреннего производства пулеметов с 1184 штук в 1914 г. до 11 500 штук в 1917 г., а также массовыми закупками их за границей эта норма была доведена до 6,2 пулемета на тысячу штыков. Но она отставала все же от норм западноевропейских армий, имевших: французская — 8,7 пулемета на тысячу штыков, бельгийская — 14,9, сербская — 7,2 и т. д.³

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 178, л. 2.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 70, л. 54.

³ См. А. А. Маниковский, Боевое снабжение русской армии в мировую войну, т. 2, М.—Л. 1930, стр. 253—256.

По производству пулеметов Россия отставала не только от Германии, но и от своих союзников, что видно из следующей таблицы ¹:

**Производство станковых пулеметов в России, Германии, Англии
и Франции**
(в штуках)

Годы	Россия	Германия	Франция	Англия
1915	4 250	8 000	6 000	6 064
1916	11 400	29 000	20 000	33 200
1917	11 500	102 000	30 000	79 400

Из этих данных видно, что если Россия увеличила с 1915 по 1917 г. выпуск пулеметов только в 2,7 раза, то Германия — почти в 13 раз, Франция — в 5, Англия — в 13 с лишним раз, причем во всех странах исходный базис был значительно выше, чем в России, а численность армий — меньше. Этим, собственно, и определился более высокий уровень насыщенности армий указанных стран пулеметами.

Русская армия ввиду низкого уровня внутреннего производства пулеметов и нерегулярного поступления их от союзников, стремившихся прежде всего обеспечить свои собственные потребности в средствах ведения войны, не выходила из состояния пулеметного «голода».

Даже Родзянко вынужден был признать на заседании Особого совещания по обороне 21 января 1917 г., что пулеметов на фронте было крайне недостаточно и русская армия была снабжена ими гораздо хуже, чем армия противника. Между тем, как ни парадоксально, но полицейские команды, по свидетельству того же Родзянко, были снабжены пулеметами (для поддержания «порядка» в тылу) в большем количестве, чем воинские подразделения на фронте ².

Что касается ружейных и пулеметных патронов, то производство их было налажено в довоенное время всего

¹ ЦГВИА, Личный архив генерала Барсукова, а также его статья в журнале «Война и революция», 1928 г., кн. 9, стр. 16; кн. 10, стр. 21 и др.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 183, л. 45.

лишь на двух казенных и на одном частном заводах. Производственная мощность этих заводов не превышала 300 млн. патронов в год, в то время как среднегодовая потребность в них составляла 2400 млн. в 1916 г. и 4200 млн.— в 1917 г. Хотя производство патронов и было увеличено во время войны (до 1150 млн. в 1916 г.), тем не менее разрыв между спросом и возможностью удовлетворения этого спроса за счет внутреннего производства был колоссален. Царское правительство и в этом случае прибегло к помощи заграничного рынка, главным образом английского и американского, закупив там за последние два года войны до 5780 млн. патронов на общую сумму 492 млн. золотых рублей¹.

Огромные требования были предъявлены и к снарядному производству, но последнее не обладало скольконибудь достаточными возможностями для их удовлетворения. В первые месяцы войны выпуском снарядов занималось очень ограниченное количество заводов. По мере развертывания военных действий и увеличения спроса на эту продукцию военное ведомство привлекло к производству снарядов значительное количество частных заводов: для производства шрапнелей — 25 заводов, для производства гранат — 17 заводов. Кроме того, привлечены были для производства снарядов заводы, объединявшиеся Центральным военнопромышленным комитетом и Всероссийским союзом земств и городов. Всего к производству предметов артиллерийского снабжения было привлечено по состоянию на 11 августа 1915 г. 138 предприятий, из коих частных было 131 предприятие².

За время войны в предприятиях отечественной промышленности было изготовлено 54 млн. 3-дюймовых снарядов и около 12 млн. снарядов средних калибров³. При этом на долю частной промышленности приходилось 83,4%, а на долю казенной — 16,6%⁴. Однако произведенных на отечественных заводах снарядов оказалось недостаточно для покрытия потребностей фронта. В силу этого царское правительство вынуждено было, как и по

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 70, л. 106.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 195, л. 40—43.

³ См. А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в мировую войну, т. 1, М.—Л. 1930, стр. 361.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 154, л. 4.

другим предметам вооружения, прибегнуть к заграничному рынку, закупив там за время войны только для горных и полевых 3-дюймовых пушек 5774 тыс. снарядов на сумму 308 800 тыс. золотых рублей¹.

Русская артиллерия, всегда славившаяся своими боевыми качествами, в количественном отношении и по массе огня, выбрасываемого в единицу времени, не могла соперничать с артиллерией германской армии, имевшей уже в самом начале войны 13 476 орудий всех калибров против 7088 орудий, которыми располагала русская армия². Русские артиллерийские заводы выпускали преимущественно легкие орудия (3-дюймовые и 6-дюймовые пушки, 48-миллиметровые полевые гаубицы, 57-миллиметровые канонерные, горные, полевые пушки) и очень мало тяжелых орудий, особенно орудий осадного типа. 1394 тяжелым орудиям, в том числе 996 орудиям осадного типа, с которыми начала войну германская армия, русская армия смогла противопоставить всего лишь 240 тяжелых орудий и ни одного орудия осадного типа³.

Хотя за годы войны производство тяжелой артиллерии в России и было увеличено примерно в 7 раз, но оно сильно отставало от производства тяжелой артиллерии в Германии. В 1917 г. германская армия располагала 7862 тяжелыми орудиями, в то время как в русской армии их было всего 1430⁴. Это заставило царское правительство снова обратиться к иностранному рынку и закупить там несколько сот орудий разных калибров на сумму 462 390 тыс. руб., в том числе в США и Англии — на сумму 387 850 тыс. руб.⁵

Но это не смягчило остроты «голода» в артиллерии, особенно в тяжелой. Между тем тяжелая и, в частности, осадная артиллерия играла в период первой мировой войны настолько важную роль, что без ее помощи (учитывая позиционный характер войны) была немислима никакая наступательная инициатива, требующая устройства

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 70, л. 105.

² См. *Е. Барсуков*, Подготовка России к войне в артиллерийском отношении, М. 1926, стр. 114.

³ См. там же.

⁴ См. *Е. Барсуков*, Русская артиллерия в мировую войну, т. 1, М. 1938, стр. 281.

⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 70, л. 105.

прорывов, т. е. подавления на значительной части фронта не только живой силы противника и уничтожения его артиллерии, но и разрушения всех тех заградительных и оборонительных сооружений, которые возводились по правилам современной фортификации в расчете на длительную и устойчивую оборону.

По насыщенности воинских частей тяжелой артиллерией Россия уступала не только Германии, Англии, Франции и Италии, но и Румынии, которая имела на каждую тысячу штыков 1,3 орудия против одного орудия в русской армии. То же самое относится и к легкой артиллерии, которой русская армия была вооружена относительно хуже, чем армии маленькой Сербии и Болгарии. По данным Маниковского, на тысячу штыков в ноябре 1916 г. приходилось легких пушек: в Бельгии — 5, в Сербии — 4,2, в Австрии — 4,2, во Франции — 4, в Англии — 3,8, в Италии — 3,7, в Болгарии — 3,5, в Германии — 3,5, в России — 3,1¹.

Еще более резко отставала Россия по ежедневному производству снарядов, которое в ноябре 1916 г. составляло в расчете на тысячу штыков: 7 тяжелых и 45 легких против 38 тяжелых и 137 легких снарядов — во Франции, 83 тяжелых и 170 легких — в Англии, 18 тяжелых и 89 легких — в Италии². В огромной степени отставала Россия в производстве снарядов от Германии, которая за время войны израсходовала 272 млн. снарядов, или в 5,5 раза больше, чем Россия³.

Говоря о вооруженности воевавших армий, Ллойд-Джордж не без основания указывал, что «военное снаряжение русской армии по части пушек, винтовок, пулеметов, снарядов и транспортных средств было хуже, чем у всех, и по этой причине русских били более малочисленные противники, часто уступавшие русским по своим боевым качествам»⁴. По его справедливому замечанию, «русские армии шли на убой под удары превосходной германской артиллерии и не были в состоянии оказать какое-либо сопротивление»⁵.

¹ См. А. А. Маниковский, Боевое снабжение русской армии в мировую войну, т. 2, стр. 253—254.

² См. там же.

³ См. Е. Барсуков, Русская артиллерия в мировую войну, т. 2, М. 1940, стр. 448.

⁴ Д. Ллойд-Джордж, Военные мемуары, т. 1—2, 1935, стр. 318.

⁵ Там же, стр. 323.

Еще более тяжелым было положение России в отношении продуктов химической промышленности. Если производство винтовок, пулеметов, снарядов и пушек было хотя и слабо, но все-таки налажено на отечественных военных и гражданских заводах, то в отношении химических продуктов и этого сказать нельзя. Известно, что химическая промышленность России была не только отсталой в техническом отношении, но и зависимой от иностранной, главным образом германской, химической промышленности.

Работая на привозных полуфабрикатах и сырье, она не могла справиться с теми огромными заданиями, которые выдвинула перед ней война. Война предъявила к химической промышленности колоссальные требования на взрывчатые вещества, на средства газовой войны, на фармацевтические и синтетические продукты. Однако эти требования отечественная химическая промышленность не в состоянии была удовлетворить, поскольку она не располагала ни достаточной сырьевой базой, ни, тем более, современным производственно-техническим аппаратом.

Но, помимо указанных видов вооружения и снаряжения, первая мировая война предъявила требования и на такой вид вооружения армии, как авиация, по которой немецкая армия значительно превосходила русскую армию, имевшую в 1914 г. всего лишь 310 аэропланов отечественного производства ¹.

По программе, разработанной спустя три года после начала военных действий, общая потребность русской армии в самолетах по состоянию на 1 июля 1917 г. исчислялась в 6113 штук ². К моменту составления программы Россия имела уже 1500 самолетов, из коих более 1 тыс. купленных за границей, 1766 самолетов предполагалось изготовить внутри страны, а образовавшийся дефицит покрыть за счет заграничных заказов. Однако позднее выяснилось, что союзники не могли больше поставить ни одного самолета.

Все это говорит о том, что *масштабы войны, ее затяжной характер и общее количество людей, призванных в армию (около 15 млн. человек), оказались в вопиющем*

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 201.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 70, л. 18.

несоответствии с производственно-техническими возможностями русской промышленности. Это несоответствие особенно усилилось в связи с выпадением из промышленного потенциала страны значительного количества промышленных предприятий, оказавшихся в самом начале войны на территории, оккупированной немецкими войсками. В одном только Варшавском округе насчитывалось 4189 предприятий с количеством рабочих 353,4 тыс. человек, из которых лишь незначительная часть была эвакуирована в глубь страны, а большая часть осталась на месте и работала на неприятеля. Уже одно это уменьшило производственные возможности русской промышленности почти на 20%, а по отдельным отраслям и того больше: по химической промышленности — на 22%, по текстильной — на 26%¹.

Выпадение из сферы промышленного производства России такого огромного количества промышленных предприятий не могло не сказаться на военнопromышленном потенциале страны, который и без того не отличался особой прочностью. Это еще больше ухудшило дело боевого и материально-технического снабжения русской армии, брошенной в угоду русским и иностранным империалистам в неравную борьбу с вооруженными до зубов немецкими войсками.

Как уже отмечалось выше, немецкие империалисты, готовясь на протяжении многих лет к первой мировой войне, проделали огромную работу по приспособлению своей промышленности к обслуживанию нужд войны. Они еще перед войной провели целый ряд мероприятий по сырьевому обеспечению промышленности на случай войны, и в известной мере имела место подготовка гражданской, т. е. частной, промышленности к переходу на военное производство. В результате этого германская промышленность изготовила за время войны такое количество орудий, что в германском тылу образовались к концу войны огромные запасы совершенно новых полевых пушек. В одном только кельнском военном складе было обнаружено летом 1918 г. до 3500 новых полевых пушек, до 2500 новых полевых гаубиц². Такие масштабы

---

¹ См. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. 1, 1927, стр. 77, 78; В. Гриневецкий, Послевоенные перспективы русской промышленности, М. 1919, стр. 41.

² E. Wrisberg, Wehr und Waffen, S. 18.

военного производства возможны были только при наличии высокоразвитой промышленности и особенно тех ее отраслей, которые изготавливают металл, машины, добывают топливо, обеспечивают бесперебойную работу транспорта и т. д.

Ллойд-Джордж не без основания отмечал, что своими временными успехами в войне 1914—1918 гг. Германия обязана была своему исключительному превосходству в области выработки металла, а также густоте железнодорожных линий, позволивших Германии осуществлять не только бесперебойный подвоз промышленным предприятиям металла и топлива, а армии — предметов боевого и материально-технического снабжения, но и производить быстрые перегруппировки (перевоски) войсковых соединений, что при наличии двух фронтов имело для немецкого командования особо важное значение.

Производя стали больше, чем все ее противники, вместе взятые¹, Германия в то же время использовала в войне с ними не только свои колоссальные металлические ресурсы, но и ресурсы других стран, в частности «нейтральной» Швеции, специализировавшейся на выплавке высококачественных сталей.

Представитель Министерства финансов России И. И. Колышко, ездивший во время войны в Швецию, заявил, что последняя была для Германии одним из крупных поставщиков стали, меди, никеля и железной руды. По его утверждению, Германия, вывозившая перед войной из Швеции около 3 млн. т шведской руды, в начале войны увеличила эту цифру до 6 млн. т². Об этом же писалось и в немецкой печати, по свидетельству которой Германия закупила у Швеции лишь за последние два года войны 2800 тыс. т железа³.

Помимо шведской руды, содержащей около 75%¹ фосфористого железа, удешевляющего производство стали (по методу Томаса), Германия использовала также и американский металлический рынок, откуда она ввозила вплоть до 1916 г. около 177 тыс. т меди в год,

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 97, л. 49.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 97, л. 52.

³ «Nachrichten der Auslandspress», Berlin, 24. VII 1919.

или свыше 85% всей меди, ввозившейся Германией из-за границы¹.

Ясно, что металл, как основа развития машинного производства, имел в условиях войны огромное, если не решающее значение. В проблему металла упиралось по существу массовое изготовление не только средств разрушения, но и средств производства, без которых немислимо длительное ведение войны и поддержание нормального ритма экономической жизни.

Первая мировая война показала, что в отличие от прежних войн, соответствовавших по своему техническому характеру мануфактурному периоду развития капитализма, данная война была уже в полном смысле этого слова машинной войной, соответствовавшей машинному характеру производства. Более того, эта война доказала, что между военным могуществом страны и ее индустриальным развитием существует (вопреки отсталым взглядам Блюха, Гулевича, Туган-Барановского, Мигулина и др.) прямая связь: чем выше промышленное развитие страны, тем при прочих равных условиях выше ее военная мощь и тем грознее сила, которую она в состоянии обрушить на своего противника, чтобы сокрушить его. Всесокрушающая стихия войны, по выражению Клаузевица, есть не что иное, как грозное оружие, как «страшный боевой меч, требующий, чтобы его подняли обеими руками, напрягая все силы для нанесения одного окончательного удара»².

Именно на такой быстрый и всесокрушающий удар рассчитывала кайзеровская Германия, вступившая в первую мировую войну с высокоразвитой промышленностью, обеспечившей немецкой армии колоссальное техническое превосходство над русской армией. Обладая этим превосходством, немецкая армия одержала ряд крупных побед на Восточном фронте. Известно, например, какое впечатление на всю Европу произвело выигранное немецкой армией сражение в Галиции (1915 г.), когда она тысячами своих тяжелых и полевых орудий, изготовленных на заводах Круппа, Тиссена, Эргардта и др., буквально выжгла на Дунайце русский фронт на значительном протяжении и заставила плохо вооруженную

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 97, л. 55.

² К. Клаузевиц, О войне, т. II, М. 1941, стр. 334.

русскую армию очистить не только всю Галицию, но и Польшу. В районе Дунайца немцы выпустили по русским позициям за какие-нибудь четыре часа 1700 тыс. снарядов, или в 2 раза больше, чем за всю франко-прусскую войну 1870—1871 гг. (817 тыс. снарядов)¹. Пользуясь своим техническим превосходством, особенно в части артиллерийского вооружения, немецкая армия могла буквально вспахивать поля сражений градом металла, равнять с землей окопы и сооружения, хороня под ними оборонявшиеся части русской армии.

Правящие круги царской России, не сделав всего необходимого для укрепления военнопромышленного потенциала страны в мирное время, пытались «наверстать» упущенное в ходе войны, выдвинув лозунг о «мобилизации», т. е. о перестройке промышленности на рельсы военного производства, о выявлении дополнительных возможностей для увеличения выпуска предметов боевого и материально-технического снабжения армии. С этой целью военный министр Поливанов в мае 1915 г. дал всем руководителям губернских и земских управ указание выяснить, «какие заводы и фабрики или хотя бы менее значительные промышленные заведения могли бы быть использованы для нужд государственной обороны»².

Было направлено также письмо на имя председателя Совета съездов представителей торговли и промышленности, в котором указывалось: «Для усиления снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия необходимо привлечь всю частную промышленность, способную производить артиллерийские снаряды, взрывчатые и дистанционные трубки к ним, станки для обточки этих предметов, зарядные ящики, артиллерийские колеса, ручные гранаты, колючую проволоку, носильный шанцевый инструмент, малые лопаты, топоры, кирко-мотыги и предметы интендантского снаряжения — повозки, подковы и пр.»³

Начавшаяся перестройка промышленности дала, конечно, некоторые результаты. Так, по состоянию на 11 августа 1915 г. количество частных артиллерийских заводов, работавших на нужды войны, увеличилось до

---

¹ См. «Экономическое обозрение», кн. 1, 1916 г., стр. 19.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 96, л. 20—21.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 96, л. 20.

131 (вместо 75, работавших до войны), количество частных военнотехнических заводов увеличилось до 254 (вместо 125), а количество частных интендантских заводов и фирм составило 575 (вместо 169) ¹.

Однако увеличению количества заводов, работавших на войну, способствовали не столько мобилизационные мероприятия правительственных органов, сколько погоня промышленной буржуазии за сверхприбылями, получаемыми от военных поставок.

Быстрее других переключились на выпуск военной продукции казенные заводы, имевшие для этого и соответствующий опыт и производственные мощности, использовавшиеся перед войной далеко не достаточно. Так, Тульский оружейный завод, выпускавший в 1914 г. всего лишь 700 пулеметов в год, увеличил их выпуск до 1200 штук в 1916 г. ², а производство винтовок соответственно — с 46 тыс. до 650 тыс. штук ³.

Такое же положение наблюдалось и на некоторых других казенных военных заводах, в частности на Сестрорецком оружейном заводе, где в августе и даже в сентябре 1914 г. выпуск винтовок был равен нулю, а начиная с октября 1914 г. стало выпускаться:

в октябре 1914 г.	1130	винтовок
» декабре »	2780	»
» марте 1915 г.	3100	»
» мае »	5330	»
» августе »	8000	»
» сентябре »	7470	»

Ижевский оружейный завод, работавший до войны с нагрузкой не более 10—15%, и во время войны не сразу начал работать с полной нагрузкой ⁴.

Что касается предприятий частной промышленности, то наибольшую расторопность в приспособлении своих

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 195, л. 59.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, л. 8.

³ См. «Военная наука и революция», кн. 1, 1922 г., стр. 144.

⁴ Этому мешало, в частности то обстоятельство, что закупленные за границей станки пролежали продолжительное время на Петроградской таможне, что, как отмечали некоторые члены Особого совещания по обороне, нанесло «существенный ущерб делу развития производительности Ижевского завода» (ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 51, л. 102).

производств к выпуску военной продукции проявили те из них, которые располагали для этого всеми необходимыми техническими, производственными, финансовыми и материальными возможностями. К их числу относятся прежде всего крупные предприятия (Коломенский и Сормовский заводы, заводы Густава Листа, Донецкое и Краматорское металлургические общества, Общество Мальцевских заводов, Южно-русское Днепроовское общество, товарищество Кольчугина, предприятия Рябушинского, Саввы и Викулы Морозовых, Второва, компания Зингера, общество «Динамо» и др.), обладавшие не только значительными материальными фондами промышленности (оборудование, сырье, топливо и т. д.), но и денежными средствами банков, в содружестве с которыми они проводили свою работу (как, например, Путиловский завод с Русско-азиатским банком). Эти предприятия могли с меньшими издержками времени и большей производственной эффективностью перестроиться на выпуск военной продукции, не прибегая к чьему-либо содействию.

Хозяева этих предприятий в предчувствии большой выгоды от выполнения военных заказов добровольно объявили себя «мобилизованными» для работы «на нужды обороны» и делали все от них зависящее, чтобы максимально использовать производственные мощности своих заводов (зачастую в ущерб основному профилю завода). Особенно это обнаружилось в производстве снарядов, выгодность изготовления которых заставляла предпринимателей сворачивать свои основные производства и переключаться на массовое изготовление снарядов. Так, Коломенский завод, занимавшийся изготовлением дизелей для подводных лодок, прекратил их производство в начале 1916 г. и начал выпускать снаряды. То же самое произошло и с Сормовским заводом, который за счет свертывания своего основного производства — выпуска паровозов и вагонов — начал усиленно выпускать артиллерийские снаряды. Невский судостроительный завод, занимавшийся выпуском военных судов и подводных лодок, в значительной мере переключился на выпуск 3-дюймовых шрапнелей. Обследовавшая этот завод наблюдательная комиссия Особого совещания по обороне под председательством Гучкова (сентябрь 1915 г.) установила, что завод не выполнил заказа морского ведомства на поставку военных кораблей, зато он перевыполнил за-

каз Главного артиллерийского управления на снаряды, поскольку это было более прибыльным делом. Заказанные этому заводу миноносцы «Громкий» и «Поспешный» были сданы морскому ведомству с опозданием на 16 месяцев, а три подводные лодки для Черноморского флота — с опозданием на 27 месяцев¹.

Электротехнический завод акционерного общества «Сименс и Шуккерт» обязан был поставить по 10 контрактам, заключенным еще в 1912 и в 1913 гг., 98 прожекторов с повозками. Однако ни один из этих контрактов не был выполнен до 12 марта 1916 г., ибо, как констатировала наблюдательная комиссия Особого совещания по обороне, завод переключился с производства своей основной продукции (электротехническая аппаратура) на производство снарядов².

В перестройку своих производств на выпуск военной продукции втянулись не только предприятия, имевшие для этого необходимый опыт и соответствующую производственно-техническую базу, но и предприятия, не имевшие никакого опыта в организации военного производства. Так, завод Международной компании жатвенных машин в Люберцах, завод Гельферих-Саде в Харькове и ряд других заводов сельскохозяйственного машиностроения целиком переключились на выполнение военных заказов, прекратив производство сельскохозяйственных машин.

Даже хлопчатобумажные фабрики организовали в своих механических мастерских изготовление ручных гранат, обточку снарядов и пр. Иваново-Вознесенские текстильные фабрики, Никольская и Орехово-Зуевская мануфактуры Саввы Морозова, Курские сахарные заводы, даже фирма «Фаберже и Хлебников», изготавливавшая серебряные изделия, перестраивались на выпуск бомбометов, снарядов, кухонь-повозок, гранат и т. д.

Стихийность в переключении промышленных производств на выполнение выгодных военных заказов, часто в ущерб основному профилю этих производств, не только вела к нерациональному использованию основных и оборотных фондов промышленности (и без того весьма недостаточных), но и исключала вследствие неравномерной загрузки производственных мощностей возможность

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 6, л. 20.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 41, л. 299—300.

покрытия потребностей армии в средствах ведения войны за счет внутреннего производства. Ввиду этого надежды некоторых высокопоставленных правительственных учреждений и лиц закончить войну за счет внутренних ресурсов (т. е. имевшихся запасов и текущего пополнения их в ходе войны), прибегая к помощи извне «лишь в крайнем случае»¹, провалились полностью. Запасов мирного времени хватило всего лишь на первые четыре месяца войны. Уже в сентябре и особенно в октябре 1914 г. в Ставку верховного главнокомандующего и в адрес военного министра посыпались телеграммы с фронта, сигнализовавшие о катастрофическом положении со снарядами и другими видами боевого снабжения армии, осуществлявшей в то время наступательные операции против австро-германских объединенных сил.

Не оправдались надежды и промышленной буржуазии, мечтавшей справиться с исполнением выгодных военных заказов собственными силами, не упуская ни одного из них за границу. На втором съезде военнопромышленных комитетов представитель промышленной буржуазии профессор Саввин так и заявил, что Россия «в деле снабжения своей армии всем необходимым должна рассчитывать только на свои собственные силы... Пусть в деле изготовления средств обороны... исчезнет навсегда практика передачи военных заказов за границу»². Этого же требовало и значительное количество членов Особого совещания по обороне, в журнале которого от 12 июля 1915 г. было записано: «Все предметы государственной обороны должны изготовляться по мере возможности на отечественных заводах»³.

Но это были только мечты и прожектерство, не имевшие под собой никакой реальной базы. *Россия не могла при тогдашнем уровне своего промышленного развития удовлетворить потребности войны силами своего внутреннего производства без его существенного расширения и совершенствования.* Именно поэтому-то царское прави-

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 51, л. 95.

² «Труды второго съезда представителей военнопромышленных комитетов 26—29 февраля 1916 г.», вып. 2, стр. 442—443; «Труды первого съезда представителей металлообрабатывающей промышленности 29 февраля—1 марта 1916 года», Пгр. 1916, стр. 79.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 51, л. 95.

тельство и вынуждено было всякий раз обращаться за помощью к союзникам, расписываясь тем самым в своей несостоятельности решить проблему боевого снабжения армии за счет внутренних ресурсов, «прибегая к помощи извне лишь в крайнем случае».

Но *помощь союзников была слишком дорогостоящей, кабальной и несвоевременной*. Так, английские фирмы предложили в начале войны закупить у них 12 млн. снарядов с условием поставить их лишь к концу 1916 г., тогда как они нужны были к 1 апреля 1915 г.¹ Это явно невыгодное предложение английских фирм начальник штаба главковерха генерал Янушкевич предлагал все же принять, ссылаясь на то, что «отклонение русским правительством предложения англичан на поставку снарядов может в случае неудач из-за недостатка снарядов вызвать нападки со стороны союзников»².

Таким образом, не заботой об укреплении русской промышленности руководствовался Янушкевич, а угодничеством перед иностранными фирмами, зарабатывавшими на поставках вооружения в Россию огромные барыши. Даже Родзянко, который мало чем отличался от монархиста Янушкевича, считал, что принятие подобных предложений «противоречит интересам казны и делу снабжения армии»³.

Политика ориентации на иностранный рынок привела не только к хищническому использованию валютных накоплений и к задержке развития отечественной промышленности, но и к целому ряду других отрицательных последствий. Сюда относятся прежде всего трудности, связанные с точностью выполнения русских военных заказов, с их освоением и приспособлением к условиям вооруженности русской армии в смысле калибров, систем и т. д. Известно, что ни с одним русским военным заказом, за исключением заказов на топоры и кирко-мотыги, иностранные фирмы, в том числе и американские, не справились самостоятельно. Пришлось, как сообщает генерал Маниковский, посылать туда под видом приемщиков русских инженеров, и только под их руководством удалось наладить исполнение военных заказов России⁴.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 29, л. 103.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 29, л. 102.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 51, л. 89.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, л. 2.

Так, французский завод Шнейдера и заводы Канадской компании долго не могли справиться с изготовлением русских заказов на 22-секундные трубки, патроны к 3-дюймовым пушкам. Выполнение этих заказов было налажено на указанных заводах лишь после того, как туда выехали русские инженеры-артиллеристы Гермониус и Плазовский¹.

Заказы поступали в Россию не всегда комплектно, не всегда нужного качества и, как уже указывалось, с большим опозданием. Правда, в последнем повинны были не только иностранные фирмы, не особенно торопившиеся с исполнением русских военных заказов, но и сами заказчики (Военное министерство и Министерство торговли и промышленности), которые месяцами не вывозили со складов иностранных фирм изготовленное вооружение, что еще больше удорожало его стоимость и снижало эффективность использования его в военных действиях. На это указывалось, в частности, в секретном письме военного министра Поливанова, адресованном (конец 1915 г.) на имя министра торговли и промышленности князя Шаховского: «...в настоящее время в американских портах накопилось весьма значительное количество военных грузов, подлежащих срочной отправке в Россию. Между тем... под названные грузы ни Добровольным флотом, ни Русско-азиатским обществом пароходы не предоставляются, что вызывает серьезную задержку в отправке их и в случае непринятия экстренных мер угрожает совершенным прекращением транспорта столь важных военных заказов» (речь шла о взрывчатых веществах, вин-

---

¹ Аналогичное положение наблюдалось и на многих предприятиях отечественной промышленности, которые, переключившись на выполнение выгодных военных заказов, не всегда справлялись с ними из-за их новизны и отсутствия опыта в производстве военной продукции. Так, член Центрального военнопромышленного комитета Д. Зернов заявил в Особом совещании по обороне, что одной из причин несвоевременного и недоброкачественного выполнения многих военных заказов является «их новизна, не говоря уже об отсутствии на заводах точных измерительных приборов, чертежей и пр.» (ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, л. 8). Об этом же говорил и Шингарев на заседании Особого совещания по обороне от 2 апреля 1916 г.: «Причины несвоевременного и не всегда доброкачественного исполнения военных заказов кроются главным образом в непригодности промышленных предприятий к нуждам обороны» (там же, л. 11).

товках, колючей проволоке, судовых двигателях, экскаваторах, грузовых машинах и т. д.)¹.

Характерно, что наряду с необходимыми и сложными в техническом отношении предметами импорта среди них были и такие, которые без особого труда можно было бы изготовить в России, не тратя значительных валютных фондов на покупку и транспортировку их из-за границы. К подобного рода предметам импорта относятся заказанные в США и Англии по заявке Главного военнотехнического управления топоры, кирко-мотыги общим количеством в 1 млн. штук на сумму 959 383 долл., 50 тыс. кавалерийских седел, 5900 тыс. касок на 21,9 млн. руб., 21 млн. пар кожаной обуви, около 1 млн. кожаных подошв, 10 млн. земленосных мешков и др.²

Благодаря отсутствию отечественной автотракторной промышленности царское правительство вынуждено было прибегнуть к большим закупкам автомобилей и тракторов за границей. По этой статье оно только за 15 месяцев войны (с 1 октября 1915 г. по 1 января 1917 г.) израсходовало более 170 млн. золотых рублей³.

Всего же за годы войны оно закупило за границей, преимущественно в США, автотракторного имущества (бронированных, грузовых, пассажирских автомобилей, тракторов, санитарных omnibusов, бронированных пулеметных автоповозок, автоцистерн, мотоциклов, кухонь, самокатов и т. д.) на сумму 450 млн. руб., в том числе бронированных автомобилей, тракторов и грузовиков для артиллерии на сумму 154,2 млн. руб.⁴.

Такого рода крупные заказы за границей ставили Россию в чрезвычайно трудное финансовое положение, истощали ее золотой фонд, а следовательно, ослабляли покупательную силу рубля. Вывоз золота и ввоз взамен его средств разрушения не увеличивали экономической мощи страны; зато они увеличивали капиталы иностранных фирм, поставлявших вооружение для России.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 78, л. 59.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 70, л. 82; оп. 1, д. 54, л. 81; д. 181, л. 198; д. 65, л. 64, 88 и др.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 87, л. 67—73.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 70, л. 107 (общая сумма заграничных заказов взята из ст. А. Сидорова, напечатанной в «Исторических записках» № 15, 1945 г., стр. 133).

Так, по данным Военного министерства России, на американском рынке было закуплено в годы войны различных предметов боевого и материально-технического снабжения армии на сумму около 1237 млн. руб. Если считать, что американские монополии получили от этих заказов только одну треть чистой прибыли (на самом деле они получили больше), то и при этих условиях они заработали на России более 400 млн. руб.

На поставках орудий смерти американские миллиардеры нажились больше всех и сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны. «На каждом долларе,— писал В. И. Ленин,— следы крови — из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных...»¹

На золото, которое текло из России и других стран в карманы американских промышленных и банковских дельцов, США построили и оборудовали много новых военных заводов, значительно укрепили и расширили свою гражданскую промышленность, т. е. провели, как отмечалось в докладе начальника ГАУ на имя военного министра, «генеральную мобилизацию своей промышленности за наш счет»².

Конечно, с США, как и с любой другой страной, можно и нужно было поддерживать экономические связи, но не ради закупок одного только вооружения и, тем более, предметов интендантского снабжения (земленосные мешки, кирко-мотыги, повозки, шанцевый инструмент и т. д.), которые могла бы производить и отечественная промышленность, а ради закупок новейших видов промышленного оборудования, станков и машин, необходимых для строительства новых заводов. Это могло бы сыграть весьма важную роль в укреплении экономических позиций России. Это не только обеспечило бы России определенную независимость от своих союзников в вопросах технического оснащения армии, но и создало бы условия для накопления денежных средств, поддержания курса рубля и постепенного сокращения иностранного ввоза как во время, так и после войны³.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 46.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, л. 1.

³ Нельзя не признать заслуживающими внимания высказывания в этой связи Литвинова-Фалинского (управляющий департаментом промышленности Министерства торговли и промышленности), ко-

Затянувшаяся война, слабость отечественного военно-промышленного потенциала, неудовлетворительные и дорогостоящие поставки вооружения из-за границы заставили начальника Главного артиллерийского управления генерала Маниковского (спустя два года после начала военных действий) выступить с предложением о необходимости строительства ряда казенных заводов, в т. ч. по производству важнейших видов вооружения. В докладе на имя военного министра генерала Шуваева он писал 20 октября 1916 г.: «Надо во что бы то ни стало избавиться по части боевого снабжения от иноземной зависимости и добиться того, чтобы наша армия все необходимое для нее получала у себя дома, внутри России»¹.

В соответствии с этим докладом в 1916 г. была разработана Главным артиллерийским управлением программа строительства 37 казенных заводов общей стоимостью около 607 млн. руб. Наряду с военными заводами программа предусматривала строительство Казанского и Башкирского нефтеперегонных заводов, машиностроительного завода в Туле, алюминиевого завода на черноморско-азовском побережье, сталелитейного завода в станице Каменской на Дону, хлопкоочистительного завода в Туркестане и др.² Однако этой программе не суждено было осуществиться. Против строительства казенных заводов выступили с резким протестом некоторые правительственные учреждения во главе с Министерством финансов и Министерством торговли и промышленности.

В связи с этим намеченная ГАУ сравнительно широкая программа нового промышленного строительства была провалена. На основании этих же возражений были провалены и отдельные частные предложения ГАУ, внесенные им в том же 1916 г. в Государственную думу. Так, например, одним из этих предложений предусматри-

---

торый в письме на имя Особого совещания по обороне от 2 ноября 1915 г. писал: «Если бы на те миллиарды рублей, которыми оцениваются наши заграничные заказы, в страну были ввезены не орудия разрушения, а орудия производства... то неблагоприятные финансовые последствия ввоза покрывались бы увеличением народнохозяйственной производительности» (цит. по А. А. Маниковский, Боевое снабжение русской армии в мировую войну, ч. 3, 1923, стр. 246).

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, л. 1.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, л. 11.

валось строительство нового казенного завода по производству взрывателей в городе Воронеже стоимостью 41,5 млн. руб., при производственной мощности, рассчитанной на выпуск 20 тыс. взрывателей в сутки, или 6 млн. в год¹.

Несмотря на возросший спрос на взрыватели во время войны и на состоявшееся решение Военного совета, признавшего целесообразным строительство указанного завода и определившего его стоимость, он не только не был построен, но и не был по существу принят к рассмотрению². В то же время царское правительство вынуждено было закупить в США (в течение последних двух лет войны) около 3 млн. взрывателей и уплатило за них 34,5 млн. руб.³, или немногим менее проектной стоимости указанного выше завода.

Возьмем далее предложение о строительстве завода оптических приборов в городе Изюме с годовой производительностью в 6 тыс. панорам, 24 тыс. биноклей, 2 тыс. больших стереотруб, 1 тыс. малых стереотруб и 2700 дальномеров общей стоимостью строительства в 4,8 млн. руб. В письме Военного министерства на имя Государственной думы от 31 октября 1916 г. указывалось на огромную роль оптических приборов в хозяйственной и особенно военной жизни страны, в то время как существовавшая до войны «отечественная оптическая промышленность не достигла необходимого развития и недостаточна для удовлетворения всех требований военного ведомства на оптические приборы»⁴.

Однако, несмотря на это, строительство завода не было начато, и снабжение страны оптическими приборами производилось за счет импорта.

Тормозя, а где можно и срывая строительство важных в хозяйственном и военном отношениях промышленных объектов, представители государственной власти в то же время не прочь были поболтать о решающем значении промышленности в условиях современной войны, особенно тех ее отраслей, которые заняты обслуживанием потребностей войны. Так, последний по счету военный министр царского правительства генерал Беляев,

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 166, л. 24—29.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 166, л. 29.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 70, л. 105.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 166, л. 35—37.

типичный, по характеристике его сослуживцев, столоначальник и узко ограниченный штабной чиновник¹, обещал, например, принять «самые решительные меры»² по обеспечению заводов, работающих на войну, топливом и другими элементами производства, но ничего конкретного не предпринял ни по расширению производительности этих заводов, ни по обеспечению их всеми необходимыми элементами производства (металл, топливо, оборудование и пр.).

Так же поступал и его предшественник генерал Поливанов, который на заседании Государственной думы 19 июля 1915 г. доказывал, что «если победа или поражение русской армии зависят от количества металла, который надо подвезти к полю сражения, то нам надо суметь настоять на развитии у нас тех видов промышленности, которые изготовляют предметы государственной обороны»³. Однако это заявление, как и заявление генерала Беляева, было всего лишь парламентской фразеологией. Во всяком случае ни со стороны Государственной думы, ни со стороны Особого совещания по обороне никаких серьезных мер по расширению и укреплению военнопромышленной мощи страны принято не было. Больше того, делая ставку на заграничные и на те немногие казенные заводы, которыми располагала Россия, и заваливая их многочисленными заказами, с которыми они не могли справиться, государственные власти России и их «регулирующие» органы в то же время недооценивали или, как жаловались промышленники, «игнорировали» роль частной отечественной промышленности в обеспечении потребностей войны. Это видно хотя бы из заявления одного из руководителей Центрального военнопромышленного комитета — Жуковского, который говорил, что «правительство игнорировало предложения промышленников и ориентировалось только на казенные заводы и заграничные заказы»⁴.

---

¹ См. показания генерала Шуваева в Чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве — «Падение царского режима», т. VII, М.—Л. 1927, стр. 284.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 180, л. 179.

³ «Стенографический отчет о заседании Государственной думы IV созыва от 19 июля 1915 г.», стр. 15.

⁴ «Труды второго съезда представителей военнопромышленных комитетов, 26—29 февраля 1916 г.», вып. II, стр. 445.

В отношении частной промышленности и приспособления ее к обслуживанию нужд войны царское правительство вообще занимало непоследовательную, двойственную, противоречивую позицию. Противоречивость и непоследовательность позиции царского правительства в отношении частной промышленности видна хотя бы из того, что, с одной стороны, оно декларировало через своих министров Протопопова, Шаховского и др. принцип невмешательства во внутренние дела частной промышленности и всячески ограждало незыблемость частнокапиталистической инициативы, а с другой стороны, оно делало попытки «обуздать» рваческие тенденции частных предпринимателей путем подчинения их деятельности государственному контролю, с наложением секвестра на предприятия, не выполняющие военных заказов, установления на них военного режима и т. д.

Милитаризация предприятий заключалась в том, что отдельные предприятия, главным образом казенные, переводились на военное положение, а личный состав этих предприятий зачислялся в разряд военнослужащих. Милитаризации промышленности добивался еще военный министр Поливанов, потребовавший от высших правительственных органов принятия решения о «проведении в жизнь милитаризации заводов, с распространением ее на всех лиц, работающих на этих заводах»¹.

Такое решение было по существу принято (хотя и не опубликовано), и в соответствии с ним был секвестрован и милитаризован Путиловский завод, переданный в ведение Главного артиллерийского управления². Кроме Путиловского и некоторых других русских заводов, были секвестрованы и милитаризованы некоторые немецкие заводы и акционерные общества, находившиеся в России. К их числу относятся металлургические предприятия фирмы «Кооперс», являвшиеся отделениями концерна «Эссен — Рур»³, машиностроительный завод братьев Клейн в Риге⁴, оптические заводы Герца и Цейса⁵, лесопильные заводы фирмы «Кон»⁶ и др.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 96, л. 222.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, л. 28, 38, 72.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 65, л. 83.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 65, л. 70, 98.

⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 65, л. 111.

⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, л. 175 и др.

Многие частные отечественные заводы (их количество доходило по состоянию на 15 сентября 1916 г. до 796) были взяты под особый надзор, который осуществлялся через специально прикрепленных к заводам инспекторов правительственных учреждений, устанавливавших для этих предприятий твердые цены, таксы, нормы снабжения сырьем, топливом и т. д.¹

На такой путь раньше, чем Россия, встали западные государства — Германия, Франция и Англия, где мобилизация промышленности сопровождалась ее милитаризацией и усилением государственного вмешательства в организационные и сбытовые функции предприятий. В этих странах почти полностью была запрещена торговля промышленными товарами производительного потребления. Под контроль органов государственной власти было передано управление транспортом, заготовки и распределение сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. В осуществлении подобных мероприятий особенно отличалась Германия, где по требованию военного ведомства промышленники вынуждены были «отказаться от исполнения заказов для частного рынка и от вывоза промышленных изделий в нейтральные страны»².

Степень вмешательства государства в промышленную жизнь страны, методы и формы военнопromышленного регулирования были, разумеется, неодинаковы во всех воевавших странах. Это обуславливалось прежде всего неравномерностью развития капитализма, усилившейся и обострившейся в эпоху империализма. Участники войны имели перед ее началом различные уровни промышленного развития, неодинаковую степень концентрации и монополизации производства и т. д. Все это не могло не сказаться на различии масштабов и форм государственного регулирования в годы войны.

Но разница здесь была только в этом, т. е. в количественном охвате, в формах, а не в существе регулирования. Существо регулирования было и там и тут одинаковым. Несмотря на внешне кажущееся различие и «радикализм» этого регулирования, оно повсюду было последовательным, поверхностным, не затрагивавшим коренных интересов промышленной буржуазии и основ частнокапиталистического производства. Это и понятно, ибо

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 33, л. 670—700.

² «Nachrichten der Auslandspress», 31. VIII. 1916.

буржуазное государство, являясь, по меткому определению Маркса, комитетом по заведыванию делами буржуазии, не могло встать на другой путь.

Даже в Германии, с ее развитой системой госкапитализма, высоким уровнем концентрации и монополизации производства, государственное вмешательство коснулось, по свидетельству профессора Диля, лишь сферы распределения предметов производительного потребления. Производство же этих предметов находилось в монопольном ведении самих хозяев¹. Это же положение подтверждает и другой источник, согласно которому, «чем дальше затягивалась война, тем сильнее чувствовалось отсутствие твердой воли, которая могла бы соответствовать особенностям настоящей войны»² (под отсутствием «твердой воли» разумелось, конечно, государственное регулирование, непоследовательность и слабость которого явились, по мнению данного источника, одной из причин развала народного хозяйства и промышленности Германии).

Но если регулирование и государственное вмешательство в сферу промышленного производства носили поверхностный характер в странах с более развитой системой госкапитализма, то что можно сказать о России, где государственно-монополистический капитализм не достиг еще высокой зрелости, где сращивание государственного аппарата с частнокапиталистическими монополиями не имело массового характера (особенно до Февральской революции) и где в руках государства была сосредоточена лишь небольшая группа казенных военных заводов, составлявших в общепромышленном производстве страны не более 15%.

Вследствие этого, а также в силу сопротивления промышленной буржуазии, поддерживаемой видными государственными деятелями (Сухомлинов, Протопопов, Шаховский и др.), государственное вмешательство в промышленное производство России было с народнохозяйственной и военно-экономической точек зрения совершенно ничтожным и малоэффективным.

Многие государственные деятели России, сами — крупные капиталисты, были первыми противниками ра-

¹ K. Diehl, Deutschland als Geschlossener Handelstaat im Weltkrieg, Stuttgart — Berlin 1915, S. 15

² «Handbuch und Politik», zweite Band, Berlin — Leipzig 1920, S. 225.

дикальных мер в области государственного регулирования и вмешательства в процесс материального производства. Об этом говорят, в частности, многократные заявления царского министра Протопопова, который, будучи крупным акционером Русского общества машиностроительных заводов Гартмана, решительно отстаивал частную инициативу, всячески ограждая ее от государственного вмешательства¹. Он торжественно клялся: «С молодых дней моих я связан с торговлей и промышленностью; там сокровище мое, там и сердце мое»². С этим заявлением царского министра-капиталиста связана и вся его практическая работа по охране интересов частнокапиталистической инициативы, которую он считал «существенной основой всякой жизни, институтом и упругостью нации».

С подобным взглядом на роль частной инициативы и на недопустимость ее регламентации со стороны государства связано также и решение девятого съезда представителей промышленности и торговли, в котором прямо указывалось, что «частная инициатива и предприимчивость должны находить себе широкую поддержку и поощрение. Всякие ограничения, сковывающие предприимчивость, должны быть уничтожены и навсегда преданы забвению»³.

Эти заявления промышленной буржуазии, поддержанные к тому же ее ставленниками в правительстве — Сухомлиновым, Протопоповым, Барком, Штюрмером и др., не могли не охладить пыла у сторонников «радикального» вмешательства в дела промышленного производства (главным образом из представителей военно-феодалных кругов), заставив их искать компромисса и «единения» с промышленниками, поскольку в их руках находились основные рычаги военной экономики России.

Но и промышленная буржуазия не хотела по существу ссориться с правительственными кругами, снабжавшими

---

¹ См. его выступления на заседаниях Государственной думы IV созыва в 1916 г., а также на первом съезде представителей металлообрабатывающей промышленности 29 февраля—1 марта 1916 г., Пгр. 1916, стр. 42; его показания Чрезвычайной следственной комиссии, приведенные в «Падении царского режима», т. 1, Л. 1924, стр. 116.

² «Труды первого съезда представителей металлообрабатывающей промышленности», стр. 110.

³ «Труды девятого съезда представителей промышленности и торговли», стр. 16.

ее весьма прибыльными военными заказами, ради получения которых она не только перестраивала свои производства и объявляла их мобилизованными на обслуживание нужд войны, но и шла под видом «единения» на всякого рода соглашения, компромиссы, личные унии с представителями государственной власти и т. д. Это давало ей возможность нейтрализовать, т. е. сводить на нет, любые попытки государственного вмешательства в промышленную деятельность, особенно в области установления так называемых предельных цен, норм и очередности перевозок металла, угля, нефти, хлопка и т. д.

При таком характере отношений между правительственными и промышленными кругами государственное регулирование не могло быть направлено на ослабление основ частнокапиталистической собственности, на ограничение и, тем более, на ликвидацию условий для роста эксплуатации наемного труда, роста спекуляции и прибылей капиталистов. Наоборот, государственное регулирование при капитализме является средством организованного наступления эксплуататорских классов на жизненные интересы рабочих и всех трудящихся, средством усиления их эксплуатации и обогащения капиталистических групп. В. И. Ленин указывал, что регулирование при капитализме, особенно в условиях войны, создает военную каторгу для рабочих и рай для капиталистов. Рабочих в условиях такого регулирования подтягивают вплоть до голода, а капиталистам обеспечивают «прибыли выше тех, какие были до войны»¹.

Иначе, как лицемерием, нельзя назвать утверждения апологетов капитализма (Прокопович, Гриневецкий, Гучков, Жуковский и др.) о том, что государственное регулирование в России во время войны создало будто бы «невыносимые» условия, ущемляющие интересы частнокапиталистической инициативы, и что это не только обострило «противоречия» между промышленной буржуазией и правительственными кругами, но и явилось одной из главных причин неудачного исхода мобилизации и регулирования промышленности. Конечно, это вздор. Основной и главной причиной неудачного исхода мобилизации и регулирования промышленности во время первой мировой войны явился сам капиталистический способ произ-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 309.

водства, базирующийся на антагонистических классовых противоречиях и развивающийся на основе стихийных экономических законов капитализма, со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями как для регулирования, так и для мобилизации промышленности.

Именно в силу этого обстоятельства (а не каких-либо других) царское, а вслед за ним и Временное правительство не могли не только создать централизованную систему государственного регулирования промышленной деятельности страны, но и установить сколько-нибудь действенный контроль за ходом военной перестройки промышленности, за распределением сырья и топлива между предприятиями, работавшими и не работавшими на войну, за установлением норм и расценок на производимую промышленную продукцию для целей войны и т. д. Все это вместе взятое оказало глубоко отрицательное влияние не только на процесс перестройки промышленности, но и на весь ход ее работы на нужды войны, на обеспечение армии средствами боевого и материально-технического снабжения¹.

* * *

Пытаясь усилить регулируемую роль государства в перестройке промышленности на обслуживание нужд

---

¹ В противоположность этому профессор М. И. Боголепов доказывал (см. его статью в сборнике «Народное хозяйство в 1915 г.», Пгр. 1918, стр. 7), что «распределительные функции государственной власти во время настоящей войны выросли и развились до весьма значительных размеров... Государственная практика выработала множество мер, клонящихся к тому, чтобы по возможности упорядочить течение жизни тыла».

Игнорируя действие экономических законов капитализма, в частности закона стоимости, являющегося регулятором капиталистического хозяйства, и переоценивая роль государственных мероприятий, особенно в вопросах мобилизации промышленности, профессор Боголепов утверждал, что мобилизация промышленности есть «совокупность государственных мероприятий, направленных к тому, чтобы организовать промышленность, труд, рынки сырья и сбыта во имя главной цели переживаемого момента» (там же, стр. 3).

На самом же деле мобилизация промышленности, как это вытекает из объективного анализа фактов, вылилась в карикатуру на мобилизацию, в «совокупность» бюрократических мероприятий, штамповавших задним числом стихийные процессы перестройки промышленности, происходившие под действием выгодно сложившейся конъюнктуры, обеспечивавшей капиталистам получение наивысших прибылей от выполнения военных заказов.

войны, царское правительство создало целый ряд координирующих организаций — особых совещаний, в задачу которых входило объединение усилий по укреплению промышленности и прежде всего по ее перестройке на военный лад. Главным координирующим и регулирующим органом было *Особое совещание по обороне*, созданное в мае 1915 г. во главе с военным министром как председателем этого Особого совещания. В состав Особого совещания были включены наиболее видные представители Государственного совета, Государственной думы (по 10 человек во главе с их председателями), представители общественных организаций буржуазии — Центрального военнопромышленного комитета (ЦВПК) и Союза земств и городов¹.

После совещания, которое состоялось 14 мая 1915 г., было утверждено специальное положение, согласно которому Особое совещание подчинялось непосредственно верховной власти (т. е. царю) и «никакое правительственное место или лицо не дает Особому совещанию предписаний и не может требовать от него отчетов»². Председателю Особого совещания предоставлялись обширные права, а именно:

а) наложение секвестра на движимое и недвижимое имущество;

б) отстранение от службы директоров и управляющих казенных и частных предприятий, изготовляющих предметы боевого снабжения, с возложением их обязанностей на других лиц, назначаемых председателем Особого совещания;

---

¹ Идея об организации Особого совещания, как сообщает о том А. А. Поливанов (см. его мемуары «Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907—1916 гг.», М. 1924), была впервые высказана известным промышленником Путиловым, по мнению которого создание такого учреждения из представителей законодательных органов и крупной промышленности не только улучшило бы дело боевого снабжения армии, но и передало бы в руки промышленников (что больше всего интересовало автора этой идеи) дело распределения военных заказов, получаемых от военного ведомства. В этом же духе рассуждал и председатель Государственной думы Родзянко.

Правительство же, подхватившее идею об организации Особого совещания, осуществило ее по-своему. Оно не захотело упустить из своих рук дело распределения военных заказов и создавать Особое совещание, подчиненное промышленной буржуазии.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 156, л. 3.

в) назначение общих и частных реквизиций оборудования, сырья, топлива, а также помещений для хранения грузов;

г) установление очередности в исполнении заказов, поставок и перевозок военных грузов;

д) изменение характера и объема производства предприятий с выдачей им в случае необходимости соответствующих авансов, пособий или ссуд из средств казны;

е) временное закрытие предприятий, не имеющих военного назначения и не исполняющих заказов военного и морского ведомств;

ж) определение размеров заработной платы в предприятиях, работающих на нужды войны¹.

Вместе с этими функциями председателю Особого совещания предоставлялось право контроля за деятельностью других ведомственных особых совещаний, как, например, по топливу, перевозкам и продовольствию².

Особое совещание по обороне было наделено не только правами регулирования производства предметов боевого снабжения армии внутри страны, но и правами регулирования закупок необходимого вооружения за границей. С этой целью им были созданы Русский правительственный комитет в Лондоне и Комитет по заготовлению предметов боевого и материального снабжения в США, на которые возлагались задачи размещения военных заказов среди иностранных фирм и наблюдения за ходом их выполнения.

Однако, несмотря на широкий перечень прав, предоставленных Особому совещанию по обороне, оно не смогло в условиях господства частной собственности на средства производства воспользоваться как следует ни

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 156, л. 4—5.

² На местах, преимущественно в крупных промышленных центрах, действовали заводские совещания, в задачу которых входило:

а) определение производственных возможностей и финансового состояния промышленных предприятий с целью распределения среди них заказов, передаваемых центром;

б) выяснение потребностей предприятий в средствах производства, инструкторах, сырье, топливе, техническом персонале, рабочей силе и транспортных средствах;

в) перемещение оборудования, материалов и рабочей силы из одних предприятий в другие в соответствии с производственно-техническими потребностями и срочностью выполнения военных заказов. (ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 2, л. 89).

одним из них. Как отмечалось, одной из основных задач Особого совещания по обороне было распределение и установление очередности в исполнении военных заказов и обеспечение всех необходимых условий для их своевременного исполнения. Между тем эта работа, от выполнения которой зависело снабжение армии вооружением и боеприпасами, протекала без всякого плана и контроля; распределение заказов между отечественными и иностранными фирмами происходило без соблюдения каких-либо принципов.

При распределении заказов Особое совещание по обороне сталкивалось с различными позициями заказчика и исполнителя промышленники, пользуясь сложившейся конъюнктурой, стремились получить как можно больше прибыли, а военное ведомство — как можно больше техники по ценам, не превышавшим довоенные. Правда, многие представители военного ведомства были либо соучастниками исполнения военных заказов, что не вызывало у них заинтересованности в понижении цен на изготавливаемую военную продукцию, либо, будучи подкуплены промышленными дельцами, находились в полной зависимости от последних.

Поэтому Особое совещание, в составе которого было не мало подобного рода лиц, оказалось не в состоянии устранить указанные выше «противоречия» и направить свою регулирующую деятельность на ограничение рваческих тенденций промышленной буржуазии, использовавшей военную конъюнктуру в целях обворовывания государственной казны и еще большего усиления эксплуатации рабочего класса.

Особое совещание разговаривало обычно с промышленной буржуазией языком компромиссов и соглашений. Даже в решении такого вопроса, как расширение выпуска предметов боевого и материально-технического снабжения армии, Особое совещание не играло по существу руководящей и направляющей роли. Оно выносило либо ни к чему не обязывающие рекомендации, либо каучуковые резолюции, штамповавшие задним числом стихийно начавшийся процесс перестройки промышленности, главным двигателем которого были, конечно, не подобного рода резолюции Особого совещания, а погоня капиталистов за получением военных сверхприбылей от выполнения военных заказов.

Что касается конкретного содержания принимавшихся Особым совещанием решений, то они, как это видно из подлинных документов, отличались исключительной бюрократичностью, нерешительностью и непоследовательностью, что никак не вязалось с теми широкими правами и полномочиями, которыми оно было наделено верховной властью.

Особое совещание в большинстве случаев не решало, а лишь советовало, не предписывало, а отписывалось. Так, письмо группы промышленных деятелей России, предлагавших проект усиления производительности отечественной промышленности по выпуску предметов артиллерийского снабжения, Особое совещание сплывало в Министерство торговли и промышленности, ограничившись в своем журнале следующей джентльменской записью (27 мая 1915 г.): «Просить министра торговли и промышленности об оказании возможного содействия группе промышленных предприятий, предлагающей проект усиления деятельности отечественной промышленности для надобности артиллерийского снабжения действующей армии»¹. Неудивительно, что эта ни к чему не обязывающая Министерство торговли и промышленности просьба не была принята во внимание и никакого содействия группе промышленных деятелей России, предлагавших услуги в деле выполнения возложенной на Особое совещание миссии по усилению материально-технической базы армии, оказано не было.

Особое совещание как главный координирующий и регулирующий правительственный орган редко когда принимало определенное и конкретное решение. Любой вопрос, даже предельно ясный, подвергался бесконечному изучению, передавался из одной комиссии в другую. Многие вопросы тонули в бесконечных спорах между Особым совещанием и ЦВПК. Особенно это относилось к реквизициям оборудования на частных предприятиях, к выдаче авансов и ссуд на расширение и перестройку частных предприятий в связи с их переключением на изготовление военного снаряжения.

Так, представители ЦВПК на заседании Особого совещания 8 июля 1915 г. внесли два предложения.

1. О предоставлении права заводам, желающим путем увеличения своей производительности приступить к

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 94, л. 98,

выработке снарядов крупного калибра, вносить свои конкретные предложения в соответствующие комитеты Особого совещания.

2. О направлении оборудования эвакуируемых из угрожаемых районов заводов в специальные для этой цели центральные склады, находящиеся в Москве¹.

Особое совещание не отвергло этих предложений, но и не приняло по ним никакого конкретного решения.

Другой пример: на заседании Особого совещания 18 июля 1915 г. обсуждался вопрос об увеличении производства инструментальной стали. Докладчик по этому вопросу профессор Липин заявил, что «существующий в инструментальной стали недостаток легко и быстро может быть устранен при содействии заводов, имеющих электроустановки, а также путем постановки электрических печей на металлургических заводах, снабженных прокатным устройством и электрической энергией»².

Казалось бы, по этому технически несложному вопросу, имеющему к тому же весьма срочное и жизненно важное значение, можно было бы немедленно принять соответствующее решение, разрешающее проблему инструментальной стали. Но не тут-то было. Особое совещание, не отрицавшее правильности предложения докладчика, сочло все же нужным направить этот вопрос «на рассмотрение в Центральный военнопromышленный комитет, с тем чтобы окончательно по этому предмету заключения были затем представлены на одобрение Особому совещанию»³.

Целый ряд других предложений ЦВПК, главного интенданта, Главного артиллерийского управления подвергались длительному изучению во множестве комиссий и комитетов и фактически остались не рассмотренными. Создается впечатление, что эти комиссии (анкетные, подготовительные, наблюдательные, особые и т. д.) для того и образовывались, чтобы в них легче было похоронить любой вопрос, ставившийся перед Особым совещанием, как перед главным правительственным органом по координированию и регулированию военнохозяйственных усилий страны. Так, на заседании Особого совещания

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 51, л. 57.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 51, л. 69.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1 д. 51, л. 70.

18 июля 1915 г. представители военнопромышленного комитета представили доклад, объясняющий причины задержки некоторыми заводами поставок военному ведомству. Особое совещание не нашло ничего более разумного, как уклониться от обсуждения данного доклада и, тем более, вынесения по нему какого-либо решения. Оно сочло необходимым отложить рассмотрение доклада Центрального военнопромышленного комитета впредь до обсуждения вопроса «об учреждении анкетных комиссий»¹.

О проволочке и бюрократизме в решении Особым совещанием неотложных военно-экономических проблем говорит также и пример со строительством крайне нужного как для военных, так и для мирных целей алюминиевого завода в Екатеринодаре. Только на подбор места для строительства завода ушло около 10 месяцев, и, как указывалось на заседании Особого совещания 12 октября 1916 г., «вопрос еще не вышел из сферы предварительного изучения, и постройка завода не начата»².

Можно привести еще один пример — обсуждение вопроса об использовании производственных мощностей уральской горной промышленности. Для его изучения было создано немало всякого рода комиссий, которые пришли к выводу, что уральские заводы, находящиеся в глубоком тылу, располагая необходимым сырьем, могут сыграть большую роль в выпуске предметов военного снаряжения, для этого необходима лишь некоторая перестройка их технологического процесса.

И вот на заседании 22 июля 1915 г., т. е. почти через год после начала военных действий, Особое совещание по обороне торжественно провозгласило свое согласие с выводами комиссии, обследовавшей уральские заводы, но никакого конкретного решения так и не приняло, если не считать указания на необходимость рассмотрения выводов данной комиссии.

К этому вопросу Особое совещание вернулось еще раз 8 марта 1915 г., когда комиссия под председательством члена Государственного совета Иванова представила свое окончательное заключение. Но Особое совещание снова не приняло никакого конкретного решения, а лишь высказалось за «целесообразность» предостав-

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 51, л. 72.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 181, л. 30.

ления горному департаменту 1500 тыс. руб. для расширения производительности уральских горных заводов¹. Конечно, такое пожелание, высказанное Особым совещанием в форме рекомендации, никого и ни к чему не обязывало.

Характерной чертой в работе Особого совещания было также и то, что оно, не решив одного вопроса, переходило к другим. В частности, не разрешив вопроса с уральскими заводами и не сделав никаких выводов по материалам их обследования, Особое совещание взялось за обследование других заводов с широковещательной целью «усиления их деятельности на нужды обороны». Так, в письме от 7 июля 1915 г. на имя начальника Главного артиллерийского управления и начальника военнотехнического управления Особое совещание указывало на необходимость: «Произвести подробное обследование крупных заводов России, подобно произведенному обследованию уральских заводов, дабы выяснить определенные условия, при которых производительность означенных заводов может быть расширена до полного ее использования»².

В ответ на это письмо начальник военнотехнического управления представил Особому совещанию список наиболее крупных заводов, на которых возможно расширение производства. Количество таких заводов, работавших по заказам одного только главного военнотехнического управления, составляло к июлю 1915 г. 31³. Перед этими, а также другими заводами и ведомствами не раз подчеркивалась необходимость увеличения выпуска предметов боевого снабжения армии. Так, в письме на имя члена Государственного совета С. И. Тимашова председатель Особого совещания указывал: «Задачи обеспечения армии предметами артиллерийского снабжения будут достигнуты лишь при условии доведения до крайних пределов производительности соответствующих заводов»⁴.

Но одно дело — директива, другое дело — ее исполнение. Подобного рода директивы, не опираясь, как правило, на реальный учет возможностей, наталкивались на непримиримые противоречия капиталистического способа

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 51, л. 91.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 98, л. 18.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 98, л. 18.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 98, л. 21.

производства, на бюрократизм и косность чиновничества, на продажность верхних слоев общества, на корыстолюбие и алчность капиталистов. Особое совещание ничего не сделало для преодоления этих противоречий и оказалось бессильным справиться с той большой военно-экономической задачей, которая была возложена на него условиями военного времени.

Особое совещание, в компетенцию которого входили вопросы строительства промышленных предприятий, признало, например, желательным строительство механического, проволочного, кабельного, электротехнического и моторного заводов. Однако в своем решении от 28 октября 1916 г. оно ничего другого не придумало, как передать это дело Главному военнотехническому управлению, поручив ему внести в подготовительную комиссию по общим вопросам специальные доклады о постройке указанных заводов, причем по каждому заводу в отдельности ¹.

Так действовало (вернее, бездействовало) Особое совещание по обороне, так выполняло оно функции по координированию и регулированию военнохозяйственных усилий в годы тяжелой и напряженной для России мировой империалистической войны ².

* * *

Говоря о роли государственных органов регулирования и прежде всего Особого совещания по обороне в деле координирования и мобилизации промышленности на обслуживание нужд войны, нельзя не сказать и о роли военнопromышленных комитетов, созданных по инициативе самой буржуазии. *Военнопromышленные комитеты* как общественные органы промышленной, главным образом либеральной, буржуазии были созданы формально под знаком «единения» государственных и общественных

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 179, л. 153.

² Нельзя не согласиться с генералом Маниковским, назвавшим этот высокопоставленный орган, членом которого он был и в работе которого принимал непосредственное участие, «политиканствующей говорильней», с неимоверной разногласицей, бюрократизмом и рутинной (см. его работу «Боевое снабжение русской армии в мировую войну», ч. 3, стр. 177).

В еще более резком тоне высказывался о деятельности Особого совещания по обороне один из лидеров Центрального военнопromышленного комитета — Жуковский, назвавший самую идею об организации Особого совещания «актом отчаяния перед катастрофой».

сил России для мобилизации военноэкономических возможностей страны на обслуживание нужд фронта.

Согласно утвержденному 27 августа 1915 г. положению о военнопромышленных комитетах в их компетенцию входило содействие правительственным и военным организациям в деле:

а) снабжения армии и флота предметами вооружения и довольствия;

б) восстановления и технического оборудования всех видов транспорта, сельскохозяйственного машиностроения и других отраслей промышленного производства;

в) снабжения населения предметами первой необходимости и осуществления контроля за деятельностью промышленных предприятий, входящих в сферу влияния военнопромышленных комитетов¹.

Но буржуазия думала не только об этом. Она вынашивала идею превращения военнопромышленных комитетов в общеимперскую организацию по координированию работы промышленности, без какого-либо вмешательства в это дело органов государственной власти. В этой связи в докладе, подготовленном для первого съезда военнопромышленных комитетов, было указано, что применение принудительных начал в этом вопросе, т. е. государственное вмешательство в дела промышленного производства, несовместимо с деятельностью вновь организуемых военнопромышленных комитетов. Этому соответствовало и первое условие, выдвинутое в указанном докладе: «Мобилизация промышленности должна быть организована самими промышленниками»².

Организаторы военнопромышленных комитетов рассчитывали на то, что они (комитеты) должны превратиться в крупную общественноэкономическую и политическую силу, способную взять в свои руки не только обеспечение армии предметами вооружения и снаряжения, но и все руководство деятельностью тыла, включая и влияние на политический курс правительства. Иначе, говорил один из активных деятелей этих комитетов — профессор Сиринов, «их роль была бы более скромной и их существование было бы временное и случайное»³.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 107, л. 35.

² «Организация военнопромышленных комитетов», Пгр. 1915, стр. 5—6.

³ «Производительные силы России» № 1, 1916 г., стр. 4.

Именно в этих целях, т. е. в целях установления своего господства над экономической и политической жизнью страны, промышленная буржуазия организовала разветвленную сеть военнопромышленных комитетов, создав их не только во всех промышленно развитых районах, но и в районах, где отсутствовали или почти отсутствовали промышленные предприятия, способные выполнять военные заказы (Андижан Ферганской губернии, Курган Тобольской губернии, Петропавловск Акмолинской губернии, Дагестан и др.). Об отсутствии в подобных районах каких-либо реальных возможностей для работы ВПК на нужды войны говорят отчеты этих комитетов. Так, Дагестанский ВПК в отчете о своей деятельности на 10 февраля 1916 г. сообщает, что «в районе деятельности комитета фабрично-заводская промышленность развита слабо и промышленных предприятий, кои можно было бы использовать для нужд обороны, нет»¹. О том же говорят отчеты Андижанского, Курганского и Петропавловского ВПК, которые за все время своей «деятельности» не смогли выполнить ни одного заказа военного ведомства, поскольку в районах деятельности этих комитетов не было предприятий, способных производить предметы вооружения и даже интендантского снабжения².

Организаторы военнопромышленных комитетов рассчитывали на то, что им удастся охватить своим влиянием не только мелкую и среднюю промышленность, но и наиболее крупную, играющую в военноэкономической жизни страны первостепенную роль. Однако эти расчеты оправдались лишь в очень незначительной мере, так как наиболее крупные, особенно синдицированные, предприятия: «Продамет», «Продуголь», Сормовский, Путиловский, Коломенский, Брянский и другие заводы, в том числе и те из них, которые принадлежали организаторам и активным деятелям военнопромышленных комитетов (Рябушинскому, Третьякову, Коновалову, Нобелю, Крестовникову, фон Дитмару и др.), получали заказы непосредственно от военного ведомства, минуя посредничество военнопромышленных комитетов. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, в частности отчет Харьковского областного военнопромышленного

¹ «Деятельность областных и местных военнопромышленных комитетов» (на правах рукописи), ч. 1, Пгр. 1916, стр. 39.

² См. там же.

комитета по состоянию на 10 февраля 1916 г., в котором прямо говорится, что «крупные металлургические предприятия, обремененные заказами различных ведомств, не имеют возможности брать заказы у комитета. Вследствие этого комитету приходится распределять заказы главным образом между мелкими и средними предприятиями»¹.

Объединяемые военнопромышленными комитетами предприятия сумели заполучить и распределить по состоянию на 3 декабря 1915 г. заказы на сумму 185 млн. руб., а на 1 июня 1916 г.— более чем на 280 млн. руб.² Особое совещание по обороне констатировало это как положительное начало в работе военнопромышленных комитетов, которые, «несмотря на крайне трудные условия работы, сумели привлечь среднюю и мелкую промышленность к делу государственной обороны»³.

Однако это «положительное начало» в работе частной промышленности, объединяемой военнопромышленными комитетами, было лишь кажущимся; и это не замедлило проявиться сразу же, как только начались спекулятивная горячка и ажиотаж вокруг военных заказов. Этому способствовало, в частности, и то обстоятельство, что распределение заказов между предприятиями, входившими в сферу влияния военнопромышленных комитетов, производилось беспорядочно, без учета их производственных возможностей, профиля и т. д. При этом наблюдались и такие случаи, когда, как указывалось на заседании Центрального военнопромышленного комитета 4 июля 1915 г., «комитет не знал... что же именно и в каком количестве потребно нашей армии. Те списки необходимых предметов, которые давались военным ведомством... оказывались не соответствующими действительной потребности, неожиданно изменялись и тем тормозили дело»⁴.

Но и в самом Центральном военнопромышленном комитете царила, по свидетельству представителей местных ВПК, полная неразбериха с распределением военных заказов. Представители местных комитетов, как указывалось о том на заседании ЦВПК 14 сентября 1915 г., «ходят по целым дням из одного помещения Централь-

¹ «Деятельность областных и местных военнопромышленных комитетов», ч. 1, стр. 157.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 54; оп. 4, д. 117, л. 662.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 54, л. 192.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 1.

ного комитета в другое, не зная, где получить необходимые сведения»¹.

В результате такой неразберихи с распределением военных заказов, а также вследствие недостатка нужной производственно-технической базы (станков, оборудования, металлического сырья, топлива и квалифицированной рабочей силы) большинство военнопromышленных комитетов не справилось со взятыми на себя обязательствами по выполнению распределенных между ними военных заказов. К их числу относится, в частности, Московский военнопromышленный комитет, который из полученных на 1 апреля 1916 г. заказов на сумму 93,8 млн. руб. выполнил заказов только на 56,1 млн. руб., или немногим более 50%². Что же касается провинциальных комитетов, которые находились в менее благоприятном положении, чем Московский ВПК (в смысле обеспеченности сырьем, оборудованием и т. д.), то там дело обстояло еще хуже.

Например, Ревельский ВПК получил на 10 февраля 1916 г. заказов на сумму 3148 тыс. руб., а выполнил только на 450 тыс. руб., или на 14,5%³. Закавказский военнопromышленный комитет получил на 1 февраля 1916 г. заказов на сумму 1212 тыс. руб., а выполнил всего лишь на 86 тыс. руб., или на 7,1%⁴. Вятский военнопromышленный комитет вообще не выполнил в срок ни одного заказа, хотя получено их было по состоянию на 1 февраля 1916 г. на сумму 1797 тыс. руб.⁵.

Так обстояло дело с выполнением военных заказов отдельными военнопromышленными комитетами. Не лучше оно обстояло и в целом по всей системе военнопromышленных комитетов. Так, например, полученные в 1916 г. военные заказы на сумму 280 млн. руб. были выполнены в срок в пределах не более 10%. Остальные заказы были выполнены с резким отклонением от установленных в контрактах сроков или вообще не были выполнены по причине неполучения предприятиями сырья, топлива и материалов⁶.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 15.

² См. «Известия Московского военнопromышленного комитета» № 23—24, 1916 г., стр. 175.

³ См. «Деятельность областных и местных военнопromышленных комитетов», ч. III, стр. 167.

⁴ См. там же, ч. II, стр. 51.

⁵ См. там же, ч. I, стр. 37—39.

⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 107, л. 47.

Неудовлетворительное выполнение военнопромышленными комитетами заказов военного ведомства и слабая роль их в деле мобилизации промышленности вообще послужили для правительственных сфер вполне достаточным основанием не только для критики «бесплодной» деятельности ВПК, но и для резкого сокращения выдачи им военных заказов. Так, с середины 1915 г. до 1 февраля 1916 г., т. е. за восемь месяцев, механический отдел ЦВПК получил заказов на 129 млн. руб., а с 1 февраля 1916 г. по 1 февраля 1917 г., т. е. за год,— всего лишь на 41 млн. руб.¹

Но «ущемление» военнопромышленных комитетов шло не только по линии сокращения выдачи им заказов. Учредив, например, наряду с ВПК как общественными организациями буржуазии свои особые совещания и целый ряд правительственных комитетов, правительство стремилось посредством этих органов подчинить своему контролю все экономические ресурсы страны и в первую очередь производство, распределение и закупки вооружения за границей. Так, например, создав правительственный комитет в Лондоне для закупки у зарубежных фирм вооружения, правительство лишило тем самым русскую буржуазию не только значительного количества выгодных заказов, но и права на самостоятельные закупки за границей нужного ей оборудования, стратегического сырья и т. д.

Больше того, из многочисленных выступлений лидеров ЦВПК и его печатных органов видно, что деятельность военнопромышленных комитетов ограничивалась правительственными органами не только по линии финансирования, выдачи военных заказов, но и по линии снабжения предприятий, объединявшихся ВПК, сырьем и топливом.

Как явствует из выступления заместителя председателя Московского военнопромышленного комитета С. А. Смирнова (на съезде этого комитета 17—18 марта 1917 г.), военный министр Беляев давал строгие секретные предписания подведомственным ему лицам не отпускать военнопромышленным комитетам железа, чем чрезвычайно затруднялось исполнение обязательств, принятых комитетами.

¹ См. П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, стр. 607.

Проводимая правительственными кругами тактика ущемления военнопромышленных комитетов превратила последние из органов «единения» с правительством в деле мобилизации промышленности в органы бесконечных пререканий и даже оппозиционных выступлений против «безответственного» правительства и т. д. Уже на первом и втором съездах военнопромышленных комитетов (в 1915 и 1916 гг.) была подвергнута резкой критике позиция правительства и обращалось его внимание на необходимость прекратить игнорирование общественных организаций, принимающих участие в боевом снабжении армии. В выступлениях отдельных представителей ЦВПК наряду с критикой по адресу правительственных учреждений сквозили и нотки угроз и ультимативных требований. Так, член ЦВПК Ефремов заявил: «Лица, которые в силу своей безответственности не желают считаться с общественным мнением (т. е. мнением ВПК.— И. М.), лица, создавшие отчаянное положение нашей страны, должны уйти. Пока не будет ответственного правительства, у нас не может быть уверенности, что дело пойдет лучше»¹.

Эти, а также другие оппозиционные выступления представителей организаций буржуазии основательно встревожили царское правительство и породили у него чувство опасения перед этими организациями, «ставившими перед собой,— по заявлению департамента полиции,— цель ниспровержения существующего строя»². В докладе департамента полиции, адресованном на имя Совета министров, указывалось, что в основу деятельности военнопромышленных комитетов положена «идея организованного объединения народных сил империи» с целью замены «существующего правительства новым, ответственным перед народным представительством»³.

Этот доклад и содержащаяся в нем безусловно преувеличенная квалификация оппозиционной деятельности военнопромышленных комитетов послужили еще одним поводом для сокращения поля их деятельности. Совет министров вынес даже по этому поводу специальное решение (от 18 июня 1916 г.), в котором говорилось «о не-

¹ «Труды первого съезда представителей военнопромышленных комитетов», Пгр. 1915, стр. 35.

² «Известия ЦВПК», 13 апреля 1916 г.

³ «Известия Московского военнопромышленного комитета» № 23—24, 1916 г., стр. 62.

обходимости постепенного сокращения выдачи заказов через посредство комитетов и вообще избегать обращаться к их услугам»¹. Этим было положено начало фактической ликвидации организационно-хозяйственной деятельности военнопromышленных комитетов и их посреднической роли в получении, распределении и исполнении военных заказов².

Оценивая деятельность военнопromышленных комитетов, можно прямо сказать, что за полтора года своего существования, вплоть до Февральской революции 1917 г., они не сделали сколько-нибудь значительного вклада в дело боевого и материального снабжения армии.

Точных данных об объеме поставленной ВПК продукции на нужды войны нет. На втором съезде военнопromышленных комитетов, состоявшемся 26—29 февраля 1916 г., указывалось, что за первые шесть месяцев деятельности ВПК ими поставлено военному ведомству не более 2—3% общей стоимости военных заказов³. На этом основании А. П. Погребинский сделал вывод, что общая сумма продукции, поставленной ВПК за все время их деятельности для нужд войны, составляет в стоимостном выражении всего лишь 300 млн. руб.⁴

Слов нет, размеры продукции, поставленной ВПК на нужды войны, не велики. Но точности ради надо сказать, что этот вывод об общей сумме поставок ВПК (300 млн. руб.) недостаточно обоснован и противоречит некоторым фактическим данным и логическим соображениям.

Дело в том, что упомянутые в статье Погребинского 2—3% общей стоимости военных поставок ВПК относятся, как мы уже указывали, не ко всему периоду их деятельности, а только к первоначальному, т. е. к первым шести месяцам работы ВПК, когда частная промышленность

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 184, л. 238—239.

² При этом характерно, что, принимая такое решение, царское правительство не рискнуло пойти на открытый разрыв с ВПК. Оно держало это решение из-за боязни возможных осложнений в строгом секрете. Даже выступления в печати о «слабой» деятельности военнопromышленных комитетов не должны были, как гласило это решение, «носить официального характера, а должны помещаться в газетах в виде частных статей» (ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 184, л. 240).

³ См. «Труды второго съезда представителей военнопromышленных комитетов, 26—29 февраля 1916 г.», вып. 2, стр. 443.

⁴ См. его статью в журнале «Вопросы истории» № 8, 1948 г., стр. 64.

лишь вступила в период перестройки и приспособления своих производств к обслуживанию нужд войны.

Следовательно, экстраполировать эти 2—3% на весь период деятельности ВПК, т. е. до самой Февральской революции, вряд ли будет правильно.

Характерным для работы «отмобилизованной» частной промышленности, в том числе промышленности, объединявшейся военными комитетами, является не столько 1915 г., сколько 1916 г., как год наибольшего напряжения производственно-технического аппарата русской промышленности. Об этом говорит, в частности, то, что промышленность, объединяемая военными комитетами, сумела за время с 1 по 22 января 1916 г. поставить военному ведомству больше предметов боевого снабжения, чем за весь предшествующий период их деятельности, а именно: снарядов к бомбам — 175 тыс. штук против 96 тыс. за весь предшествующий период, ручных гранат — 276 тыс. штук против 79 тыс., бомбометов — 1736 против 982, минометов — 516 против 380 и т. д.¹

Если учесть это обстоятельство и вывести на этом основании удельный вес и абсолютный размер поставленной ВПК продукции (и, конечно, не за шесть месяцев, а по крайней мере за полтора года их деятельности), то они, вероятно, изменились бы в сторону повышения. Есть основание предполагать, что удельный вес изменился бы до 6—7%, а абсолютный размер в стоимостном выражении — до 800 млн. руб.

Близость этих цифр к истине подтверждается также и тем, что общее количество объединяемых ВПК предприятий составляло 1300, или около 8—9% всех промышленных предприятий России, совокупная продукция которых лишь за 1915 и 1916 гг. равнялась сумме в 13,2 млрд. руб.²

Если учесть, что около 80% этой продукции шло на нужды войны³, то из них на долю ВПК приходится около 800 млн. руб.

Собственно, эта же цифра и даже несколько большая вытекает и из разрозненных данных А. Погребинского,

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 54, л. 192.

² См. «Вестник статистики», кн. XIV, 1923 г., стр. 153.

³ См. «Труды второго съезда представителей военнопromышленных комитетов, 26—29 февраля 1916 г.», вып. 2, стр. 445.

который, говоря о 300 млн. руб. общегосударственных поставок военнопromышленных комитетов, не учел поставок различных тканей интендантству, по одному лишь Московскому военнопromышленному комитету составивших на 1 января 1916 г. 400 млн. руб.¹, не считая поставок тканей Иваново-Вознесенским военнопromышленным комитетом, которые на 1 февраля 1916 г. определялись суммой 19,5 млн. руб.² и т. д.

Но приведенное уточнение не может служить основанием для переоценки роли ВПК и, тем более, для восхваления их экономической и особенно политической деятельности, как это делали их организаторы (Гучков и др.)³ и как им поддакивали некоторые «научные» журналы и буржуазные профессора.

Сошлемся на два таких источника: на журнал «Производительные силы России», приписавший ВПК «чудесный секрет примирения самых противоположных интересов... и гармонизацию в области народного хозяйства и политической работы»⁴, и на профессора Гриневецкого, расточавшего незаслуженные комплименты в адрес общественных организаций буржуазии и, в частности, военнопromышленных комитетов, в которых он усмотрел несуществующую «созидательную энергию»⁵ и т. д.

Противоречат фактам и утверждения Г. И. Шигалина о том, что Центральный военнопromышленный комитет и его местные органы играли в «деле выполнения промышленностью заказов большую роль»⁶ и что «жизнь поставила их в положение главных распределителей военных заказов»⁷. Приписывая военнопromышленным комитетам

¹ См. его статью в журнале «Исторические записки» № 11, 1941 г., стр. 166.

² См. «Деятельность областных и местных ВПК», ч. 1, стр. 40.

³ См. по этому вопросу показания А. Гучкова Чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве («Падение царского режима», стр. 254).

⁴ «Производительные силы России» № 1, 1916 г., стр. 4—5.

⁵ В. Гриневецкий, Послевоенные перспективы русской промышленности, стр. 37.

⁶ Г. И. Шигалин, Экономика мировой империалистической войны 1914—1918 гг., М. 1938, стр. 40. В таком же плане оценивал деятельность военнопromышленных комитетов и профессор М. И. Боголепов, который писал, что «военнопromышленные комитеты успели сделать довольно много... некоторые из них уже заслужили себе почетную славу» (см. его статью в журнале «Народное хозяйство в 1915 г.», Пгр. 1918, стр. 6).

⁷ Г. И. Шигалин, Подготовка промышленности к войне, стр. 206.

не свойственные им заслуги в деле распределения и выполнения военных заказов, Г. И. Шигагин называет их почему-то органами «крупных промышленников... и мощной капиталистической организацией» и утверждает, что их роль не только в поставках, но и в мобилизации, а следовательно, и в регулировании промышленности «была огромной»¹.

Конечно, военнопромышленные комитеты мечтали превратиться в мощную общественно-политическую и экономическую силу, в орган регулирования и распределения военных заказов. Но из этого ничего не вышло, так как правительство не захотело выпустить из своих рук такой важный рычаг, как распределение военных заказов, а буржуазия, объединявшаяся в военнопромышленных комитетах, оказалась неспособной не только взять на себя функции регулирования промышленности и распределения военных заказов, но и справиться с их выполнением.

Другим органом, призванным содействовать улучшению дела снабжения армии, был *Союз земств и городов (Земгор)*, объединявший преимущественно мелкую промышленность местного значения. Во время первой мировой войны эта организация играла большую роль в обеспечении армии предметами интендантского снабжения.

Она занималась изготовлением по заданию интендантского управления полушубков, валенок, чулок, рукавиц, сапог, упряжи, седел, обозов и т. п. Возглавлявший и объединявший деятельность мелкой промышленности Земгор занял в деле снабжения армии предметами кожевенного производства монопольное положение. Подавляющая масса кожевенного сырья и предприятий по его переработке оказалась в руках средней и мелкой буржуазии, входившей в Земгор.

Наряду с выполнением основной своей функции по обеспечению армии предметами интендантского снабжения Земгор делал кое-что и по линии боевого снабжения армии. На некоторых его предприятиях изготовлялись ручные трехдюймовые гранаты, снаряды к бомбметам и т. п. При выполнении заказов военного ведомства Земгор (в отличие от военнопромышленных комитетов)

---

¹ Г. И. Шигагин, Подготовка промышленности к войне, стр. 209.

опирался больше всего на мелкую промышленность кустарно-ремесленного характера.

Союз земств и городов, являясь органом местной городской буржуазии и чиновничества, лучше, чем кто-либо, знал потенциальные и действительные возможности мелкой промышленности в деле оказания помощи фронту. Поддерживая с мелкими предприятиями самую тесную связь при распределении заказов и наблюдении за ходом их исполнения, Земгор оказывал им необходимую помощь в получении сырья, топлива и некоторых других материалов.

Наряду с выполнением заготовительных и в известной мере распределительных функций Земгор взялся также и за организацию собственных промышленных предприятий, предназначенных для обслуживания нужд фронта. По его инициативе и на его средства был построен под Москвой кожевенный завод и куплена фабрика московского акционерного общества «Поставщик», имевшая портновское, сапожное, шорно-седельное производства. В его непосредственном распоряжении находились также: фабрика военно-полевых телефонов в Москве, мастерская пирометров, мастерская, изготавливавшая измерительные приборы и калибры, необходимые при производстве снарядов, два механических завода — подковный (близ ст. Шахтная юго-восточной железной дороги) и завод, изготавливающий трехдюймовые снаряды, в г. Подольске. В прифронтовой и отчасти фронтовой полосе Земгору принадлежали заводы дубильных экстрактов, кожевенные, чугунолитейные, лесопильные, а также заводы твердого спирта. В его непосредственном ведении находились консервные заводы, фабрики меховой обуви и десятки мелких ремонтных и пошивочных мастерских.

Представители Земгора входили во все государственные регулирующие органы на равных началах с представителями военнопромышленных комитетов. Мелкая промышленность, объединявшаяся Земгором, провела значительную работу по приспособлению своего производственно-технического аппарата к обслуживанию нужд фронта. Однако перестройка этой промышленности проводилась «не самостоятельно, не по собственному побуждению, а в зависимости от перестройки крупной промышленности»¹.

¹ «Торгово-промышленная газета», 20 января 1917 г.

Само собою разумеется, что, будучи дополнением к крупной промышленности, средняя и мелкая промышленность сыграла лишь подсобную роль, исполняя заказы на разного рода детали и части, не требующие сложного механического оборудования и выполнявшиеся зачастую ручным трудом.

В целом ряде производств (например, в текстильном) крупная промышленность выполняла не только исполнительные функции, но и организационно-распределительные. Она заставляла контролируемые ею мелкие и средние предприятия выполнять из ее сырья и материалов те или иные заказы, предназначенные для обслуживания нужд фронта.

В отличие от военнопromышленных комитетов, объединявших сравнительно крупную буржуазию, Земгор был своеобразным конгломератом разношерстных общественных сил: мелкой и средней буржуазии, дворянства и чиновнических элементов. В земской управе объединялись преимущественно либеральные помещики и крупные земские чиновники; в городском союзе — городские общественные деятели от буржуазии, либеральная интеллигенция, профессора и т. д. Не претендуя на руководящую роль в экономической и политической жизни страны, Земгор как крупная общественная организация средней и особенно мелкой буржуазии сыграл все же существенную роль в обслуживании нужд фронта. Но вследствие отсутствия сырья, топлива, квалифицированной рабочей силы и затруднений с перевозками Земгор в деле мобилизации и перестройки промышленности не оправдал надежд его организаторов. Из всех заказов, полученных Земгором от военного ведомства (на сумму 193 млн. руб.), им было выполнено всего лишь 34,5%¹.

* *
* *
*

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что *мобилизация промышленности и перевод ее на рельсы военного производства оказались в условиях капитализма не только сложным, но и не поддающимся государственному регулированию делом*. Попытки государственных органов и общественных организаций буржуазии подчинить процесс мобилизации промышленности

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 154, л. 39.

централизованному руководству и придать ему «плановый характер» потерпели полную неудачу. Это и понятно. Чтобы руководить перестройкой промышленности в централизованном порядке, для этого нужно иметь не только государственный аппарат, но и другую систему хозяйства, иной общественно-политический строй, при котором, как указывал Маркс, средства производства находились бы не в руках отдельных лиц, а в руках «ассоциированных производителей», т. е. рабочего класса, «организованного в государство».

Именно это обстоятельство лежало в основе быстрой и эффективной перестройки промышленности СССР в период Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков, когда за восемь-десять месяцев войны промышленность СССР, несмотря на временную потерю ряда важных в промышленном отношении районов, огромную техническую оснащенность врага, сумела переключиться на рельсы военного производства и обеспечить армию всеми необходимыми предметами вооружения, которых потребовалось в десятки раз больше, чем в первую мировую войну. Самый процесс перевода промышленности СССР на рельсы военного производства происходил не стихийно, не в порядке приспособления к конъюнктуре военного рынка, как это было в период первой мировой войны, когда основным мотивом перестройки промышленности была погоня за получением монопольно высоких прибылей, а в строго централизованном порядке, в соответствии с общеэкономическими и военнoстратегическими задачами и планами нашего государства, в соответствии с интересами, желанием и волей к победе над врагом всего народа.

Этих социально-экономических предпосылок не имела и не могла иметь промышленность царской России, развивавшаяся на капиталистической основе и не признававшая никаких «планов мобилизации» сверху. В этом состояла основная причина хаотичности и медлительности мобилизации промышленности, длившейся более двух лет, не говоря уже о неравномерности и нерациональности использования производственных мощностей в деле изготовления потребных фронту предметов вооружения и снаряжения, их явной недостаточности и т. д.

ГЛАВА 3

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

Гигантский размах войны, ее колоссальный спрос на предметы боевого и материального снабжения армии вызвали серьезные пертурбации в промышленном производстве России. Не будучи подготовленной к войне, промышленность царской России, как, впрочем, и промышленность ряда других стран, вынуждена была в ходе войны приспособляться к новой конъюнктуре, к новым заказчикам, к новым видам продукции, не выпускавшимся в мирное время. При этом приспособление промышленности к удовлетворению нужд фронта происходило без всякого плана, стихийно, в соответствии с присущим капиталистическому способу производства законом конкуренции и анархии производства.

Действию этого объективного экономического закона была подчинена не только работа промышленности в условиях войны, но и деятельность правительственных «регулирующих» органов, которые много шумели насчет плановости мобилизации и перестройки промышленности, а фактически подчинялись стихийному характеру ее развития. Как уже указывалось, перестройка промышленности началась стихийно, по почину самих промышленников, приступивших к приспособлению своих производств к выпуску военной продукции не потому, что к этому призывали их царские министры и сановники, и вовсе не потому, что сами промышленники прониклись духом «высокого патриотизма», который, по выражению Маркса,

давно уже у буржуазии «...выродился в чистое притворство...»¹

Основным мотивом начавшейся перестройки промышленности в ходе войны явилась выгодно сложившаяся для капиталистов конъюнктура, сулившая им большие прибыли от выполнения военных заказов. Именно это обстоятельство и подхлестывало капиталистов, гнало их капиталы в те отрасли производства, которые приносили им наибольшую норму прибыли. «Норма прибыли — это движущая сила капиталистического производства»². Капиталист предпочитает производить только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью. Именно эти, а не какие-либо другие соображения лежали в основе приспособления капиталистической промышленности к выпуску военной продукции за счет сокращения, а в ряде случаев и полного прекращения выпуска предметов мирного потребления.

Этому способствовало появление в период войны нового рынка, не свойственного периоду мирного времени. Рынком сбыта новой продукции являются в условиях войны армия и флот, которые становятся самым крупным заказчиком и потребителем промышленной продукции. Это вносит новые черты в отношения между продавцом товаров и покупателем. Этот покупатель в отличие от миллионов разрозненных покупателей является «организованной» силой, олицетворенной в государстве и его военных органах, вступающих в сделки и деловые отношения с поставщиками продукции, предназначенной не для производительных, а для разрушительных целей.

Мы указываем на эту специфическую особенность в отношениях между поставщиком и покупателем потому, что она определяла собой условия и обстановку, в которых протекала работа русской промышленности, поставлявшей до 80% своей продукции на так называемый «организованный» рынок, обслуживавший потребности войны³.

Однако эти новые условия внесли лишь внешние различия в отношения между покупателем и поставщиком промышленных товаров. Существо же этих отношений

---

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), Партиздат 1934, стр. 355.

² К. Маркс, Капитал, т. III, 1955, стр. 269.

³ См. «Труды второго съезда представителей военнопромышленных комитетов, 26—29 февраля 1916 г.», вып. 2, стр. 445.

при господстве частной собственности на средства производства остается неизменным. Меняется лишь ассортимент выпускаемой продукции, ее вещественное содержание, но не меняется ее товарная форма, не меняются стоимостные отношения между поставщиком и покупателем.

Наша задача состоит, следовательно, не в том, чтобы заниматься изучением этой стороны вопроса, которая ничего принципиально нового не вносит в капиталистические производственные отношения, а в том, чтобы раскрыть специфику этих отношений в военное время и, самое главное, проанализировать происшедшие в русской промышленности огромные количественные и качественные изменения, изменения структуры и динамики промышленного производства, межотраслевых и отраслевых связей промышленности, особенности концентрации производства и пр.

* *

*

Война с ее колоссальными потребностями в предметах боевого и материально-технического снабжения армии явилась самым большим и самым выгодным для предпринимателей рынком сбыта промышленной продукции. Вместе с тем она явилась *фактором, ломающим структуру промышленного производства и устанавливающим новые, стихийно складывающиеся пропорции в развитии отдельных отраслей промышленности*, особенно в части, касающейся распределения функций по обслуживанию быстро расширяющегося военного и с такой же скоростью суживающегося гражданского рынков.

В этом стихийном перераспределении функций по обслуживанию военного и мирного рынков со всей силой сказался свойственный капитализму экономический закон анархии производства и конкурентной борьбы, приведший к перегруппировке промышленных производств, т. е. к ликвидации одних производств и к возникновению новых, связанных с обслуживанием военных потребностей страны. В результате этого произошел колоссальный сдвиг в структуре промышленного производства и значительно видоизменилось соотношение между отдельными отраслями промышленности. Центр тяжести был перенесен на отрасли, изготавливающие предметы боевого снабжения армии. Эти отрасли значительно расширили свое

производство, обрстая все новыми и новыми промышленными предприятиями, работавшими на нужды войны.

Данные переписи 1918 г. указывают, что из общего числа крупных промышленных предприятий (9750) лишь 49,4% работало непрерывно на всем протяжении войны. Значительное количество предприятий (865, или 8,9%) работало с перерывом и, как правило, с неполной нагрузкой. За годы войны закрылось 1768 предприятий. Правда, появились новые промышленные заведения, новые отрасли производства, которые обслуживали военные нужды, но удельный вес их (12,3%) был крайне недостаточен, чтобы компенсировать убыль закрывшихся предприятий.

К числу вновь открывшихся промышленных заведений следует отнести такие, которые связаны с машиностроительной, химической, металлообрабатывающей промышленностью и т. д. Эти предприятия оказались не только наиболее устойчивыми в перенесении экономических и материально-технических затруднений, но и более гибкими в приспособлении своего производства к потребностям военного времени.

Точное количество закрывшихся и вновь открывшихся предприятий нет возможности установить, поскольку материалами переписи была охвачена не вся промышленность, а лишь около 50%. Но данные переписи позволяют совершенно точно определить соотношение между тенденциями расширения и сокращения производства. Если посмотреть на динамику закрывшихся и открывшихся в период войны предприятий, то результат будет таков:

Распределение числа открывшихся
и закрывшихся предприятий по годам¹

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Открывшиеся . .	31	215	187	276	264
Закрывшиеся . .	21	356	573	298	541

Из этой таблицы мы видим превышение количества открывшихся предприятий над количеством закрывшихся

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 35.

только в 1913 г., т. е. накануне войны. В период войны мы наблюдаем прямо противоположную картину. Само собой разумеется, что голые цифры о количестве закрывшихся предприятий еще не вскрывают всей глубины изменений, происшедших в промышленном производстве. Для полноты анализа нужно показать, какие именно предприятия и с каким количеством рабочих открывались и закрывались во время войны.

На этот вопрос дает исчерпывающий ответ следующая таблица, составленная по материалам промышленной переписи 1918 г.

Среднее число рабочих на одно открывшееся и закрывшееся предприятие по годам¹

	1914 г.		1915 г.		1916 г.		1917 г.	
	число предприятий	среднее число рабочих на 1 предприятие	число предприятий	среднее число рабочих на 1 предприятие	число предприятий	среднее число рабочих на 1 предприятие	число предприятий	среднее число рабочих на 1 предприятие
Открывшиеся .	215	88,8	187	96,8	276	78,5	264	81,5
Закрывшиеся .	356	45,1	573	28,7	298	37,6	541	70,0

Из таблицы нетрудно заметить, что начиная с 1914 г. и кончая 1917 г. закрывались более мелкие предприятия, а открывались более крупные. Но, несмотря на это, количество закрывшихся предприятий было настолько велико (число их составило за 4 года войны 1768 против 942 открывшихся), что вновь открывшиеся предприятия не могли компенсировать образовавшейся в промышленном производстве убыли рабочей силы. Контингент рабочей силы на вновь открывшихся предприятиях (72 747 человек) был по крайней мере на 15 тыс. человек меньше, чем на закрывшихся. Это говорит о том, что война вызвала сокращение не только количества промышленных предприятий, но и числа занятых на них рабочих.

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 35.

Таким образом, из приведенных данных мы видим проявление двух диаметрально противоположных тенденций: с одной стороны, открытие новых производств, с другой — свертывание старых, преимущественно мелких производств, оказавшихся неспособными выдержать конкурентную борьбу с крупными капиталистическими производствами и перестроиться на выпуск военной продукции. Причем, несмотря на то что война сулит огромные прибыли для каждого предприятия, обслуживающего ее потребности, число закрывшихся предприятий почти вдвое превысило число открывшихся, а если принять во внимание, что перепись не полностью охватила эти предприятия, то количественное преобладание закрывшихся предприятий было бы еще больше.

В этом проявились свойственные капитализму противоречия процесса концентрации производства, не допускающие «мирного» сосуществования крупных и мелких производств и приводящие в результате ожесточенной конкурентной борьбы к пожиранию первыми последних, или, как говорит В. И. Ленин, к удушению тех, кто не подчиняется силе крупных, монополизированных производств, их гнету и произволу¹.

Таким образом, в силу целого ряда социально-экономических противоречий и сложившейся во время войны выгодной для военных производств конъюнктуры русская промышленность претерпела довольно существенную ломку структуры своего производства, выражением которой явилось стихийное перераспределение предприятий, открытие новых и закрытие значительного количества старых предприятий, не сумевших перестроиться на выпуск военной продукции и выдержать конкурентную борьбу с крупными производствами, обладающими большей мобильностью и большими материально-техническими возможностями.

Но приведенных данных было бы недостаточно, чтобы судить о происшедших в промышленности России глубоких изменениях, если бы они не были дополнены целым рядом других данных и, в частности, данными об изменениях структуры промышленного производства, о движении рабочей силы, об изменении объема промышленной продукции и удельных весов в ней отдельных

---

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 194.

отраслей промышленности, работавших как на войну, так и на мирный рынок.

Вот что говорят данные о движении рабочей силы в производствах, изготовлявших предметы военного и мирного обихода ¹.

Группы производств	Число учтен- ных пред- приятий	Среднее суточное число рабочих (в тыс.)				
		1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
1. Производство пред- метов вооруже- ния	356	160,1	182,8	221,3	272,8	302,0
(в %)	—	100,0	114,2	138,2	170,4	188,6
2. Производство пред- метов снаряжения (в %)	248	20,5	21,2	26,1	27,6	25,9
(в %)	—	100,0	103,6	127,6	135,1	126,5
3. Производство, не работавшее на войну	334	69,8	68,1	61,5	60,2	61,5
(в %)	—	100,0	98,5	87,1	85,7	87,1

Приведенные данные говорят о неуклонном росте численности рабочей силы в отраслях, изготовлявших оружие и снаряжение. Наоборот, в отраслях, не работавших на войну и обслуживавших исключительно потребности мирного рынка, наблюдалось сокращение численности рабочей силы, отлив ее в отрасли военного производства. В этом стихийном передвижении рабочей силы из отраслей, обслуживающих мирный рынок, в отрасли, обслуживающие войну, есть своя закономерность. Перераспределение рабочей силы во время войны обусловлено было перераспределением капиталов, которые устремлялись в отрасли с наиболее высокой нормой прибыли.

Таковыми отраслями в условиях военной экономики являются те, которые обслуживают нужды войны, выполняющая крупные и весьма выгодные заказы военного ведомства. Это положение находит себе подтверждение в данных о соотношении валовой продукции по соответствующим группам производств (в % к общему итогу) ².

¹ См. «Вестник статистики», кн. XIV, М. 1923, стр. 124.

² См. там же, стр. 126.

Группы производств	Валовая продукция				
	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
1. Производства, работавшие на военные нужды и расширившие выпуск продукции	42,7	46,5	58,7	65,9	65,7
В том числе:					
Предметы вооружения	26,4	29,1	44,0	54,9	55,6
Предметы снаряжения	2,9	3,1	2,7	2,5	2,6
2. Производства, работавшие на военные нужды, но сократившие свою продукцию	47,8	44,3	34,5	28,1	28,2
3. Производства, не работавшие на военные нужды	9,5	9,2	6,8	6,0	6,1

Из рассмотрения приведенных в таблице данных трудно заметить ту же самую тенденцию, о которой мы говорили выше. Отрасли промышленности, непосредственно работавшие на войну и изготавливавшие предметы вооружения и снаряжения, значительно повысили свою роль в общепромышленном производстве. Так, например, производства, занятые изготовлением предметов вооружения, давали в 1913 г. около одной четверти всей продукции, в 1916 г. эти производства давали уже более половины всей промышленной продукции (54,9%).

С другой стороны, промышленные производства, не связанные с работой на войну, значительно сократили свой удельный вес в общепромышленном производстве. Так, например, по численности рабочей силы они сократили свой удельный вес с 14,2% в 1913 г. до 11,4% в 1916 г., а по продукции — с 9,5 до 6,1%. Объем выпущенной ими продукции составил к уровню 1913 г.: в 1914 г. — 96,9%, в 1915 г. — 83,7, в 1917 г. — всего лишь 60,4%¹.

¹ См. «Вестник статистики», кн. XIV, стр. 124—125.

Но сокращению подверглись не только производства, не связанные с военными нуждами, но и некоторые производства, в какой-то мере обслуживавшие потребности войны. К числу таких производств следует отнести текстильную промышленность, которая значительно снизила свой удельный вес в общепромышленном производстве. Если в 1913 г. число рабочих в текстильной промышленности достигало 54,2% общего числа рабочих, занятых в русской промышленности, а валовая продукция ее составляла почти половину общепромышленного производства, то в 1916 г. удельный вес текстильной промышленности снизился до 46,1% по числу рабочих и до 28,1% по объему продукции. Выпуск тканей в стоимостном выражении составил в 1914 г. 850 млн. руб., в 1916 г.— 742 млн., а в 1917 г.— 522 млн. против 876 млн. руб. в 1913 г.

Общим итогом происшедших в промышленности сдвигов являлось то, что из всего количества рабочих в 2443 тыс., занятых в конце 1916 г. в русской промышленности, 2018 тыс. (или 86%) работали на войну (в частной промышленности на войну работало 73,3% рабочих)¹. По отдельным районам этот процент колебался от 51,3 (Ростовский) до 93 (Ревельский). По Московскому и Петроградскому районам около двух третей рабочих было занято в военной промышленности. Если к этому прибавить предприятия, работавшие на войну не полностью, а лишь частично, то общее количество рабочих, занятых в той или иной мере работой «на оборону», составит около 80%².

Примерно такое же соотношение было и в распределении производимой продукции. Если на долю военной продукции приходилось 75—80%, то на долю мирной продукции — не более 20—25%³. В этой связи нельзя согласиться с подсчетами, произведенными статистиком Н. Воробьевым, согласно которым государственная «оборона» занимает явно преуменьшенное место в потреблении промышленной продукции. Из его данных вытекает, что в 1913 г. для военных нужд производилось

---

¹ См. «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.», ЦСУ, 1925, стр. 70, 71, 73.

² См. там же.

³ См. «Труды второго съезда представителей военнопромышленных комитетов, 26—29 февраля 1916 г.», вып. 2, стр. 445.

4,56% промышленной продукции, в 1914 г.— 6,53, в 1915 г.— 17,68, в 1916 г.— 24,78, в 1917 г.— 28,44% ¹.

Заниженный удельный вес предметов государственной «обороны» получился у Воробьева потому, что он методологически неправильно подошел к определению предметов «обороны». К ним он относит только готовое вооружение, а сырье, материалы, топливо и т. д., предназначенные для изготовления вооружения, он отнес к предметам гражданского обихода. Такой подсчет не раскрывает, а затушевывает характер производства и потребления промышленной продукции во время войны, он искусственно занижает расход на войну тех средств производства и тех видов сырья, при помощи которых производилось вооружение. Нет никакого сомнения, что эти элементы материального производства, как и произведенная с их помощью готовая военная продукция, составляют в совокупности предметы государственной «обороны».

Из вышеизложенного вытекает, что во время войны происходил рост отраслей промышленного производства, которые обслуживали потребности войны, и, наоборот, сокращались те отрасли промышленности, которые обслуживали потребности мирного рынка. В соответствии с этим происходило и перераспределение капиталов и трудовых ресурсов. Отрасли военного производства сосредоточивали в своих руках не только главную массу промышленной продукции (около двух третей), но и главную массу производственных фондов сырья, топлива и рабочей силы.

Примерно в этой же пропорции находятся и расходы, произведенные за годы войны на военные и гражданские цели. Из общей суммы бюджетных ассигнований на военные цели падает около 80%, а на гражданские — всего лишь около 20% ². Причем и в этом урезанном проценте ассигнований на гражданские цели содержатся элементы расходов, связанные больше с обслуживанием нужд войны, чем нужд мирного рынка.

---

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 40—41.

² См. Г. Деметьев, Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства во время войны с Германией и Австро-Венгрией, стр. 31—32.

Посмотрим теперь на происшедшие в промышленности изменения с точки зрения общих показателей, определяющих собой объем и динамику промышленного производства. Если руководствоваться материалами промышленной переписи, охватывавшими, как указывалось выше, около 50% непрерывно действовавших в период войны промышленных предприятий, то мы будем иметь следующее движение валовой продукции (в ценах 1913 г.)¹.

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Валовая продукция (в млн. руб.)	1 819,1	1 861,7	2 138,6	2 176,6	1 541,8
Выработка на одного рабочего (в руб.) .	2 349	2 335	2 590	2 496	1 690

Приведенные данные показывают, что до 1917 г. продукция росла из года в год. В 1916 г. она увеличилась против 1913 г. на 44%. Однако 1916 год является поворотным годом, за которым следует резкий скачок вниз. Продукция 1917 г. составила к предыдущему году всего лишь 70%, а выработка на одного рабочего — 67%.

Что касается роста продукции в промежуток между 1914—1916 гг., то он объясняется в основном следующими причинами: во-первых, напряженностью работы промышленности по выполнению выгодных военных заказов, невзирая на проедание основных и оборотных фондов; во-вторых, наличием в этой таблице не всех производств, а лишь около 50% охваченных переписью, причем в подавляющем большинстве работавших на обслуживание войны и находившихся в этой связи в наиболее привилегированном положении в смысле снабжения их сырьем, топливом, материалами и пр.

Хотя приведенные нами выше данные и не охватывают всей совокупности промышленной продукции, они все же дают в целом правильную ориентировку и правильно определяют тенденцию неравномерного развития промышленности в годы войны. Но эти данные, как и всякие другие средние величины, обладают тем недостат-

¹ «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 162, 163.

ком, что: во-первых, они не дают всестороннего представления об изучаемом предмете, во-вторых, несколько сглаживают (нивелируют) неравномерность работы промышленности и затушевывают глубину упадка ее отдельных отраслей.

Другими словами, из общих данных о падении или подъеме промышленного производства нельзя еще делать вывод о том, что это падение или подъем в одинаковой степени отразились на всех производствах, как на работающих, так и на не работающих на войну. Имеющиеся данные говорят о том, что производства, работавшие на войну, значительно расширили выпуск продукции и держались на высоком уровне вплоть до 1916 г. включительно, а некоторые из них (машиностроительные заводы) — даже и в 1917 г. Наоборот, производства, не занятые обслуживанием нужд войны или занятые, но в весьма ограниченных размерах, не только не увеличили выпуска продукции, но значительно сократили ее объем по сравнению с довоенным уровнем.

Эта общая характеристика происшедших в промышленности России изменений подтверждается также и анализом деятельности отдельных отраслей промышленности, к которому мы и подходим. Само собой разумеется, что исследовать динамику и структурные изменения во всех отраслях русской промышленности нам не удалось, да в этом и нет особой необходимости. Нам кажется вполне достаточным остановиться на основных и важнейших отраслях обрабатывающей промышленности, с тем чтобы на их эволюции показать не только частные, но и общие закономерности в развитии русской промышленности периода первой мировой войны.

* *
*

Наиболее характерной в этом отношении является *машиностроительная промышленность*, изготовляющая орудия и средства труда, которым принадлежит в общественном производстве ведущая и преобразующая роль.

По своим техническим свойствам машина в любых общественно-исторических условиях, в том числе и в капиталистических, является фактором, значительно изменяющим технический базис производства, снижающим его издержки и повышающим производительность труда.

Значение машин и той сферы производства, которая их изготавливает, состоит также и в том, что наряду с ускорением роста производительных сил они оказывают непосредственное влияние и на укрепление военно-экономического потенциала страны, на рост технической оснащённости армии и т. д.

Особую значимость приобрела эта сфера промышленности в период первой мировой войны, которую не без основания считали машинной войной, войной, требовавшей непрерывного снабжения огромных армий средствами защиты и нападения в невиданных прежде количествах. Война показала, что разрешить эту проблему можно было только при наличии высокоразвитой машиностроительной промышленности. Но Россия, как известно, не располагала такой промышленностью. Она, несмотря на изобилие необходимых для машиностроительных заводов сырьевых и топливных ресурсов, огромного внутреннего рынка (спрос которого покрывался за счёт внутреннего производства машин всего лишь на 40%, а по станкам — и того меньше)¹, находилась в серьёзной зависимости от заграничной машиностроительной промышленности.

Отсталость русской машиностроительной промышленности и ее зависимость от заграницы объясняются целым рядом исторических и экономических причин, главными из которых являются следующие:

1. Отсутствие должного внимания к этой отрасли промышленности со стороны правительства, не способствовавшего развитию в России собственной национальной промышленности и прежде всего машиностроительной промышленности.

2. Неудовлетворительная организация промышленного кредита и отсутствие специального банка по кредитованию строительства отечественных машиностроительных заводов.

3. Отсутствие сколько-нибудь удовлетворительной системы в распределении заказов на изготовление предметов производства машиностроительных заводов, что мешало последним «планировать» не только закупки

---

¹ В 1913 г. ввоз станков из-за границы оценивался в 12,7 млн. руб., а внутреннее производство — в 5,5 млн., т. е. оно покрывало менее одной трети общего потребления.

оборудования и расширение производства, но и своевременное снабжение заводов материалами надлежащего качества и в надлежащем количестве, а также обеспечивать заводы необходимыми кадрами рабочих и инженерно-технического персонала.

4. Недостаточный уровень кооперирования в машиностроительной промышленности и разделения труда при исполнении заказов.

5. Слабая унификация, типизация и стандартизация в производстве машин, станков и оборудования для машиностроительных заводов, что препятствовало осуществлению принципов массового поточного производства отдельных видов машин, тормозило внедрение элементов специализации в машиностроительном производстве и закрепляло за ним черты мануфактурного универсализма.

6. Уродливое географическое размещение машиностроительных заводов, строившихся, как правило, в отрыве от сырьевых и топливных баз (петроградские, рижские и отчасти московские машиностроительные заводы).

Совокупность перечисленных причин служила несомненным тормозом в развитии русской машиностроительной промышленности, оказавшейся неспособной не только выполнить роль преобразователя технического базиса в других сферах материального производства (легкая и пищевая промышленность, каменноугольная и металлургическая, железнодорожный и водный транспорт, сельское хозяйство и т. д.), но и удовлетворить самые неотложные потребности войны, связанные с производством вооружения, боеприпасов и т. д.

Но слабость русской машиностроительной промышленности и ее неподготовленность к удовлетворению потребностей большой войны дополнялись и просчетами военных «стратегов», рассчитывавших на быстрое (и, конечно, победоносное) окончание войны, на достаточность произведенных в мирное время запасов вооружения и на получение его в случае нехватки из-за границы, преимущественно из США.

Действительность опрокинула незадачливые расчеты горе-стратегов из генерального штаба и правителей царской России. Во-первых, война приняла затяжной и небывалый по своим масштабам характер, причем с тенден-

цией не на победу царской России в этой войне, а на поражение. Во-вторых, произведенных в период мирного времени запасов оказалось недостаточно не только для всего периода войны, но и для первых шести месяцев военных действий. В-третьих, расчеты на получение вооружения из США оказались также недостаточно состоятельными, ибо американское вооружение начало поступать лишь после 1915 г., когда русская армия потерпела уже ряд серьезных поражений, в частности, из-за отсутствия вооружения.

В связи с этими неблагоприятно сложившимися для русской армии обстоятельствами царское правительство, до этого третировавшее идею создания в стране крупной машиностроительной промышленности и организации на этой основе казенных производств по изготовлению вооружения, особенно артиллерийского¹, вынуждено было с большим опозданием объявить импровизированную мобилизацию частной машиностроительной промышленности, призывая ее к перестройке своих производств на выпуск вооружения и боеприпасов. Оно зачислило машиностроительные производства, работавшие на нужды войны, в разряд привилегированных отраслей, получающих вне очереди сырье, топливо, материалы и баснословно выгодные военные заказы.

Больше того, оно взяло на себя посредничество в закупке за границей необходимого оборудования, предназначенного для расширения существующих и строительства новых машиностроительных заводов. Однако это посредничество не увенчалось большим успехом. Закупки иностранного оборудования увеличились против 1914 г. (на 20%) лишь в конце войны. В самый разгар войны, в 1915 г., они составили всего лишь 52,5 млн. руб., или были на 60% меньше, чем в 1914 г.² При этом значительная часть закупленного за границей оборудования пошла на расширение либо казенных военных заводов, либо тех

---

¹ Перед войной артиллерийские орудия изготовлялись всего лишь на трех казенных заводах: Пермском, Обуховском и Петроградском. Во время войны эти заводы оказались не в состоянии справиться с предъявленными к ним требованиями на предметы артиллерийского снабжения, и к ним на помощь пришла частная машиностроительная промышленность в лице таких крупных заводов, как Путиловский, Сормовский, Коломенский и др.

² См. «Промышленность и торговля» № 16—17, 1917 г., стр. 310.

немногих машиностроительных заводов (Путиловский, Сормовский, Царицынский), которые почти целиком переклюкались на выполнение заказов казны.

Если судить по материалам первого съезда представителей металлообрабатывающей промышленности, состоявшегося в марте 1916 г., то один из самых больших машиностроительных заводов России (речь идет, очевидно, о Путиловском заводе) «за время войны израсходовал на новое оборудование 17 млн. руб., приобрел 1660 станков, 15 прессов, значительно расширив свою металлургию, прокатные и ковочные средства»¹.

Однако в целом расширение и обновление производственно-технического аппарата русской машиностроительной промышленности были крайне мизерными. К тому же и самый факт расширения и обновления производственно-технической базы машиностроительной промышленности нельзя рассматривать как результат правительственной заботы об отечественном машиностроении. Наоборот, всей своей политикой царское правительство способствовало торможению этого процесса, считая более удобным и менее хлопотливым обращаться к заграничному рынку, «исторически призванному» снабжать Россию не только сложными машинами, но и отходами своего производства, мелким инвентарем и залежалыми предметами гражданского и военного потребления.

При этих условиях увеличение производства вооружения должно было базироваться не столько на расширении технического базиса русской машиностроительной промышленности, сколько на максимальном использовании существующих производственных мощностей, на интенсификации труда рабочих и на выискивании новых резервов мощностей за счет свертывания выпуска промышленного оборудования, транспортных и сельскохозяйственных машин. Причем перестройка машиностроительных заводов на выпуск военной продукции обусловлена была, конечно, не лозунгами правительства о мобилизации промышленности, как это изображается в работах Маниковского, Гриневецкого и др., а той военной конъюнктурой, которая толкала предпринимателей на вложение своих капиталов в те отрасли материального производства, где обеспечена более высокая норма прибыли на вложенный капитал.

---

¹ «Промышленность и торговля» № 16—17, 1917 г., стр. 311.

Машиностроительное производство, работавшее на войну, оказалось именно такой отраслью промышленности, где вложенный капитал приносил прибыль более высокую, чем средняя во всей промышленности. В погоне за этими сверхвысокими прибылями владельцы машиностроительных заводов и начали форсированную перестройку своих производств на выпуск вооружения. Этому им удалось достигнуть без особого труда, ибо перестройка машиностроительных заводов на выпуск предметов вооружения с технологической точки зрения не представляла больших сложностей, в то время как выгодность исполнения военных заказов (не говоря уже о преимуществах в получении сырья и топлива) служила для них важным стимулом в замене производства мирной продукции военной. Съезд представителей металлообрабатывающей промышленности в своем решении отметил, что крупная машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность вместо станков, машин и оборудования, паровозов и сельскохозяйственных машин начала изготавливать пушки, снаряды, дистанционные трубки, взрыватели и многочисленные предметы военно-инженерного оснащения армии. По состоянию на 1 января 1916 г. 19 металлообрабатывающих предприятий организовали у себя производство 134 новых видов военной продукции, ранее ими не производившихся¹.

Полное или почти полное переключение машиностроительной промышленности на выпуск военной продукции привело к тому, что объем и структура машиностроительного производства претерпели более крупные изменения, чем в какой-либо другой сфере промышленного производства. Из приводимой ниже динамики и структуры машиностроительной продукции мы видим яркую картину этой неизбежной в условиях первой мировой войны эволюции производства (см. табл. на стр. 117).

Как видно из этой таблицы, усиленный рост продукции машиностроения происходил в годы войны в основном за счет производства военной продукции. В самом деле, если в целом продукция машиностроительной промышленности увеличилась в 1916 г. в 4 с половиной раза, то продукция военного значения (орудия, снаряды, пулеметы, винтовки) увеличилась почти в 15 раз. Одновременно с

---

¹ См. «Труды первого съезда представителей металлообрабатывающей промышленности», ч. 2, 1916, стр. 63.

этим изготовление предметов мирного производства, удельный вес которых достигал в 1913 г. 73,7%, понизился в 1916 г. до 21,7%, хотя объем продукции, вырабатываемой для мирного потребления, увеличился в среднем на 60 млн. руб.

Примерно в этих же пропорциях развивалось военное и мирное производство на отдельных предприятиях, обслуживавших до войны исключительно потребности народного хозяйства. Так, по данным первого съезда представителей металлообрабатывающей промышленности, 19 крупнейших машиностроительных заводов, акционерный капитал которых составлял на 1 января 1916 г. 178 млн. руб., увеличили объем своего производства в 1915 г. в среднем на 178% по сравнению с первой половиной 1914 г., а по военной продукции — в 3,5 раза¹.

Гипертрофированное развитие машиностроительной промышленности, связанное с увеличением производства средств разрушения и сокращением производства средств производства, привело не только к подрыву материально-технической базы русской промышленности, о чем будет сказано ниже, но и к нерациональному использованию производственных фондов машиностроительных заводов, переключившихся на выпуск предметов артиллерийского снабжения. Примером этому может служить Сормовский завод, который в 1915 г. за счет огромного сокращения выпуска своей обычной продукции (паровозов, вагонов, пароходов и т. д.) увеличил производство артиллерийских снарядов по сравнению с 1913 г. в 140 раз. В течение 1916 г. им было изготовлено 1400 тыс. снарядов разных калибров вместо 10 тыс. в 1913 г. То же самое можно сказать и о Невском судостроительном заводе, который за счет свертывания своего основного производства добился значительного расширения производства снарядов, поставки которых превысили даже нормы, установленные контрактами (с начала войны по март 1916 г. он поставил 3-дюймовых снарядов 404,5 тыс. штук против 370 тыс., установленных контрактами)².

Стремясь к выполнению выгодных военных заказов, предприниматели свертывали производство необходимых, но менее прибыльных во время войны предметов про-

¹ См. «Труды первого съезда представителей металлообрабатывающей промышленности», ч. 2, стр. 64.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 29, л. 308.

Динамика и структура продукции машиностроительной промышленности по категориям изделий
(в млн. довоенных рублей) ¹

Выработка	1913 г.		1914 г.		1915 г.		1916 г.		1917 г.	
	абсолютно	%	абсолютно	%	абсолютно	%	абсолютно	%	абсолютно	%
Общая годовая выработка	200,2	100	279,6	100	709,9	100	954,6	100	657	100
а) военная продукция	52,5	26,3	105,8	37,8	489,8	69	747,7	78,3	497	75
б) предметы мирного потребления . . .	147,7	73,7	173,8	62,2	220,1	31	207,2	21,7	160	25

¹ См. «Вестник статистики», кн. XIV, стр. 127.

мышленного производства. Так, например, за время войны было почти полностью прекращено производство турбин, ветряных двигателей и двигателей внутреннего сгорания, которые и раньше производились в весьма скромных размерах. Почти полностью прекратился выпуск машин и оборудования для промышленных предприятий, не говоря уже о швейных машинах, выпуск которых прекратился в самом начале войны. Из-за недостатка материалов и рабочих, отвлеченных для выполнения военных заказов или не получавших отсрочек по призыву в войска, почти совсем прекратились не только производство, но и ремонт старых машин.

По данным Совета съездов фабрикантов земледельческих машин, производство их в 1914 г. составляло 90% нормального выпуска, в 1915 г.— 50, в 1916 г.— 20 и в 1917 г.— 15%¹. В частности, например, Брянский завод, выпустивший в 1913 г. 80 093 плуга, в 1916 г. изготовил только 7074, а в 1917 г.— 6609 штук. Производство борон составляло в 1913 г. 33 912 штук, а к 1917 г. прекратилось совсем, так же как и производство сеялок.

Выпуск паровозов с 654 в 1913 г. сократился до 420 в 1917 г., а годовое производство вагонов составляло за три года (1914—1916) около 27 тыс. штук, или 60% нормальной производительности заводов. Это обусловилось тем, что основные паровозо-вагоностроительные заводы страны (Путиловский, Сормовский, Брянский, Коломенский, Гартмана и др.) перешли на исполнение весьма прибыльных заказов Главного артиллерийского управления и военно-морского ведомства, отодвинув паровозо- и вагоностроение на второй план. Так, завод Русского общества машиностроительных заводов Гартмана использовал свою производственную мощность по выпуску паровозов: в 1914 г.— на 57,5%, в 1915 г.— на 62,5, в 1916 г.— на 66,2, в 1917 г.— на 43,7%. Путиловский завод сократил выпуск паровозов с 68 в 1914 г. до 2 в 1916 г., Брянский — со 103 в 1914 г. до 38 в 1917 г.²

В связи с недоиспользованием производственных мощностей указанных выше заводов страна недополучила по состоянию на 1 января 1916 г. 259 паровозов, из них 156 для казенных и 103 для частных дорог³. Это обстоятель-

¹ См. Е. У. Измайловская, Русское сельскохозяйственное машиностроение, М. 1920, стр. 47.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 21, л. 316.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 21, л. 316.

ство, а также возросший спрос на подвижной состав, особенно в связи с возросшими перевозками военных грузов, заставили царское правительство пойти на значительные закупки транспортных средств за границей. За 1915—1917 гг. за границей было закуплено около 1300 паровозов и до 30 тыс. вагонов. Об отношении ввоза паровозов к их внутреннему производству говорит следующий подсчет. Если в 1913 г. ввоз паровозов составил лишь 2,3% отечественного производства (по стоимости), то за 1915—1917 гг. импорт (в натуральном выражении) составил уже 66% внутреннего производства.

О свертывании производства машин и транспортных средств, обслуживающих потребности народного хозяйства, говорится и в работе буржуазного профессора Гриневецкого, который, несмотря на свои старания затушевать ненормальность происшедших в русской промышленности изменений, вынужден все же признать, что «заводы, строившие дизели, перешли исключительно на работу морского ведомства...»¹ Другие заводы были также загружены военными заказами и не могли заниматься производством дизелей «из-за недостатка материалов и прочего». «Еще хуже обстояло дело с производством машин и орудий»², необходимых для промышленных и прочих производств.

Переключение машиностроительной промышленности на выпуск военной продукции привело, между прочим, не только к свертыванию старых, уже устоявшихся производств, но и к торможению развития новых отраслей машиностроения, например автомобилестроения. Намеченные к строительству восемь крупных автомобильных заводов с весьма широкой программой оборудования не были построены не только в 1916 г., но и в 1917 г., и военный спрос на автомобили покрывался главным образом ввозом из США.

Таким образом, расширение выпуска военной продукции, происшедшее за счет максимального сжатия производства средств производства, обусловило в конечном счете сокращение производства продукции не только мирного потребления, но и военного. Если продукция одиннадцати крупных машиностроительных заводов, обслужи-

¹ В. Гриневецкий, Послевоенные перспективы русской промышленности, стр. 42.

² Там же.

вавших нужды Главного артиллерийского управления и военно-морского ведомства, оценивалась в 1916 г. в 187,8 млн. руб., то в 1917 г. она сократилась до 133,9 млн. руб., или на 30% ¹.

Данные о состоянии и работе машиностроительной промышленности позволяют сделать тот бесспорный вывод, что большинство машиностроительных заводов переключилось в период войны на производство вооружения в ущерб своему основному производству (производство сельскохозяйственных машин, станков и промышленного оборудования). Поскольку машиностроительная промышленность работала по преимуществу на армию, то свою основную функцию по созданию материально-технической базы для расширения производства она фактически не выполняла. Наоборот, работая на войну и проедаая свои собственные фонды, а также не обновляя фондов других отраслей промышленности, машиностроение, как важнейший элемент 1-го подразделения, обуславливало деградацию уровня промышленной техники и сужение всего промышленного производства.

Между тем в работе профессора А. Л. Сидорова, посвященной влиянию первой мировой войны на экономику России, указывается «на значительное усиление и улучшение технического оборудования промышленности России как за счет усиления ввоза механического оборудования..., так и развития внутреннего машиностроения» ². Это утверждение А. Л. Сидорова является, на наш взгляд, неправильным, ибо, как мы уже указывали, отечественная машиностроительная промышленность занималась в годы войны не столько выпуском станков и оборудования, сколько производством снарядов и пушек. Что касается ввоза оборудования из-за границы, то, даже по данным А. Л. Сидорова, он составлял ничтожный процент. Так, из 8,5 млрд. руб., истраченных за годы войны на заграничные заказы, на долю промышленного оборудования приходится не более 373 млн. руб., или около 5% общей суммы заграничных заказов ³.

Даже буржуазные профессора признавали, что заграничные закупки мало что давали народному хозяйству,

¹ См. «Государственные машиностроительные заводы», 1921, стр. 8.

² См. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. 1, стр. 89.

³ См. там же, стр. 90.

так как они состояли преимущественно из военного снаряжения и боеприпасов, а не средств производства, необходимых для промышленности. Так, из 250 млн. пудов ввезенных в 1916 г. различных грузов на долю предметов промышленного производства, включая и сырье, приходилось всего 66,7 млн. пудов, или 26,6% ¹.

Можно сослаться и на целый ряд других источников, в которых приводятся хотя и несколько различные цифры, но неопровержимо подтверждающие как резкое сокращение абсолютных размеров импорта оборудования, так и относительное падение его доли в общих заграничных закупках. Так, по свидетельству «Вестника финансов», ввоз машин и оборудования в весовом выражении сократился с 19,3 млн. пудов в 1913 г. до 5,3 млн. пудов в 1916 г. ² Об этом же говорят материалы первого съезда представителей металлообрабатывающей промышленности, из которых видно, что за первые два года войны на оборудование для металлообрабатывающей промышленности было истрачено всего 52 млн. руб., которые покрывали не более 25% стоимости потребного оборудования ³.

Из этого вытекает, что русская промышленность никак не могла улучшить свою техническую оснащенность за счет заграничного оборудования, поскольку ввоз последнего в годы войны был значительно сокращен, а износ его увеличился. Не могло произойти улучшения технической оснащенности русской промышленности и за счет «развития внутреннего машиностроения» ⁴, поскольку, как признавала сама буржуазная печать, «война внесла полную разруху в обычную работу русских машиностроительных заводов» ⁵, почти целиком переключившихся на выпуск пушек, снарядов и т. д.

Переключение отечественной машиностроительной промышленности на усиленное изготовление этих видов продукции не только не способствовало росту технического оборудования промышленности, но, наоборот, разрушало старые, налаженные производства, выводило из строя ряд

¹ См. *Н. Огановский*, Народное хозяйство СССР в связи с мировым, М. 1925, стр. 47—48.

² См. «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 15, 1917 г., стр. 16.

³ См. «Труды первого съезда представителей металлообрабатывающей промышленности», ч. 2, стр. 65.

⁴ «Очерки по истории Октябрьской революции», т. 1, стр. 71.

⁵ «Промышленность и торговля» № 16—17, 1917 г., стр. 310.

крупнейших предприятий мирного характера. Это подмечено было некоторыми деятелями русской промышленности, в частности Литвиновым-Фалинским, который в записке на имя Особого совещания справедливо указывал, что поголовное переключение машиностроительных заводов на изготовление снарядов в конечном счете принесет огромный ущерб экономическому развитию страны. Он указывал, что «если бы эти заводы стали вместо изготовления снарядов и трубок заниматься исключительно постройкой станков, то в таком случае общее производство предметов снаряжения в стране быстро возросло бы, тем более, что производить станки может не всякий завод, в то время как изготовление снарядов и трубок, если имеются для этого подходящие станки, не представляет никаких трудностей»¹.

В том же плане выступал и другой деятель русской промышленности — А. Коншин, который указывал, что для того, чтобы добиться прочного и все прогрессирующего увеличения производства вооружения, нужно в первую очередь расширить производство станков, изготавливающих вооружение, ибо «расчеты на получение станков у союзников в настоящее время немислимы, так как они едва успевают их делать для себя»².

Но не только эти предложения не были приняты во внимание органами государственного «регулирования», но не достигли результатов и более конкретные предложения начальника ГАУ генерала Маниковского о необходимости постройки нового крупного станкостроительного завода, который обслуживал бы станками заводы, специализировавшиеся на выпуске вооружения.

В связи с этим заводы, изготавливавшие вооружение, не справлялись зачастую с выполнением военных заказов (несмотря на их выгодность) только потому, что не имели для этого достаточного оборудования. Из донесения артиллерийских приемщиков видно, что по причине отсутствия оборудования механический завод «Столл» поставил артиллерийскому ведомству на 1 октября 1915 г. всего лишь 30 тыс. капсульных втулок из 815 тыс., предусмотренных контрактом. Никополь-Мариупольский завод, взявшийся за производство бомб, по той же причине, т. е. из-за отсутствия надлежащих станков, изготовил в апреле

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 78, л. 171.

² «Промышленность и торговля» № 20, 1915 г., стр. 237.

1916 г. всего лишь 2300 бомб вместо 30 тыс., а в июне этого же года — 5 тыс. вместо 35 тыс.

Вопрос о невыполнении отдельными машиностроительными заводами военных заказов обсуждался на втором съезде представителей военнопромышленных комитетов 26—29 февраля 1916 г.¹ Из доклада и выступлений на этом съезде видно, что работе частной и в первую очередь машиностроительной промышленности мешали следующие обстоятельства:

а) запоздалость переключения промышленности на производство предметов военного снаряжения и вооружения; б) отсутствие общего плана заданий на главнейшие предметы военного снаряжения и как следствие этого постоянные изменения в программах работ заводов, отрицательно сказывавшиеся на их производительности; в) неурядицы, вызванные призывом в армию специалистов и рабочих; г) отсутствие специальных навыков к артиллерийской точной работе у заводов, не привлекавшихся к этой работе в мирное время благодаря ориентации военного ведомства на заграничный рынок; д) отсталость русского машиностроения вообще и почти полное отсутствие станкостроительных и инструментальных заводов; е) износ оборудования, отсутствие его восстановления и ремонта в течение войны; ж) перебои в снабжении машиностроительных заводов металлом и топливом вследствие упадка добычи и затруднений с подвозом их из-за расстройств транспорта.

Приведенные факты и анализ предшествующего материала дают основание сделать тот общий вывод, что царское правительство и его «регулирующие» органы, содействуя стихийному процессу переключения подавляющей части машиностроительных заводов на изготовление средств вооружения и потакая промышленным дельцам в получении за счет поставок вооружения огромных сверхприбылей без соответствующей капитализации их на расширение производства, содействовали тем самым не созданию слаженной военной экономики, а усилению анархии производства, ослаблению военно-экономического потенциала страны и подрыву той сферы материального производства, которая является основой прочности военно-экономического потенциала.

¹ См. «Труды второго съезда представителей военнопромышленных комитетов, 26—29 февраля 1916 г.», вып. 2, стр. 439—445.

Химическая промышленность, обслуживая нужды войны во взрывчатых (а в первую мировую войну и отравляющих и удушающих) веществах, играет в то же время и весьма существенную роль в удовлетворении мирных потребностей народного хозяйства, в революционизировании самого процесса материального производства и его технического базиса.

Анализируя особенности капиталистического способа производства и его технического базиса, Маркс усматривал в химии (наряду с машиной) могучее средство, способное производить «перевороты в техническом базисе производства»¹. И действительно, химия обладает чудесной способностью наиболее глубоко и всесторонне понижать производственные процессы, способствуя не только расширению сырьевой базы, но и рациональной переработке сырья, а в случае необходимости и замене его новыми видами сырья, добываемыми путем всевозможных химических соединений. Разлагая сырье на многочисленные составные элементы, а затем образуя из них (путем синтеза) новые химические соединения, химический процесс становится, таким образом, средством, извлекающим из данного сырья совершенно новые, ранее не известные в промышленном производстве продукты. Такой способ добывания промышленных продуктов (главным образом синтетического сырья и топлива) был широко применен в Германии в годы первой мировой войны, где наряду с использованием натуральных видов сырья и топлива было введено суррогатирование, т. е. замена наиболее дефицитных видов сырья и топлива менее дефицитными, получаемыми химическим путем.

В России, где химическая промышленность была наиболее отсталой отраслью народного хозяйства и где не было (перед войной) организовано даже переработки каменноугольных продуктов, производства фармацевтических веществ и искусственных удобрений, этот способ не получил распространения. Правящие и деловые круги России считали, что при наличии в стране огромных запасов естественного сырья и топлива добывание их химическим путем или путем суррогатирования не является актуальной проблемой. Но война, предъявившая огром-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 492.

ный спрос на сырье и топливо и обнаружившая неспособность русской промышленности покрыть этот спрос за счет естественных ресурсов, показала всю несостоятельность подобных рассуждений.

Пренебрежительное отношение к организации синтетических и других видов производств в составе русской химической промышленности было продиктовано, как это видно из архивных данных, уверенностью правящих кругов России в скором окончании войны и возможностью закупок всего недостающего у союзников — Англии и Франции. Однако уже первые месяцы войны показали, что по части продуктов химической промышленности союзники оказались в таком же примерно положении, как и Россия, а США не могли сразу поставлять химическое сырье и фабрикаты союзникам, так как там началось строительство новых химических заводов лишь в начале войны.

Положение русской химической промышленности усложнялось не только слабостью ее технического базиса, но и отсутствием необходимых исходных материалов для производства взрывчатых, отравляющих и удушающих веществ, применявшихся на фронтах первой мировой войны.

Для изготовления этих веществ нужно было иметь такие исходные материалы, как толуол, бензол, серная кислота, производство которых либо вообще отсутствовало в России (бензол, толуол), либо существовало в самой зачаточной форме (серная кислота). Война выдвинула также и вопрос о необходимости широкой утилизации и переработки отходов и отбросов производства, являющихся дополнительным фактором расширения сырьевой базы химической промышленности, удешевления и увеличения объема выпускаемой продукции.

Комплексное использование естественных сырьевых ресурсов, утилизация отходов и отбросов промышленного производства — важный показатель развитости химической промышленности. Чем совершеннее химическое производство в смысле комплексности и полноты использования своих потенциальных возможностей, тем способнее оно к удовлетворению потребностей военного и мирного рынков.

Если посмотреть на работу русской химической промышленности в годы войны с этой точки зрения, то, не смотря на свою непосредственную близость к источникам

сырья и на обилие этих источников (не говоря уже об отходах и отбросах промышленного производства), она не сумела их использовать сколько-нибудь удовлетворительно. По данным академика Вернадского¹, человечество использовало в 1916 г. 61 химический элемент, или 68,5% всех известных в науке химических элементов (89). В России же из 61 химического элемента, утилизируемого во время войны в других странах, добывался только 31, причем некоторые из них, как например вольфрам, иод, никель, фтор, стали добываться только в конце войны. Следовательно, по уровню добычи химических элементов русская химия стояла на самом последнем месте среди передовых в промышленном отношении стран. Она добывала около 50% известных и утилизируемых человечеством химических элементов и около одной трети известных в химической науке. Таким образом, по утилизации химических элементов наша страна находилась на уровне примерно XVIII века, когда некоторые страны — Англия, Франция — добывали уже 31,4% известных в науке химических элементов.

Вследствие технической отсталости своей химической промышленности Россия вынуждена была около 50% всех добываемых химическим путем продуктов ввозить из-за границы, что еще больше ставило ее в экономическую, а следовательно, и военную зависимость от заграницы². Работая на привозных полуфабрикатах и сырье, русская химическая промышленность не могла справиться с теми огромными требованиями, которые выдвинула перед ней война. Война предъявила колоссальные требования на взрывчатые вещества, на средства газовой борьбы, на продукты фармацевтического производства и т. д. Однако эти требования отечественная химическая промышленность не в состоянии была удовлетворить, поскольку она не располагала ни достаточной сырьевой базой, ни, тем более, современным производственно-техническим аппаратом.

¹ См. сообщение о его докладе в Петроградском обществе естествоиспытателей в «Торгово-промышленной газете» № 77, 1916 г.

² В 1915 г. академик Вернадский писал: «Мы сейчас находимся в таком положении, что по отношению к целому ряду продуктов мы не знаем, есть ли они у нас или нет, а если есть, то в каком количестве, так как мы привыкли получать их извне и отвыкли искать их у себя» (см. «Известия Российской императорской академии наук» № 8, 1915 г., стр. 682).

Как видно из секретного доклада начальника ГАУ на имя военного министра от 20 октября 1916 г., производство бездымного пороха было организовано до войны всего лишь на трех казенных пороховых заводах, с максимальной годовой производительностью в 1206 тыс. пудов, и на одном частном заводе, с годовой производительностью в 120 тыс. пудов¹. Между тем потребность на бездымный порох росла из месяца в месяц и составила: весной 1915 г. — 195 тыс. пудов, а с ноября 1916 г. по январь 1917 г. — до 620 тыс. пудов в месяц, или 7,5 млн. пудов в год, что превышало возможности внутреннего производства более чем в 5 раз. Проблема бездымного пороха была одной из центральных проблем для всех воевавших стран, в том числе и для Германии. Германия располагала еще до войны высокоразвитой химической промышленностью. Однако, несмотря на это, немцы и во время войны уделяли строительству химических и особенно пороховых заводов первостепенное внимание, считая, что «порох является энергетической базой для всех боевых средств»². В России недооценивали этого важного обстоятельства, и поэтому между производством пороха и спросом на него со стороны военвезда образовался, как мы уже указывали выше, колоссальный разрыв.

Но еще больший разрыв возник между производственными возможностями заводов по изготовлению взрывчатых веществ и спросом на продукцию этих заводов. Имевшиеся в России два казенных и один частный завод располагали максимальной годовой производительностью в 500—550 тыс. пудов. Между тем уже в начале 1915 г. выявилась такая колоссальная потребность во взрывчатых веществах, которая более чем в 20 раз превышала производственные возможности отечественных заводов. Но если даже принять во внимание некоторое расширение этих заводов и постройку во время войны восьми новых предприятий по производству взрывчатых веществ, то в совокупности они давали не больше 1200 тыс. пудов в год. Потребность же на взрывчатые вещества достигла в 1916 г. около 940 тыс. пудов в месяц, или 11,3 млн. пудов в год³. Таким образом, диспропорция между производственными возможностями отечественных

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, л. 10, 11, 42.

² M. Schwarte, Die Technik im Weltkrieg, S. 98.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, л. 11 об.

заводов и требованиями фронта не смягчалась, а все больше обострялась. С каждым месяцем войны рост производственных мощностей русских химических заводов и объем выпускаемой ими продукции значительно отставали от растущих потребностей фронта.

Для производства громадного количества взрывчатых веществ нужно было иметь не только значительно большее количество заводов, но и соответствующее количество сырья (серная и азотная кислоты, толуол, бензол и другие исходные материалы), без которого нельзя ни организовать, ни тем более расширить производство взрывчатых веществ. Одним из таких исходных материалов является серная кислота, применяемая в производстве различных химических продуктов, в том числе и взрывчатых веществ. По количеству производимой и потребляемой серной кислоты судят обычно об уровне развития химической промышленности страны.

Известно, что по сравнению с промышленно развитыми западноевропейскими странами Россия располагала чрезвычайно слабой сернокислотной промышленностью. В то время как в России имелось до войны всего лишь 38 сернокислотных заводов, в Германии их было более 100, с производительностью, в 4 раза превышающей русское сернокислотное производство. С началом применения химических средств ведения войны и ростом в этой связи потребностей на продукты химической промышленности образовалась серьезная диспропорция между производством серной кислоты и спросом на нее со стороны производств, изготавливавших взрывчатые и отравляющие вещества. Эта диспропорция увеличилась еще больше, поскольку была временно потеряна польская и прибалтийская химическая промышленность, которая обладала значительными производственными возможностями.

Но это не все. Наряду с сокращением количества сернокислотных заводов и их производственных мощностей совершенно прекратился привоз из-за границы серного колчедана, являющегося основным видом сырья для сернокислотного производства. В связи с этим создалось чрезвычайно тяжелое положение со снабжением предприятий, изготавливавших взрывчатые вещества, серной кислотой. Это обстоятельство потребовало от соответствующих гражданских и военных ведомств организации

разработок и добычи собственного серного колчедана и строительства на этой основе новых серноокислотных заводов.

Строительство новых и расширение существующих серноокислотных заводов осложнялось не только трудностями снабжения их исходным сырьем (серным колчеданом), но и почти полным отсутствием необходимой аппаратуры и оборудования, которые приобретались в мирное время за границей, по преимуществу в Германии. Перед войной проектирование и строительство химических заводов в России находилось фактически в руках немецких техников, действовавших от имени химического треста «Фарбенверке», сосредоточившего в своих руках до 80% всего производства химической промышленности Германии и имевшего свои дочерние общества в США, Швейцарии, Голландии и Норвегии.

Не без влияния, очевидно, этого треста значительная часть русских химических заводов была расположена поближе к границам Германии и вдали от отечественных источников сырья. В частности, это относится к серноокислотным заводам, которые, будучи расположены в пограничной полосе западной части России, занимались обработкой серного колчедана, привозимого из Скандинавии и с Пиренейского полуострова. В 1913 г. ввоз его достигал 8950 тыс. пудов. Лишенные после объявления войны подвоза серного колчедана морским путем заводы принуждены были сократить выработку серной кислоты. Это обстоятельство вынудило официальные и деловые круги царской России принять экстренные меры по расширению за счет казны добычи серного колчедана на Урале. При этом предполагалось, что уральский колчедан будет поставляться главным образом в западные районы страны, где были расположены серноокислотные заводы.

Занятие немцами Польского промышленного района и последующая эвакуация Рижского района сорвали эти расчеты и вновь создали острый кризис в продуктах химической промышленности и в производстве исходных материалов для изготовления взрывчатых и отравляющих веществ. Это обстоятельство потребовало от Главного артиллерийского управления, ведавшего заготовлением взрывчатых и отравляющих веществ, строительства на казенный счет новых и расширения существующих серно-

кислотных заводов на базе уральского серного колчедана. В связи с этим по предложению названного военного ведомства было начато строительство ряда сернокислотных заводов стоимостью в 32 млн. руб. В течение двух с половиной лет предполагалось построить дополнительные мощности, обеспечивающие выпуск серной кислоты на сумму в 12 млн. руб. в год¹.

Несмотря на исключительно важное значение с военной и хозяйственной точки зрения намечавшихся к строительству объектов, строительство их двигалось крайне медленно и только немногие из них были построены в ходе войны². Но и это (наряду с расширением существующих производственных мощностей) оказало немаловажное влияние на увеличение производства серной кислоты, выработка которой составила в 1916 г. (без купоросного масла) 17,7 млн. пудов против 5,8 млн. пудов в 1912 г.³

В первые два года войны, когда химическая промышленность, так же как и вся промышленность России, переживала период перестройки, в стране чувствовался довольно заметный кислотный кризис. Особенно этот кризис отразился на частных производствах, которые были оттеснены в получении кислот на второй план казенными производствами, занимавшимися изготовлением взрывчатых веществ и поглощавшими почти всю кислоту, производимую в России. В этой связи на кислотном рынке началась неимоверная спекуляция, вызвавшая искусственное повышение цен и прочие отрицательные явления.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 96, л. 212—213.

² Медлительность и крайне недостаточный объем производства отечественных сернокислотных заводов объясняются наряду с нехваткой материалов, рабочих рук и оборудования отсутствием твердой программы финансирования, которая то и дело урезывалась правительственными органами под предлогом экономии средств на военные нужды. Но, урезывая финансирование строительства своей собственной химической промышленности, царское правительство в то же время расходовало многомиллионные суммы на покупку предметов химической промышленности за границей. Так, за годы войны в одной только Англии было закуплено основных химических продуктов на сумму 66 млн. золотых рублей, или в 2 с лишним раза больше, чем требовалось на строительство своих собственных сернокислотных заводов (ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 70, л. 107).

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 356, л. 1—3.

Рост цен на серную кислоту обуславливался прежде всего колоссально возросшим спросом на нее со стороны военных производств. Если первые пять-шесть месяцев войны рост этой потребности еще не так чувствовался, то уже начиная с февраля 1915 г., когда вся химическая промышленность, особенно сернокислотные производства, была привлечена к поставкам кислоты для военных заводов, изготавливавших взрывчатые вещества, положение на кислотном рынке резко обострилось. При этом выяснилось, что отечественные химические заводы, изготавливавшие серную кислоту, не в состоянии удовлетворить и десятой доли потребностей военного времени.

Однако для приготовления взрывчатых веществ нужна была не только серная кислота, но и азотная, для производства которой необходимо было иметь огромное количество селитры. Эта селитра (в объеме около 6—7 млн. пудов в год) могла быть завезена только из Чили, откуда Россия и получала селитру в годы войны. Но то, что делалось химическим комитетом в области закупки селитры за границей, нельзя рассматривать в качестве положительного мероприятия, как это пытались изобразить царские чиновники и журналисты. Эти закупки свидетельствовали о технической беспомощности русской химической промышленности, оказавшейся в условиях войны не только без сколько-нибудь мощной энергетической, но и без сырьевой базы.

Химический комитет, который взял на себя задачу «освобождения» русской химической промышленности от иностранной зависимости в сырье, приступил было к разработке различных методов получения азотной кислоты, но не довел этого дела до конца. Причиной этому было сокращение производства сульфата аммония, который служит материалом для приготовления аммиачной селитры, и недостаток серной кислоты.

Для того чтобы увеличить выработку аммиачной селитры, нужно было перестроить уловители побочных продуктов коксования и добиться максимального улавливания аммиака. Но так как этого не было сделано, то аммиак — этот важнейший элемент производства азотной кислоты — пропадал даром. Только в конце войны химический комитет ГАУ организовал на юге (в Макеевке) опытное производство по превращению аммиака в азотную кислоту. Но это производство, превращенное

затем в казенный завод, могло вырабатывать всего лишь 50 тыс. пудов аммиачной селитры в месяц и покрывало не более 10—11% потребности в ней.

Для расширения добычи бензола, являющегося исходным материалом в производстве взрывчатых веществ, в Донецком бассейне было начато строительство новых коксовых печей с рекуперацией бензола и толуола. Значительная часть печей была готова к первой половине 1916 г. Но пустить в ход и загрузить их полностью не представлялось возможным ввиду недостатка коксового угля. Донецкое общество железодельного и сталелитейного производств недополучало от своих поставщиков ежемесячно: от Общества южно-русской каменноугольной промышленности — 575 тыс. пудов угля, от Брянского общества каменноугольных копей и рудников (станция Алмазная) — 485 тыс., от франко-русского общества (станция Ханженково) — 120 тыс., от Голубовского товарищества (станция Щегловка) — 380 тыс. пудов¹.

В письме на имя начальника ГАУ председатель химического комитета указывал, что для производства бензола и толуола поставщики должны ежемесячно отпускать по договорам 1560 тыс. пудов коксового угля. Однако эти договоры не выполнялись. Поставщики мотивировали это сокращением добычи и необходимостью обеспечения своих собственных нужд и нужд железных дорог и флота. Но, как справедливо указывалось в этом письме, поставщики «забыли», что коксовый уголь является вредным для паровозов и флота, так как портит топку. «Сохранение существующего порядка снабжения топливом грозит свести к нулю всю работу по организации отечественного производства бензола и толуола и делает совершенно невозможным расширение означенных производств в будущем»², — писал председатель химического комитета.

В связи с этими тревожными сигналами и настойчивыми требованиями фронта на взрывчатые вещества снабжение бензольных заводов коксовым углем значительно улучшилось, а это в свою очередь привело к расширению деятельности бензольных производств. Бензольные производства имели большое значение не только для военных целей, но и для развития народного хозяйства. Из бензольных производств, работающих на коксовом газе, черпают

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 273, л. 8.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 273, л. 8.

сырьевые ресурсы заводы красящих веществ, а также предприятия, вырабатывающие фармацевтические и медицинские препараты. Эти, а также другие химические продукты (ксилол, нафталин, антрацен, карболовая кислота или фенол), находящиеся в каменном угле, вырабатывались путем сухой перегонки углей в момент их коксования (бензол и ксилол находятся в газах, а нафталин, антрацен и фенол — главным образом в каменноугольной смоле).

И именно потому, что эти производства являются не только военными, но и мирными, имеющими большую перспективу в удовлетворении потребностей мирного рынка (особенно по окончании войны), частные предприятия, сначала робко бравшиеся за организацию этих производств, горячо взялись за это дело спустя некоторое время. Так, например, владельцы коксовых печей осенью 1915 г. предложили химическому комитету услуги по организации бензольных производств и по поставкам бензола военному ведомству.

В полном соответствии с интересами частных предпринимателей Главное артиллерийское управление и созданный при нем химический комитет при выборе места для строительства бензольных производств предписывали своим уполномоченным руководствоваться не только безопасным расположением вновь строящихся заводов и удобством путей сообщения, но и наличием сбыта в данном месте в мирное время, чтобы заводы могли поддерживать свое существование в будущем без дальнейших затрат казны.

Производство новых бензольных производств, начавших работать в конце войны, несмотря на их сравнительно низкую техническую оснащенность, обходилась дешевле, чем иностранная. Это и понятно — перевозка бензола за тысячи километров, погрузка и разгрузка его, а также хранение значительно повышали продажную цену. Развернувшееся в годы войны строительство бензольных заводов оказало заметное влияние на развитие в России целого ряда других химических производств, как, например, производство толуола и ксилола, вырабатывавшихся в России перед войной в очень небольших количествах.

О том, каких размеров достигло производство указанных продуктов, можно судить по следующим данным. Если в 1913 г. сырого и чистого бензола производилось только 30 921 пуд, то в 1916 г. эта цифра увеличилась до

418 253 пудов, или более чем в 13 раз. Производство толуола и ксилола увеличилось за это же время с 43 608 пудов до 469 191 пуда, т. е. более чем в 10 раз¹.

Если прибавить к этим цифрам продукцию неучтенных производств на Кавказе, в Сибири и Кузнецке, где на базе коксования углей и улавливания коксовых газов были также созданы химические производства, то картина была бы еще более внушительной. В данном же случае мы имеем цифры, относящиеся преимущественно к югу России и охватывающие собой 85—90 % всех химических производств, работавших на отходах коксостроительной промышленности.

Значительно увеличилось также производство пороха и пиротехники. Если в 1913 г. этих продуктов изготовлялось на сумму 15 млн. руб., то в 1916 г.— уже на сумму 158 млн. руб., т. е. в 10,5 раза больше, чем до войны². Производство азотной кислоты увеличилось с 81,6 тыс. пудов в 1913 г. до 224,7 тыс. пудов в 1916 г.³

Увеличение производства указанных продуктов, являющихся исходной базой для фабрикации взрывчатых и отравляющих веществ, обусловлено было двумя основными факторами: во-первых, огромным спросом на взрывчатые и отравляющие вещества со стороны военного ведомства, превратившего производство по изготовлению этих веществ в привилегированные чисто военные и финансируемые зачастую казной отрасли промышленности, во-вторых (и это главное), исключительной прибыльностью военно-химического производства, вызвавшей стихийное перераспределение капиталов в пользу отраслей, изготовлявших исходные материалы и фабrikаты военного потребления⁴.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 356, л. 1—3.

² См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 176.

³ См. там же, стр. 210.

⁴ П. И. Лященко в своей работе «История народного хозяйства СССР» (т. II, стр. 627—628), говоря о росте в России коксобензолного производства в годы войны, объясняет этот рост исключительно инициативой и предприимчивостью комиссии Ипатьева по заготовлению взрывчатых веществ, которая, по его словам, «быстрыми темпами стала развивать коксобензолную промышленность». Но комиссия Ипатьева была всего лишь техническим аппаратом, осуществлявшим социальный заказ капиталистов по милитаризации химической промышленности, по созданию для промышленников условий к получению монопольно высоких прибылей за счет организации выгодных военно-химических производств. В этой

Но если в химических производствах, непосредственно обслуживавших нужды войны, наблюдался рост продукции, то в химических производствах, не связанных с войной, наблюдалась обратная тенденция. Об этом говорит следующая таблица, составленная нами по материалам промышленной переписи 1918 г.

Динамика выпуска продукции невоенного потребления¹

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Соляная кислота (тыс. пудов)	894,9	849,9	454,3	362,1	184,2
Суперфосфат » »	284,5	211,6	59,3	56,3	3,5
Белила сухие » »	105,3	110,3	48,6	34,5	12,6
Краски разных колеров (тыс. пудов)	57,7	55,7	36,6	24,8	25,7
Краски анилиновые (тыс. пудов)	108,5	115,3	28,8	4,4	5,3
Хлопковое масло (тыс. пудов)	177,1	165,1	145,2	63,2	55,1
Сурепное масло » »	179,4	140,3	83,1	40,1	4,8
Косметические товары (тыс. пудов)	147,4	144,4	117,3	94,3	90,6
Резиновая обувь (галоши, тыс. пар)	24 202	19 448	20 468	15 171	12 841

По перечисленным видам продукции мы видим, что темп снижения объема производства был обратно пропорционален темпу возрастания продукции военных производств. Больше того, если продукция военного производства увеличилась в 1917 г. в 11—12 раз по сравнению с уровнем 1913 г., то продукция невоенного производства, взятая нами на выборку, сократилась в ряде случаев в 10—20 раз.

В целом по химической промышленности, поскольку главное место принадлежит в ней военным производствам, выпуск продукции не сократился, а увеличился.

связи рост коксобензолного и других видов химических производств объясняется не личными достоинствами Ипатьева или его комиссии, как это утверждает П. И. Лященко, а действием объективных экономических факторов, связанных с возросшим во время войны спросом на военно-химические материалы, и выгодностью их производства.

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 210—216.

Повышение абсолютных размеров производства в химической промышленности было связано не столько с повышением производительности труда, сколько с расширением размеров производства и увеличением контингентов рабочей силы. Об этом говорит, в частности, следующая таблица, составленная по материалам промышленной переписи 1918 г.¹

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Валовая продукция в ценах 1913 г. (в млн. руб.) . . .	209,6	204,6	271,1	379,0	306,9
Количество рабочей силы (в тыс. человек)	36,6	40,3	43,9	49,9	58,4
Выработка на 1 рабочего в год (в руб.)	5 729	5 075	6 170	7 590	5 260

Как видно из этой таблицы, среднегодовая выработка на одного рабочего, возросшая в 1915 г. и в 1916 г., пошла на резкое снижение в 1917 г., составив около 80% от уровня 1913 г. Таким образом, рост абсолютных размеров производства в 1917 г. (по сравнению с 1913 г.) объясняется не ростом производительности труда, а ростом численности рабочей силы, составившей в этом году более 150% к уровню 1913 г. Конечно, по сравнению с другими отраслями промышленности (текстильная, металлургическая, каменноугольная), обнаружившими тенденцию к резкому падению абсолютных размеров производства, химическая промышленность была своего рода «счастливым» исключением. Ее производство обнаружило тенденцию не к падению, а к возрастанию, причем почти на всем протяжении войны. Но оно совершенно не в состоянии было покрыть потребности армии в таких важных элементах военной химии, как бездымный порох, взрывчатые и отравляющие вещества. Потребность армии во взрывчатых веществах покрывалась в 1916 г. за счет внутреннего производства всего лишь в пределах 5—6%, а по бездымному пороху — в размере 10—11%².

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 162—163.

² См. П. И. Ляценок, История народного хозяйства СССР, т. II, стр. 628.

Такая диспропорция между производством основных предметов военной химии и ростом спроса на них со стороны фронта ставила Россию не только в неравное положение перед противником, но и в зависимое положение перед своими союзниками и прежде всего перед США, где она вынуждена была за последние полтора года войны закупить свыше 2 млн. пудов бездымного пороха ¹.

Русские закупки чилийской селитры в США более чем в 10 раз превысили внутреннее производство аммиачной селитры, организованное лишь в самом конце войны на базе улавливания побочных продуктов коксования.

Таким образом, не раз декларировавшиеся намерения химического комитета ГАУ освободить русскую химическую промышленность от иностранной зависимости по полуфабрикатам и сырью, в частности по чилийской селитре, оказались нереализованными. Зависимость по этим элементам химического производства не только не была ликвидирована, но была еще более усилена, что оказывало огромное тормозящее влияние на развитие отечественной химии и на стабилизацию уровня цен на отдельные виды химической продукции.

Сокращение производства целого ряда химических продуктов, а самое главное, увеличение спроса на них со стороны военного ведомства и мирного хозяйства вызвали заметный рост цен на отдельные виды продукции химической промышленности. Так как амплитуда колебаний цен является в условиях капиталистического производства важнейшим показателем хозяйственной конъюнктуры, то на анализе этой проблемы мы остановимся более подробно. Обратимся к динамике цен на отдельные продукты химической промышленности.

Как видно из приведенной выше таблицы, производство соляной кислоты заметно сократилось за годы войны. Сократился спрос на нее. Однако, в то время как производство соляной кислоты уменьшилось в конце войны минимум в 4—5 раз, спрос на нее сократился за это же время всего лишь примерно в 2 раза. Таким образом, превышение спроса на соляную кислоту над предложением плюс удорожание серной кислоты, являющейся необходимым элементом в производстве соляной кислоты, а также повышение цен на сырье и топливо сыграли огромную роль в росте цен на соляную кислоту. Так, например, обычная

¹ С.м. П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, стр. 630.

соляная кислота крепостью в 18—30° продавалась в начале 1915 г. по 70—85 коп. за пуд. В начале 1916 г. стоимость одного пуда соляной кислоты поднялась до 2 р. 75 к., а в конце этого года — до 4 руб.¹ Такой стремительный скачок цен не мог не отразиться на стоимости продукции тех отраслей промышленности, которые потребляли соляную кислоту и которые включали ее в себестоимость своей продукции в качестве одного из составных элементов.

Но соляная кислота не была исключением. Даже такая кислота, как азотная, производство которой было расширено во время войны больше чем в 10 раз, не избежала повышения цен. Уже в 1915 г. вследствие вздорожания цен на селитру и ненадежности снабжения азотнотуковых предприятий сырьем цены на азотную кислоту значительно возросли по сравнению с 1913 г. Причем колебание цен зависело от характера поставок азотной кислоты, т. е. от того, отпускается ли она предприятиям, работающим на военные нужды, в централизованном порядке и по фиксированным ценам или сбывается в порядке «децентрализованного закупа» на черном рынке и, следовательно, по спекулятивным ценам.

Так, например, работавшие на войну предприятия получали азотную кислоту по нарядам военного ведомства по 8 руб. за пуд. Эта установленная военведом твердая цена обуславливалась тем, что химические заводы, изготавливающие азотную кислоту, получали казенную селитру по 4 руб. за пуд. При покупках же азотной кислоты на черном рынке она обходилась покупателю (если азотная кислота обладала крепостью в 40° по Бомэ) от 13 до 20 руб. за пуд. Такая бешеная цена и разница в ценах на азотную кислоту объяснялись отчасти высокими рыночными ценами на селитру, достигавшими в начале 1915 г. 6—7 руб., а летом — 12—13 руб. за пуд.²

Но вместе с этим высокие цены на азотную кислоту обуславливались также и широко распространившейся спекуляцией, ибо в течение 1915 г. были моменты, когда у изготовителей азотной кислоты не было товарной продукции, а у скупщиков она имелась. Последние не преминули воспользоваться выгодно сложившейся для них конъюнктурой и развернули бешеную спекуляцию азотной кислотой.

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. III, стр. 54.

² См. там же.

Трудности со снабжением химических производств, изготовляющих азотную кислоту, селитрой продолжались и в 1916 г. В этой связи цены на азотную кислоту, отпускаемую даже для военных производств, возросли до 16—17 руб. за пуд¹. Производства, не работавшие на войну, покупали азотную кислоту на черном рынке и по ценам, в 2—3 раза превышающим нормированные. Частные потребители получали азотную кислоту и непосредственно от химических заводов, но опять-таки не по твердым, а по рыночным ценам. Это обуславливалось тем, что изготовление азотной кислоты для частных потребителей не обеспечивалось казенным сырьем, а базировалось на рыночных покупках селитры по спекулятивным ценам. Так, например, вместо казенной цены на селитру в 4 руб. за пуд заводчики платили за нее в начале 1915 г. по 6 р. 50 к. за пуд, в апреле — по 8 р. 25 к., в мае — по 11 р. 50 к., а в эти же месяцы 1916 г. — по 19—19 р. 50 к. за пуд².

Цены на чилийскую селитру возросли в годы войны не только потому, что не было достаточных запасов этого вида сырья, но и потому, что закупленная в 1915—1916 гг. в Америке селитра застряла частью в Архангельске, частью во Владивостоке и даже в Вологде, откуда вывозилась она посредством дорогостоящего гужевого транспорта. Отправку грузов селитры в адрес химических заводов по железной дороге удалось организовать только в июне 1916 г. После этого цены на селитру несколько понизились, дойдя до 13—14 руб. за пуд.

Таким образом, недостаток чилийской селитры не только способствовал повышению цен на азотную кислоту, но и лимитировал производство последней, несмотря на возросшую потребность на нее со стороны военного ведомства.

В связи с повышением цен на серную кислоту, которая входит в качестве необходимого элемента в изготовление целого ряда химических продуктов, повысилась цена и на изготовленные при ее участии химические продукты. В частности, это относится к железному и медному купоросу, цены на который значительно возросли в годы войны. Так, в начале 1915 г. оптовая цена на железный купорос была 70 коп. за пуд, но начиная с апреля она стала повышаться и дошла к концу года до 3 р. 25 к. В начале 1916 г. цены на железный купорос увеличились

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. III, стр. 54.

² См. там же, стр. 55.

до 4—5 руб.¹ за пуд и на этом уровне держались почти весь год.

Такая же картина была и в динамике цен на медный купорос. В начале 1915 г. цены на русский медный купорос держались на уровне 9 руб. за пуд, а на иностранный — на уровне 9 р. 75 к. Но начиная с февраля цены пошли в гору и увеличились в апреле до 12,5—13 руб., а к концу года до 21—22 руб. В январе 1916 г. цены на медный купорос возросли еще больше и составили 26 руб., а затем под влиянием недостатка купороса и усиленного спроса на него со стороны виноградарей и пр. дошли до 37—38 руб. за пуд².

Значительную повышательную тенденцию проявили также и цены на сернистый натр, производство которого осуществлялось с участием серной кислоты. Ввиду повысившихся цен на серную кислоту повысились также цены и на натр. Так, например, цена одного пуда натра колебалась в начале 1915 г. от 5 д 5,5 руб., а через 3—4 месяца она повысилась под влиянием удорожания цен на серную кислоту до 7 руб.³ Осенью этого года цены на натр еще больше возросли, чему способствовало не только удорожание серной кислоты, но и сокращение подвоза натра из Петрограда вследствие расстройств грузового движения на железных дорогах.

Несмотря на ввоз некоторого количества натра из-за границы (через Швецию), а также организацию производства его на русских химических заводах (в Петрограде, в Москве, в Иваново-Вознесенске), цены на натр продолжали расти и составили в 1916 г., в зависимости от его качества и крепости, 9—18 руб. за пуд⁴.

Несколько иное положение в области динамики цен наблюдалось в отношении другого типа натра — серноокислого, который потребляли преимущественно стекольные заводы. С запрещением продажи водки спрос на серноокислый натр (сульфат) со стороны заводов, изготавливающих стеклянную посуду, резко сократился. В этой связи сократилось производство сульфата, что стихийно выравнивало соотношение между спросом на сульфат и его предложением. Это обстоятельство сыграло немалую роль в стабилизации цен на серноокислый натр.

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. III, стр. 55.

² См. там же, стр. 55—56.

³ См. там же, стр. 57.

⁴ См. там же.

В заключение укажем еще один вид химической продукции, имеющий немаловажное значение для работы текстильной промышленности, а именно анилиновое масло и анилиновую соль. Уже вскоре после начала войны производство этих продуктов должно было прекратиться вследствие недостатка сырья — бензола, получавшегося из-за границы. Оставался единственный выход для удовлетворения спроса текстильной промышленности на анилины — закупка за границей, в частности в Англии.

Уже в 1914 г. русские потребители получили из Англии первые партии анилина. Но в феврале 1915 г. английское правительство вследствие увеличения внутреннего спроса на анилин запретило вывоз последнего за границу, даже в союзную Россию. Поэтому неудивительно, что в Москве и в Иваново-Вознесенске образовался в 1915 г. настоящий анилиновый голод, и появлявшиеся на черном рынке время от времени бочки анилинового масла и анилиновой соли продавались потребителям по архиспекулятивным ценам (в 1915 г. пуд анилина стоил на рынке 200 руб. против 11—12 руб. в 1913 г.). Даже анилиновая соль, закупленная в Англии, обходилась потребителю не менее 100—120 руб. за пуд.

Такое положение с анилиновым маслом и солью сыграло огромную роль в снижении хлопчатобумажного производства, особенно в отношении тех видов продукции, окраска которых производилась с помощью анилина. Это же обстоятельство сыграло немаловажную роль в повышении себестоимости хлопчатобумажной продукции и в росте оптовых и розничных цен.

* *
*

Хлопчатобумажная промышленность представляла собой наиболее развитую отрасль промышленного производства России. Основные центры хлопчатобумажной промышленности были в Иваново-Вознесенской и Московской губерниях, Петербурге, Лодзи и Нарве. Такая мануфактура, как Кренгольмская (в Нарвском районе), была не только самой крупной в России, но и одной из крупнейших в мире.

Отличительной чертой хлопчатобумажной промышленности России, как, впрочем, и всей русской промышленности, был высокий уровень концентрации производства

и рабочей силы. В 1913 г. 77,6% всех рабочих этой отрасли промышленности было занято на предприятиях с количеством рабочих свыше 1000 человек и 10,6% — на предприятиях с количеством рабочих от 501 до 1000 человек¹.

Средний размер предприятий хлопчатобумажной промышленности в России, особенно по уровню концентрации в них рабочей силы, был выше, чем в Англии, Германии и США. Однако по степени концентрации основного капитала в этих предприятиях (ввиду низкого органического строения капитала) Россия значительно отставала от передовых капиталистических стран. Этим, собственно, и объясняется тот экономический парадокс, что на равных по количеству основного капитала предприятиях России и передовых капиталистических стран было занято далеко не одинаковое количество рабочей силы.

Хлопчатобумажная промышленность России отличалась не только высоким уровнем концентрации своих производств, но и ростом монополистических союзов, являющихся характерной чертой империалистической стадии капитализма. Разновидностью этих монополистических союзов явились комбинаты, созданные накануне первой мировой войны по инициативе капиталистов ткацких предприятий, добивавшихся устранения своей зависимости от прядильных фабрик, поставлявших им сырье. Комбинируя ткацкие и прядильные производства, хлопчатобумажные фабриканты добивались значительного снижения издержек производства и, в частности, расходов по транспортировке тканей и пряжи, что давало им возможность получать значительно более высокие прибыли по сравнению с некомбинированными производствами. Так, крупные комбинированные хлопчатобумажные предприятия Московской и Владимирской губерний приносили своим владельцам 15—20% прибыли на авансированный капитал, тогда как некомбинированные предприятия, работающие на покупной пряже, — только 7—10%².

В погоне за монопольно высокими прибылями хлопчатобумажные фабриканты не ограничивались комбинированием ткацких и прядильных производств. Они создавали

---

¹ См. «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год», стр. 88—89.

² См. П. А. Хромов, Очерки экономики текстильной промышленности СССР, 1946, стр. 54.

синдикаты (которые были наиболее распространенной в России формой монополистических объединений), ставившие своей целью определение квот производства, установление монопольно высоких цен и сбыт продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Примером являются три крупнейшие в Московском районе текстильные фирмы (товарищество Даниловской мануфактуры, товарищество Коншина и товарищество Гюбнера), создавшие в 1913 г. синдикат «для внутренней и вывозной торговли»¹.

Перед войной русские хлопчатобумажные ткани вывозились преимущественно на Восток — в Иран, Китай, Афганистан, Турцию, Монголию, которые потребляли до 90 % экспортируемых из России тканей. Однако в целом вывоз хлопчатобумажных тканей не получил широкого развития, так как более 95 % производимых в России хлопчатобумажных тканей потреблялось в 1912 г. внутри страны и лишь около 5 % вывозилось за границу². Но, стремясь к вывозу хлопчатобумажных тканей на внешние рынки и даже к монополизации некоторых из них (как, например, иранского, с которого были вытеснены английские торговые фирмы), русская хлопчатобумажная промышленность сама находилась в зависимости от иностранного рынка, поставлявшего ей оборудование, красители, сырье и прежде всего хлопок. Хлопком отечественного производства она была обеспечена не более чем на 60 %. Основными производителями хлопка в России были Туркестан (особенно Фергана) и Закавказье. Поставщиками иностранного хлопка были: Египет, Иран, Афганистан, а во время войны и США.

Поскольку объем промышленного производства зависит в большой мере от наличия сырьевых ресурсов, хлопчатобумажная промышленность вынуждена была приспособляться к хлопковой конъюнктуре и в зависимости от нее развивать свое производство. Так, например, с наступлением первой мировой войны, несмотря на возросший спрос на изделия хлопчатобумажной промышленности, она вынуждена была сократить свое производство, с тем чтобы растянуть имеющиеся запасы хлопка и красящих веществ (которые поставлялись в мирное время Германией) на более продолжительный срок. Да и количество рабочих дней

¹ С. О. Загорский, Синдикаты и тресты, СПб 1914, стр. 108.

² См. «Обзор внешней торговли России за 1912 г.», ч. 1, 1913, стр. 8—9.

в хлопчатобумажной промышленности сократилось на 2—3 в неделю при неполном рабочем дне.

Анализируя производственную деятельность хлопчатобумажной промышленности, мы должны иметь в виду, что она, как отрасль, обрабатывающая сырой материал и делающая из него изделия, не может нормально развиваться без прочной сырьевой базы. Это обстоятельство необходимо иметь в виду еще и потому, что если в условиях мирного времени проблема сырья могла в известной степени решаться за счет ввоза его из-за границы, то в условиях военного времени, когда были нарушены внешнеторговые связи с заграницей, решение этой проблемы значительно усложнилось.

Поэтому раньше, чем приступить к анализу непосредственной деятельности хлопчатобумажной промышленности, необходимо посмотреть, как решался вопрос со снабжением ее сырьем в период войны, как обстояло дело с производством собственного хлопка и с привозом его из-за границы. Ставя эти вопросы, мы должны учесть, что в военное время потребности в хлопке неизмеримо возросли. При этом если в 1915 г. русская хлопчатобумажная промышленность имела еще крупные запасы (около 6 млн. пудов), то к 1916 г. она уже израсходовала эти запасы и вынуждена была потреблять хлопок текущего производства при весьма ограниченном ввозе его из-за границы

Потребление хлопка хлопчатобумажной промышленностью России

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Общее потребление хлопка (в тыс. пудов)	26 361	27 900	28 369	22 538
В том числе:				
Русского ¹	14 351	17 298	19 886	16 186
Иностранного ²	12 010	10 602	8 483	6 352

По приведенным данным можно судить не только о динамике привоза иностранного хлопка, удельный вес которого неуклонно сокращался за годы войны в сырьевом

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, Пгр. 1922, стр. 53.

² См. «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 15, 1917 г., стр. 15.

балансе хлопчатобумажной промышленности России, но и о характере развития собственного хлопководства страны. Как видно из приведенных данных, потребление русского хлопка росло из года в год, и только в 1916 г. ввиду недорода хлопка потребление его значительно снизилось по сравнению с предыдущим годом, хотя и продолжало оставаться на более высоком уровне, чем в 1913 г. Конечно, при «нормальных» связях с границей и при покупке там недостающего количества хлопка можно было бы вполне компенсировать всякого рода прорывы на внутреннем хлопковом рынке. Но война отрезала Россию от египетского хлопка. В связи с этим предприятия, работавшие на иностранном хлопке, вынуждены были частично сократить свое производство. Начало этому было положено в сентябре 1914 г. рядом мануфактур во главе с Кренгольмской, которые работали всего четыре дня в неделю.

Угроза дальнейшего сокращения производства потребовала закупки хлопка в Америке. Но закупленный в Америке в начале 1915 г. хлопок в размере 3,1 млн. пудов долгие месяцы лежал во Владивостокском порту и не мог быть доставлен потребителю из-за отсутствия вагонов¹. При этих обстоятельствах Россия должна была ориентироваться на свое собственное хлопководство, на расширение посевных площадей и повышение урожайности хлопковых плантаций. Но, как показывает приводимая ниже таблица, посевные площади хлопка хотя и имели тенденцию к росту (до 1916 г.), но крайне робкую и во всяком случае далеко не соответствующую тому спросу, который был предъявлен на хлопок со стороны хлопчатобумажной промышленности.

Общая площадь посева хлопка
(в тыс. десятин)²

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Туркестан	512,2	583,2	669,4	704,1	425,8
Закавказье	127,2	148,9	115,5	93,5	52,7
Всего . . .	639,4	732,1	784,9	797,6	478,5

¹ См. «Труды комиссии по изучению современной дороговизны», вып. II, стр. 219.

² См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 52.

При общем увеличении площади посева хлопка в 1916 г. на 5,5% против 1915 г. (за счет Туркестанского района) посев хлопка в Закавказском районе сократился за это же время на 20%, а по сравнению с 1914 г.— почти на 40%.

Возникновение в стране продовольственного кризиса не могло не сказаться на интересах хлопководческих районов, которые, потребляя исключительно привозной хлеб, вынуждены были платить за него по взвинченной цене. Цена на хлеб в этих районах поднялась с 2 руб. за пуд в 1916 г. до 8—9 руб. к началу 1917 г., а в июне этого года она дошла до 36—40 руб. Вследствие повышения цен на хлеб сократились посевы хлопка и увеличились посевы зерновых культур в хлопководческих районах, так как продавать хлопок по твердым ценам и покупать хлеб по рыночным, фактически по спекулятивным, ценам было для хлопкоробов крайне невыгодно.

Но дело не только в сокращении посевных площадей хлопка, но и в том, что урожай хлопка оказался в 1916 г. значительно более низким, чем в 1915 г. Особенно это относится к основному хлопководческому району страны — Средней Азии, где сбор хлопка (несмотря на расширение посевной площади) оказался в 1916 г. на 3850 тыс. пудов меньше, чем в 1915 г. Вместе с этим и качество среднеазиатского хлопка оказалось в этом году более низким, чем в 1915 г., ввиду чего выход волокна оказался при переработке сырца крайне неудовлетворительным (из одного пуда сырца получалось не более 30—35% волокна). Примерно такое же положение со сбором сырца и выработкой из него волокна было и в Закавказье.

В связи с сокращением внутреннего производства хлопка и мизерным привозом его из-за границы конъюнктура на хлопковом рынке значительно ухудшилась. В 1916 г. наряду с ростом цен на хлопок обнаружилась нехватка его, а затем — и хлопковый кризис. Царское правительство пыталось смягчить остроту этого кризиса путем «рационального» использования хлопка и централизованного снабжения им (по твердым ценам) хлопчатобумажной промышленности. В этой связи при Министерстве торговли и промышленности были учреждены специальные комитеты, на которые было возложено «планомерное» снабжение хлопчатобумажных предприятий сырьем и установление предельных цен на него.

В течение 1916 г. были приняты дополнительные меры по урегулированию хлопкового дела и, в частности, снабжения хлопком хлопчатобумажных предприятий и суконных фабрик. Согласно специальным правилам, принятым 1 января 1916 г., Министерству торговли и промышленности, а в его составе комитету по хлопкоснабжению предоставлялось право устанавливать не только твердые цены, но и порядок исполнения заказов для военного ведомства, устанавливать обязательную продажу хлопка и обсуждать дела по реквизиции хлопка. 2 апреля этого же года было издано еще одно распоряжение, согласно которому расширялся круг деятельности комитетов Министерства торговли и промышленности. На основании этого распоряжения указанные выше комитеты получили право устанавливать продажные цены и на некоторые сорта хлопчатобумажных тканей, пряжи, крашение и отделку их.

Наконец, осенью 1916 г. было принято решение об установлении на весь хлопковый сезон 1916—1917 гг. предельных цен на русский хлопок урожая 1916 г. и пересмотрен порядок снабжения им хлопчатобумажных фабрик (как и в области снабжения отраслей тяжелой промышленности, работавших на войну, здесь предусматривалась определенная очередность и преимущественность снабжения в зависимости от степени участия предприятия в работе на войну).

Однако все эти неплохо сформулированные в канцеляриях Министерства торговли и промышленности решения, так же как и многочисленные инструкции Особого совещания по обороне, пытавшегося подчинить своему влиянию распределение металла и топлива, не достигли цели и не устранили начавшегося в стране хлопкового голода и связанного с ним спекулятивного ажиотажа на хлопковом рынке. Хлопковый голод продолжал усиливаться, а вместе с ним продолжало обостряться и противоречие между спросом и предложением на хлопковом рынке, следствием чего являлись рост цен на хлопок и спекуляция. На черном рынке хлопок продавался по ценам, в 10—12 раз превышающим довоенный уровень. Нормированные, или так называемые твердые, цены тоже не были низкими. Они превышали довоенный уровень по крайней мере в 2,5—3 раза.

Но нормированные цены нарушались не только в отношении хлопка, но и в отношении готовых хлопчатобу-

мажных изделий, которые, как правило, продавались по рыночной цене, складывающейся на основе спроса и предложения. А так как спрос на готовые изделия значительно превышал предложение (поскольку на мирный рынок выбрасывалось не более 18—20 % текстильных изделий)¹, то текстильные фабриканты продавали их по ценам, превышавшим преёскурантные от 50 до 125 %, а в некоторых случаях — и свыше 150 %.

Продаже текстильных изделий по спекулятивным ценам способствовала не только сложившаяся конъюнктура, но и сам хлопковый комитет, который, выражая интересы хлопчатобумажных фабрикантов, ничего не делал для борьбы с черным рынком и спекулятивным ажиотажем. Больше того, помогая хлопчатобумажным фабрикантам в получении хлопка по твердым ценам, он не добивался установления таких же цен на готовые изделия. Так, например, при фиксации цен на изделия хлопчатобумажной промышленности предполагалось, что они будут установлены не на все сорта тканей, а лишь на важнейшие. Что касается всех прочих сортов, то имелось в виду запрещение на время войны (ввиду недостатка сырья, топлива и химикатов) производства их в сколько-нибудь крупных размерах.

Однако при поддержке хлопкового комитета этот вариант был встречен предпринимателями в штыки. Они заявили соответствующим правительственным органам, что могут производить не то, что им прикажут, а то, к чему они приспособили свое производство, «своих» рабочих и т. д. Практически дело приняло такой оборот, что хотя твердые цены формально и были установлены на определенные сорта тканей, но они не могли действовать, ибо предприниматели грозили прекратить выпуск этих изделий.

В связи с такой непримиримой позицией частных предпринимателей соответствующие регулирующие органы вынуждены были пойти на общее повышение цен на изделия хлопчатобумажной промышленности (по сравнению с 1913 г.), что обеспечивало хлопчатобумажным фабрикантам наряду со спекулятивными махинациями получение огромных прибылей, о чем подробно будет сказано ниже.

Реализация хлопчатобумажных тканей по монопольно-высоким ценам, значительно отклоняющимся (в сторону

---

¹ См. «Известия общества фабрикантов и заводчиков Центрального района» № 7, 1916 г., стр. 19.

повышения) от стоимости, служила для хлопчатобумажных фабрикантов огромным стимулом для расширения своих производств. Однако, несмотря на это, а также на огромный рыночный спрос и возросшие заказы военного ведомства, поглощавшего к концу войны до 80% всей продукции текстильной промышленности, последняя не сумела подняться выше довоенного уровня. Недостаток сырья, топлива, рабочей силы, простой оборудования и значительный износ его постоянно тормозили работу текстильной промышленности. К 1 октября 1916 г. в Московском, Петроградском, Владимирском, Костромском и других районах остановилось 36 257 ткацких станков, или 18,9% их общего количества. В других районах, с менее развитой текстильной промышленностью, количество неработавших станков доходило до 40% и более. Причем любопытно отметить, что 50% станков остановилось по причине отсутствия рабочих рук и только 15% — из-за отсутствия пряжи¹.

С потерей польской текстильной промышленности и Кренгольмской мануфактуры количество веретен в русской хлопчатобумажной промышленности сократилось с 8950 тыс. единиц в 1913 г. до 7835 тыс. в 1916 г. Такое значительное сокращение производственного аппарата хлопчатобумажной промышленности плюс действие указанных выше причин явились основными факторами, повлиявшими на снижение общей массы выработки хлопчатобумажной продукции.

Подтверждением этому является следующая таблица, характеризующая движение основных показателей хлопчатобумажной промышленности России за период войны.

Годы	Количество рабочих (в тыс.)	Валовая продукция (в тыс. довоенных рублей)	Выработка на одного рабочего в год	
			в руб.	в %
1913	475,5	1 042 857,9	2 193	100,0
1914	473,3	1 017 547,6	2 150	98,0
1915	467,9	999 825,9	2 137	97,4
1916	454,6	843 867,2	1 856	84,6
1917	463,0	566 796,9	1 223	55,8

¹ См. «Известия общества фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района» № 12, 1916 г., стр. 21.

Как показывает приведенная таблица, сокращение объема производства сопровождалось резким падением производительности труда, составившей в 1917 г. немногим более 50% от уровня 1913 г.

Характерным является при этом то, что сокращение объема производства отличалось крайней неравномерностью. Наибольшее сокращение объема продукции в денежном выражении произошло в ткацком и ситценабивном производствах, в связи с переключением этих производств на выпуск наиболее дешевых и грубых сортов тканей для армии. Наряду с сокращением объема производства хлопчатобумажная промышленность резко изменила ассортимент выпускаемой продукции, а следовательно, и самый технологический процесс, приспособив его к выпуску предметов, предназначенных для обслуживания нужд войны.

Многие хлопчатобумажные изделия, закупавшиеся ранее за границей и не производившиеся в России, как, например, гигроскопическая вата, марля и др., теперь нужно было производить на своих собственных фабриках. Многие виды хлопчатобумажных тканей, например ткани, шедшие на обмундирование солдат, которые раньше не нужны были в больших количествах, во время войны превратились в один из ходких товаров, спрос на которые возрастал прямо пропорционально росту армии.

Сокращение производственно-технической базы хлопчатобумажной промышленности и уменьшение общей массы вырабатываемой ею продукции при одновременно возросшем спросе на нее со стороны армии отразились и на вывозе пряжи и тканей за границу.

Общий вывоз пряжи из России¹

Годы	Всего (в тыс. пудов)	% вывоза в страны		
		Германия	Китай	Иран
1913	38,4	2,1	9,9	85,4
1914	25,9	0,0	13,1	80,7
1915	13,8	0,0	12,3	84,1
1916	0,0	0,0	0,0	0,0

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. 1, стр. 41.

Как видно из таблицы, вывоз пряжи прекратился в Германию уже в первый год войны, а вывоз в Иран и Китай — в конце 1915 г. Это произошло не только вследствие нарушения мировых хозяйственных связей и, в частности, прекращения торговых отношений с Германией, но и потому, что сама русская хлопчатобумажная промышленность в период войны оказалась не обеспеченной этим полуфабрикатом.

В связи с ростом внутреннего потребления изделий хлопчатобумажной промышленности произошло также и сокращение вывоза готовых тканей с 1050 тыс. пудов в 1913 г. до 506 тыс. пудов в 1916 г.¹

Хотя вывоз тканей и сильно сократился (более чем наполовину) по сравнению с 1913 г., тем не менее он составлял еще довольно большую величину в конце первой мировой войны. Объясняется это, во-первых, тем, что вывозились за границу такие ткани, спрос на которые внутри страны не был велик, и изготовлялись они зачастую либо из сырья заказчика, либо из специальных сортов пряжи, во-вторых, вывоз за границу тканей диктовался и валютными соображениями, с которыми связывались военные заказы в Америке, Англии, Японии и Франции и на финансирование которых нужны были колоссальные средства.

Но война сократила не только вывоз, но и ввоз готовых изделий хлопчатобумажной промышленности. Так, например, с 1913 по 1916 г. ввоз готовых изделий уменьшился с 213,6 тыс. до 190 тыс. пудов, причем в общем объеме ввозимой в Россию хлопчатобумажной продукции наибольший удельный вес принадлежал Китаю (30,9%) и Финляндии (27%). Сокращение ввоза в Россию готовых изделий обусловлено было не только сужением внешне-торговых связей, но и возросшими потребностями в этих изделиях внутри стран-поставщиков (Англия, Китай, США и др.). Вместе с этим нельзя не отметить и того факта, что в связи с недородом хлопка в Америке, Индии и Египте его мировое производство сократилось по крайней мере за первые три года войны на 37%.

Это обстоятельство не могло не породить на мировом хлопковом рынке дополнительных трудностей, особенно в связи с увеличением потребления хлопка в годы войны по сравнению с довоенным временем минимум на 40%.

---

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. 1, стр. 41.

Понижение мирового производства хлопка и одновременное увеличение его потребления создали резкую диспропорцию между спросом и предложением, со всеми вытекающими из нее отрицательными последствиями для работы хлопчатобумажной промышленности.

Таким образом, первая мировая война была для хлопчатобумажной промышленности и для всего дела, связанного с производством и переработкой хлопка, периодом самых разнообразных и противоречивых явлений. Особенно эти противоречия обострились в связи с затяжкой войны, которая основательно подорвала всю русскую промышленность, в том числе и хлопчатобумажную, как одну из самых крупных отраслей промышленности дореволюционной России.

* *
*

В результате первой мировой войны и возросшего спроса на предметы боевого и материального снабжения армии *деформировались не только структура промышленного производства и его динамические процессы, но и нарушались производственные связи промышленности с другими отраслями народного хозяйства*, являющиеся непременным условием нормального процесса воспроизводства. Если изменения, происшедшие в какой-либо отрасли народного хозяйства, неизбежно сказываются в той или иной мере на всем процессе воспроизводства, то изменения, происшедшие в промышленном производстве, оказывают особенно большое влияние на ход общественного воспроизводства, на характер и структуру развития производительных сил.

Промышленность является той сферой материального производства, изменения в которой незамедлительно сказываются на всем народном хозяйстве. Поскольку в условиях военного времени каждая отрасль народного хозяйства находится под действием тех или иных неблагоприятных факторов, отрицательно влияющих на ее развитие, то действие этих неблагоприятных факторов в отношении промышленности принесит наибольший ущерб всему народнохозяйственному организму. В силу того, что промышленность является ведущей сферой материального производства, она не только сама претерпевает в условиях войны те или иные изменения, но подвергает этим изменениям и другие отрасли народного хозяйства. Вместе с

этим каждая отрасль народного хозяйства оказывает обратное влияние и на развитие промышленного производства, перенося на него все неблагоприятные конъюнктурные явления периода войны.

Одним из таких неблагоприятных факторов является приспособление производительных сил для обслуживания нужд войны, при котором не только изменяется структура промышленного производства, но и устанавливаются новые, не типичные для мирного времени отношения между отдельными отраслями народного хозяйства. Если в условиях мирного времени весь совокупный продукт промышленного производства используется для удовлетворения потребностей мирного рынка и в этой связи промышленность выполняет свою обычную нормальную функцию, то в условиях войны эта функция резко видоизменяется. Во время войны нормальные связи промышленности с другими отраслями хозяйства и прежде всего с сельским хозяйством и транспортом нарушаются, и эти отрасли получают от промышленности меньше, чем в обычное, мирное время.

К примеру возьмем *сельское хозяйство*, получающее от промышленности (в условиях мирного времени) машины и минеральные удобрения. В отношении этой отрасли народного хозяйства промышленность выполняет не только роль поставщика, но и роль преобразующего фактора в деле технического перевооружения, повышения производительности и общей культуры производства сельского хозяйства. Этой роли нельзя не видеть в современной крупной промышленности, которая, хотя и опережает сельское хозяйство, но не оставляет его на одном уровне. По сравнению с тем, что было при феодализме, технический уровень сельскохозяйственного производства в условиях капитализма, его структура и севообороты значительно изменились в сторону прогресса.

Однако в условиях войны обнаружилось иное явление. Промышленное производство, обслуживающее сельское хозяйство, перестроилось на выпуск продукции, не имеющей никакого отношения к сельскому хозяйству. В этой связи сельскохозяйственное производство не могло не испытывать недостатка в сельскохозяйственных машинах, удобрениях и т. д. Нормы потребления сельскохозяйственных машин и удобрений, которые и в мирное время не были достаточными в России, во время войны сократи-

лись до предела. Обусловлено это было двумя основными факторами: во-первых, низким уровнем отечественного производства сельскохозяйственных машин вообще и, во-вторых, прогрессирующим сокращением выпуска сельскохозяйственных машин в связи с переключением заводов сельхозмашиностроения на выпуск военной продукции.

О том, в каких размерах было сокращено производство сельскохозяйственных машин, говорят следующие данные: в 1914 г. заводы сельхозмашиностроения выпустили 90% машин от уровня 1913 г., в 1915 г.— 50, в 1916 г.— 20, а в 1917 г.— всего лишь 15%¹. Из этих данных видно, что отечественное сельхозмашиностроение, переключившись на выполнение выгодных военных заказов по производству предметов артиллерийского снабжения, фактически свернуло выпуск машин для сельского хозяйства. В то же время импорт сельхозмашин сократился за три года войны в 20 раз и составил в 1916 г. всего лишь 6% от уровня 1913 г.²

Не лучше обстояло дело и с производством минеральных удобрений. Заводы, вырабатывающие эти удобрения, находились преимущественно в Польше и Прибалтике. Эти территории были оккупированы немецкими войсками. Те немногочисленные предприятия, которыми располагала русская химическая промышленность, были перестроены на выпуск предметов химической войны. Это объясняет, почему в 1917 г. общее количество потребленных сельским хозяйством России удобрений (в том числе импортных) составляло всего лишь 4 млн. пудов против 43 млн. пудов в 1913 г.³

Само собой разумеется, что сокращение производства машин и удобрений для сельского хозяйства (не говоря уже о других факторах — мобилизация населения, сокращение количества рабочего скота и т. д.) сыграло огромную роль в падении сельскохозяйственного производства. В свою очередь это не могло не отразиться на уровне промышленного производства, поскольку оно зависит в известной мере от состояния сельского хозяйства, потребляя его сырье — хлопок, лен, шерсть и т. д.

---

¹ См. *Е. И. Измайловская*, Русское сельскохозяйственное машиностроение, стр. 47.

² См. *Н. Огановский*, Народное хозяйство СССР в связи с мировым, стр. 48.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 567, л. 4.

Таким образом, в развитии этих важнейших отраслей материального производства мы имеем органическую взаимосвязь. Падение промышленного производства и, в частности, сокращение выпуска орудий труда немедленно отразились на состоянии сельского хозяйства, понизили его производительность. В свою очередь и сельское хозяйство, сократив свое производство, явилось серьезной помехой в нормальном функционировании промышленности, ограничив снабжение ее сырьем и продуктами питания.

Возьмем далее *транспорт*:

На эту сферу труда промышленность оказывает в условиях войны огромное влияние. Нормальная работа транспорта возможна лишь при условии, если он получает от промышленности необходимые для него элементы материального производства: металл в виде рельсов, вагоны, топливо, всевозможное оборудование (телеграфную проволоку, стрелки, семафоры и т. д.).

Транспорт находится в серьезной зависимости как от промышленности в целом, так и от ее важнейших отраслей: металлургической, машиностроительной, каменноугольной и нефтяной. Влияние этих отраслей промышленности на работу транспорта значительно усилилось в период войны, когда производство металла и необходимого для транспорта оборудования было основательно сокращено в связи с увеличившимися требованиями на средства боевого снабжения армии. Так, например, производство технического оборудования для транспорта сократилось во время войны (в стоимостном выражении) с 88,9 млн. руб. в 1913 г. до 40,8 млн. руб. в 1916 г. и до 30,3 млн. руб. в 1917 г. Потребность железнодорожного транспорта в металле возросла по сравнению с мирным временем больше чем в 2 раза, составив в 1916 г. 39,7% всей потребности страны в черных металлах. Между тем производство чугуна в 1916 г. сократилось по сравнению с 1913 г. на 25 млн. пудов¹.

Но сокращение отпуска металла и транспортных средств, особенно материалов и оборудования, для железнодорожного транспорта имеет и обратную сторону. Железнодорожный транспорт, не получая от промышленности нужного количества паровозов, вагонов, рельсов и всякого технического оборудования, отвечает ей сокраще-

---

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 96.

нием перевозок, недопоставкой металла, топлива, сырья и материалов, без которых немислим нормальный процесс материального производства. Определяя роль железнодорожного транспорта, Маркс указывал, что, перемещая товары, рабочую силу, сырье и средства производства, необходимые в сфере промышленного производства, транспорт способствует осуществлению нормального процесса общественного воспроизводства. Придавая товарам способность передвигаться от места производства к месту потребления, транспорт содействует реализации созданной человеческим трудом стоимости и потребительной стоимости.

Взаимодействие промышленности и транспорта является, таким образом, одним из условий, определяющих единство материального процесса производства. Однако в условиях войны это единство было нарушено. Война внесла серьезные коррективы во взаимоотношения промышленности и транспорта. Во-первых, в результате огромного военного спроса на транспортные средства произошло перераспределение их в интересах непосредственного обслуживания нужд войны. Вследствие этого в руках военных властей было сконцентрировано более 21 тыс. км железных дорог, или около 33% всей их протяженности. На обслуживание этих дорог было сразу же (как только началась война) брошено 17 442 вагона и 600 паровозов, причем этот парк непрерывно и вне всякой очереди пополнялся новыми эшелонами подвижного состава. В итоге дороги, обслуживавшие фронт, были насыщены подвижным составом относительно больше, чем дороги, обслуживавшие потребности тыла. Об этом можно судить хотя бы по тому, что, в то время как перевозка воинских грузов возросла в 1916 г. до 41 823 млн. пудов против 134,7 млн. пудов в 1913 г., перевозка грузов по общему тарифу сократилась с 13 691 млн. пудов в 1913 г. до 13 045 млн. пудов в 1916 г. (сокращение на 646 млн. пудов)¹. Во-вторых, перераспределение и без того недостаточных транспортных средств в пользу обслуживания нужд войны, а также слабое воспроизводство и пополнение их в ходе войны привели к подрыву той части транспортных средств, которая была занята обслуживанием материального производства, подвозом и отгрузкой

¹ См. М. М. Шмуккер, Очерки финансов и экономики железнодорожного транспорта за 1913—1922 гг., 1923, стр. 53.

топлива, руды, металла и т. д. К примеру можно указать на твердое минеральное топливо, перевозки которого снизились в 1916 г. до 1439 млн. пудов против 1730 млн. пудов в 1913 г., или на 291 млн. пудов¹.

Что касается перевозок железной руды, то количество невыполненных нарядов составило: в 1914 г.— 52,3%, в 1915 г.— 78,6, в 1916 г.— 40,9%². Не лучше обстояло дело и с перевозкой металлов. За время войны перевозки металла (чугуна) сокращались значительно более быстрыми темпами, чем выплавка его. Соотношение между перевозками и выплавкой чугуна мы видим из следующих цифр: если выплавка чугуна сократилась в 1915 г. на 10% по сравнению с 1913 г., то сокращение перевозки его за это же время достигло почти 30%³.

Эти взятые на выборку данные (подробно о перевозках металла и топлива см. специальный раздел в главе «Производство и формы распределения металла и топлива») говорят о том, что если изменения, происшедшие в промышленности, неблагоприятно сказались на работе транспорта, то изменения, происшедшие на транспорте, отрицательно сказались на работе промышленности. Здесь мы имеем ярко выраженное нарушение единства процессов материального производства, при котором обнаружился разрыв нормальных производственных связей между отдельными отраслями народного хозяйства, оказавший отрицательное влияние на устойчивость всего народнохозяйственного организма страны. Нарушение этих связей между отдельными отраслями народного хозяйства отрицательно сказалось на пропорциях общественного производства, усилило деформацию всей структуры промышленного производства.

* * *

Стихийное приспособление промышленности к удовлетворению потребностей войны внесло огромные изменения в *состав промышленной продукции*. Она теперь в основном состояла из средств боевого и материального снабжения армии (до 80%) и лишь незначительно — из предметов мирного обихода (около 20%). Это значит,

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 292.

² См. Б. С. Букин, Экономика войны (раздел «Война и транспорт»), 1924, стр. 53.

³ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 96—97, 284.

что более двух третей промышленной продукции составляли средства вооружения, которые в своей вещественной форме предназначались не для производительных целей, а для разрушительных, ибо ни пушки, ни снаряды не создают новых потребительных стоимостей, не превращаются в элемент нового производственного цикла, в фактор расширения и приумножения материальных благ. Наоборот, с экономической точки зрения такое использование промышленной продукции является потерей для процесса материального производства, причем потерей двойной: с одной стороны, она не служит расширению производства материальных благ, а с другой — она разрушает огромное количество производительных сил и прежде всего самый важный элемент производительных сил — живую человеческую энергию.

В этом смысле война есть не что иное, как расхищение общественного богатства, или, как говорит Маркс, «это то же самое, как если бы нация кинула часть своего капитала в воду»¹. В этом, собственно, и состоит своеобразие военной экономики, отвлекающей на цели разрушения все большее количество промышленных ресурсов, машин, сырья и человеческого труда. Война, как и экономический кризис, не умножает, а разрушает производительные силы, не создает материальных предпосылок для воспроизводства живой человеческой энергии, а истребляет ее. В. И. Ленин очень удачно подметил это на анализе материальных и моральных последствий первой мировой войны, заставившей промышленность воевавших стран служить делу «фабрикации искалеченных людей». Промышленность, приспособленная тогда для обслуживания нужд войны и ее разрушительных целей, снабдила «человечество своими продуктами так полно, что оказалось не меньше 10 милл. человек убитыми и не меньше 20 милл. искалеченными»².

В этом смысле существо военной экономики и экономического кризиса является по своим последствиям одним и тем же, ибо оба они служат средством разрушения производительных сил и их главного элемента — живой человеческой энергии, оба они проистекают из противоречий капиталистического способа производства, лишь проявляясь в различной форме. Так, например, в отличие от

¹ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. IV, стр. 29.

² В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 131.

«мирного» характера разрушения производительных сил, порождаемого экономическим кризисом перепроизводства, война разрушает их при помощи авиации и дальнотбойной артиллерии, уничтожающих города и промышленные центры, потопляющих суда и разрушающих заводы, железные дороги и т. д.

Но разрушительный характер военной экономики и непроизводительное использование в условиях войны промышленного аппарата воюющих капиталистических стран вовсе не означают, что в военное время перестает действовать свойственный капитализму закон расширенного капиталистического воспроизводства, как это представляют себе некоторые экономисты. Военная экономика не отменяет свойственного капитализму закона воспроизводства вообще и расширенного в частности, она лишь модифицирует форму его проявления, внося в его вещественное содержание новые черты, связанные с милитаризацией промышленного производства, однобоким (гипертрофированным) его развитием за счет максимального расширения военного производства и сужения гражданского.

Этой специфической особенности военной экономики и свойственного ей характера расширенного воспроизводства не поняли некоторые экономисты, вставшие на путь бездоказательного отрицания закона расширенного воспроизводства в условиях войны и замены его надуманным законом «суженного, или отрицательного, воспроизводства». Сущность этой антимарксистской теории, защищавшейся в свое время Бухариным и подпавшими под его влияние некоторыми экономистами, состоит в том, что процесс воспроизводства в капиталистическом хозяйстве в условиях войны принимает будто бы «регрессивный», отрицательный характер, поскольку в каждом последующем производственном цикле реальный производственный базис становится «все тоньше и тоньше», и что в этом случае развитие материального производства идет не по расширяющейся, а по «постоянно суживающейся спирали». Из этого делался вывод, что в капиталистическом обществе, находящемся в состоянии войны, действует будто бы закон не расширенного и даже не простого воспроизводства, а закон «суженного», или, что еще нелепее, «расширенного отрицательного воспроизводства».

Ошибочность и абстрактно-схоластическая надуманность этой «теории» состоят не только в ее вульгарно-

механическом толковании вещественного характера процесса материального производства и воспроизводства, но и в отрицании воспроизводства общественных отношений, являющихся составной и неразрывной частью материального процесса производства. «...Капиталистический процесс производства,— говорит Маркс,— рассматриваемый... как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение,— капиталиста на одной стороне, наемного рабочего — на другой»¹.

Другими словами, капиталистическое производство, рассматриваемое в постоянном движении и возобновлении, является не только воспроизводством материальных элементов производства, но и воспроизводством производственных отношений, выражающих собой классовый антагонизм между собственниками средств производства и наемными рабочими, расширяющийся вместе с расширением капиталистического производства и на его основе. «Как простое воспроизводство,— пишет Маркс,— непрерывно воспроизводит само капиталистическое отношение... так воспроизводство в расширенном масштабе, или накопление, воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе...»²

Отрицание этого противоречивого единства капиталистического процесса производства есть отрицание научных основ марксистско-ленинской политэкономии и переход на позиции буржуазной идеологии, не признающей противоречивого единства капиталистического воспроизводства и проповедующей гармонию и вечность капитализма (Смит, Рикардо, Туган-Барановский, Реннер и др.).

Война не прекращает, а, наоборот, усиливает действие экономических законов капитализма, убыстряет процесс накопления капитала за счет расширения поля эксплуатации труда, повышения нормы прибыли и ее частичной капитализации. «Развитие капиталистического производства,— пишет Маркс,— делает постоянное возрастание вложенного в промышленное предприятие капитала необходимым, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капита-

---

¹ К. Маркс, Капитал, т. 1, стр. 583.

² Там же, стр. 619.

листического способа производства как внешние принудительные законы. Она заставляет его постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его сохранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрессирующего накопления»¹.

Свойственное капиталистическому способу производства все возрастающее накопление капитала, а следовательно, и расширенное воспроизводство не прекращаются не только в условиях мирного времени, но и в условиях войны. В военное время они принимают лишь другие формы, соответствующие специфическому характеру военной экономики, в которой решающее значение имеет военное производство и военное потребление. Расширенное воспроизводство в этих условиях приобретает специфически военный характер, изменяющий структуру промышленного производства, вещественную форму его продукта и условия реализации. Здесь в каждом новом производственном цикле расширяются те отрасли промышленного производства, которые связаны с обслуживанием потребностей войны, и, наоборот, сжимают свое производство те отрасли промышленности, которые обслуживают потребности мирного рынка.

Такой характер расширенного воспроизводства в условиях военной экономики является не только закономерным, но и необходимым, ибо без него невозможно было бы вести большую войну. То, что война изменяет вещественную форму капитала и вызывает к жизни производства, производящие не средства производства, а главным образом средства разрушения, не является основанием для отрицания расширенного воспроизводства.

Во-первых, с точки зрения индивидуального капиталиста безразлично, что производить — пушки или станки. Он производит и воспроизводит то, что приносит ему прибыль. Для него, указывает В. И. Ленин, «...совершенно безразличен род производимого им предмета — всякий продукт дает «доход»...»². В этом — цель капиталистического производства, движущим мотивом которого является производство не потребительных стоимостей, а стоимости, приносящей прибавочную стоимость. Потребительная стоимость имеет для капиталиста значение лишь постольку, поскольку она является носителем

¹ К. Маркс, Капитал, т. 1, стр. 597.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 34.

стоимости, т. е. той качественной характеристикой товара, без которой он не может быть реализован.

Во-вторых, для того чтобы воспроизводить средства разрушения, являющиеся для капиталиста такой же стоимостью, как и средства производства, нужно строить новые заводы, расширять и переоборудовать существующие. Как известно, строительство новых и переоборудование старых заводов имели место во время войны как за границей, так и в России, которая вследствие нарушения мировых экономических связей и неполучения от союзников всех необходимых предметов военного снаряжения и оборудования нуждалась в строительстве своих собственных заводов больше, чем какая-либо другая страна.

Это строительство развернулось, конечно, не во всех отраслях промышленности, а главным образом в тех (машиностроение, химия), которые почти целиком работали на нужды войны. Расширению этих отраслей промышленности способствовала не только и не столько, пожалуй, капитализация частными предпринимателями своих прибылей, сколько организация казенных или «подконтрольных» казне военных производств с участием государственных инвестиций, займов и ссуд. Расширение военных производств с привлечением государственных средств объясняется как возросшими потребностями в средствах боевого и материально-технического снабжения армии, так и тем, что частный капитал, расширяющий обычно свое производство за счет капитализации части прибавочной стоимости в мирное время, в военное время не всегда берет на себя риск инвестиций даже в самые, казалось бы, прибыльные отрасли промышленности, если не уверен, что после войны они не окажутся излишними.

Опыт первой мировой войны показал, что частные предприниматели охотно капитализировали часть своей прибавочной стоимости на организацию таких производств (химия, машиностроение, металлургия), послевоенная перестройка которых на выпуск мирной продукции не требовала каких-либо дополнительных затрат¹. Те

---

¹ Вложению частных капиталов в эти и им подобные производства способствовало не только стремление капиталистов к получению как можно большей прибыли на вложенный капитал и не только перспективность работы этих производств в послевоенное время, но и такой простой факт, как начавшееся в годы войны обесценение рубля, толкавшее капиталистов на превращение де-

же военные производства, которые трудно переключить без дополнительных затрат на выпуск мирной продукции, строились, как правило, либо за счет казны, либо за счет ее кредитов. Частные же предприниматели, возглавлявшие такие производства, получали огромные прибыли, не беря на себя риска в финансировании их строительства.

Однако с точки зрения воспроизводства материально-технической базы промышленности не имеет существенного значения, за чей счет строились, расширялись и переоборудовались военные производства. Важно здесь то, в каких размерах происходило возмещение и обновление основного капитала и прежде всего машин и оборудования. Точных данных на этот счет мы не найдем. Имеются лишь приблизительные, но близкие к действительности подсчеты академика Струмилина, согласно которым на обновление и расширение производственно-технического аппарата русской промышленности (не считая казенной) израсходовано было в годы войны около 628 млн. руб.¹

Эта сумма является, конечно, недостаточной для возмещения и, тем более, расширения основного капитала, интенсивно проедавшегося во время войны. Тем не менее она сыграла некоторую роль в поддержании и расширении ряда важных в военном отношении производств. Построенные и переоборудованные на эти вложения заводы (за счет капитализации части прибавочной стоимости, а самое главное — за счет государственных субсидий) способствовали не только увеличению выпуска военной продукции, что в условиях военной экономики имеет решающее значение, но и «нормализации» отношений между I и II подразделениями, определяющими собой воспроизводство средств производительного и личного потребления.

Этот момент нельзя сбрасывать со счетов, ибо отношения, которые существуют между I и II подразделе-

---

нежного капитала в реальный. «Предпринимателям, — пишет академик С. Г. Струмилин, — не оставалось ничего другого, как вкладывать свои доходы в производственное накопление» (см. С. Г. Струмилин, Проблема промышленного капитала в СССР, М.—Л. 1925, стр. 53).

¹ См. С. Г. Струмилин, Проблема промышленного капитала в СССР, стр. 53 (М. И. Боголепов приводит в «Народном хозяйстве за 1915 г.» другую, значительно меньшую сумму, 355 млн. руб., охватывающую, очевидно, не всю частную промышленность, а лишь отдельные ее отрасли).

ниями в мирное время, не прекращаются и во время войны. Меняются лишь количественные пропорции и вещественная форма этих отношений. Самый же характер этих отношений остается неизменным, как неизменным остается единство процесса производства и потребления, непрерывность обмена и реализации общественного продукта, без которых немислимо было бы не только снабжение армии средствами вооружения и снаряжения, но и поддержание на определенном уровне производительного и личного потребления в тылу.

О процессе расширенного воспроизводства в период первой мировой войны говорят не только приведенные данные, но и то обстоятельство, что совокупный продукт промышленного производства России имел в своей стоимостной, а по предметам военного производства и в вещественной форме тенденцию не к сокращению, а к возрастанию, по крайней мере по 1916 г. включительно¹. А ведь для характеристики расширенного воспроизводства и анализа его особенностей во время войны это обстоятельство, поскольку оно говорит о возрастании качественно безразличного труда, имеет важное значение; во всяком случае оно начисто опровергает надуманные, ничего общего не имеющие с марксизмом, схоластические «теории» об отрицательном, или суженном, воспроизводстве, имевшем будто бы место в период первой мировой войны.

Теоретический анализ конкретно-исторических условий промышленного производства России показывает, что расширенное воспроизводство в условиях войны не прекращается, а приобретает лишь новые специфические черты, свойственные экономике войны. Характерной особенностью этого воспроизводства является то, что в нем переплетаются два диаметрально противоположных начала. С одной стороны, оно на основе перераспределения материальных элементов производства (производственных мощностей, сырья, топлива и вспомогательных материалов) способствует увеличению объема выпускаемой продукции, а с другой стороны, оно выражает обратный процесс, связанный с производством стоимостей, вещественное содержание которых (предметы боевого и мате-

---

¹ См. по этому поводу приведенные выше таблицы, особенно по машиностроению и химии.

риально-технического снабжения армии) предназначается не для развития производительных сил, а для разрушения.

Но переплетение этих двух диаметрально противоположных начал не есть отрицание расширенного воспроизводства в условиях военной экономики России. Наоборот, оно подчеркивает его реальный и в то же время весьма противоречивый характер, обусловленный: а) расширением производства, предназначенного для обслуживания нужд войны, или, как принято говорить, для «непроизводительного», «нерационального» использования его основных фондов; б) воспроизводством капиталистических производственных отношений, вступающих во все более острый конфликт с характером производительных сил.

В связи с вышеизложенным нельзя обойти молчанием и другую крайность в оценке характера военной экономики России и особенностей процесса производства в условиях первой мировой войны, которая сводится к защите явно апологетического тезиса о так называемой бескризисности и организованности промышленно-экономического развития России в условиях первой мировой войны. Эту точку зрения отстаивал в свое время профессор М. И. Боголепов, который писал: «Народное хозяйство получает военную организацию. Это, с одной стороны, помогает вести войну, а с другой — помогает самому народному хозяйству бороться с разрушительным влиянием войны»¹.

Игнорируя действие стихийных экономических законов капитализма, профессор Боголепов, безусловно, переоценивал экономическую роль буржуазного государства, заявляя, что «государство... во время войны, не оставляя своей мирной функции, а еще более усиливая ее, распространяет свою организующую роль на все области экономической деятельности», что «во время войны экономическая политика заменяется военно-промышленной политикой»².

Нет надобности останавливаться на разборе этих высказываний, ошибочный характер которых и без того очевиден. Можно отметить лишь одно, что подобные высказывания проистекают из неправильного, субъекти-

---

¹ «Народное хозяйство в 1914 г.», Пгр. 1916, стр. III.

² Там же; «Народное хозяйство в 1915 г.», Пгр. 1918, стр. 4.

вистского понимания природы военной экономики капитализма, которой будто бы присущи особые закономерности развития, принципиально отличные от мирной экономики капитализма.

Нам же представляется, что свойственные капиталистическому воспроизводству закономерности не теряют своей силы и в условиях войны, хотя они, как указывалось выше, имеют свои особенности, заключающиеся в том, что в условиях войны (в данном случае первой мировой войны):

а) происходит деформация процесса производства, т. е. гипертрофированный рост одних отраслей (военных) и сокращение других (мирных);

б) износ основных фондов обгоняет их восстановление, что связано с интенсивной работой их на войну и ограниченностью нового строительства;

в) резко сокращается производство средств производства и предметов личного потребления, которое на 80% замещается производством предметов боевого и материального снабжения армии;

г) усиление эксплуатации и обнищания рабочего класса при одновременном обогащении эксплуататорских классов доводит классовые противоречия между трудом и капиталом до крайнего предела.

Эти черты, свойственные капиталистическому военному производству и воспроизводству вообще, проявились с особой силой в условиях военной экономики России в период первой мировой войны.

ГЛАВА 4

ПРОИЗВОДСТВО И ФОРМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МЕТАЛЛА И ТОПЛИВА

Война внесла серьезные динамические и структурные изменения во все сферы промышленного производства, в том числе и в производство *металла*. Во-первых, в начале войны из состава русской металлургической промышленности выпали польские металлургические заводы, продукция которых составляла по отношению к общему производству страны: по чугуна — свыше 9%, по полупродуктам — свыше 12, по железу и стали — около 11%¹. Во-вторых, несмотря на возросшие в связи с войной потребности в металле, производство его в остальной части Российской империи не увеличилось, а, наоборот, сократилось. Об этом говорят, в частности, данные о динамике выплавки чугуна (в млн. пудов)².

Годы	Всего	В том числе			
		юг России	Урал	Подмосковный район	Северный и При- балтийский районы
1913	256,9	189,2	55,8	11,8	0,09
1914	249,2	186,2	52,4	10,5	0,05
1915	225,0	167,5	50,3	7,1	0,08
1916	231,9	176,2	46,0	9,7	—

Понижительная тенденция в производстве металла являлась господствующей на всем протяжении войны;

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. III, стр. 12.

² См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 96.

кроме 1916 г., который по сравнению с 1915 г. дал некоторый рост промышленного производства. Так, выплавка чугуна в 1916 г. возросла по югу России на 5,2%, а удельный вес юга в общей выплавке чугуна повысился с 73,7% в 1913 г. до 75,9% в 1916 г. Удельный же вес Урала соответственно снизился.

Это незначительное увеличение производства не улучшало положения, ибо потребность в металле, вызванная войной, быстро обгоняла скромный прирост продукции, достигнутый в 1916 г. На заседании 17 августа 1916 г. Особое совещание констатировало, что, несмотря на некоторое повышение выплавки чугуна по сравнению с 1915 г. и доведение этой выплавки до 20 млн. пудов в месяц, потребность ведомств возросла до 25 млн. пудов в месяц, что образует ежемесячный дефицит примерно в 5 млн. пудов¹. По данным Мышлаевского, ежемесячный дефицит металла в 1916 г. (без учета удовлетворения нужд частного рынка) достигал 25%. Если же учесть потребность частного рынка и всех промышленных предприятий, не работавших на нужды войны, то дефицит достигал около 50%².

Падение металлургического производства и связанный с этим острый дефицит в металлах в значительной степени зависели от падения добычи угля, от нехватки его на металлургические заводы. Уральские металлургические заводы, поставлявшие металл Обуховскому, Путиловскому, Ижорскому и другим заводам, работали с далеко не полной нагрузкой, многие из них были закрыты. Из-за нехватки металла были остановлены осенью 1916 г. прокатные цехи Чусовского и Лысвенского заводов³.

Не лучше обстояло дело и на южных металлургических заводах. Крупнейшие заводы юга России, сообщил генерал Маниковский военному министру генералу Шувалову, к осени 1916 г. резко сократили свое производство. На заводе Шодуар были остановлены листопрокатный и трубный цехи. Крупнейшие южно-металлургические заводы России забрасывали Особое совещание по обороне телеграммами, требуя предоставления кокса. О критическом положении южной металлургии свидетельствует, в частности, одна из телеграмм администра-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 180, л. 85; д. 280, л. 27.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 181, л. 173; д. 180, л. 86.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 8, л. 163.

ции Таганрогского металлургического завода (декабрь 1916 г.), в которой говорится, что из-за отсутствия топлива в начале декабря нормально работали только две домны из четырех, остальные две домны работали «с громадными перерывами в зависимости от поступления горючего»¹.

Такое же положение сложилось на заводе «Русский провиданс», администрация которого в телеграмме, адресованной помощнику военного министра сенатору Гарину, сообщала:

«Вследствие дальнейшего сокращения доставки нашему заводу топлива мы вынуждены были остановить сначала одну домну, а потом и остальные две, а также мартеновское производство и прокатку»².

Из этого видно, что одной из главных причин, тормозивших работу металлургических заводов, был недостаток в топливе и особенно в коксе. Потребность в коксе определялась Особым совещанием в 300 млн. пудов в год, в то время как производство его в 1915 г. составляло не более 254 млн. пудов³. При этом и произведенный кокс попадал на металлургические заводы с большими перебоями из-за расстройств железнодорожного транспорта, не справлявшегося с перевозками угля и кокса. Вместе с этим железные дороги из-за отсутствия антрацита и нужных сортов угля оказались значительными потребителями кокса, предназначенного для металлургических заводов⁴.

Кроме острого недостатка в топливе, вспомогательных материалах и износа оборудования, вызывавшего частые остановки доменного процесса, на работу металлургической промышленности влияло также и неудовлетворительное положение с рабочей силой. Общее количество рабочей силы в металлургической промышленности не сократилось. Зато качественный состав рабочих резко ухудшился. Одних только военнопленных на пяти металлургических заводах юга России работало более 20 тыс. человек, не считая женщин и подростков, которых также было немало привлечено в металлургическое производ-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 233, л. 155.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 233, л. 164.

³ См. Г. Д. Бакулев, Развитие угольной промышленности Донского бассейна, стр. 179.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 7, л. 636.

ство. Общее количество рабочих, впервые привлеченных в металлургическую промышленность, составляло во время войны почти половину (48%) общей численности рабочих, занятых в металлургии России¹.

Наряду с ухудшением качественного состава рабочих наблюдалась и сильная текучесть рабочей силы, что в совокупности с другими факторами катастрофически снижало производительность труда и общие размеры металлургического производства. Вначале русские промышленники провозгласили лозунг: «Все производить у себя, покончить с заграничными закупками!» После же октября 1916 г. председатель ЦВПК Гучков вынужден был заявить, что «без крупного заграничного заказа мы не будем в состоянии выйти из надвигающегося кризиса»². Но доставка грузов из-за границы также была затруднена. Основные пути, по которым шли грузы в Россию, были либо отрезаны блокадой (Балтийское море), либо подвержены всякого рода риску от нападения подводных лодок (Черное и Северное моря).

В 1913 г. в России насчитывалось (без Польши) 223 металлургических (доменных и передельных) завода, из которых в действии находилось 153. В 1916 г. и в первой половине 1917 г. металлургических заводов насчитывалось 219 и в действии находилось 145. Остальные были законсервированы. Наибольшее число бездействующих заводов было на Урале, где доменные и мартеновские печи закрывались из месяца в месяц и не возобновляли своей работы в течение всей войны. Приведем некоторые хронологические данные, заимствованные из донесений уполномоченного председателя Особого совещания по Уральскому горнозаводскому району. Из этих данных видно, что 4 мая 1916 г. из-за отсутствия топлива остановилась доменная печь на Нижне-Сергинском металлургическом заводе, 10 мая этого же года остановилась доменная печь на Верхне-Сергинском заводе, 23 мая остановилась мартеновская печь на Нижне-Сергинском заводе³.

Наращение темпа закрытия доменных и мартеновских печей на уральских металлургических заводах увеличивалось из месяца в месяц, и уже в июле 1916 г. было

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 1, л. 31; оп. 9, д. 79, л. 38.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 181, л. 7.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 273, л. 2—5.

остановлено восемь доменных печей из-за недостатка рабочих для добычи руды, заготовки и подвозки древесного топлива. Согласно телеграфному сообщению уполномоченного председателя Особого совещания по Уральскому горнозаводскому округу Егорова, это обстоятельство резко снизило выплавку чугуна и все промышленное производство Урала¹.

По сообщению этого же уполномоченного, с 1 апреля по 1 июля 1916 г. сократили объем производства пять предприятий Верхне-Уральского горнометаллургического округа. 8 июля 1916 г. остановилась домна на Чусовском металлургическом заводе. Из-за недостатка угля были остановлены 2 сентября 1916 г. мартеновские печи и трубопрокатный цех Екатеринославского металлургического завода². То же самое происходило и с другими металлургическими заводами, испытывавшими огромные затруднения в топливе. По этой причине 9 октября 1916 г. прекратили работу мартеновские печи и трубопрокатный цех завода Гартмана. 13 октября 1916 г. остановились все семь мартеновских печей Брянского завода, две доменные печи на Дружковском заводе и т. д.³

Недостаточное за весь период войны снабжение металлургической промышленности сырьем и топливом, а также различными материалами, необходимыми для производства и для ремонта доменных и мартеновских печей, ухудшение работы железнодорожного транспорта — все это обусловило значительное сокращение выплавки чугуна по сравнению с довоенным временем и в особенности по сравнению с возросшими потребностями в годы войны.

Война вызвала не только образование резко выраженной диспропорции между производством металла и потребностью в нем, но и изменение характера и структуры спроса на металл: уменьшился спрос на рыночные сорта металла и резко возрос спрос на металл, идущий для изготовления предметов вооружения. Это вызвало в свою очередь и соответствующие изменения в отдельных звеньях металлургической промышленности. Так, например, производство проката для железных дорог сократи-

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 273, л. 15.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 273, л. 21—29, 47.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 273, л. 54, 60, 63.

лось с 41 млн. пудов в 1913 г. до 15,6 млн. пудов в 1916 г. Наоборот, производство цементной стали, составлявшее в 1913 г. всего лишь 2,7 млн. пудов, в 1916 г., когда в рубрику «цементная сталь» начали включать снарядную и шрапнельную сталь, поднялось до 24,6 млн. пудов.

Глубокие изменения произошли не только в структуре металлургического производства, но и в распределении продукции по потребителям. Приведем пример с катаной проволокой. По данным Центрального военнопromышленного комитета, из общей потребности в катаной проволоке, исчислявшейся в 1916 г. цифрой в 21,3 млн. пудов, 85,4% падало на нужды военного ведомства (главным образом для изготовления колючей проволоки). На все остальные потребности (производство гвоздей, телеграфно-телефонной проволоки и т. д.) приходилось всего 14,6%. Причем и из этого мизерного количества часть падала на изготовление военной продукции (устройство полевых телефонов и телеграфных линий и т. д.). Еще пример — строительное железо: листовое и универсальное железо шло по преимуществу на нужды военного кораблестроения, на строительство казенных и расширение частных заводов, работавших на войну. То, что отпускалось Министерству путей сообщения, также шло на обслуживание нужд войны. Сортовой и разный металл поглощался военным ведомством, преимущественно интендантским и военно-техническим управлениями.

Из отчетных материалов Центрального военнопromышленного комитета видно, как распределялись металлические материалы среди различных потребителей. На нужды государственной «обороны» (включая и железнодорожное строительство, вызванное потребностями военного времени) приходилось в 1916 г. почти 75% произведенного железа и стали. На долю же остального промышленного потребления и на частный рынок приходилось только около четверти производимого металла. Но 25% — это средний процент по всем видам стальной и железной продукции. Если же рассмотреть только железнодорожное строительство (крупные рельсы, оси, бандажи, стрелки, крепления и т. д.), то по этой группе удельный вес невоенного потребления был равен нулю. Потребности частного рынка в металлах урезывались не только по предметам домашнего обихода, но и по ору-

диям труда, крайне необходимым для сельского хозяйства и нужд различных отраслей промышленности и городского благоустройства.

В общем сокращении металлургического производства особо отрицательное значение имело снижение выработки сортовой стали и сортового железа, связанное в первую очередь с оккупацией Германией территории бывшего Царства Польского. Об этом свидетельствуют следующие цифры.

Производство сортового железа и сортовой стали ¹
(в млн. пудов)

Годы	Юг России	Урал	Подмосковный район	Приволжский район	Северо-Западный и Прибалтийский районы	Польша
1913	42,6	9,1	4,1	6,0	7,1	16,2
1914	40,9	8,4	4,5	6,1	6,8	9,7
1915	34,7	11,6	4,3	6,2	7,1	—
1916	38,7	10,3	2,8	5,8	9,5	—

В декабре 1916 г. потребность в металле, по заявлению того же генерала Мышлаевского, еще больше увеличилась, но, писал он, «удовлетворение этой потребности встречает все большие и большие затруднения в общем положении нашей металлургической промышленности. Металлургическая промышленность испытывает в настоящее время острую нужду в топливе, подвоз коего является далеко не достаточным. Без урегулирования транспорта и без установления твердого... плана снабжения металлургической промышленности необходимыми ей материалами мы не можем рассчитывать на сохранение прежних размеров производства наших металлургических заводов» ².

Представители правительства и капиталистических кругов выдвинули различные проекты преодоления кризиса в металлургической промышленности путем расширения собственного металлургического производства и

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 106, 107.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 182, л. 134.

увеличения численности рабочих, бесперебойного снабжения металлургической промышленности топливом и необходимым оборудованием, увеличения закупок недостающих металлов за границей — в Швеции и в Америке. В частности, член Совета съездов представителей металлообрабатывающей промышленности Панафидин, выступая на заседании Особого совещания, категорически требовал принять меры для разрешения «совокупности вопросов, связанных с наступающим ныне кризисом русской промышленности». Говоря о недостатке топлива и сырья, расстройстве железнодорожного транспорта и т. д., он доказывал необходимость «выработки плана распределения необходимых для производства материалов и устранения перебоев со снабжением русской промышленности сырьем и топливом»¹.

Представители промышленных кругов считали, что для решения проблемы увеличения выплавки металла нужно было:

а) упорядочить дело с подвозом сырья и топлива для металлургических заводов;

б) улучшить состав рабочей силы путем возвращения из армии квалифицированных доменщиков, горняков и т. д., а остальных рабочих закрепить за металлургическими заводами на весь период войны;

в) усилить подвижной состав железнодорожного транспорта за счет закупки за границей около 500 паровозов и 25 тыс. вагонов.

Однако эти меры не были приняты, хотя, как это видно из журнала указанного выше заседания Особого совещания по обороне, минимальная потребность в топливе по одним лишь металлическим заводам Петроградского района исчислялась в 9 млн. пудов в месяц. «Между тем,— говорится в этом журнале,— на ближайшие месяцы для заводов Петроградского района обещалось всего лишь 3 млн. пудов. Таким образом, производство означенных заводов подлежит сокращению на две трети»².

Металлический голод в начале 1916 г. настолько обострился, что заставил Особое совещание 20 февраля 1916 г. принять решение «ограничить или даже вовсе

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 183, л. 112—113.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 183, л. 113—114.

прекратить расходование металлов на нужды, прямого отношения к обороне не имеющие»¹. Металлом было вообще обеспечено не больше 60% всей промышленности. Многие заводы, работающие на войну, в частности Ижевский оружейный и патронный, проедали последние запасы инструментальной стали, не рассчитывая на сколько-нибудь удовлетворительное и, тем более, безотлагательное ее возмещение.

Как явствует из письма Петроградского общества фабрикантов и заводчиков (от 10 мая 1916 г.) на имя военного министра и председателя Особого совещания по обороне, вся группа чугунолитейных заводов, находившаяся при этом обществе, вынуждена была не только ограничивать свое производство, но и прекратить его из-за отсутствия чугуна. «Усилия приобрести чугун,— говорится в письме,— остаются тщетными, и в настоящее время большинство заводов данной группы находится накануне полной остановки производства»².

Само собой разумеется, что при таком положении с металлом трудно было рассчитывать и на увеличение выпуска военной продукции, и на своевременное выполнение военных заказов. Из журнала заседания Нижегородского заводского совещания от 25 апреля 1917 г. видно, что многие заводы, входившие в Нижегородский район, не выполняли военных заказов «вследствие неполучения или запоздания в получении металла». Совещание вынуждено было указать, что «при существующем новом порядке распределения металлов договорные условия о взыскании неустоек должны быть изменены в том отношении, что срок начала действия контракта должен определяться со времени получения заводами металла»³.

Для нормальной производственной деятельности металлургических заводов, кроме достаточного количества металла, нужно было иметь и необходимое сырье: кокс, руду, флюсы. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов нарушает процесс производства, вызывает приостановку отдельных доменных печей и т. д. Частично этим объясняется закрытие в годы войны ряда доменных печей на юге России, где добыча указанных видов метал-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 173, л. 162.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 40, л. 54.

³ Горьковский областной архив, д. 343, журнал заводского совещания № 72.

лургического сырья развивалась в годы войны по убывающей кривой. В 1913—1915 гг. на юге России было произведено (в млн. пудов) ¹:

	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Железной руды	420,0	326,7	231,5
Кокса	271,0	278,5	250,0

Особое совещание в 1915 г. вынуждено было признать правильным заявление представителей промышленности, жаловавшихся на недостаток железной руды, добыча которой сократилась в 1915 г. почти вдвое при резко возросшем спросе на нее со стороны металлургических заводов. То же самое относится и к коксу: выжиг его сократился, а потребности в нем со стороны доменного и мартеновского производств сильно возросли. Одним лишь южным металлургическим заводам требовалось, по самым скромным подсчетам, около 235 млн. пудов донецкого кокса, не говоря уже о других районах страны, пользовавшихся тем же донецким коксом и потреблявших его в 1915 г. в пределах не менее 32 млн. пудов ².

Таким образом, для местного потребления заводов Юга в 1915 г. оставалось только 218 млн. пудов кокса, т. е. на 17 млн. пудов меньше потребленного в 1913 г. количества. Между тем, увеличение выжига кокса технически было возможно, если бы из 5800 печей не была остановлена 1000 ³ из-за отсутствия коксовых углей, которые в огромном количестве потреблялись железными дорогами и морским флотом (около 5 млн. пудов в месяц) ⁴. Такое расходование коксовых углей приносило двойной ущерб народному хозяйству: во-первых, коксующийся уголь вреден для топок паровозов и судов, приспособленных работать на антраците и других, менее ценных,

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 40, л. 20—21.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 51, л. 22.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 40, л. 20.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 40, л. 20.

видах твердого топлива, и, во-вторых, расходование коксовых углей на цели, не связанные с металлургическим процессом, уменьшало производственные возможности доменного процесса, а следовательно, и выплавку чугуна. Кроме того, в связи с ухудшением качества руды и кокса выплавка чугуна в 1915 г. требовала увеличения расхода кокса на 20%, а руды — на 15% против довоенного уровня.

Подвоз флюсов к металлургическим заводам Юга составил в 1915 г. всего лишь 80 млн. пудов, т. е. был на 16 млн. пудов меньше, чем в 1913 г. Потребность же во флюсах для металлургического производства превышала 130 млн. пудов. Нужно отметить, что рабочие известковых карьеров не пользовались льготами по мобилизации, предоставленными рабочим угольной промышленности и некоторых других отраслей, работавших на войну. В этой связи на известковых карьерах образовался огромный дефицит в рабочей силе.

По заявлению члена Государственного совета фон Дитмара, «основной причиной падения металлургической промышленности и, в частности, остановки 17 доменных печей является расстройство транспорта, препятствующее как подвозу материалов, так и вывозу готового чугуна», выплавка которого уже с начала войны сократилась на 10%¹. Данные Министерства путей сообщения характеризуют этот процесс следующим образом.

Погрузка кокса, руды, флюсов для металлургических заводов за май 1916 г.
(в тыс. пудов)²

	Назначено к погрузке	Погружено
Кокс	12 118	8 589
Руда	36 970	29 631
Флюсы	13 859	8 485

Очень отставал ремонт заводского оборудования. В условиях нормального профилактического режима ко-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, л. 182.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 177, л. 172.

личество доменных печей, подлежащих ремонту в один прием, не превышает обычно 13% от их общего числа. Между тем во время войны, когда и этот процент нужно было несколько снизить, наблюдалось обратное явление. Количество доменных печей, подлежащих ремонту в один прием, увеличилось почти в 2 раза, и вместе с этим увеличились в такой же пропорции и потери рабочего времени из-за простоев. Рост количества ремонтов был обусловлен, в частности, ухудшением качества кокса, приводившим к быстрому износу доменных печей, и ухудшением качества руды, которая добывалась без всякого разбора недостаточно квалифицированными рабочими. Вследствие этого процентное содержание металла в добытой массе руды понижалось, что вызывало расстройство и порчу печей в процессе плавки и более частый ремонт их.

Возросшая потребность в ремонте не всегда удовлетворялась необходимым материалом, что затягивало ремонт и значительно удорожало его. В частности, огнеупорные материалы, как правило, не доставлялись на металлургические заводы, вследствие того что предприятия, вырабатывающие огнеупорный кирпич, испытывали острую нужду либо в рабочих, либо в топливе, либо в транспорте, либо в том и другом. Из-за организационных неувязок эти вспомогательные в отношении металлургии предприятия не были признаны «работающими на оборону» и не пользовались никакими привилегиями, предоставленными металлургическим заводам (отсрочки от призыва в армию, внеочередные наряды на получение топлива, перевозочных средств и т. д.).

Все это привело к тому, что наметившаяся в начале войны тенденция упадка и дезорганизации металлургического производства (без которого невозможен, как известно, не только технический прогресс, но и производство пушек, снарядов, винтовок и пулеметов) продолжала действовать и развиваться на всем протяжении войны, превратив эту отрасль промышленности из основы военно-экономической мощи страны в фактор торможения работы всей промышленности, особенно тех ее отраслей, которые обслуживали нужды войны. При этом нельзя не отметить, что проявление этой тенденции объяснялось не только действием объективных экономических законов капитализма, значительно усиливших анар-

хичность развития металлургического производства, но и целым рядом субъективных факторов и, в частности, непринятием самых неотложных и в то же время элементарных мер:

а) по строительству новых металлургических заводов на востоке страны и по расширению производственно-технической базы на существующих металлургических заводах;

б) по улучшению условий подвоза сырья и топлива к металлургическим заводам путем увеличения и правильного использования подвижного состава железных дорог;

в) по увеличению пропускной способности Сибирской и Омской железных дорог и открытию хотя бы временного движения на всем протяжении Восточно-Уральской и Западно-Уральской железных дорог;

г) по направлению хотя бы части заказанных в Америке вагонов большой подъемной силы для перевозки металла с металлургических заводов на металлообрабатывающие;

д) по сохранению до конца войны отсрочек от призыва в армию рабочим металлургических заводов и обслуживающих их предприятий (каменноугольные копи, рудники и карьеры);

е) по освобождению от мобилизации в районах, прилегающих к металлургическим заводам, лошадей, необходимых для подвоза сырья, топлива и материалов к заводам и т. д. и т. п.

* *
*

Особенно плохо обстояло дело с производством *цветных металлов*. До войны их производилось ничтожное количество. За счет внутреннего производства только по меди потребности страны удовлетворялись на 85%, по цинку они покрывались всего на 27,3¹, по свинцу — на 2,3%; по олову, никелю и ртути потребности страны удовлетворялись исключительно за счет импорта².

Между тем война предъявила огромный спрос на цветные металлы, особенно на медь и свинец. Этот спрос не был покрыт не только за счет производства цветных металлов внутри страны, но и за счет закупок их за гра-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 136, л. 93—94.

² См. В. Мостович, О металлургической промышленности России и условиях ее развития, Томск 1915, стр. 3.

ницей. Правда, за границей их тоже было закуплено меньше, чем требовалось. Свинца, например, намечено было купить 4 млн. пудов, а закуплено было только 2500 тыс. пудов. Потребность в цинке определялась в 1916 г. цифрой более 2 млн. пудов, из коих внутреннее производство давало только 145 тыс. пудов. Дефицит, таким образом, образовался в 1867 тыс. пудов¹.

Ввиду катастрофического положения с цветными металлами русский военный инженер Гермониус, ведавший закупками вооружения и металла за границей, предлагал немедленно начать строительство отечественных заводов по производству цветных металлов, в частности меди, алюминия и т. д. Был разработан даже проект строительства одного из алюминиевых заводов на Кавказско-Черноморском побережье мощностью в 75 тыс. пудов в год, стоимостью в 12 700 тыс. руб. Но этому проекту, как и многим другим, не суждено было осуществиться, так как Министерство финансов отказало в выделении ассигнований, а Совет министров, который должен был рассмотреть этот вопрос, так и не удосужился этого сделать².

Пока намечалось строительство новых объектов, пока запрашивались для этого соответствующие кредиты, особенно на покупку заграничного оборудования, пока происходили полемика и препирательство по поводу расширения производственно-технической базы отечественной цветной металлургии, выплавка цветных металлов велась в основном на старых, полукустарных предприятиях. В связи с этим производство цветных металлов обнаружало в годы войны резкое отставание от возросшего спроса на цветные металлы со стороны военного ведомства и железнодорожного транспорта, обслуживавшего в основном нужды войны.

Покажем это на примере медной промышленности, динамика производства которой характерна и для других отраслей цветной металлургии. Самого высокого уровня производства медная промышленность достигла в 1912—1913 гг. После этого она обнаружила в связи с начавшейся войной и подрывом ее сырьевой базы иностранными монополиями, хищнически эксплуатировавшими богатые русские месторождения меди перед войной, заметный спад своего производства. Если не считать Ураль-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 70, л. 140.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 79, л. 31.

ского района, давшего в первые два года войны некоторое увеличение выплавки меди, и Кавказского района, увеличившего выплавку меди в 1916 г. по сравнению с 1915 г. на 34,5 тыс. пудов, то все остальные районы и вся медеплавильная промышленность России в целом значительно сократили выплавку меди. Об этом говорят следующие данные (в тыс. пудов) ¹:

Годы	Всего	Урал	Сибирь	Кавказ
1913	2 048	997	347	619
1914	1 962	1 025	342	508
1915	1 586	1 044	259	233,5
1916	1 304	943	58	268

Основными факторами, влиявшими на динамику выплавки меди в годы войны, были: а) количественное сокращение численности рабочей силы (в начале войны) и качественное ухудшение ее в связи с призывом в армию значительной части квалифицированных рабочих и заменой их менее квалифицированными; б) расстройство железнодорожного транспорта и вытекающие из этого затруднения в снабжении медеплавильных заводов топливом; в) ухудшение снабжения медных рудников взрывчатыми веществами, соответствующим оборудованием и серной кислотой, необходимой для электролиза.

Эти основные производственно-технические факторы, лимитировавшие и тормозившие работу медеплавильной промышленности, не были устранены на всем протяжении войны. Характерно, что так называемые «регулирующие» государственные органы и, в частности, уполномоченный Особого совещания по снабжению промышленности металлом, много говорившие о необходимости увеличения производства отечественной меди, ничего конкретного не сделали для поднятия этой отрасли промышленности. Единственно, что могли сделать эти государственные «регулирующие» органы,— это усилить закупки меди на заграничном рынке. Последнее обстоятельство имело в условиях падения внутреннего производства и возросшей потребности в меди особенно актуальное значение, ибо

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. III, 1920, стр. 41.

заграничные фирмы были лишены возможности продавать медь частным фирмам. Они сносились по преимуществу с представителями уполномоченного по снабжению металлами, монополизировавшего во время войны все импортные операции по металлам и металлическим изделиям.

Поскольку импорт меди был связан с возросшими потребностями войны, то большая доля ввозившейся меди шла на военные заводы и железные дороги. Из общего количества меди, закупленной правительством в 1916 г. на военные нужды (2435 тыс. пудов), было выделено: частным заводам, работавшим на нужды войны, — 1775 тыс. пудов, казенным заводам — 542 тыс., общественным организациям буржуазии (СВКП и Земгору) — 66 тыс. и железным дорогам — 52 тыс. пудов¹. Таким образом, более двух третей закупленной за границей меди шло на частные заводы, обслуживавшие нужды войны и занимавшиеся прокаткой меди, изготовлением кабелей и всякого рода других предметов первичной обработки. Этот факт лишней раз подчеркивает, насколько велик был удельный вес частной промышленности в потреблении как заграничной, так и отечественной меди.

Что касается удельных весов заграничной меди и меди отечественного производства во внутреннем потреблении России, то величина их определяется следующими данными (в тыс. пудов)²:

Годы	Внутреннее производство	Импорт	Экспорт	Потребление внутри страны	% покрытия потребности медью отечественного производства
1913	2 048	375	10	2 413	84,9
1914	1 962	789	8	2 743	71,5
1915	1 586	2 500	1	4 085	38,8
1916	1 304	3 525	—	4 829	27,0

Как видно из приведенных данных, потребление меди в России не сократилось в период войны, а заметно возросло. Это возрастание определяется, конечно, не внут-

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. III, стр. 45.

² Там же, стр. 46.

ренным производством, размеры которого резко сократились, а ввозом иностранной меди, размеры которого росли из года в год (удельный вес привозной меди повысился во внутреннем потреблении страны с 15,1% в 1913 г. до 73% в 1916 г.). Но и при этом условии нельзя сказать, что проблема медного рынка была решена в России. Наоборот, колоссальный разрыв между предложением меди и спросом на нее оказывал не только отрицательное влияние на процесс производства, но и на сферу обращения и, в частности, на уровень цен на медном рынке. Индекс цен в бумажных рублях показывает следующие изменения в этом вопросе. Если 1913 год принять за 100, то цена единицы продукции медной промышленности составляла: в 1914 г.— 112%, в 1915 г.— 168, в 1916 г.— 257%.

Все попытки Комитета по делам металлургической промышленности установить твердые цены на медь на основании ее себестоимости не увенчались успехом, поскольку условия выплавки меди оказались на русских заводах весьма разнообразными. Разнообразие это объяснялось целым рядом обстоятельств, каждое из которых могло в той или иной мере влиять на уровень издержек производства, а следовательно, и на уровень устанавливаемых цен. К числу таких обстоятельств следует отнести: процент содержания меди в добываемой руде, доставку готовой меди от места производства до места потребления, процент содержания золота в меди и т. д.

Для того чтобы при разнообразных условиях производства меди установить какие-то единые цены на нее, общество «Медь» при прямом попустительстве государственных «регулирующих» органов использовало применявшуюся еще до войны (т. е. с 1907 г.— с момента учреждения данного общества) лондонскую котировку цен, значительно превышающую себестоимость ее производства и цены на российском рынке. Используя свое монопольное положение на медном рынке, акционерное общество «Медь» стремилось, таким образом, не к понижению, а к всемерному повышению цен на поставляемую продукцию.

В связи с этим, а также в связи с сильно возросшим спросом на продукцию медной промышленности цены на нее увеличились в 1917 г. по сравнению с 1913 г. более чем в 4,5 раза. Аналогичное, если не более худшее поло-

жение было и с другими цветными металлами, цены на которые за один только год (с 1914 по 1915 г.) увеличились от 200 до 700%. В частности, по цинку обыкновенному это увеличение было с 4,8 до 23—30 руб. за пуд, по свинцу — с 4 до 13,3 руб., по сурьме — с 6 до 49—51 руб., по никелю — с 34 до 70—71 руб., по олову — с 25—26 до 57—60 руб. и т. д.¹

Возвращаясь к вопросу о состоянии русской медеплавильной промышленности, нельзя не отметить роль акционерного общества «Медь», которое сосредоточивало в своих руках в 1914 г. до 91% всего сбыта меди и за которым на период 1911—1915 гг. установилось «исключительное право продажи в России и за границей штыковой и электролитной меди»². Это монополистическое объединение играло роль не только главного поставщика меди, но являлось своего рода субарбитром в вопросах установления цен, распределения меди среди потребителей и т. д.

Но, несмотря на это и на царившую в годы войны тенденцию концентрации производства, в обществе «Медь» обнаружились центробежные силы, которые привели к понижению процента участия в нем отдельных заводов. О том, насколько сильно действовали центробежные силы в этом акционерном обществе, говорит следующая таблица, показывающая понижение числа участвовавших в нем медеплавильных заводов (в %) ³.

1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
96,0	91,0	93,0	75,0

Это следует объяснить не только и не столько общей тенденцией к децентрализации капитала, имевшей место в медной промышленности во время войны, сколько выгодно сложившейся для медеплавильных заводов конъюнктурой, которую они стремились использовать, не связывая себя никакими обязательствами перед акционерным обществом. Между тем для государственных «ре-

¹ См. «Торгово-промышленная газета», 30 декабря 1915 г.

² С. О. Загорский, Синдикаты и тресты, стр. 110.

³ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. III, стр. 43.

гулирующих» органов и, в частности, для Комитета по делам металлургической промышленности децентрализация медеплавильного дела представляла некоторую угрозу ослабления влияния на медный рынок и на снабжение военной промышленности отечественной медью.

В связи с падением металлургического производства и резко обозначившейся напряженностью в балансе металлоснабжения страны Особое совещание по обороне сделало попытку полностью сосредоточить в своих руках распределение всего производимого металла. Были утверждены правила отпуска металла исключительно по особым удостоверениям и только для предприятий, работающих на войну¹.

Однако в начале войны не был еще установлен определенный порядок в деле распределения металла, не было создано единой организации, которая контролировала бы отпуск металла. Так как этого централизованного органа не было, то удостоверения на право получения металла выдавались многими учреждениями зачастую без достаточной проверки действительной необходимости и на количества, превышающие действительную потребность. Вследствие этого заводы металлургической промышленности стали получать сотни и тысячи удостоверений, разобраться в которых было крайне затруднительно.

В связи с такой неразберихой в деле «централизованного» руководства металлоснабжением страны в правительственных и общественных кругах России заговорили о необходимости создания «единого органа», ведающего делами металлургической промышленности и координирующего распределение ее продукции. Инициативу в создании такого органа взял на себя Центральный военнопromышленный комитет, организовавший при себе в конце августа 1915 г. специальное бюро по «плановому распределению заказов на металл»². Организуя это бюро, ЦВПК рассчитывал не только на то, что ему

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 28, л. 168.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 1, л. 1.

удастся обеспечить металлом объединяемые им предприятия, переключившиеся на обслуживание нужд войны, но и подчинить своему контролю все производство и распределение металла в стране, с тем чтобы не только частная, но и казенная промышленность снабжались металлом только через названное бюро.

Однако из этой затеи ничего не вышло, ибо у ЦВПК не оказалось ни достаточной экономической, ни, тем более, политической власти. Поэтому решением Особого совещания по обороне от 17 декабря 1915 г. был создан специальный комитет по делам металлургической промышленности во главе с уполномоченным Особого совещания. В этот комитет наряду с представителями Военного и Морского министерств входили представители Министерств торговли и промышленности, путей сообщения, финансов, представители организаций буржуазии (ЦВПК, Союза земств и городов, съездов промышленности и торговли и, в частности, представители съездов горнопромышленников Урала и юга России) ¹.

Согласно утвержденным председателем Особого совещания по обороне правилам комитет обязан был заниматься выявлением потребностей в металле, разработкой мер по расширению его производства и рациональному распределению среди потребителей, снабжением металлургических заводов сырьем и топливом, установлением цен на металл, графиком его отгрузки и т. д. Однако статут этого комитета, его правовое положение и функции, переплетавшиеся с аналогичной деятельностью районных уполномоченных, заводских совещаний и отдельных министерств и ведомств (не говоря уже об отсутствии объективных условий для их осуществления в капиталистическом хозяйстве), привели к тому, что данный комитет, как и распределительное бюро при ЦВПК, не справился с поставленной перед ним задачей.

В целях централизации дела регулирования производства и распределения металла в августе 1916 г. Особое совещание по обороне учредило должность главного уполномоченного по снабжению металлом с подчинением ему районных уполномоченных и освобождением от этой функции заводских совещаний. В обязанность главного уполномоченного по металлоснабжению входило: выяс-

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 244, л. 3.

нение производственной способности металлургических заводов с точки зрения использования существующих мощностей и установления потребности в их расширении; содействие своевременному и «плановому» удовлетворению потребностей предприятий в сырье, топливе, перевозочных средствах, продовольствии, рабочей силе, оборудовании и т. д.; распределение металлов между предприятиями, работающими «на оборону», и снабжение их соответствующими удостоверениями, дающими право на получение металла, определение внеочередности исполнения заказов по отпуску и доставке металлов, а также установление цен на них; дача соображений о реквизиционных мероприятиях в отношении металлов, сырых материалов и оборудования, а также наложение секвестра на предприятия, не выполняющие государственных заказов; осмотр металлургических заводов и предприятий, занимающихся торговлей металлами, и проверка их документации; представление председателю Особого совещания своих соображений для принятия мер по отношению к владельцам предприятий, «тормозящим своей работой дело государственной обороны»¹.

Вступая в должность главного уполномоченного Особого совещания по снабжению страны металлом, генерал Мышлаевский (бывший до этого председателем Комитета по делам металлургической промышленности) предлагал «установить как принцип, что весь металл, находящийся в свободном обращении, производящийся на заводах, находится в единственном распоряжении правительства», без санкции которого «никто не имеет права выпустить ни одного фунта... Только тогда,—утешал себя Мышлаевский,—потребность в металле будет удовлетворена»².

Но ни назначение главного уполномоченного по металлоснабжению, ни подробное расписание его функций, прав и обязанностей — ничто не изменило положения дел с металлоснабжением в стране. Тенденция сокращения металлургического производства не была приостановлена даже после того, как по решению правительства были освобождены от призыва в армию рабочие металлургической промышленности, введены некоторые «поощрительные» меры по увеличению выплавки металла и т. д.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 9, л. 20.

² ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 139.

Особое совещание и его уполномоченный по металлоснабжению вынуждены были в связи с этим встать на путь ограничения, а затем и запрещения отпуска металла частным заводам, не работающим на нужды войны. В одном из решений Особого совещания (от 1 октября 1916 г.) было прямо указано, что в целях экономии металла «необходим пересмотр ведомствами производимых ими построек и прочих работ, для исполнения коих нужны металлы, с тем чтобы производство этих работ, не имеющих прямого отношения к обороне государства и не являющихся неотложными, было отсрочено до окончания войны»¹.

Суть этого решения сводилась к тому, что на получение металла не могли рассчитывать не только предприятия, не работавшие на нужды войны, но и предприятия, непосредственно связанные с обслуживанием ее потребностей, как, например, металлургические заводы, строительство которых всячески тормозилось в годы войны. Об этом говорит, в частности, неудачная попытка группы предпринимателей-металлургов построить крупный металлургический завод на абаканской железной руде и минусинских углях в Южно-Енисейском крае Восточной Сибири. Их предложение не только не получило никакой поддержки в Особом совещании по обороне и в аппарате главного уполномоченного по снабжению страны металлом, но и не было рассмотрено по существу².

Особое совещание и его уполномоченный по снабжению промышленности металлом считали, что отпуск металла на такого рода цели «не имеет ничего общего с обороной страны» и что гражданская промышленность

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 181, л. 202.

² Между тем в докладной записке указанных предпринимателей приводились соображения, заслуживающие самого серьезного внимания. В частности, в ней указывалось на наличие в районе предполагавшейся постройки завода больших запасов железной руды, коксующихся углей и всех необходимых для организации металлургического производства материалов: известняка, кварца, магнезита, огнеупорной глины и т. д. Первая очередь завода могла давать не менее 10 млн. пудов чугуна и стали в год. При этом уже тогда ставился вопрос о возможности организации электродоменного производства по примеру того, как это делалось в Швеции. Об организации в Абакане электродоменного производства была достигнута договоренность с известным шведским металлургом Эйнарсом Стиггем — организатором подобных производств в Швеции и Норвегии (ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 40, л. 67—74).

«должна отложить удовлетворение своих потребностей в металлах до того, пока не будут покрыты военные нужды»¹. Следуя этому принципу, Особое совещание вынесло в конце января 1916 г. решение о резком сокращении производства кровельного железа, шедшего на мирный рынок (с 24 900 тыс. пудов в 1914 г. производство кровельного железа упало до 10 млн. пудов в 1916 г.)².

Таким образом, вместо содействия расширению производства металла Особое совещание встало на путь сокращения, а затем и полной ликвидации отпуска металла заводам, непосредственно не работавшим на нужды войны. Вместе с этим названные органы занимались беспочвенными «теоретическими» расчетами о возможности увеличения производства отечественного металла на старых металлургических заводах без какого-либо их расширения и, тем более, строительства новых мощностей. Но, как правильно указывалось в одном из документов ЦВПК, «эти расчеты об увеличении производительности доменных печей в объеме 238 970 тыс. пудов чугуна для юга России, 83 966 тыс. пуд. для Урала, 30 012 тыс. пуд. для Подмосковского района и 4335 тыс. пудов для Севера, а всего 357 083 тыс. пуд.— не имеют под собой никакой твердой базы»³. Действительность это подтвердила. Выплавка чугуна ни на юге России, ни на Урале, ни в Подмосковье, ни в целом по России не составила в годы войны и 70% от намечавшейся в этих расчетах.

Не достигнув никаких результатов в деле расширения металлургического производства, «регулирующие» государственные органы и прежде всего Особое совещание и его уполномоченный по металлоснабжению ничего не сделали по сути дела и в области рационального использования и распределения металла между потребителями. Распределение металла было настолько забюрократизировано этими органами, что из средства помощи в организации снабжения они превратились в фактор торможения работы промышленности, о чем свидетельствуют многочисленные факты и документы.

В письме одного из районных уполномоченных на имя главного уполномоченного по снабжению металлом от 27 октября 1916 г. говорилось, что «выборка удостове-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 120, л. 215.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 2, л. 53—54.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 8, л. 286.

ний на право отпуска металлов не только по каждому заказу, но и по каждой категории металла связана, с одной стороны, с составлением большого числа подобных удостоверений, а, с другой стороны, с затруднениями в деле точного определения ведомствами или их уполномоченными и приемщиками потребного для каждого заказа того или иного материала». В письме указывается далее, что благодаря осложнившимся способам получения металлов многие машиностроительные и электромеханические заводы, работавшие частично на войну и частично на внутренний рынок, «работают систематически с перебоями и с неполной нагрузкой»¹.

Против усложненной практики распределения металла возражали даже некоторые уполномоченные Особого совещания. Так, например, уполномоченный Особого совещания по Нижегородскому району в письме от 2 апреля 1916 г. на имя управляющего делами Особого совещания писал: «Следовало бы предоставить заводам право самим заказывать металлы металлургическим заводам, так как только в этом случае завод в состоянии заявить и твердые цены на заказываемые предметы и сколько-нибудь точный срок их изготовления»². Но против такого в известной мере разумного предложения была начертана резолюция: «Это совершенно невозможно»³. Осталось без внимания и другое предложение уполномоченного Особого совещания по Нижегородскому району, в котором рекомендовалось: «Выпуск металлов с заводов обставить таким образом, чтобы завод мог получить металл на выполнение уже полученного им заказа, и в том количестве, какое требуется для данного заказа»⁴. Это предложение было продиктовано тем, что зачастую завод получал обязательный заказ, не имея металла для его изготовления.

В связи с отставанием производства металлов внутри страны и недостаточным ввозом их из-за границы происходило резкое повышение цен на металлы и металлические изделия. Причем это повышение продолжалось и тогда, когда была введена таксировка цен на металлы и металлические изделия и принято специальное решение

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 8, л. 221—235.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 7, л. 332.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 7, л. 332.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 7, л. 332.

Совета министров от 23 августа 1916 г. о мерах борьбы с нарушителями таксированных цен, вплоть до заключения в тюрьму сроком от двух месяцев до одного года или штрафа до 10 тыс. руб.¹ Так, в декабре 1916 г. цены увеличились против декабря 1913 г.: по чугуну литейному — с 72 коп. до 1 р. 30 к. за пуд, по железу сортового — с 1 р. 58 к. до 2 р. 30 к., по железу кровельному — с 2 р. 37 к. до 4 р. 55 к.² При этом характерно, что в то время, как таксируемые цены на железо, отпускаемое для военных заводов, поднялись на 70—300% по сравнению с довоенным уровнем, для остальных потребителей повышение цен на железо определялось цифрой от 600 до 1000% и более³.

Повышение таксируемых цен на металл и металлические изделия в огромной степени определялось влиянием монополистических объединений (синдикатов «Продамет», «Кровля» и др.), поставлявших казне подавляющую часть своей продукции. Так, из общей суммы заказов синдиката «Продамет» в 5,6 млн. пудов балок и швеллеров, поступивших за период с 1 января по 1 сентября 1915 г., на непосредственные нужды государственной «обороны» приходилось 45,4%. Листового железа на эти же цели было отпущено более 7 млн. пудов, или 72% от общей массы листового железа, произведенного в 1915 г. «Продаметом». В портфеле синдиката «Продамет» на 1 сентября 1915 г. имелось одних только правительственных заказов на 39,9 млн. пудов, в том числе на сортовое железо — на 13,5 млн., на листовое железо — на 3,7 млн., на балки и швеллеры — на 2,9 млн., на рельсы — на 15,7 млн. и на бандажи — на 3,9 млн. пудов⁴.

Как видно из письма правления синдиката «Продамет» от 12 августа 1915 г., среди его участников было распределено заказов от одного только Главного артиллерийского управления на 900 тыс. пудов шрапнельной стали диаметром 85,83 мм и стали для запальных стаканов. За период с декабря 1915 по 24 марта 1916 г. Главное артиллерийское управление заказало синдикату стали

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 186, л. 21.

² См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. III, стр. 35.

³ См. там же, стр. 35 и др.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 457, л. 5—6.

85,83 мм диаметра на сумму 2 млн. 254 тыс. руб.¹. О размерах военных поставок «Продамета» свидетельствуют также и данные о не оплаченных правительственными учреждениями счетах на 1 октября 1917 г. на 17,5 млн. руб., в том числе Морским министерством — 5,5 млн. руб., Военным министерством — 5 млн., Министерством путей сообщения — 3,4 млн. руб. и т. д.²

Подавляющая часть продукции синдиката «Кровля» шла также на удовлетворение государственных, преимущественно военных, потребностей. Из общего количества отпущенного синдикатом в 1916 г. кровельного железа (15,3 млн. пудов) на долю военных ведомств и Министерства путей сообщения приходилось 96,3%, в то время как на долю частных организаций и лиц — всего лишь 3,7%³.

Такая роль синдикатов «Продамет» и «Кровля» в поставках казне продукции не могла не усилить влияния синдикатчиков как на распределение заказов на металл, так и на установление отпускных цен на него. Находясь в самом тесном контакте с государственными регулирующими органами и имея в некоторых из них (например, в Metallургическом комитете при Особом совещании по обороне) своих представителей, синдикатчики могли без особого труда протаскивать любое предложение о повышении отпускных цен на поставляемую казне продукцию. Так, синдикат «Продамет» повысил цены на поставляемую военному ведомству продукцию только в течение одного 1916 г. более чем на 60% по сравнению с уровнем 1913 г., а синдикат «Кровля» — на 170%⁴.

В еще больших размерах увеличились отпускные цены на продукцию мартеновского производства Путиловского машиностроительного завода, вырабатывавшего углеродистую и инструментальную сталь для собственного потребления и для продажи на сторону. Как видно из письма председателя Центрального военнопromышленного комитета в адрес Особого совещания по обороне от 19 апреля 1916 г., этот завод сумел за какие-нибудь полтора года повысить цены на простую углеродистую сталь,

---

¹ ЦГВИА, ф. 512, оп. 1, д. 166, л. 16—17, 57—58.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 500, л. 6—7.

³ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 3, л. 293.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 3, л. 175.

отпускаемую другим заводам, с 32 руб. за пуд до 150 руб., а на инструментальную сталь — со 170 руб. за пуд до 1 100 руб., т. е. почти в 6 раз¹.

* *

*

Недостаток металлов при возросшем спросе на них служил серьезным тормозом для работы отечественной промышленности. Особенно тормозил он работу некоторых частных заводов, которые хотя и обслуживали нужды войны, тем не менее получали металл во вторую очередь. Как указывалось представителями промышленности на заседании Особого совещания по обороне от 14 мая 1915 г., «одним из препятствий к расширению деятельности частных заводов... является недостаток на внутреннем рынке необходимых металлов»².

Настойчивые требования промышленников и выяснившаяся невозможность преодолеть собственными силами недостаток в металлах заставили царское правительство (как и в деле боевого снабжения армии) обратиться к заграничному рынку и закупать там по взвинченным ценам недостающий металл. В соответствии с этим Особое совещание по обороне вынесло в начале 1916 г. специальное решение, которое гласило: «Ввиду выяснившейся невозможности удовлетворить полностью потребность в металлах средствами русской металлургической промышленности, признать необходимым принять безотлагательные меры к обеспечению этой потребности путем заграничного заказа на металлы в размере установленного дефицита»³.

Еще до принятия этого решения, а после его принятия в особенности, заграничные закупки металла начали быстро возрастать и уже в 1916 г. составили по железу и стали цифру, в 3 раза превышающую довоенный уровень заграничных закупок этих металлов. В 1916 г. железа и стали было закуплено за границей 16 169 тыс. пудов против 5964 тыс. пудов в 1913 г.⁴ Что касается импорта железнодорожных рельсов, полосовой стали и т. д., то он возрос в 1916 г. по сравнению с 1913 г. в десятки раз. В 1913 г. основным поставщиком железа и стали для

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 117, л. 616.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 49, л. 13.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 181, л. 202.

⁴ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 232—233.

России была Германия. Ее удельный вес в русском импорте железа и стали составлял около 80%. В 1916 г. первое место по ввозу в Россию железа и стали заняли Швеция и Англия. Но ввоз железа и стали происходил за время войны и через дальневосточные порты России из США и Японии, откуда в 1916 г. было ввезено 115 тыс. пудов чугуна и 1,5 млн. пудов полосовой и сортовой стали.

Ввоз из-за границы готовых металлических изделий также сильно вырос. Об этом говорят следующие данные (в тыс. пудов):

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Железные, стальные, чугунные и другие изделия из металлов (включая колючую проволоку)	5216	4278	10 834	18 937

Что касается цветных металлов, то закупки их за границей достигли также огромных размеров. По меди, в частности, они увеличились с 375 тыс. пудов в 1913 г. до 3525 тыс. пудов в 1916 г., или в 9 с лишним раз. По другим цветным металлам заграничные закупки в стоимостном выражении составили в 1916 г. цифру, равную 300 млн. руб.¹, а в весовом:

цинка 99,9%	445 780 пудов
алюминия металлического	206 460 »
никеля	93 000 »
свинца	434 000 »
сурьмы металлической	37 220 »
ферровольфрама	9 300 »
олова	41 950 »

Несмотря на столь крупные закупки цветных металлов за границей, голод на них, как и голод на черные металлы, не был изжит в России. Этот голод не был смягчен и проводившейся в стране широкой кампанией по сбору цветных металлов среди населения.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 120, л. 140—141.

Говоря о масштабах заграничных закупок цветных металлов, нельзя не остановиться на уровне их цен, которые подверглись в годы войны значительным изменениям на мировом (главным образом американском) рынке. В первый период войны наблюдалось не повышение, а даже некоторое падение уровня цен. Так, на американском рынке цены на цветные металлы составляли в 1914 г. (в центах за фунт) ¹:

	Олово	Свинец
Июль	31,7	3,9
Октябрь	30,3	3,6

Важнейшей причиной понижения цен было то обстоятельство, что Германия, Австрия, а вскоре за ними и Бельгия из-за блокады и военных действий перестали участвовать на мировом рынке в качестве потребителей металла. Между тем значение этих стран в мировом производстве и потреблении цветных металлов видно из следующих данных по состоянию на 1913 г. ²:

Виды продукции	% в мировом производстве	% в мировом потреблении
Медь	3,08	29,84
Свинец	21,57	25,24
Олово	—	19,85

Как явствует из таблицы, Германия, Австрия и Бельгия в мировом потреблении цветных металлов занимали значительно большее место, чем в их производстве, и выпадение их из сферы мирового и в особенности американского рынка привело к временному понижению цен на цветные металлы. Но в дальнейшем в связи с развитием военных действий и стремительным расширением военного производства потребность на цветные металлы быстро и резко возросла. В связи с этим произошел резкий скачок цен на продукцию цветной металлургии США, являвшихся главным поставщиком металла для стран Антанты. Цены на олово поднялись (в центах за фунт) с

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 8, л. 168.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 8, л. 168.

30,3 в октябре 1914 г. до 51,3 в апреле 1916 г., на свинец соответственно — с 3,5 до 7,6, на цинк — с 4,9 до 16,7¹.

Закупки заграничного металла во время войны проводились через уполномоченного Особого совещания и организованный при нем Комитет по снабжению заводов металлом заграничного производства. Статут и функции уполномоченного определялись специальным положением, утвержденным в 1916 г. Особым совещанием по обороне. В этом положении указано, что²:

1. Обеспечение потребности в металлах заграничного производства заводов, работающих на нужды государственной обороны, возлагается на уполномоченного, назначаемого председателем Особого совещания.

2. При уполномоченном образуется особый комитет (металлургический), состоящий из председателя, его заместителей, двух представителей от министерств военного, морского, торговли и промышленности и по одному от министерств финансов и путей сообщения, двух представителей от ЦВПК и Земгора, одного представителя от Совета съездов представителей торговли и промышленности. На комитет возлагается:

а) установление общей потребности в металлах заграничного производства как для государственной обороны, так и для других нужд государства, имеющих оборонное значение;

б) закупка необходимых металлов через посредство русских правительственных комитетов и на свободных рынках;

в) назначение по одному представителю комитета в русские правительственные комитеты за границей — в Лондоне и в США;

г) обращение к центральному и районным комитетам по урегулированию массовых перевозок грузов с заявлением о внеочередной перевозке по железнодорожным и водным путям металлов заграничного производства.

Этим положением комитет превращался по существу в монопольную правительственную организацию, помимо которой, как отмечалось руководством ЦВПК, приобретение металлов за границей частными заводами оказывается неосуществимым, т. к. валюта на эти цели «предо-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 8, л. 169.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 1, л. 11—12.

ставляется исключительно в распоряжение вышеназванного комитета»¹. Правда, руководители ЦВПК во главе с Гучковым, стремясь сохранить за собой руководящую роль в зарубежных закупках металла, добились создания при ЦВПК Комитета по снабжению заводов металлом заграничного производства. Созданием этого комитета предполагалось разграничить сферы влияния между Metallургическим комитетом Особого совещания, ведавшим распределением металла отечественного производства, и ЦВПК, требовавшим права на закупки металлов заграничного происхождения. Но это учреждение, созданное при ЦВПК, оказалось нежизненным, поскольку оно не имело валютных ресурсов для закупок металла за границей.

Отрицательное отношение к закупке металлов за границей частными лицами, минуя правительственные инстанции, имело место в течение всей войны. Этому соответствовала и позиция царского правительства, сформулированная по представлению Особого совещания в следующих словах²:

«1. Никакой заказ за границей не может быть произведен без согласия Особого совещания по обороне.

2. Помещение заказа за границей на валюту, представляемую великобританским правительством, не может быть произведено без согласия правительственного комитета в Лондоне.

3. Кредит на данный заказ может быть получен лишь через Валютную комиссию при Особом совещании и лишь после этого может быть заключен соответствующий контракт или произведена покупка».

В этой связи Советом министров был принят 7 июня 1916 г. следующий порядок направления дел по заказам за границей:

1. Заказ металлов и быстрорежущей стали сосредоточивается в Комитете по снабжению заводов металлом заграничного производства.

2. Заказ станков, машин, инструментов, двигателей и других предметов металлического оборудования:

а) для казенных заводов — в соответствующих ведомствах;

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д., 1 л. 1 об.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 117 об.

б) для частной промышленности — в Министерстве торговли и промышленности¹.

Этими своими законодательными актами правительственные органы царской России не только централизовали дело закупок металла за границей (что при правильной организации дела могло бы дать несомненный успех, во всяком случае больший, чем при децентрализованных закупках), но и выбили из рук общественных организаций буржуазии (ЦВПК и Земгора) последнюю надежду на усиление своей роли в экономической и политической жизни страны. Царское правительство, не желая упускать из рук такой мощный экономический рычаг, как кредит, валютный фонд и централизованное использование их для закупки за границей металла, сознательно ограничивало деятельность общественных организаций буржуазии (ЦВПК и Земгор), не только лишив их свободы действий на заграничном рынке, но и отказав им во включении их представителей в состав закупочных правительственных органов.

Следуя политике дискриминации этих организаций, председатель Особого совещания в ответ на просьбу ЦВПК включить его представителей в правительственный комитет в Лондоне сообщил следующее: «Совет министров в заседании от 26 января 1916 г. категорически высказался против включения представителей ЦВПК и Земгора в состав русского правительственного комитета в Лондоне и в то же время определенно указал, что производство за границей заказов должно составлять предмет распоряжений исключительно казенных ведомств. Сообразно с этим впредь заграничные заказы не могут быть более осуществляемы общественными организациями, а должны быть проводимы через правительственные учреждения»².

В осуществление этого решения Особое совещание в феврале месяце 1916 г. довело «до сведения Совета министров суждение большинства членов Особого совещания по обороне по вопросу о лишении общественных организаций права производить заказы за границей»³. После этих правительственных решений ЦВПК и объединяемые им капиталистические круги могли произво-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 96, л. 225.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 21.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 173, л. 132

дить заграничные заказы лишь через уполномоченного Особого совещания и возглавляемый им Комитет по снабжению заводов металлом заграничного производства.

Это решение, централизовавшее в одних руках дело заграничных закупок, было продиктовано не только и не столько, пожалуй, соображениями целесообразности (на что ссылались обычно правительственные органы царской России), сколько, во-первых, отсутствием «единства» между правительством и общественными организациями промышленной буржуазии, стремившейся к усилению своей роли в экономической и политической жизни страны, и, во-вторых (и это, пожалуй, самое главное), позицией стран-кредиторов, требовавших под различными предложениями централизации дела закупок металла в одних руках, преимущественно государственных. Царское правительство, находясь в вассальной зависимости от иностранных держав и, в частности, такого крупного кредитора и посредника в закупках металла, как Англия, вынуждено было холопствовать перед ними и подчиняться любому их требованию. Так поступил, например, министр финансов Барк, который, ссылаясь «на пожелание» английского правительства «о целесообразности» сосредоточения дела закупок металла как для казенных учреждений, так и для частных предприятий в одних руках, т. е. в руках казны, не только подобострастно поддерживал это по существу наглое вмешательство во внутренние дела другого государства, но и привел в оправдание этого требования смехотворные канцелярско-бюрократические доводы. Он указывал, что «этой мерой будет достигнута значительная упрощенность делопроизводства, которое ныне связано с необходимостью огромного количества переводов, телеграфных сношений, затребований подробностей и т. д.»¹

Лишив частных лиц, объединения капиталистов и общественные организации права приобретать металлы за границей, правительство в то же время не сумело наладить эти закупки через государственный аппарат. Уполномоченный Особого совещания и возглавляемый им Комитет по снабжению заводов металлом, а также организованный в Лондоне так называемый Русский правительственный комитет являлись бюрократическими, не-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 1, л. 4—5.

гибкими учреждениями, расхodoвавшими много валюты, но мало что сделавшими для снабжения России нужными ей материалами.

Особенно в этом отношении отличался Русский правительственный комитет в Лондоне, о безответственном поведении которого говорят не только документы общественных организаций буржуазии (ЦВПК и Земгор), но и письма самого уполномоченного по снабжению заводов металлами заграничного производства. Так, например, в письме этого уполномоченного от 18 февраля 1916 г. в адрес председателя Особого совещания говорилось о заказе на различные металлы, переданном через Русский правительственный комитет, на сумму примерно в 3 млн. фунтов стерлингов. Однако, как отмечалось в письме, «какая судьба постигла переданные русскому правительственному комитету в Лондоне заказы... к сожалению, до сих пор неизвестно, так как нет сведений, приняты заказы или нет, и если приняты, то по каким ценам и на какой срок и каков способ доставки»¹.

В другом письме этого же уполномоченного (от 13 января 1916 г.) указывалось, что «20/XI 1915 г. был сделан русскому правительственному комитету в Лондоне заказ на сумму около 12 млн. руб. золотом для покупки следующих металлов: цинка — 2150 тонн, никеля — 400 тонн, алюминия — 1200 тонн, ферро-вольфрама — 50 тонн, ферро-ванадия — 10 тонн, ферро-молибдена — 5 тонн, олова штыкового — 200 тонн, олова пруткового — 25 тонн и сурьмы — 750 тонн. Несмотря на последующие телеграфные запросы, от комитета до сих пор не получено ни подтверждения означенного заказа, ни сообщения цен и сроков доставки»². В этой связи в письме указывалось: «Таким образом, ни закупка металлов, ни предоставление валюты на приобретение металлов при сношении с правительственным комитетом в Лондоне в его нынешнем составе не дали положительных результатов и не продвинули дело обеспечения русской обороны необходимыми металлами»³.

В связи с нерегулярным снабжением металлом заграничного происхождения отечественных заводов и срывом выполнения срочных военных заказов начальник штаба

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 120, л. 84—85.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 120, л. 117.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 120, л. 119.

верховного главнокомандующего генерал Алексеев в секретном письме на имя министра генерала Поливанова от 22 февраля 1916 г. писал: если заготовление металлов заграничного происхождения останется в руках правительственного комитета, «наша армия может действительно оказаться в скором времени в критическом положении»¹. Аналогичного мнения придерживался и Уполномоченный по снабжению заводов металлом заграничного производства генерал Мышлаевский, который в своих многочисленных докладах председателю Особого совещания по обороне характеризовал дело закупок металла заграничного производства как архинеудовлетворительное.

Таким образом, если внутреннее производство металлов не могло удовлетворить возросшие потребности страны, то и заграничный рынок оказался ненадежным, причем не только вследствие вздорожания металлов на заграничном рынке и ограниченности их запасов, но и из-за плохо организованной и неумелой работы правительственных организаций, взявших в свои руки дело закупки металла на заграничном рынке. Причем в этом был повинен не только так называемый русский правительственный комитет в Лондоне, но и уполномоченный Особого совещания и состоявший при нем Комитет по снабжению заводов металлом заграничного производства, не сумевшие обеспечить ни планомерности закупок заграничного металла, ни должного контроля за деятельностью Русского правительственного комитета в Лондоне, ни должной осведомленности в конъюнктуре заграничного рынка металлов и т. д. и т. п.

На беспомощность государственных органов, сосредоточивших в своих руках дело заграничных закупок вообще и металла в частности, не без основания указывалось на заседании ЦВПК от 4 августа 1916 г. Выступая с критикой этих органов, управляющий делами ЦВПК Майдель указывал, что правительственные органы России, взяв в свои руки дело закупок металла и других предметов промышленного производства за границей, не знали, «что же именно и в каком количестве потребно нашей армии. Те списки необходимых предметов, которые давались военным ведомством... оказывались вдруг неверными, не соответствующими действительной их

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 120, л. 133.

потребности, неожиданно изменялись и тем тормозили все дело»¹.

На заседании ЦВПК от 21 сентября 1916 г. тот же Майдель указывал, что «Центральный военнопromышленный комитет многое мог бы сделать, но его работа уходила на пререкания с ведомствами, на устранение затруднений, которые шли от них. Нам не давали своевременно заказов, ссылаясь на то, что все уже есть, хотя на самом деле все это имелось только на бумаге. А когда обнаруживался недостаток в чем-нибудь, время уже было упущено. Требования делались только на текущий момент, будущее же совершенно не предусматривалось»².

В связи с организационной неразберихой в деле заготовления металлов заграничного производства, а также недостаточностью металлов отечественного производства при росте потребностей на них со стороны военной и гражданской промышленности частные предприниматели и их организации первыми затрубили о надвигающемся металлическом кризисе и о невозможности в связи с этим справиться с выполнением военных заказов. На это указывается, в частности, в одном из писем министра торговли и промышленности князя Шаховского на имя председателя Особого совещания: «промышленники ввиду создавшейся для них невозможности самостоятельно обеспечивать себя металлом заграничного производства заявили, что с них должна быть снята и ответственность за приостановку или прекращение деятельности работающих на государственную оборону заводов»³.

Особенно плохо обстояло дело с обеспечением заводов цветными металлами заграничного производства, так как, во-первых, производство их, а следовательно, и предложение на мировом рынке были относительно всегда меньше, чем черных металлов; во-вторых, при относительной ограниченности производства и предложения цветных металлов на мировом рынке потребность в них в странах-экспортерах значительно увеличилась в связи с расширением в этих странах военных производств, где цветные металлы находили самое широкое применение.

В связи с этим, а также усложнившейся практикой закупки цветных металлов за границей вообще владельцы

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 1.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 18.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 1, л. 1—2.

Тулеского и Кольчугинского заводов, являвшиеся наиболее крупными покупателями цветных металлов, в письме от 16 февраля 1916 г. на имя начальника штаба верховного главнокомандующего указывали, что «до заключения особого финансового соглашения с Англией все необходимые металлы, как-то: медь, цинк, свинец, олово, никель и проч.—покупались самими заводами непосредственно в Англии, Америке, Японии и частично во Франции. В течение первых восемнадцати месяцев войны все заказываемые металлы поступали своевременно и никаких затруднений в этом отношении не было. Ныне установлен новый способ заготовления металлов заграничного происхождения через комитет металлоснабжения, и помимо этого комитета все заграничные покупки воспрещены». «Мы предвидели,—говорится далее,—что новый порядок заготовления металлов не будет в состоянии обеспечить непрерывную работу наших заводов и обращали на это внимание в комиссиях и управлениях, понимая, что всякое новое дело требует опыта. Занимаясь этим делом десятки лет и имея большой опыт, мы предлагали влить нашу организацию полностью в комитет и использовать, таким образом, весь наш опыт, без всяких расходов для казны, но наше предложение не было принято»¹.

В письме указывается, что опасения частных предпринимателей сбылись, ибо за 3 месяца работы комитета такие заводы, как Тульский меднопрокатный и патронный, Кольчугинские заводы и завод Розенкранца, «ни одной покупки через названный комитет сделать не могли... Ждать далее нельзя,—писали авторы,—положение может создаться катастрофическое, т. к. это обстоятельство уже сейчас не дает нам возможности выполнить уже принятые заказы»². Что касается обеспечения заводов отечественной медью, то, по их заявлению, на нее рассчитывать было нельзя, ибо «таковой меди надлежащего качества хватит лишь на покрытие 10% нашей потребности». В письме делается общий небезосновательный вывод о том, что бюрократизм, неопытность и неповоротливость Комитета по снабжению заводов металлами нанесли немало ущерба отечественному производству.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 120, л. 134—135.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 120, л. 135.

В связи с этим письмом Комитет по снабжению заводов металлами заграничного производства пытался оправдаться, указывая на то, что содержащиеся в нем претензии объясняются не столько отсутствием у частных предпринимателей меди (они располагали в этот момент 3-месячным запасом, а это был вполне нормальный запас), сколько нежеланием примириться с новым порядком снабжения металлом, обусловленным русско-английским финансовым соглашением.

«Новый порядок», заключавшийся в сосредоточении дела закупок металла и других предметов промышленного производства в руках правительственных органов, мог бы себя, конечно, оправдать, если бы он проводился в жизнь со знанием дела и с соблюдением интересов государственной казны. Но, отстранив от закупок указанных элементов промышленного производства за границей частных предпринимателей и их организации, правительственные органы царской России, декларировавшие «непреклонное желание рационально и планомерно использовать в интересах государственной обороны валютные ресурсы», не справились со взятой на себя задачей.

Расходуя огромные валютные фонды на покупку металла и всего, что связано было с поддержанием военного производства и вооружением армии, покупая все это по повышенным, т. е. спекулятивным, ценам, правительственные органы и прежде всего уполномоченный Особого совещания и его Комитет по снабжению заводов металлом заграничного производства не проявили должной заботы даже о своевременном получении закупленных за границей материалов и доставке их в места потребления (а ведь это было одной из главных обязанностей указанного уполномоченного и его комитета, записанных в положении, определяющем его права и обязанности).

Не случайно на заседании Особого совещания по обороне 23 ноября 1916 г. указывалось, что часть закупленного за границей металла либо попадала в руки спекулянтов, либо долгие месяцы лежала в портах, подвергаясь порче и расхищению. Масса прибывших в Архангельский порт заграничных грузов, в том числе и металла, лежала без всякого движения на протяжении

1914—1916 гг.¹ А. Л. Сидоров приводил следующее описание состояния Архангельского порта, куда поступала большая часть заграничных грузов: «Не только пристань, но буквально все улицы и площади Архангельска были завалены ящиками, оборудованием, ворохами колючей проволоки, грудями металлов, складами снарядов. Целые горы, в буквальном смысле этого слова, каменного угля лежали вдоль пристаней; громадные ящики с различными станками для развития военных заводов, набросанные в хаотическом беспорядке, громоздились один над другим»².

Особое совещание, которому не раз сигнализировали о положении дел в Архангельске, не принимало мер к реализации грузов, закупленных за границей на миллионы рублей, в частности, оно ничего не сделало по усилению дороги подвижным составом, по прокладке второго пути, соединяющего Архангельск с центром России и т. д.³ Не случайно член Государственной думы Шингарев, говоря о скоплении в Архангельске огромного количества дорогостоящих грузов, заявил в Особом совещании по обороне, что все это «дает основание предположить наличие злоупотреблений»⁴. И только тогда, когда дело приняло характер явного криминала и когда об этом заговорила печать, Особое совещание вынесло решение об обследовании причин скопления различных грузов в Архангельске, с тем чтобы решить, «какие из этих грузов подлежат немедленному вывозу из Архангельска и какие — реквизиции для нужд обороны»⁵.

Характеристика снабжения промышленности металлом заграничного производства была бы не полной, если бы не были отмечены трудности, сознательно чинимые

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 182, л. 58.

² А. Л. Сидоров, Отношения России с союзниками во время первой мировой войны, см. «Исторические записки», АН СССР, № 15, 1945 г., стр. 157.

³ Наличие однопутной узкоколейной дороги, связывавшей Архангельск с центром России, несомненно, усложняло дело с разгрузкой Архангельского порта от скопившихся заграничных грузов и служило дополнительным поводом для всякого рода злоупотреблений, в том числе для спекуляции вагонами, предоставлявшимися под частные грузы только за взятки.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 182, л. 50.

⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 182, л. 58.

«союзниками» России при размещении и реализации заказов. Располагая огромными запасами военностратегических материалов и сырья, союзники обеспечивали в первую очередь свои предприятия. Россия получала от них лишь то, что оставалось после удовлетворения нужд их собственной промышленности, и по значительно более высоким ценам. Требуя от России поставки пушечного мяса, «союзники» не особенно беспокоились о поставках России материалов, необходимых для изготовления пушек. Характерным в этом отношении является происходившая в Петрограде в январе 1917 г. «союзническая» конференция, на которой представители царской России униженно выпрашивали у английского и французского правительств необходимое количество металла и уж, конечно, не бесплатно, а, как уже указывалось, по повышенным ценам.

В подобного рода экономических отношениях России с «союзниками» проглядывали явные отношения неравенства, отношения господства и подчинения.

Культивированию этих оскорбительных для России форм отношений способствовало и само царское правительство, покорно выполнявшее любые требования «союзных» правительств и игнорировавшее по существу национальное достоинство своей страны, ее суверенитет и интересы. Не случайно, что эта рабелепствующая политика царского правительства перед «союзниками» встретила критику даже со стороны некоторых членов Особого совещания (Стахович, Крупенский, Марков и др.), которые в заседании 4 июня 1916 г. записали по данному вопросу следующее особое мнение: «Главная ошибка нашего правительства состоит в том, что оно ведет свои переговоры с союзниками... на почве нужды и недостатков, игнорируя при этом главные преимущества России, согласно которым она имеет нравственное и фактическое право... требовать..., а не хлопотать и не выпрашивать случайные уступки или дорого оплачиваемые ссуды»¹.

«Союзники», превратившие Россию в орудие своей империалистической игры и осуществлявшие за счет истощения ее материальных и людских ресурсов свои далеко идущие планы (что вполне соответствовало их принципу: «загрести жар чужими руками»), не считались ни

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 177, л. 142.

с ее нуждами, ни с ее жертвами, в которых упомянутые нами деятели Особого совещания видели «главные преимущества России». Пользуясь промышленно-экономической отсталостью нашей страны и обострившимся в ней металлическим голодом, «союзники», особенно англо-американские империалисты, под видом экономической помощи России превратили последнюю в объект своих грабительских махинаций, в рынок сбыта своих залежалых товаров.

Спекулятивные махинации англичан в торговле металлом были настолько очевидны, что деловые круги России вынуждены были через ЦВПК обратиться в Особое совещание со специальным меморандумом, в котором указывали, что к России, как к союзнику и крупному покупателю английского металла, должны были бы в Англии относиться «с должным уважением и продавать металлы русским по такой же цене, как и английским заводам. Между тем этого не наблюдается. Продажа металлов для России происходит при нарушении интересов последней. Русские заявки на металл спускаются на рынок лишь после удовлетворения внутренних потребностей английской промышленности, когда последняя закупит металл по более низким ценам. Русские же заявки удовлетворяются за счет остатков и по ценам, значительно более высоким»¹.

Конечно, этот меморандум не изменил дела, и Особое совещание, оказавшееся во власти стихийно сложившейся экономической конъюнктуры, бессильно было что-либо сделать для ликвидации металлического голода и той спекулятивной вакханалии, которая разыгралась вокруг цен на продаваемый металл как внутри страны, так и особенно за границей.

Итак, на анализе проблемы производства и снабжения промышленности металлом мы видим, что кризис капиталистического производства в России начался именно с этой ведущей отрасли промышленности, которая и до войны не удовлетворяла потребностей внутреннего рынка, а во время войны — тем более. Образовавшийся в стране металлический голод вскрыл всю несостоятельность государственных «регулирующих» органов, взявших на себя задачу увеличения производства металла, а фак-

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 120, л. 139.

тически ничего не сделавших в этом направлении; взявших на себя задачу «рационального» распределения металла, а по существу запутавших и забюрократизировавших это дело; взявших на себя задачу централизации и организации планомерности закупок недостающих металлов за границей, а фактически сведших все дело к разбазариванию валюты, к покупке металлов по спекулятивным ценам, к замораживанию их в портах назначения.

В этом коренном вопросе военной экономики России обнаружилась вся гнилость царского самодержавия и его «регулирующих» органов, вся дряхлость и никчемность русской промышленной буржуазии, оказавшихся тормозом на пути развития отечественной металлургии. Все это привело к тому, что в балансе металлов образовался огромный разрыв, ликвидировать который не смогли ни попытки «рационального» распределения металла, ни дорогостоящие закупки его за границей. Металлический голод превратился, таким образом, в фактор, определивший начало общепромышленной деградации и застоя всего процесса общественного производства России в годы войны.

* *
*

Топливо. С первых же месяцев войны создалось неблагоприятное соотношение между спросом на топливо и возможностью его удовлетворения. Спрос на топливо, особенно на каменный уголь, повысился со стороны всех отраслей народного хозяйства. Потребление каменного угля только железнодорожным транспортом увеличилось в 1916 г. по сравнению с 1913 г. на 200 млн. пудов¹. Между тем повышенный спрос на уголь не соответствовал производственным возможностям каменноугольной промышленности, развитие которой тормозилось политикой монополий. В этой связи Россия с первых же дней войны оказалась перед весьма крупными затруднениями в области снабжения сферы материального производства каменным углем.

Общая динамика угледобычи в годы войны представляется в следующем виде (в млн. пудов)²:

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. III, стр. 67.

² См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 65.

Основные районы добычи	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1-е полугодие 1917 года
Донбасс	1 543,8	1 683,8	1 626,5	1 743,9	834,6
уд. вес (в %)	70,0	77,0	84,7	83,1	—
Домбровский	426,3	231,0	—	—	—
уд. вес (в %)	19,4	10,6	—	—	—
Урал	73,5	84,2	78,6	92,3	50,0
уд. вес (в %)	3,3	4,0	4,1	4,5	—
Подмосковный и другие районы. уд. вес (в %)	22,6	23,0	33,0	46,3	24,4
Сибирь, Дальний Восток и Средняя Азия	1,2	1,3	1,8	2,2	—
уд. вес (в %)	133,1	159,6	181,3	213,7	128
уд. вес (в %)	6,1	7,1	9,4	10,2	—
Всего	2 199,3	2 181,6	1 919,4	2 096,2	1 037,0

Как видно из этой таблицы, добыча каменного угля падала из года в год, и лишь в 1916 г. она несколько поднялась против 1915 г. По сравнению же с 1913 г. и даже с 1914 г. она показывает заметное снижение, что связано было прежде всего с потерей Домбровского бассейна, на долю которого приходилось до 20% общей добычи угля. Добыча угля в годы войны значительно возросла в Подмосковном бассейне, в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Этому способствовали два обстоятельства: с одной стороны, затруднения с транспортировкой донецких углей, особенно в связи с начавшейся транспортной разрухой, а с другой стороны, общеэкономические факторы, имеющие в своей основе тенденцию стихийного приближения промышленности к источникам сырья и топлива.

Но развитие и увеличение добычи угля в Подмосковье, Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии не смогло все же предотвратить падения общей добычи угля в стране, так как удельный вес этих бассейнов в общемперском топливном балансе был, как это видно из приведенной выше таблицы, крайне незначительным. В связи с резким понижением добычи угля в 1915 г. и отчасти в 1916 г. страна недополучила против 1913 г.: в 1915 г.— 280 млн. пудов, а в 1916 г.— 100 млн. пудов

каменного угля¹. Если же к этому прибавить еще много увеличившийся спрос на уголь и неполучение заграничного угля (главным образом английского, в среднем — до 450 млн. пудов в год), которым питалась перед войной промышленность Прибалтийского края и Петроградского района, то станет понятным, какая диспропорция должна была образоваться между добычей угля и потребностью в нем со стороны народного хозяйства. Эта диспропорция, вылившаяся в форму топливного кризиса, особенно проявилась с осени 1915 г. в связи с усилившейся загрузкой промышленности военными заказами.

Промышленные предприятия Петрограда и Москвы, работавшие на привозном донецком угле и выполнявшие самые ответственные и самые срочные военные заказы, первыми испытали на себе удары надвигавшегося топливного кризиса. Если, — как сообщает уполномоченный Особого совещания по топливу Стрижевский, — большинство крупных предприятий Петрограда до самой осени 1915 г. имело сравнительно большие запасы угля, то в связи с усилением работы промышленности на нужды войны эти запасы быстро исчерпались, и к началу 1916 г. сохранили некоторую часть своих запасов только предприятия, работавшие с «нормальной» загрузкой, т. е. главным образом текстильные и пищевые. Что касается крупнейших металлообрабатывающих производств, интенсивно работавших на нужды войны, то при их месячной потребности в 6,5 млн. пудов они имели в запасе всего 4,9 млн., т. е. не более чем на 22—23 дня². Перспективы на получение угля и, тем более, на образование месячного запаса были самые ненадежные. Донецкий бассейн, поставлявший уголь Петроградскому району, мог выделить из 10 млн. пудов, полагавшихся ему в месяц, только 8 млн. Но и эту урезанную норму нелегко было получить из-за начавшегося расстройтва на транспорте.

О масштабах и глубине развернувшегося в годы войны топливного кризиса говорят многочисленные документы, хранящиеся в фондах Особого совещания по

---

¹ См. «Известия Особого совещания по топливу» № 5, август — сентябрь 1917 (таблицы), стр. 9; «Народное хозяйство в 1916 году», вып. VII, стр. 65.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 2, л. 131.

обороне. Вот один из этих документов — журнал Особого совещания по обороне от 19 декабря 1915 г., в котором дается оценка положения с топливом в Петрограде: «Все заводы вообще перебиваются в отношении угля со дня на день, небольшая задержка в текущей доставке расстроит до 60% заводских предприятий, в число коих войдут и такие крупные заводы, как Вестингауз, Путиловский, Невский судостроительный, «Феникс», «Вулкан» и т. д. Причем на бездействие будет обречено до 20 тыс. станков и 85 тыс. рабочих. В частности, на Путиловском заводе уже произошла остановка работ одной из мартеновских печей...»¹

Уполномоченный председателя Особого совещания по обороне и председатель заводского совещания Петроградского района в обращении к помощнику военного министра (ноябрь 1915 г.) указывал на катастрофическое положение с топливом в отношении всего промышленного и коммунального хозяйства города, особенно в отношении заводов, работавших на войну. К письму был приложен список 99 наиболее крупных заводов, работавших на нужды фронта, которые в случае неполучения в короткий период нужного количества топлива должны будут прекратить свою производственную жизнь. В письме указывалось на необходимость обеспечения этих заводов топливом «в полном объеме их потребности, во избежание существенного ущерба в боевом снабжении армии»².

В подобном же тоне оценивалось положение с топливом на петроградских заводах и в других письмах, адресованных Особому совещанию по обороне. Так, в письме на имя председателя Особого совещания генерала Шуваева морской министр Григорович 8 апреля 1916 г. писал: «Недостаточный подвоз угля из Донецкого бассейна для заводов морского ведомства (Обуховского, Ижорского, Балтийского и Адмиралтейского) привел к тому, что имевшиеся на заводах запасы угля постепенно истощились и, несмотря на содействие, нередко оказываемое им отпуском угля из запасов Петроградского порта, этим заводам грозит в ближайшее время остановка в работах»³. В письме далее указывается, что

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 58, л. 75—76.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 117, л. 52.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 46, ч. II, л. 959.

даже из урезанных Особым совещанием норм подвозится не весь занаряженный уголь. Так, например, с 1 сентября 1915 г. по 1 марта 1916 г. было дано нарядов на 5780 тыс. пудов угля, а подвезено только 3750 тыс. пудов¹.

О критическом положении петроградской промышленности с топливоснабжением было много сигналов и со стороны Центрального военнопromышленного комитета. В одном из писем на имя председателя Особого совещания Поливанова (ноябрь 1915 г.) ЦВПК указывал, что на многих крупнейших предприятиях Петрограда «запасы угля или ничтожны (на Путиловском заводе — на 1 день, на Невском судостроительном — на 1—1½ дня) или их совершенно не имеется... Если принять во внимание, что у них не имеется также и запасов нефти, а дрова имеются в крайне ограниченном количестве, то положение этих заводов нельзя не признать критическим»². Заводы «Людвиг Нобель», механический и литейный, «Сименс-Шуккерт», «Г. А. Лесснер» имели запасы минерального топлива в ноябре 1915 г. максимум на 1—4 дня, а завод «Сан-Галли», не имея никаких запасов топлива, вынужден был временно остановить свою деятельность³.

В связи с трудностями подвоза минерального топлива из Донбасса и других районов и так как положение с транспортом не улучшалось, министр путей сообщения поставил вопрос о сокращении военных заказов петроградской промышленности и переадресовке большей части их заводам Средней и Южной России. Это предложение министра путей сообщения было отклонено специальным решением Особого совещания от 27 июня 1915 г. В решении было записано: «Петроградский район является в настоящее время крупнейшим по сравнению с районами Средней и Южной России промышленным центром, поставляющим в армию предметы боевого снабжения. В его пределах находится целый ряд мощных как казенных, так и частных заводов, изготовляющих боевые припасы... Заводы этого района должны работать с полным напряжением сил, необходимым условием для чего является снабжение их топливом в соответствующих дей-

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 46, ч. II, л. 959.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 106, л. 130.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 106, л. 134—138.

ствительной в нем потребности размерах»¹. Но эти решения и заклинания Особого совещания не создали серьезного перелома в деле топливоснабжения Петроградского района, если не считать некоторого смягчения проблемы за счет частичного перехода на местные виды топлива: дрова, торф и т. д.

Если такое положение с топливом сложилось в отношении ведущих предприятий столицы, выполнявших ответственные военные заказы, то положение с топливоснабжением заводов, расположенных в Москве, было еще хуже. Москва за сентябрь — октябрь 1915 г. получила только одну треть угля, потребного для ее промышленности и коммунального хозяйства.

На снабжение Москвы и Петрограда углем влияла не только падающая из месяца в месяц его добыча, но и перевозка. Вследствие расстройств транспорта и неподачи вагонов под подгрузку угля запасы последнего по состоянию на 1 декабря 1915 г. поднялись на угольных копях Донбасса до 168 млн. пудов. Московские промышленники, объединенные при биржевом комитете, в записке, адресованной председателю Особого совещания по обороне, предупреждали, что «если теперь не будут приняты самые экстренные меры к урегулированию снабжения топливом, то наступит полная, еще небывалая разруха экономической жизни тыла, от которой вздрогнет страна и которая явится неизбежной»².

Топливный кризис, вызванный упадком добычи угля и перебоями в транспортировке его к местам потребления, роковым образом сказался на всей русской промышленности, в том числе и на металлургии, наиболее зависимой от снабжения углем. При этом, как ни странно, но, судя по записи в особом журнале Совета министров от 22 марта 1916 г., в наиболее критическом положении оказались рядом расположенные к угольным районам металлургические заводы Екатеринославского и Харьковского районов, «которые, казалось бы, при краткости расстояния не должны испытывать недостатка в топливе»³. Между тем уполномоченный Особого совещания по Екатеринославской губернии сообщал о полной пара-

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 50, л. 46.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 10, л. 11.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 46, ч. II, л. 601.

лизации металлургической промышленности этой губернии, вызванной недостатком сырья и топлива. Директора металлургических заводов Юга, объединявшихся «Продаметом», в телеграмме на имя Особого совещания по обороне писали, что «прогрессирующее ухудшение перевозок сырых материалов и топлива вызвало угрожающее сокращение производства чугуна. Стоит без работы 16 доменных печей из 66. У некоторых заводов производство чугуна упало на 60—70%»¹.

Но если по причине топливного кризиса останавливались заводы, непосредственно обслуживавшие нужды войны и расположенные в непосредственной близости от угольных баз, то что можно сказать о предприятиях, не работавших или работавших на нужды войны лишь частично и находившихся от топливных баз на далеком расстоянии? С этими предприятиями дело обстояло еще хуже. К примеру можно сослаться на галетный завод в Пензе, который остановился, как явствует из материалов Нижегородского заводского совещания, исключительно «по причине отсутствия топлива»². Этот завод не имел, конечно, первостепенного значения в обслуживании нужд войны, но, выполняя заказы интендантства, он играл, по признанию указанного заводского совещания, немаловажную роль «в деле снабжения армии продуктами питания».

Как и многие другие металлургические заводы, работавшие за счет дальнепривозного топлива, Ташинский завод (Нижегородской губернии) находился в весьма тяжелом положении. Как указывалось на заседании заводского совещания Нижегородского района, «производительность Ташинского завода, равнявшаяся в довоенное время 200 вагонам чугуна в месяц, упала в начале 1917 г. до 80 вагонов в месяц». Вследствие повышения издержек производства по данному заводу «цены на чугун увеличились в 2 с лишним раза»³.

Таким образом, мы видим, что по причине топливного кризиса, развернувшегося со всей силой в 1916 г., останавливались не только столичные заводы, работавшие

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 1, л. 48—50.

² Горьковский областной архив, д. 343. Журнал заводского совещания № 72.

³ Горьковский областной архив, д. 343. Журнал заводского совещания № 74.

на нужды войны, но и металлургические заводы, расположенные в непосредственной близости от топливной базы России — Донбасса. На этот бассейн падала вся нагрузка в деле обеспечения страны твердым минеральным топливом. С этой задачей он не мог справиться не только по причине общего падения угледобычи в стране, но и по причине транспортных затруднений и прежде всего из-за недостатка подвижного состава, необходимого для отгрузки угля в адрес промышленных предприятий. Последнее обстоятельство имело следствием не только рост запасов угля на коях, но и недополучение угля промышленными предприятиями, производственный процесс и кругооборот капиталов которых подвергся в связи с этим значительному замораживанию.

О размерах недополученного промышленными предприятиями угля и росте его запасов на коях Донецкого бассейна говорят следующие данные (в млн. пудов)¹:

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Добыто	1 543,8	1 683,8	1 626,6	1 736,4	1 491,1
Вывезено	1 197,2	1 265,3	1 196,4	1 364,5	1 054,3
Вывоз в % к добыче	77,5	75,1	73,5	78,1	70,8
Запасы угля на коях	336,6	418,5	430,2	379,4	436,8

Серьезные изменения произошли и в распределении донецкого угля по экономическим районам России. Значительно возрос, например, вывоз донецкого угля в районы, до войны получавшие иностранный и частично домбровский уголь (Прибалтийский и Северо-Западный районы). Наоборот, значительно сократился вывоз донецкого угля в центральные и юго западные районы страны. Так, например, Прибалтийский район получил в 1913 г. только 17,3 млн. пудов донецкого угля, а в 1915 г.— 131,4 млн. пудов. Царство Польское получило в 1913 г. 4,9% общей добычи донецкого угля, а в 1915 г., когда Домбровский район был оккупирован немцами,— 22,8%. Зато Московский район получил в 1915 г. на 36,9 млн. пудов меньше донецкого угля, чем в 1913 г., Северо-Кав-

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII (сводные статистические таблицы), стр. 66—69.

казский — меньше на 17,1 млн. пудов, Юго-Западный — на 9,4 млн. пудов. Значительное место занимал в потреблении донецкого топлива Центральный черноземный район, получавший 140—150 млн. пудов угля в год в течение всех военных лет.

Изменения в границах зоны тяготения к Донбассу и в удельных весах отдельных районов в потреблении донецкого угля произошли по следующим причинам. Прибалтийский район, значительно повысивший свою долю в потреблении донецкого угля, базировался до войны преимущественно на привозном угле — немецком и английском. Расход импортного угля достигал здесь в 1913 г. 272,7 млн. пудов, в то время как в 1915 г. он сократился до 34,9 млн. пудов. То же можно сказать и о бывшем Царстве Польском, которое жило до войны по преимуществу на домбровском угле (314,7 млн. пудов) и импортном (127,4 млн. пудов). Во время войны оба источника снабжения отпали.

Недостаток каменного угля заставил многих потребителей, в том числе и некоторые предприятия военного значения, перейти с угля на нефть, дрова и торф, что сыграло серьезную роль в деминерализации топливного баланса страны, в изменении структуры топливоснабжения промышленности и железнодорожного транспорта в период между 1913 и 1916 гг. Это видно из следующих данных ¹:

Виды топлива	Железнодорожный транспорт		Промышленность Европейской России	
	1913 г.	1916 г.	1913 г.	1916 г.
Дрова (тыс. куб. сажен)	1 070	1 460,4	4 000	4 364
Каменный уголь (млн. пудов)	580	775,3	1 634	834,8
Нефтетопливо (млн. пудов)	110	167,2	190	253,2
Торф (млн. пудов)	—	—	275	185
Итого в переводе на каменный уголь 7000 калорий (в млн. пудов)	852	1 172	2 434	1 747

¹ См. В. И. Фролов, Добыча, потребление топлива в России до войны и в настоящее время, вып. 1, 1920, стр. 27, 30.

² Без Финляндии, но с включением Урала и Кавказа.

Эти данные достаточно наглядно показывают качественное изменение топливного баланса, в котором все больше возрастает удельный вес дровяного топлива и сокращается (для промышленности) потребление каменного угля. Наряду с деминерализацией топливopotребления промышленностью мы видим обратную картину в отношении топливоснабжения железнодорожного транспорта. Если потребление каменного угля промышленностью сократилось в 1916 г. (по сравнению с 1913 г.) почти в 2 раза, то потребление его железнодорожным транспортом значительно увеличилось.

Само собой разумеется, что понижение качества топлива для промышленности (хотя она обладает и более совершенной системой сжигания малокалорийного топлива, чем, например, железнодорожный транспорт) не могло способствовать повышению ее производительности. В 1917 г., который прошел под знаком общего расстройтва промышленного производства и, в частности, резкого ухудшения топливного баланса, снабжение промышленности топливом еще больше ухудшилось.

* *
*

Сложившаяся в период войны хозяйственная конъюнктура наложила свою печать и на состояние нефтяной промышленности, развитие которой испытывало весьма существенные затруднения на всем протяжении первой мировой войны. Несмотря на огромные требования, предъявленные к нефтяной промышленности со стороны всех отраслей народного хозяйства и прежде всего промышленности и транспорта (особенно морского и речного), рост ее продукции был крайне незначительным и во всяком случае не отвечал тем требованиям, которые были предъявлены к жидкому топливу со стороны указанных выше отраслей народного хозяйства и военного ведомства.

Конечно, по сравнению с каменноугольной промышленностью, из года в год снижавшей общую добычу угля, нефтяная промышленность имеет более выгодные показатели. Ее продукция росла по возрастающей кривой и пошла на убыль только в 1917 г. и то не по всем районам. Грозненский и Эмбенский районы, в которых произошло расширение разбуриваемых площадей, и в 1917 г.

не сократили добычи нефти по сравнению с 1913 г. Общее увеличение добычи нефти в 1916 г. (на 51,7 млн. пудов) против 1913 г. объяснялось вводом в эксплуатацию новых площадей при одновременном сокращении бурения на действовавших промыслах. Если принять 1913 г. за 100, то объем буровых работ, произведенных в годы войны, составит: в 1914 г.— 92%, в 1915 г.— 74, в 1916 г.— 63%. В этой связи в характере нефтяного производства произошла весьма заметная эволюция от интенсивного процесса труда к экстенсивному, что видно хотя бы на примере Бакинского и Старо-Грозненского районов, где за время войны произошло сокращение таргальной нефтедобычи на 10—15%. В 1916 г. буровые работы сосредоточивались преимущественно на заложенных раньше скважинах. Между тем сокращение объема буровых работ является первым признаком деградации нефтяной промышленности, признаком, свидетельствующим не о расширении сферы производства, а о ее сужении, не об интенсификации добычи нефти, а о хищнической эксплуатации богатых месторождений.

Добыча нефти в России
(в млн. пудов)¹

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Всего	541,9	543,1	561,5	593,6	500,5
В том числе					
Бакинский район . . .	448,9	417,2	443,3	468,1	395,7
Грозненский район . .	72,4	98,6	88,1	102,7	85,1
Майкоп	4,8	3,9	7,6	2,1	1,0
Туркменния	7,8	5,0	4,0	3,0	1,6
Ферганская область . .	2,0	1,8	2,0	2,2	1,5
Эмба	6,0	16,6	16,5	15,5	15,6

Чем же объясняется сокращение объема буровых работ на нефтепромыслах? Основной причиной этого сокращения является дороговизна и отсутствие в нужном количестве металлов и инструментов для бурения. Из занаруженных для нефтяной промышленности на 1916 г.

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 году», вып. VII, стр. 78.

10 млн. пудов металла она получила лишь 5—6 млн. пудов и те не в нужном ассортименте. Закупленный металл не всегда доставлялся в силу транспортных затруднений к месту его потребления. Особенно это относится к бакинским промыслам, снабжение которых металлом осуществлялось только морским путем, через порт Петровск (Махачкала), так как прямое железнодорожное сообщение по линии Петровск — Баку было закрыто для частных грузов.

Таким образом, если нефтяная промышленность и не сократила в годы войны добычи нефти (по крайней мере до 1916 г.), то это объясняется прежде всего естественными, а не производственно-техническими и экономическими факторами. Только благодаря тому, что новые нефтяные площади в Баку и Грозном оказались наиболее богатыми нефтью и давали высокую производительность (без дополнительных капитальных затрат), нефтяная промышленность оказалась в более благоприятном положении, чем угольная. Но это не значит, что проблема жидкого топлива была решена и что нефтеснабжение не лимитировало промышленность, транспорт и другие отрасли мирного и военного хозяйства. Имеющиеся в нашем распоряжении документы говорят о противоположном. Так, в середине 1916 г. Центральный военнопromышленный комитет в письме, адресованном Особому совещанию по обороне, указывал, что «отсутствие топлива — основы всей промышленности может поставить промышленности, работающую на государственную оборону, в безвыходное положение. Каменноугольное топливо, при огромной в нем потребности, не может удовлетворить всех нуждающихся...». если не будут приняты меры к расширению добычи нефти, к осуществлению безостановочных работ по бурению и т. д.¹

Но нефтяная промышленность, особенно бакинская, нуждалась в железе и трубах для бурения скважин, в цементе для тампонирования скважин и в других предметах оборудования. Между тем поступление этих предметов в Бакинский район не покрывало и 30% действительной потребности в них. При этом были случаи, когда доставленный для бакинских нефтепромыслов груз (с материалами и оборудованием) реквизировался и переда-

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оя. 1, д. 96, л. 140.

вался другим предприятиям, не имевшим отношения к нефтяной промышленности.

Отмеченные затруднения с доставкой грузов отрицательно сказывались не только на уровне технической вооруженности бакинских промыслов, но и на издержках транспортировки грузов, возросших за время войны в 4—6 раз. Так, например, листовое железо, продававшееся в Баку в 1913 г. по 1 р. 80 к. за пуд, оценивалось в 1916 г. уже в 5—8 руб. за пуд. В таком же примерно соотношении повысились цены и на другие технические материалы: стальные канаты, цемент, лес и т. д.¹

В связи с новым порядком транспорта грузов в Баку, а также запрещением вывоза продуктов питания с Северного Кавказа (обычно снабжавшего Баку своим продовольствием) усложнился и продовольственный вопрос на бакинских нефтепромыслах, что явилось дополнительным фактором, ослаблявшим производственную деятельность нефтяной промышленности Бакинского района. Немалую роль в ослаблении производственной деятельности нефтяной промышленности играло и то обстоятельство, что нефтепромышленники не были особенно заинтересованы в увеличении добычи нефти. Повышение цен на нефть при остром топливном кризисе обеспечивало им хорошие барыши и без дополнительных затрат на расширение нефтяного производства.

* *
*

Образовавшийся во время войны огромный разрыв между добычей топлива и возросшей потребностью на него со стороны народного хозяйства заставил царское правительство встать на путь централизованного государственного «вмешательства» в производство и особенно распределение топлива. Увлеченные модной для исследуемого периода идеей государственного «регулирования» производства и распределения вообще и топлива в особенности, правящие круги России, как, впрочем, и других стран, надеялись, что им удастся путем установления «жестких» норм потребления топлива и очередности его отпуска потребителям найти выход из надвигавшегося топливного кризиса и связанного с ним расстройтва всего процесса промышленного производства.

¹ «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. III, стр. 93.

Признаки топливного кризиса обнаружились прежде всего в Петрограде, промышленность которого работала до войны на заграничном, преимущественно английском и отчасти германском, каменном угле. Поэтому первый орган, созданный правительством в начале войны для «регулирования» топливоснабжения — Центральный комитет по снабжению топливом, занят был одной задачей — снабжением Петрограда минеральным топливом. Вскоре к этой функции комитета прибавилось «регулирование» производственной и коммерческой деятельности Донбасса.

Комитет выработал некоторые предложения по обеспечению Донбасса рабочей силой, добившись, в частности, льготного железнодорожного проезда для рабочих. По инициативе комитета была сокращена трата топлива на освещение улиц, наружное освещение магазинов и кинематографов. Этими мероприятиями, не имевшими решающего значения в урегулировании топливного баланса страны, и закончилась деятельность Центрального комитета по снабжению топливом. Его функции перешли к Комитету по распределению топлива, организованному 15 марта 1915 г. при Министерстве путей сообщения.

Это объяснялось тем, что Министерство путей сообщения было главным потребителем топлива и, как наиболее заинтересованная организация, должно было оказывать наиболее активное воздействие на работу каменноугольной промышленности. Комитет по распределению топлива не только заменил собой Центральный комитет по снабжению топливом, но и взял на себя ряд дополнительных функций. Председателю комитета — министру путей сообщения были предоставлены права: требовать от всех казенных и частных учреждений и лиц сведений о запасах топлива; проводить через подчиненных ему лиц осмотры запасов топлива на казенных и частных заводах, фабриках и складах; передавать заготовленное для всех без исключения ведомств топливо другим казенным или частным учреждениям, более важным для нужд войны.

В своей деятельности Комитет по распределению топлива опирался на периферийные организации, созданные в каждой губернии. На филиалы была возложена задача выяснения ежемесячной потребности данной губернии в твердом топливе и передачи в необходимых случаях топлива от адресатов другим потребителям. Как видно из

сказанного, Комитет по распределению топлива, а также его органы на местах занимались преимущественно вопросами учета и распределения. Хотя такое «регулирование» топливного хозяйства и было шагом вперед по сравнению с функциями Центрального комитета по снабжению топливом, тем не менее и оно было весьма ограничено. Поэтому в августе 1915 г. по решению правительства было учреждено Особое совещание по топливу¹ во главе с министром торговли и промышленности.

В отличие от указанных выше комитетов Особое совещание по топливу, являясь междуведомственной правительственной организацией, располагало значительно большими правами (по крайней мере с формально-юридической точки зрения), чем предыдущие «регулирующие» органы. В его задачу входили не только вопросы учета и распределения топлива, но и «регулирование» его добычи в соответствии с возросшими потребностями народного хозяйства. Уже на первых порах своей деятельности Особое совещание по топливу установило очередность топливоснабжения. В первую очередь топливо отгружалось флоту, железным дорогам, казенным заводам, частным металлургическим предприятиям, работавшим на войну. Во вторую и третью очередь топливо отгружалось предприятиям, выполнявшим второстепенные по важности военные заказы (интендантского и инженерно-технического характера). В четвертую очередь топливо отгружалось строительным организациям, госпиталям и лазаретам. В пятую очередь — прочим потребителям².

Особое совещание по топливу могло требовать от топливных предприятий принятия и исполнения его заказов и поставок в первоочередном порядке, могло налагать секвестр, назначать общие и частные реквизиции, отстранять в необходимых случаях от службы членов правлений, директоров и управляющих предприятиями и назначать вместо них других лиц. Особому совещанию были предоставлены возможности изменять условия договоров, заключенных с поставщиками, устанавливать

¹ Полное название совещания — Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий для целей государственной обороны.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 106, л. 105.

порядок распределения топлива между потребителями, устанавливать размер заработной платы в топливных предприятиях и требовать от населения участия в перевозках топлива. Все правительственные и общественные учреждения, должностные и частные лица обязаны были оказывать содействие Особому совещанию. Так же как и его предшественники, Особое совещание имело своих районных уполномоченных. Кроме того, в мае 1916 г. правительство учредило должность главного уполномоченного по снабжению донецким топливом, назначавшегося Особым совещанием по топливу. В обязанности уполномоченного входило наблюдение за добычей топлива и исполнением нарядов на вывоз угля из Донбасса. Одновременно была образована специальная инспекция по Донецкому бассейну, занимавшаяся выяснением запасов угля на шахтах, осмотром, приемкой и наблюдением за хранением топлива, приобретенного государством, наблюдением за качеством добываемого топлива, проверкой правильности отчетных сведений о добыче угля, расходе его на коксование и для собственных нужд копей.

Как указывалось в одном из обзоров Особого совещания по топливу, «недостаток донецкого топлива, прекращение ввоза заграничного угля и занятие неприятелем Домбровского бассейна и, с другой стороны, огромная важность твердого горючего для флота, жел. дорог, для военнопромышленных целей, а также для всей экономической жизни заставили государственную власть подвергнуть строгому контролю распределение угля в целях обеспечения основных нужд страны за счет менее важных потребностей».

Однако, несмотря на эти, казалось бы, «радикальные» мероприятия, положение с топливоснабжением страны не улучшилось. На угольном рынке по-прежнему действовала частная инициатива, не считавшаяся ни с нормированием в области потребления угля, ни с установленными правительством твердыми ценами на него.

Особое совещание по топливу пыталось было провести всеобщую реквизицию топлива, но, как и в других вопросах, затрагивающих интересы шахтовладельцев, натолкнулось на их активное сопротивление. Ввиду этого оно вынуждено было пойти на полумеру, т. е. на частичную реквизицию топлива, причем на условиях, вполне

устраивающих крупных шахтовладельцев. Оно установило для реквизируемого угля такие цены, которые были не ниже среднерыночных. Так, решением от 13 июня 1916 г. были установлены следующие так называемые реквизиционные и низшие цены¹ на уголь Донецкого бассейна, предназначенный для нужд флота и железных дорог².

Основные сорта угля	Реквизиционные цены за пуд, франко-вагон — станция отправления	Низшие предельные цены за пуд, франко-вагон — станция отправления
<i>Уголь для флота</i>		
По техн. услов. № 1 . . .	20,9 коп.	18,9 коп.
» № 2 . . .	19,9 »	17,9 »
» № 3 . . .	19,4 »	17,4 »
<i>Уголь для железных дорог</i>		
По техн. услов. № 2 . . .	20,2 »	18,2 »
» № 3 . . .	19,7 »	17,2 »

Несмотря на то что указанные выше цены превышали уровень цен 1913 г. в 2 с половиной раза и более при увеличении себестоимости донецкого угля за сравнимый отрезок времени немногим более чем в полтора раза, совещание углепромышленников, состоявшееся в конце 1916 г., признало, что такая система снабжения углем не может стимулировать его добычу и если порядок реквизиции угля не будет увязан с уровнем отпускных цен для всех остальных потребителей, то она превратится в серьезную помеху для развития каменноугольной промышленности. С этой ханжеской точкой зрения углепромышленников согласилось по существу и Особое совещание по топливу, которое в письме на имя министра путей сообщения выразило беспокойство по поводу того, что железные дороги, являясь для некоторых поставщиков

¹ По реквизиционным ценам уголь отпускался всем государственным и общественным учреждениям и предприятиям, работавшим на войну, по предельно низким ценам — в порядке особого, преимущественного снабжения.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 6, л. 892—894.

угля главным, если не единственным крупным потребителем, «задерживают до сих пор платежи за топливо, чем расстраивают все расчеты предпринимателей», подрывая их оборотные средства и т. д.¹

Особое совещание разработало затем проект организации Центрального комитета для торговли твердым минеральным топливом Донецкого бассейна — Центроугля. По замыслу авторов проекта, этот орган должен был подчинить себе все каменноугольные бассейны и под наблюдением своих уполномоченных распределять уголь в «плановом порядке» и по определенным ценам. Поскольку новый комитет создавался для реализации выработанного Особым совещанием по топливу «плана» снабжения страны углем, он должен был руководствоваться при продаже топлива преискурантом цен, утвержденным Особым совещанием, и списком потребителей, имеющих право на внеочередное и очередное снабжение углем.

Образование Комитета по торговле донецким углем должно было, по предложению его организаторов, внести значительные изменения в практику распределения донецкого угля и в систему снабжения страны топливом. С организацией упомянутого комитета по существу устанавливалась государственная монополия на торговлю углем. Но эта форма распределения угля совершенно не была приемлема для углепромышленников, ибо их представители в составе Центрального комитета по торговле углем должны были играть лишь роль служебного персонала, хорошо знающего условия производства и сбыта угля. На заседании ЦВПК, посвященном данному вопросу, указывалось, что реализация проекта монополизации казной продажи топлива «привела бы к ухудшению и удорожанию топлива, к расстройству... и к полному нарушению всей сложившейся конъюнктуры..., это произвело бы настоящую катастрофу в горнозаводском деле»². Углепромышленники, считая себя ущемленными в правах на торговлю своим же собственным топливом, жаловались на узурпацию их прав и прав клиентуры, представителей которой не предполагалось включить в Комитет по торговле донецким углем.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 33, л. 21.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 28 об.

Создание монопольной государственной организации по торговле донецким углем рассматривалось собственниками шахт даже как «стремление к государственному социализму», отрицающему «личную свободу и самостоятельность» предпринимателей. Они доказывали, что введение государственной торговли донецким углем может привести к ряду нежелательных для угольной промышленности явлений, к подрыву частновладельческой инициативы в угольном производстве, к снижению притока капиталов и к сужению материально-технической базы этой отрасли промышленности. Кроме того, писалось в одной из статей, посвященных этому вопросу, монополия торговли углем может превратиться из средства регулирования снабжения топливом в средство извлечения доходов в пользу фиска¹.

Монополия на распределение донецкого топлива, введенная затем Временным правительством, передавала государству все запасы топлива и прекращала действие всех договоров на его поставку с возвратом авансов и задатков покупателям и запретом заклада топлива и каких-либо иных сделок по нему. Однако непоследовательность Временного правительства (как и царского), заключающаяся в стремлении примирить интересы различных капиталистических групп без нарушения основ капиталистического строя, привела в конечном итоге к невыполнению закона о монополии и к еще большей дезорганизации топливного хозяйства России.

Таким образом, ни одно мероприятие, выработанное царским и Временным правительствами, относительно упорядочения дела снабжения страны топливом и предотвращения надвигавшегося топливного кризиса не достигло цели. Топливный кризис развивался с невероятной быстротой, особенно в конце 1916 и начале 1917 г., когда наряду с понижением добычи угля резко возросли недогрузки его потребителям.

* *
*

Для «наведения порядка» в области распределения жидкого топлива при Особом совещании по топливу был образован временный комитет, который выступил в роли

---

¹ См. «Промышленность и торговля» № 16—17, 1917 г., ст. «К вопросу об угольной монополии», стр. 305.

своеобразного посредника между важнейшими потребителями и поставщиками нефти. Одновременно с этим приступлено было к выработке правил распределения жидкого топлива среди потребителей, согласно которым устанавливалась разрешительная система перевозки топлива для железнодорожного и водного транспорта. Практическое осуществление этого дела было возложено на главного уполномоченного по обеспечению потребителей нефтью и нефтяными остатками. Под председательством этого уполномоченного функционировала специальная комиссия из представителей Министерства путей сообщения и нефтяных фирм. Комиссия выработала правила использования подвижного состава для перевозок жидкого топлива и проект положения о нефтяном комитете при управлении железных дорог, действующем под контролем и наблюдением указанного выше главного уполномоченного по обеспечению потребителей нефтью.

В связи с возникшими во время войны трудностями снабжения промышленности, железных дорог, военноморского и артиллерийского ведомств твердым и жидким топливом Министерство торговли и промышленности по соглашению с Особым совещанием по топливу разработало проект организации казенных нефтепромыслов на Апшеронском полуострове производительностью в 50 млн. пудов нефти в год¹. Стоимость строительства определялась в 53 млн. руб. Предполагалось, что строительство новых промыслов не только ослабит топливный кризис в стране, но и послужит сдерживающим фактором в отношении роста цен на нефть на частном рынке. Согласно проекту, отпускная цена на этих промыслах не должна была превышать 36 коп. за пуд нефти, т. е. должна была быть на 11 коп. дешевле той, которая была установлена для частных заводов и которую частные заводы считали «убыточной».

Однако этому проекту, как и многим другим, не суждено было осуществиться. На него обрушились нефтепромышленники, заявившие, что «проект Министерства торговли и промышленности создает угрозу не одной только бакинской промышленности, но и всей русской нефтяной промышленности»². Демагогия и угрозы,

¹ См. «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 52, 1916 г., стр. 577.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 2, л. 218—219.

а иногда и подкупы чиновников Министерства торговли и промышленности не дали возможности осуществить проект организации казенных промыслов, и частная инициатива продолжала диктовать военному ведомству свои спекулятивно-рваческие условия.

Установленные Особым совещанием 6 февраля 1916 г. твердые цены на нефть в размере 47 коп. за пуд вызвали резкую реакцию со стороны нефтепромышленников. Выступившие по этому поводу на заседании ЦВПК виднейшие заправилы нефтяной промышленности России — Нобель и Гукасов угрожающе заявили, что установление твердых цен при вздорожании оборудования и повышении зарплаты рабочим «приведет к закрытию отдельных промысловых участков»¹. В еще более категорических тонах высказался Совет съездов терских нефтепромышленников, который требовал повысить цены на нефть минимум на 10 коп. за пуд, подчеркивая, что только таким путем можно «вывести нефтяное дело из состояния... прогрессирующей бездеятельности»².

Правительство вынуждено было пойти навстречу требованиям нефтепромышленников и поднять уровень таксированных цен на 10%. Но и после этого потребители нефти наталкивались на всевозможные препятствия со стороны нефтепромышленников при покупке их продукции по твердым ценам. Затруднения, встречаемые предприятиями и железными дорогами при закупке нефтяного топлива по предельным ценам, вынудили Особое совещание по топливу ввести с 27 апреля 1916 г. систему частичной реквизиции жидкого топлива.

В случае реквизиции топлива, не проданного по договору, вследствие нежелания продавца совершить сделку цена реквизируемой нефти могла быть установлена на 15% ниже обыкновенной, таксированной цены. Однако правительственные органы настолько были зависимы от политики нефтяных королей, что эта внешне решительная мера имела скорее моральное, чем реальное, воздействие на поставщиков нефти. Поставщики и торговцы нефтью находили массу поводов для того, чтобы обойти таксированные цены и продавать свою продукцию по рыночной цене.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 7, л. 11.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 7, л. 14.

В середине 1916 г. обнаружилось особенно ясно, что для «регулирования» нефтяного рынка нельзя ограничиться одной лишь таксацией цен, а нужны и другие меры. После уточнения положения дела на нефтяном рынке и, в частности, состояния добычи и перегонки нефти у отдельных нефтяных фирм Особое совещание по топливу попыталось наметить программу принудительного изъятия и распределения жидкого топлива между крупнейшими предприятиями и районами. В частности, им выработаны были правила распределения нефти и нефтяных продуктов между потребителями, утвержденные 4 мая 1916 г. Правилами устанавливалась по примеру каменноугольной и металлургической промышленности разрешительная система перевозок жидкого топлива по железным дорогам с мест добычи и от основных пристаней Волжского пароходства.

На главного уполномоченного Особого совещания возлагалось наблюдение за реализацией этих правил и системы перевозок, распределение жидкого топлива между потребителями и ежемесячное составление нарядов на перевозку нефтепродуктов по железным дорогам. Так же как и при распределении каменного угля, потребители нефти были разделены на пять категорий, из которых каждая получала нефть в порядке установленной очереди. Регулирование отпуска и перевозок нефти сыграло некоторую положительную роль в улучшении снабжения страны топливом в условиях военного кризисного состояния русской промышленности. Однако в целом эта задача не была решена, ибо «регулирующие» органы не затрагивали основных вопросов производства топлива. Значительная часть нефти и нефтяных продуктов оказывалась не учтенной «регулирующими» органами и поступала на частный рынок, где продавалась по спекулятивным ценам.

Из всего этого видно, что попытка царского правительства подчинить своему влиянию важнейшую часть топливного баланса страны — уголь и нефть, осуществлялась крайне нерешительно и непоследовательно. Взяв в свои руки контроль за распределением указанных видов топлива и оставив вне сферы влияния их добычу, царское правительство хотя и декларировало свою «озабоченность» насчет «рационального» распределения угля и нефти, но ничего не сделало для расширения и увеличе-

ния их добычи, снабжения угольных копей и нефтяных промыслов оборудованием, металлом и вспомогательными материалами. Ничего практически не было сделано в этом направлении и Временным правительством, сконцентрировавшим в своих руках лишь сферу распределения топлива и оставившим все остальное в руках частных собственников. Все эти моменты плюс ненадежность местного аппарата, ведавшего учетом и контролем над распределением топлива, низкая квалификация личного состава центральных и особенно местных органов, «регулирующих» топливоснабжение, служили одной из главных причин провала государственного «регулирующего» снабжения страны твердым и жидким топливом.

* *
*

В снабжении страны металлом и топливом огромную роль играет не только их производство и централизованное распределение, но и *подвоз их к местам потребления*. Основным фактором в решении этой проблемы является железнодорожный транспорт. Во время войны его значение заключается не только в бесперебойном подвозе к линии фронта снарядов, пушек, живой силы, продовольствия, но и в том, что он связывает между собой огромное количество работающих на нужды войны промышленных предприятий. Если в условиях войны эти функции не выполняются транспортом или выполняются с перебоями, то весь производственный цикл, вся кооперация и взаимодействие между различными отраслями промышленности, работающими на войну, нарушаются. В этом случае создаются диспропорции между отраслями обрабатывающей и добывающей промышленности, между звеньями каждого вида промышленности.

Первая мировая война убедительно показала влияние железнодорожного транспорта на работу промышленности и особенно тех ее отраслей, которые обслуживали нужды «государственной обороны». Железнодорожный транспорт России и перед войной не был на высоте положения. Война же внесла еще большее расстройство в транспортное хозяйство России, подорвала его основные фонды, сократила и износила подвижной состав транспорта и т. д. Докладывая Особому совещанию 23 апреля 1916 г., представитель Министерства путей сообщения

заявил, что главная причина наблюдаемых затруднений в транспорте коренится в слабости нашей железнодорожной сети как в отношении ее густоты (меньшей, чем в Болгарии), так и ее оборудования. Двойная колея имеется лишь на $\frac{1}{4}$ всего протяжения дорог, вагонный парк на версту протяжения дорог — в 4—5 раз меньше, чем за границей ¹.

Это обстоятельство явилось одной из главных причин, породивших трудности транспортировки грузов. За 1914 г. остались невывезенными до 2 млрд. пудов частных грузов, перешедших дополнительно на 1915 г. Справиться с этой нагрузкой железные дороги не могли, так как значительная часть подвижного состава была занята непосредственно обслуживанием армии. Об этом говорят сведения о распределении вагонов и паровозов между железными дорогами полевого управления и Восточного района железных дорог МПС (в тыс. единиц) ².

	До объявления мобилизации		В марте 1915 г.	
	абсолютно	%	абсолютно	%
<i>Вагоны. Всего . . . . .</i>	446	100	464	100
В том числе:				
На дорогах полевого управления	119	26	166	36
На дорогах Восточного района	327	74	298	64
<i>Паровозы. Всего . . . . .</i>	19,6	100	19,9	100
В том числе:				
На дорогах полевого управления	5,7	29	7,0	35
На дорогах Восточного района	13,9	71	12,9	65

Таким образом, уже за первые восемь месяцев войны в использовании подвижного состава железных дорог произошли весьма существенные изменения. Если до войны на дорогах полевого управления было занято всего лишь 26% вагонов и 29% паровозов, то спустя восемь месяцев после начала войны этот процент поднялся:

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, л. 87—88.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 7, ч. 1, л. 33.

в первом случае — до 36, а во втором — до 35. Но фактически этот процент был выше, ибо подвижной состав Восточного района обслуживал не только и не столько потребности тыла, сколько потребности фронта.

Перевозки воинских грузов увеличились в этом районе с 6% в 1914 г. до 35% в 1915 г. Перевозки угля, шедшего на удовлетворение потребностей заводов, работавших на нужды войны, увеличились соответственно с 13% в 1914 г. до 25% в 1915 г. Одновременно с этим перевозки коммерческих грузов сократились за указанный период с 81 до 40%¹.

Председатель Особого совещания по перевозкам сообщил на заседании от 7 сентября 1915 г., что «топливо-продовольственные грузы... составляют более половины всех грузов, перевозимых по железным дорогам и водным путям»². В дальнейшем же, по мере развития военных действий и переключения на обслуживание нужд войны основных отраслей обрабатывающей и добывающей промышленности, загрузка железнодорожного транспорта военными грузами, а также сырьем, материалами и топливом, шедшими на удовлетворение потребностей, связанных с войной, еще больше увеличилась. Об этом говорит, в частности, общий объем военных грузов, увеличившийся с 134,7 млн. пудов в 1913 г. до 41 823 млн. пудов в 1916 г., или более чем в 300 раз³.

Увеличение объема перевозок военных грузов шло, разумеется, при ограниченных транспортных возможностях России за счет сокращения перевозок предметов промышленного производства, в том числе топлива и металла. Судя по материалам Харьковского горнозаводского комитета, до войны почти полностью совпадали заявки на отправку горнозаводских грузов (топливо, руда, флюсы и др.) и транспортные наряды на них. Так, в 1913 г. было затребовано горнозаводских грузов 1863,6 млн. пудов, а отгружено 1862,1 млн. пудов. Разрыв между требованиями и отгрузкой определялся ничтожной цифрой (0,08%). В период войны положение резко изменилось. Уже в 1915 г. транспортные заявки на горноза-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 7, ч. 1, л. 34.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 7, ч. 1, л. 2.

³ См. М. М. Шмуккер, Очерки финансов и экономики железнодорожного транспорта за 1913—1922 гг., стр. 53.

водские грузы (3742 млн. пудов) на 39,8% превысили количество фактически занаряженных и отгруженных материалов. В силу этого Особое совещание на одном из своих заседаний (январь 1916 г.) констатировало, что «подвоз к заводам материалов, топлива и металлов настолько замедляется, что точное исполнение заказов стало совершенно невозможным»¹.

В связи с неудовлетворительным обслуживанием промышленных предприятий железнодорожным транспортом и с постоянными жалобами на это Центрального военно-промышленного комитета председатель Государственной думы Родзянко вынужден был признать на заседании Особого совещания (от 3 февраля 1916 г.), что «во всех случаях, когда наблюдается задержка в работах на оборону, основной и главнейшей причиной оказывается полное расстройство железнодорожного транспорта. Как бы велики ни были запасы угля и металлов, заводы не могут их использовать, потому что нет подвоза»². Эту же мысль, но с далеко идущими выводами высказал и председатель Особого совещания генерал Поливанов, который, резюмируя прения по докладу Центрального военнопромышленного комитета (октябрь 1915 г.), заявил, что «организация государственной обороны всецело построена на перевозках, и если последние не удовлетворяют предъявленных к ним требований, то ни избыток угля, ни достаточность металла не сохранят снабжение армии от распада»³.

Но признание трагического положения с перевозками и обвинения, брошенные в адрес Министерства путей сообщения по поводу допущенной им неразберихи в этом деле, не улучшили положения с подвозом топлива, сырья и металла к промышленным предприятиям, обслуживавшим нужды войны. Из материалов упомянутого нами Харьковского горнозаводского комитета видно, что количество не отгруженных с юга России горнозаводских материалов росло из года в год, главным образом по вине железных дорог⁴.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 173, л. 43.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 173, л. 84.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 173, л. 85.

⁴ См *Б. С. Букин*, Экономика войны, раздел «Война и транспорт», стр. 57.

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г. (первая половина)
Общее количество неотгруженных материалов (млн. пудов)	233,7	472,7	740,0	330,2
В том числе по вине железных дорог (млн. пудов)	68,5	270,2	489,2	207,7
В % ко всем грузам	26,0	50,5	65,5	54,6

Особенно остро обстояло дело с перевозками грузов металлургических заводов, работавших на нужды войны. Как сообщает уполномоченный Особого совещания по делам металлургической промышленности генерал Мышлаевский, в апреле 1916 г. Пермская дорога выделяла в среднем в день для перевозки металла не более 30% потребного количества вагонов, а Омская дорога и того меньше — 14% ¹. В отдельные промежутки времени подвижной состав под перевозку металла и других предметов горнозаводской промышленности предоставлялся в еще меньших размерах. Так, потребность уральской горной промышленности на подвижной состав была удовлетворена: в декабре 1915 г. — на 20%, а в январе и феврале 1916 г. — всего лишь от 3 до 6% ².

Невыполнение железными дорогами отгрузки горнозаводских материалов из-за недостатка вагонного парка приводило к недогрузке металлургических заводов сырьем и топливом, что тормозило развертывание производства готовых изделий и полуфабрикатов. С другой стороны, неудовлетворительная подача вагонов приводила к образованию залежей готового металла на складах металлургических заводов, к омертвлению живого труда и капитала при огромном спросе на металл со стороны военных и гражданских заводов. При таком положении вещей железнодорожный транспорт оказывал свое отрицательное влияние на металлургическое производство вдвойне.

Как показал опыт, для равномерной работы металлургических заводов, в особенности доменных печей,

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 40, л. 29.

² См. «Деятельность областных и местных военнопromышленных комитетов на 10 февраля 1916 г.», ч. 1, Пгр. 1916 (на правах рукописи), стр. 150.

необходим определенный запас сырья, обеспечивающий правильный и непрерывный процесс производства. Запасы эти, нужные в любых условиях, особенно нужны в условиях военного времени, когда возможно нарушение нормальной работы железных дорог, когда основная масса перевозочных средств направляется на непосредственное обслуживание нужд фронта.

Между тем в период первой мировой войны в русской металлургической промышленности наблюдалась обратная тенденция. Запасы руды, кокса, флюсов на предприятиях в 1915 г. в среднем сократились в 2—3 раза против запасов мирного времени. Так, в марте 1915 г. запасы руды составляли на металлургических заводах страны 13 млн. пудов против 28,3 млн. пудов в марте 1913 г., запасы флюсов соответственно — 4,2 млн. пудов и 10,5 млн. пудов, кокса — 5,5 млн. пудов и 19,6 млн. пудов. В особенно тяжелом положении оказалась южная металлургия, для нормальной работы которой требовалось ежемесячно 32 млн. пудов донецких коксующихся углей, а завозилось на южные металлургические заводы всего лишь 15—16 млн. пудов¹.

Нужно отметить и второе ненормальное явление — крайнюю неравномерность распределения запасов сырья между отдельными заводами, связанную с транспортными затруднениями на важнейших направлениях. Вследствие бесплановости снабжения некоторые заводы обеспечивались с избытком каким-либо одним видом сырья, например рудой, но не имели кокса, флюсов и т. д. В результате некомплектного снабжения сырьем парализовалась по существу нормальная производственная деятельность металлургических заводов.

На одном из своих заседаний (в начале 1916 г.) Особое совещание по обороне отметило, что «необеспеченность заводов металлами должна быть приписана не только истощению их запасов, но и неправильному функционированию перевозок. Ныне составляемые планы перевозок не предусматривают в достаточной мере продвижение руды к доменным печам, и в результате ныне уже бездействует 16 печей, что уменьшило выплавку

---

¹ Подборка и подсчеты произведены по сводкам Статистического бюро Особого совещания по обороне (ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 150 и др.).

чугуна на 60 млн. пуд. в год»¹. В то время как на общегражданских рынках цена железа поднялась до невероятных размеров, на металлургических заводах без движения лежала масса невывезенного железа, имевшая тенденцию ко все большему возрастанию. Об этом говорят материалы бюро совета съездов горнопромышленников юга России, согласно которым запасы невывезенного железа, обычно составлявшие до войны 6—7 млн. пудов, возросли в 1915 г. до 21,1 млн. пудов, а в январе 1916 г. — до 20,2 млн. пудов².

Положение с перевозками было настолько узким местом в военной и хозяйственной жизни страны, что Родзянко не без основания назвал его «трагическим». Многие заводы, указывал он на заседании Особого совещания по обороне весной 1916 г., закрываются из-за неподвоза нужных металлургическим заводам материалов. «Часть доменных печей уже прекратила работу, Министерство путей сообщения не сознает своей ответственности и не осуществляет своих обязанностей, что может привести оборону государства к катастрофе»³.

На заседании Особого совещания по обороне от 11 апреля 1916 г. было отмечено, что «вся металлургия вынуждена работать ниже своей возможности вследствие неналаженности транспорта, требующего срочных и коренных изменений»⁴. Между тем ведомство путей сообщения, говорил член Государственного совета Карпов, «по-прежнему отмечает благополучие в транспортном деле, не соглашаясь признать совершенно очевидных упущений и принять действительные меры к их устранению»⁵.

На другом заседании Особого совещания, от 13 июля 1916 г., наряду с характеристикой плачевного состояния перевозок и слабой обеспеченности их подвижным составом указывалось и на факты нерационального использования подвижного состава. Так, например, поступивший во Владивостокский порт металл не распределяли среди заказчиков во Владивостоке, а сперва доставляли в Петроград и другие промышленные центры, и только здесь его распределяли и отправляли в соответствующие адреса⁶.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 173, л. 166.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 79, л. 18 об.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, л. 98.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 177, л. 160.

⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, л. 120.

⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 181, л. 58.

В связи с угрозой полной дезорганизации железнодорожных перевозок председатель Государственной думы Родзянко выступил 19 октября 1916 г. на заседании Особого совещания даже с «радикальным» предложением, заявив, что «периодически возникающие затруднения в области жел. дор. транспорта могут быть устранены лишь путем подчинения всех железных дорог единому управлению, с тем чтобы перевозки по ним без различия тыла и фронта производились по одному общему плану»¹.

Подделом критикуя Министерство путей сообщения, которое, несомненно, плохо справлялось с перевозками металла, неумело распределяло и использовало подвижной состав железных дорог, допускало непозволительные в условиях недостатка транспортных средств холостые пробеги, встречные перевозки и замораживание десятков составов на фронтовых магистралях и т. д. и т. п., государственные деятели России типа Родзянко, Поливанова, Карпова и др. в то же время однобоко и узко делячески подходили к оценке проблемы перевозок вообще и металла в частности. Констатируя возникшие во время войны трудности с перевозкой металла, эти лица, за которыми стояли Государственная дума, Особое совещание по обороне и Государственный совет, обсуждали не причины этих трудностей, а их следствия. Они выносили решения не о расширении железнодорожных путей и подвижного состава, не о приведении транспортных средств в соответствие с возросшими требованиями со стороны народного хозяйства, а о необходимости «планирования» перевозок, внесения в их организацию «срочных и коренных изменений», не говоря, конечно, ни слова об изменении самого материально-технического базиса перевозочных средств и т. д. Такого рода решения были скорее средством к самоуспокоению, чем реальными мерами по улучшению дела перевозок металла.

Так обстояло дело с перевозками металла и материалов, связанных с его производством, — руды, флюсов, кокса. Положение с перевозками угля было еще хуже, поскольку уголь требовал значительно больше порожняка, чем металл. График вывоза донецкого каменноугольного топлива выполнялся далеко не удовлетворительно. Из назначенных в сентябре 1915 г. к перевозке из Донбасса

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 181, л. 60.

153,8 млн. пудов угля было вывезено только 74,8 млн. пудов, в октябре из 199,7 млн.— 80,7 млн., в ноябре из 244,3 млн.— 83,3 млн. пудов¹. Вследствие этого в декабре 1915 г. потребность Петрограда в угле была удовлетворена фактически на 55—60%.

В письме на имя министра путей сообщения в феврале 1916 г. генерал Поливанов (председатель Особого совещания по обороне) вынужден был признать всю трагичность положения со снабжением промышленности углем. Ссылаясь на данные анкетного обследования Центрального военнопromышленного комитета и многочисленные другие документы, поступившие в адрес Особого совещания по обороне, он указывал, что крупнейшие предприятия Петрограда живут за счет своих топливных запасов, которые подходят к концу. Причины такого бедственного положения с углем Поливанов усматривал, и небезосновательно, в плохой работе железнодорожного транспорта, в загруженности узловых станций подвижным составом, в недостатке порожняка и т. д.

Начиная с осени 1916 г. положение с углеснабжением промышленности еще более обострилось. Как видно из отчета Особого совещания по топливу, в октябре 1916 г. железные дороги вывезли из Донбасса всего лишь 60% занаряженного угля. В отчете указывалось, что «рассчитывать на улучшение этого дела по сравнению с предыдущими месяцами не приходится»². Опасения Особого совещания по топливу подтвердились полностью. Из обзора грузовых перевозок за ноябрь 1916 г. видно, что при месячной норме 62 640 вагонов для погрузки донецкого угля подавалось только 52 425 вагонов³. Для одного лишь Московского района, потреблявшего в 1916 г. 450 млн. пудов угля, требовалось до 1350 вагонов в день⁴, тогда как подача вагонов составляла в отдельных случаях не более 30—40% потребности⁵.

Во второй половине марта 1917 г. положение с отгрузкой донецкого угля приняло уже катастрофический характер. Вместо нормы 62 640 вагонов в ноябре 1916 г.

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. III, стр. 64—65.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 8, л. 362.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 57, л. 4.

⁴ См. Г. И. Шигалин, Экономика мировой империалистической войны 1914—1918 гг., стр. 181.

⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 57, л. 4.

на март 1917 г. было занаряжено всего лишь 38 060 вагонов, или около 53% фактической потребности в вагонном парке. Не улучшилось дело с подачей вагонов под погрузку угля и в последующие месяцы. Вследствие этого в одном лишь октябре этого года страна недополучила 70 млн. пудов донецкого угля. При этом характерно, что наряду с отсутствием подвижного состава для перевозки угля в Петрограде в ноябре 1916 г. стояло до 8 тыс. неразгруженных вагонов¹.

Зимой 1916 г. вследствие заносов под снегом оказалось более 60 тыс. вагонов с топливом, продовольствием и фуражом². Всего же по состоянию на 12 марта 1916 г. стояло без движения около 150 тыс. вагонов, из них на фронтовых дорогах застряло около 70 тыс. вагонов, которые при правильной организации дела могли быть использованы для отгрузки угля фабрикам и заводам.

Не случайно поэтому Особое совещание по обороне вынуждено было на своем заседании 4 февраля 1917 г. признать полное расстройство промышленного организма страны, одной из главнейших причин которого было катастрофическое положение с перевозками каменного угля для фабрик и заводов³.

Несколько лучше обстояло дело с перевозками жидкого топлива, под которые был использован не только железнодорожный, но и водный транспорт. Это особенно относится к транспортировке бакинской и грозненской нефти, добыча которой в связи с прекращением экспорта целиком шла на удовлетворение внутренних потребностей страны. Почти вся добываемая и перерабатываемая в Баку и Грозном нефть транспортировалась по волжской водной магистрали с последующей перегрузкой ее в цистерны и отправкой от волжских пристаней к местам потребления железнодорожным путем. А это потребовало введения так называемой разрешительной системы перевозок, преследовавшей цель не только улучшения перевозок жидкого топлива, но и более рационального распределения его между потребителями.

Нет сомнения, что введение разрешительной системы перевозок нефти внесло некоторое улучшение в дело распределения ресурсов жидкого топлива и оказало сдер-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 42.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 247.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 14, л. 202—203.

живающее влияние на динамику цен. Вместе с этим оно несколько увеличило доставку нефти к местам потребления. Об этом говорят, в частности, цифры вывоза нефти из основного нефтяного района страны — Баку¹.

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Вывезено из Баку (в млн. пудов)	370,8	322,3	385,4	408,4

Разгрузке нефтяных складов от накопившихся запасов способствовала и проводившаяся в отдельных случаях реквизиция запасов нефти по пониженным ценам. Огромную роль в улучшении доставки нефти и нефтяных продуктов к местам потребления сыграл водный транспорт, на долю которого выпала основная часть перевезенных из Баку и Грозного нефтяных грузов. Данные о размерах перевозок нефти водным путем в Астрахань выглядят следующим образом.

Поступление нефтепродукта морским путем на Астраханский рейд
(в млн. пудов)²

Откуда	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Из Баку	207,0	181,3	248,0	267,0
Из Петровска	15,2	30,1	45,0	30,2
Из Ракушей	4,6	5,6	11,1	7,1
С о. Святого	3,8	4,5	5,9	5,7
С о. Челекен	0,4	—	—	—
Итого	231,0	221,5	310,0	310,0

В общем росте поступления нефти на Астраханский рейд особенно выделялся Бакинский нефтяной район. За ним шел Грозненский район, который транспортировал нефть через Петровский порт и по темпам прироста своей продукции в 1914—1915 гг. стоял даже выше Ба-

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. III, стр. 104.

² См. там же, стр. 105.

кинского района. Астраханский перевалочный пункт также успешно переотправлял нефть речным путем вверх по Волге. Если с Астраханского рейда было вывезено в 1913 г. 216,1 млн. пудов нефти, а в 1914 г.— 208,8 млн., то в 1916 г.— уже 302,9 млн. пудов. Однако даже при таком нарастающем темпе вывоза нефти остатки ее в Астраханском порту оказались довольно значительными.

Если же взять весь Волжский бассейн, то остатки невывезенного нефтепродукта достигали огромных размеров. Это объясняется тем, что поступающую на волжские пристани нефть далеко не всю отгружали в том же году в адрес потребителей. Часть нефтепродуктов потребляли пароходы, и значительная часть оставалась невывезенной в портах. О нарастании количества невывезенных из портов Волжского бассейна нефтепродуктов можно судить по следующим данным (в млн. пудов)¹:

Годы	Остаток к открытию навигации	Остаток к закрытию навигации
1913	57	143
1914	75	148
1915	80	190
1916	75	180

Как видно из этих данных, увеличение остатков невывезенных из портов Волжского бассейна нефтепродуктов было характерно для всех лет войны, в том числе и для 1916 г., когда наряду с некоторым снижением упомянутых остатков против 1915 г. имело место значительное увеличение их против 1913 и 1914 гг.

На перевозки нефти и особенно добычу ее большое отрицательное влияние оказали продовольственные трудности, нараставшие во время войны из года в год. В докладе заместителя главного уполномоченного по нефтяному топливу от 6 октября 1917 г. констатировалось, что «одной из главных причин, повлиявших на вывоз топлива, является недостаток продовольствия, что иногда заставляет простаивать по суткам суда совершенно непроизводительно, пока команда занималась приисканием харчей, и, наконец, упадок производительности труда,

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. III, стр. 106.

каковой отразился на задержке нефтяных барж в Астрахани»¹. Из этого же доклада видно, что вывоз топлива из Астрахани сократился в июле 1917 г. по сравнению с этим же месяцем в 1916 г. на 50%. В Царицыне накопилось свыше 500 «больных» цистерн, ремонт которых задерживался из-за отсутствия материалов, главным образом железа.

Но если водный транспорт хотя и с перебоями, но все же обеспечивал перевозки нефтегрузов, то железнодорожный транспорт не справлялся с ними совершенно. Основной причиной этого было то, что железнодорожные перевозки нефти упирались в недостаточную пропускную способность железных дорог Северного Кавказа, тормозивших доставку керосина из Грозного и отчасти из Баку. Кроме этого, война вызвала задержку цистерн на линиях фронта и железнодорожных узлах, в связи с чем обнаружилось слабое поступление порожняка в Царицын — главнейшую перевалочную базу по отправке керосина, получаемого из Баку водным путем. Все это явилось причиной того, что в 1916 г. резко усилился недогруз нефтяного топлива по железным дорогам. Из 18 927 цистерн (по норме на первую половину ноября 1916 г.) погружено было 10 тыс. цистерн, т. е. около 52%.

Недогруз нефтяного топлива во второй половине ноября 1916 г.
(в цистернах)²

Станции отправления	Норма	Погрузка	Недогруз	
			абсолютно	%
Рыбинск	1845	1155	690	37
Царицын	1425	975	450	32
Саратов	1500	1110	390	26

Причина недогруза на этих станциях заключалась в недостатке цистерн вследствие плохого возвращения порожних цистерн из Петроградского района и с дорог Западного фронта, куда преимущественно направлялось

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 33, л. 30.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 57, л. 4.

бакинское нефтяное топливо с названных станций. В первой половине января 1917 г. при общей норме погрузки 15 033 цистерны были недогружены 2893 цистерны, или 19,3%. По отдельным станциям (Нижний Новгород, Саратов) недогруз достигал 27—37%¹. В первой половине марта 1917 г. было отгружено 79% нормы отгрузки, а по отдельным станциям (Рыбинск, Царицын, Саратов) — от 36 до 46%².

Для удовлетворения возросших потребностей в перевозках жидкого топлива Министерство путей сообщения действовало, как это явствует из его материалов, в двух направлениях: во-первых, насколько это от него зависело, усиливало подвижной состав дорог за счет заказов вагонов и паровозов за границей и организовывало строительство новых линий (на эти мероприятия было израсходовано в 1915 и 1916 гг. около 1,5 млрд. руб.)³; во-вторых, принимало некоторые меры к интенсификации работы железных дорог за счет предельного использования существующего подвижного состава, увеличения пробега вагонов, повышения норм погрузочно-разгрузочных работ, сокращения пассажирского движения и т. д.

Для наведения «необходимого порядка» в деле перевозок был создан при Министерстве путей сообщения специальный Распорядительный комитет по перевозкам, который пытался подчинить перевозки грузов определенному «плану». На этом основании докладчик от Министерства путей сообщения на заседании Особого совещания по обороне (конец 1916 г.) хвастливо заявил, что вместо существовавшей ранее неорганизованности в отправке грузов «широко начали вводиться плановые перевозки, коим нынче подчинены все интендантские грузы для армии, топливо и металлы для работающих на оборону заводов, хлопок, продовольственные грузы для всего северо-западного и северного районов империи и пр.»⁴

Однако при обсуждении данного вопроса члены Особого совещания сделали немало справедливых замечаний по адресу Министерства путей сообщения, которое приписывало себе несуществующие успехи в деле организации и планирования перевозок. Даже председатель

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 57, л. 45.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 57, л. 197.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 57, л. 66.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, л. 90—91.

Особого совещания генерал Шуваев, заменивший генерала Поливанова, вынужден был отметить, что ведомству путей сообщения следовало бы иметь *не бумажный*, а действительно общий план перевозок, который хотя и не сможет удовлетворить всей нужды в транспорте, «но должен точно и определенно установить то количество грузов, какое фактически будет перевезено»¹.

Но, разглагольствуя насчет общегосударственных «планов» перевозок, кокетничая с этой модной для периода империализма плановой фразеологией, члены Особого совещания и его председатель не могли понять простых вещей. Во-первых, создание общегосударственного плана перевозок в условиях господства частной собственности и вытекающей из нее анархии производства невозможно; во-вторых, возросшие во время войны потребности в транспорте значительно превзошли пропускную способность железных дорог и мощность их подвижного состава, что привело к возникновению диспропорции между транспортными возможностями страны и предъявленным к ним спросом со стороны грузоотправителей; в-третьих, перевозки в условиях военного времени приобрели такую динамичность, что они неожиданно то сокращались, то увеличивались, и в этой связи их «регулирование» становилось еще более трудным, особенно если учесть отсутствие единого координирующего центра. Не случайно управляющий делами ЦВПК Майдель говорил на заседании 16 сентября 1916 г., что «невозможно регулирование движения, когда оно находится в распоряжении многих хозяев». По его заявлению, «даже на фронте имеется три разных хозяина, которые распоряжаются подачей вагонов, совершенно не считаясь с нуждами друг друга»².

Бросается в глаза еще и такая парадоксальная вещь. При обсуждении в Особом совещании вопроса о перевозках главное внимание уделялось железнодорожному транспорту. Вопрос же о более широком использовании водного транспорта упускался из виду. Между тем объем водных перевозок упал за время войны повсеместно. По Волге, например, был перевезен в 1915 г. лишь 1 млрд. пудов против 1,5 млрд. пудов в 1913 г., по Неве — 290 млн.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, л. 92.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 41.

вместо 466 млн., по Северной Двине — 135 млн. вместо 215 млн. пудов в 1913 г.¹

Сокращение перевозок по водным путям было вызвано, как свидетельствуют о том архивные материалы, двумя причинами: во-первых, слишком высоким навигационным тарифом (который следовало бы во время войны понизить, чтобы урезать аппетиты пароходных компаний, стремившихся использовать повышенные тарифы для личной наживы), во-вторых, сократившимся подвозом грузов железными дорогами к пристаням.

Особое совещание, занявшееся весной 1916 г. обсуждением вопроса о водных перевозках, вынесло, наконец, решение, которое по существу никого и ни к чему не обязывало. Это решение гласило: «Довести до сведения министра путей сообщения пожелание Особого совещания об установлении планового движения по Волге и Мариинской системе, с усилением пропускной способности последней, о привлечении пассажирских пароходов к срочной перевозке военных грузов, а равно об установлении более дешевых тарифов для водных перевозок»².

Поскольку Министерство путей сообщения оказалось не в состоянии справиться с обслуживанием всех видов перевозок (гражданских и военных), то Особое совещание вынуждено было принять решение, освобождающее его от военных перевозок и передающее это дело Военному министерству в лице генерального штаба (практически отдела военных сношений генштаба)³. Перевозки металла и топлива были оставлены за Министерством путей сообщения, которое в целях соблюдения очередности перевозок сырья и топлива ввело с ведома Особого совещания упоминавшуюся выше систему разрешительных перевозок. Эта система заключалась в получении потребителем разрешения на перевозку топлива в порядке определенной очередности.

К разряду потребителей, пользовавшихся правом внеочередного получения перевозочных средств, относились: боевой флот, все казенные заводы военного и морского ведомств, арсеналы, казенные и частные заводы, изготовлявшие предметы боевого снабжения (взрывчатые вещества и пр.). Правом получения перевозочных средств в

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, л. 93.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, л. 125—126.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 181, л. 198.

первую очередь пользовались остальные частные заводы, работавшие на нужды войны (за исключением предприятий, обслуживавших интендантское ведомство), и железные дороги. Во вторую очередь получали перевозочные средства предприятия, работавшие на интендантское ведомство, а также соляные копи и важнейшие предприятия городских управлений, не обслуживавшие нужд войны. В третью и четвертую очереди перевозочные средства для доставки топлива получали зернохранилища, военно-учебные заведения, лазареты, казенные типографии, склады антрацита, устраиваемые городскими и земскими управлениями для собственных учреждений и для снабжения населения топливом¹.

Однако введение разрешительной системы перевозок и дифференциация потребителей по категориям не всегда гарантировали получение вагонов под погрузку угля и других видов топлива. Тем более, что перевозочная конъюнктура в тот период менялась из месяца в месяц и ни один из потребителей перевозочных средств, особенно из числа непривилегированных, не знал, получит он нужное ему количество вагонов или нет.

Наличие постоянных противоречий между действительной потребностью в перевозочных средствах и возможностью их получения порождало всевозможные комбинации с продажей угля. Владельцы угольных копей в надежде на то, что вагонов под занаряженный уголь будет подано меньше потребного количества, продавали часть угля на сторону, на черный рынок по спекулятивным ценам. Для этого они стремились на случай получения вагонов заранее иметь топливо, оформленное хотя бы фиктивной сделкой с поставщиками. О наличии фиктивных сделок между поставщиками и покупателями можно судить по количеству вагонов, затребованных в Харьковском угольном комитете. Число их значительно превышало количество закупленного угля. Так, например, в комитете было затребовано вагонов под погрузку угля в 1915 г. на 3016 млн. пудов, а вывезено — только 1196 млн. пудов². Эти обстоятельства значительно подрывали разрешительную систему перевозок и превращали ее часто в средство, облегчающее фиктивные сделки и спекулятивные махинации.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 46, ч. I, л. 371 об.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 150, л. 6.

Итак, анализ приведенных выше материалов позволяет сделать вывод о том, что централизация перевозок металла и топлива и попытки внесения в их организацию элементов плановости и ритмичности потерпели в годы войны такую же неудачу и оказались столь же нереальными в деле ликвидации образовавшейся диспропорции между спросом на перевозочные средства и возможностью его удовлетворения, сколько и попытки централизованного распределения металла и топлива, рассчитанные на ликвидацию металлического и топливного голода.

Крах идеи «планирования» перевозок и «рационального» снабжения народного хозяйства металлом и топливом объясняется не только и не столько негибкостью государственного аппарата, проводившего половинчатые и непоследовательные меры в области регулирования перевозок и распределения металла и топлива, сколько социально-экономическими противоречиями, порожденными господством частнокапиталистической собственности на орудия и средства производства.

Государственные органы и их деятели, занимавшиеся «регулированием» хозяйства, ошибочно считали, что достаточно установить контроль над распределением металла и топлива, установить их отпуск по фиксированным ценам, как исчезнет спекуляция и диспропорция между спросом и предложением. Между тем решение подобных вопросов посредством установления контроля над одной лишь сферой обращения, не затрагивая области производства — чистейшая буржуазная утопия. До тех пор, пока средства производства находятся в руках частных собственников, государство может вмешиваться в хозяйственные отношения лишь с весьма большими ограничениями, используя при этом методы компромиссов, уговоров буржуазии и соглашения с отдельными предпринимателями и их объединениями. Но такое вмешательство в экономические дела буржуазии является скорее содействием, чем ограничением стихийно развивающихся противоречий капитализма. Пример с государственным регулированием в России является в этом отношении вполне убедительной иллюстрацией.

ГЛАВА 5

КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И РОСТ ПРИБЫЛЕЙ КАПИТАЛИСТОВ

Концентрация производства и рост монополий — характерная черта империалистической стадии капитализма. Достигнув высокой ступени к концу XIX и началу XX столетия, концентрация промышленности в России, несмотря на относительно низкий технический уровень производства, особенно усилилась в предвоенный период, когда по уровню концентрации промышленного производства Россия заняла первое место в мире, обогнав США, Германию, Англию и Францию. Так, например, если в Соединенных Штатах Америки на крупнейших предприятиях, с числом рабочих свыше 500 человек, работало в 1914 г. 32,5% всех рабочих, то в России в 1913 г. — 54%. В среднем на одно крупнейшее предприятие в России приходилось 1400 рабочих, в то время как в США — 1110, а в Германии — 900¹.

Война не только не приостановила концентрации производства и роста на этой основе промышленных монополий, а еще больше усилила этот процесс, придав ему специфические черты, вытекающие из требований военного времени. Дело в том, что война, сулившая капиталистам огромные прибыли, потребовала перестройки промышленности на военный лад, а это в свою очередь породило факторы, усилившие концентрацию и особенно централизацию промышленного капитала, его монополизацию и т. д.

---

¹ См. «Ежегодник Коминтерна» за 1923 г., стр. 335.

Особенно сказался на этом процессе острый недостаток сырья, топлива, оборудования и всякого рода материалов, который ощущался в стране с первых же дней войны и который все больше углублялся по мере возраставших с ее стороны потребностей. Это побуждало промышленные предприятия к объединению в целях полного овладения сырьем и топливом, а также использования своего монопольного положения в деле захвата наиболее выгодных заказов и установления высоких цен на поставляемую казне и частному потребителю продукцию. Мелкие же производства, будучи не в состоянии обеспечить себя сырьем, топливом и оборотными средствами, вынуждены были либо закрываться, либо по примеру своих старших партнеров становиться на путь объединения и приспособления своих производств к обслуживанию нужд войны.

Начало этому объединению положили две крупные конкурировавшие между собой группы в нефтяной промышленности — «Рашен ойл» и «Нобель», — за которыми стояли Русско-азиатский и Петербургский международные банки. Затем произошло слияние группы крупнейших объединений: Коломенских заводов, Сормовских, Выксунских, Белорецких, образовавших ряд крупных монополистических объединений в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности.

Борьба за прибыли усилила процесс концентрации капитала, приводя зачастую к насильственному поглощению «единоличных» предприятий новыми мощными акционерными обществами, контролируемые банками. Особенно в этом отличались акционерные предприятия тяжелой промышленности, которые, будучи тесно связаны с военным хозяйством и выполняя большие военные заказы, стали исключительными монополистами в военных сферах производства.

* *
*

Огромную организующую роль в образовании и развитии промышленных монополий (акционерных обществ и синдикатов) играли банки, которые, объединяясь и «сращиваясь» с ними, скупая их акции, становились фактически хозяевами всего денежного, а зачастую и производительного капитала.

О засилье банковского капитала в русской промышленности мы находим подтверждение и в буржуазной периодической печати военного времени. Так, «Новый экономист» писал в 1916 г.: «Наши банки до известной степени из «коммерческих»... превратились в «промышленные», т. е. финансирующие промышленность... Банки стали строить железные дороги, сооружать фабрики и заводы, в руках банков оказались акции почти всех наших промышленных предприятий, а вместе с тем и сами предприятия. Банки стали торговать хлебом и сахаром, нефтью и углем, железом, медью, хлопком, шерстью и т. д. и т. п. Банки стали синдицировать промышленность и сами объединяться в синдикаты. Сосредоточив в своих руках громадные капиталы (на 1 апреля 1916 г. собственные капиталы акционерных обществ исчислялись в 886 млн. рублей), банки, естественно, оказались в роли хозяев всей нашей промышленности»¹.

Ту же характеристику главенствующей роли банковского капитала дает и другой орган промышленной буржуазии — журнал «Промышленность и торговля», который при оценке общего положения русской промышленности констатировал, что «в руках крупнейших коммерческих банков находятся главнейшие нити финансирования многочисленных металлургических предприятий как на юге России, так и на Урале»².

Даже в отраслях, менее связанных с работой на войну (например, сахарная и текстильная), процесс концентрации и особенно централизации капитала достиг в годы войны исключительного размаха. Причем инициаторами этого дела были опять-таки банки, прибравшие к своим рукам не только контрольные пакеты акций, но и занимавшиеся их перепродажей и другими финансовыми махинациями. При активном участии банков произошло, например, объединение 48 текстильных предприятий, образовавших крупное монополистическое объединение в текстильной промышленности под названием «Капушка»³. Акционерная форма предприятий давала возможность крупнейшим банкам господствовать над огромными массами чужого капитала.

¹ «Новый экономист» № 19, 7 мая 1916 г., стр. 3.

² «Промышленность и торговля» № 26—27 за 1917 г., стр. 58.

³ См. «Известия Центрального военнопromышленного комитета» № 189, 1917 г.

Посредством акционерных обществ крупные банки распоряжались не только своим капиталом, но и капиталом многочисленных мелких предприятий, за акционирование которых они брались с особой охотой, поскольку это сулило им получение большой учредительской прибыли. Увлеченные погоней за прибылью, которая составила в 1916 г. 154 065,4 тыс. руб., или почти в два раза больше, чем в 1913 г.¹, банки развернули в годы войны, особенно во второй ее половине, усиленную деятельность по учреждению новых акционерных обществ и увеличению их капиталов.

О том, каких масштабов достигло это учредительство, можно видеть из следующих данных²:

	Учреждено новых предприятий	Капиталы учрежденных предприятий (в млн. руб.)
С августа 1914 г. по август 1915 г.	250	208
С августа 1915 г. по август 1916 г.	477	545
С августа 1916 г. по август 1917 г.	826	1056

Приспособление промышленного производства к нуждам войны требовало объединения капиталов, открытия новых и соответствующего переоборудования старых предприятий, образования новых акционерных обществ и других монополистических форм объединения промышленности. Учрежденные в годы войны акционерные предприятия в тяжелой индустрии, переключившиеся на обслуживание нужд войны, стали особенно проявлять свои монополистические тенденции. Синдикаты металлургической, каменноугольной и нефтяной промышленности, заручившись огромными заказами на военные поставки, превратились фактически в полных монополистов не только в области сырья и топлива, но и в области получения огромных военных заказов.

Огромный рост акционерного учредительства, теснейшим образом связанный с процессом концентрации про-

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. II, стр. 47.

² См. «Стенографический отчет Экономического совета при Временном правительстве» № 3, 24 июля 1917 г., стр. 25.

мышленности, находился в неразрывной связи с концентрацией банковского капитала и ростом акционерных банков. Число крупных акционерных коммерческих банков увеличилось с 40 в 1914 г. до 44 к 1917 г., а баланс этих банков — соответственно с 5779,5 млн. руб. в 1914 г. до 13 051 млн. руб. к 1917 г.¹ Рост потребности в денежном капитале потребовал притока новых средств в банки (в 1917 г. вклады в банки возросли почти в 3 раза по сравнению с 1914 г.), что стимулировалось повышением ссудного процента.

Отчеты восьми крупнейших петроградских акционерных коммерческих банков за 1916 г. показывают, что общие обороты этих банков увеличились в 1916 г. по сравнению с 1915 г. на 94,9 млрд. руб., или на 49,4%, что составило общую сумму оборота в 286,6 млрд. руб. против 191,7 млрд. руб. в 1915 г. Сильно возросли дивиденды банков, которых было выдано в 1916 г. в два раза больше, чем в первый год войны².

Однако роль банковского капитала в судьбе промышленного производства измерялась не только абсолютными показателями роста оборотов, прибылей и дивидендов банков. Его роль на этом этапе характеризуется наряду с расширением кредитования промышленности чрезвычайно активным вмешательством в сферу материального производства. Еще до войны, а во время войны в особенности, банки все больше и больше подчиняли себе промышленность, перерастая из скромных посредников «в несильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья в данной стране...»³

Несомненно, крупные банки, владея контрольными пакетами, фактически были хозяевами большинства промышленных предприятий. Финансирование банками промышленности за время войны возросло в два раза. Но вместе с этим возросла и роль казны в финансировании промышленности. Авансы, безвозвратные ссуды, вложение средств на расширение производства вооружения делали промышленные предприятия, особенно крупные, менее зависимыми от банков.

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. II, стр. 31.

² См. «Война и промышленность» № 24—25, март 1917 г.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 198.

Вот почему наряду с огромной ролью банков в работе промышленных производств происходил процесс подчинения банков крупным акционерным промышленным предприятиям. Среди таких акционерных промышленных предприятий, сросшихся с банками, следует отметить два огромных концерна (Второва и Стахеева), контролировавших десятки более мелких промышленных производств, принадлежавших к самым разнообразным отраслям промышленности¹.

Дело, следовательно, не столько в том, с чьей стороны было больше засилье — со стороны банков или со стороны промышленности, сколько в образовании финансового капитала (на основе сращивания банковского капитала с промышленным), который в одинаковой мере господствует как над промышленным, так и над банковским капиталом. В. И. Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» дал исчерпывающее объяснение происхождению и сущности финансового капитала, указав, что «концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»².

Процесс концентрации производства, роста монополий и образования финансового капитала на основе сращивания промышленного капитала с банковским имел место и в России, достигнув к началу первой мировой войны весьма больших размеров. Это было отмечено еще В. И. Лениным, который писал, что «слияние банкового и промышленного капитала, в связи с образованием капиталистических монополий, сделало и в России громадные шаги вперед»³.

Капиталистические монополии, выросшие на основе концентрации производства и конкурентной борьбы и принявшие в России форму крупнейших акционерных обществ и объединений синдикатского типа⁴, имели такое

¹ См. И. Ф. Гиндин, *Банки и промышленность в России*, М. 1927, стр. 84.

² В. И. Ленин, *Соч.*, т. 22, стр. 214.

³ Там же, стр. 220.

⁴ Мы говорим: форму акционерных обществ синдикатского типа, потому что других, высших форм монополистических объединений (трестов и концернов) в России официально не существовало, поскольку их организация запрещалась в законодательном порядке. Но это не значит, что «монопольные объединения в промышленности России дальше синдикатов не пошли», как пишет о том П. И. Ля-

же преимущество по сравнению с индивидуальным предпринимательством, какое имеют крупные производства перед мелкими. На эту сторону дела указывал еще К. Маркс, отмечавший прогрессивную роль акционерных обществ в сооружении Панамского канала, железных дорог и т. д., строительство которых было не под силу отдельным предпринимателям.

Являясь наиболее высокой ступенью в концентрации и централизации капитала и объединяя в своих руках огромные материальные, топливно-сырьевые, транспортные и денежные ресурсы, акционерные общества в странах Западной Европы сделали огромный скачок в своем развитии еще до первой мировой войны. Однако процессы акционирования капитала, развернувшиеся так быстро в Западной Европе, в довоенной России протекали несколько медленнее. Поэтому число акционерных компаний и сумма их основных капиталов в России были относительно меньше, чем в крупнейших капиталистических странах Европы. По данным Министерства торговли и промышленности, общая сумма капиталов акционерных обществ, действовавших в России в 1913 г., определялась в 403,1 млн. руб.¹ За время войны в связи с усилившимся процессом концентрации производства и роста на этой основе новых акционерных обществ эта сумма значительно увеличилась, составив на 1 августа 1917 г. 1056 млн. руб.² Усилилась за время войны и концентрация рабочей силы. Так, например, если в 1912 г. на пред-

---

щенко (см. его книгу «История народного хозяйства СССР», т. II, стр. 293). Наоборот, еще до войны, а во время войны в особенности наметилась довольно сильная тенденция перерастания синдикатов в тресты и концерны. Свидетельством тому являются синдикаты «Продамет» и «Кровля», занимавшиеся фактически не только продажей металла, но и квотированием его производства, т. е. контролем производственной деятельности объединяемых ими предприятий.

Таким образом, под официальной вывеской акционерных обществ скрывались часто не только синдикаты, но и тресты и концерны вроде отмеченных выше или вроде таких, как общество Коломенских, общество Сормовских, общество Русско-артиллерийских, Белорецких и других заводов, объединявшихся под общим управлением тех групп финансовой олигархии, которым принадлежали не только данные предприятия, но и финансирующие их деятельность банки.

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 155.

² См. «Стенографический отчет Экономического совета при Временном правительстве» № 3, 24 июля 1917 г., стр. 25.

приятнях с числом рабочих свыше 500 человек было занято 53,3% всех промышленных рабочих России, то уже на 1 января 1915 г. этот процент поднялся до 56,5¹. Особенно усилился процесс концентрации в металлургической промышленности, акционерные общества которой начали сращиваться с каменноугольными предприятиями, образуя мощные вертикальные комбинаты.

Концентрация капитала приобретала в условиях военной экономики тем большие масштабы, чем больше основных и оборотных средств требовалось в связи с приспособлением промышленных предприятий к обслуживанию нужд войны. К. Маркс указывал, что концентрация капитала ведет к колоссальному расширению размеров производства и возникновению предприятий, которые невозможны для отдельного капиталиста². Именно в этой связи значительная часть предприятий, принадлежавшая ранее единоличным предпринимателям, была реорганизована, зачастую по их же собственной инициативе, в акционерные общества. Это относится главным образом к предприятиям, капиталы которых были недостаточны для того, чтобы справиться с выполнением огромных военных заказов, осуществить серьезную технологическую перестройку производства и резко увеличить предпринимательский доход.

В разные периоды войны процесс акционирования в промышленности развивался по-разному. Первые полтора года после начала военных действий характеризовались некоторым ослаблением учредительской деятельности. Промышленность еще плохо приспособилась к новым, необычным условиям. В 1914—1915 гг. отмечалось некоторое сокращение числа вновь открывшихся акционерных обществ (на что влияло и формально отрицательное отношение к акционерным обществам со стороны правительственных органов). Однако с 1916 г. начинается период наивысшего развертывания военного производства и русская промышленность переживает полосу наиболее интенсивного акционирования капитала. Об этом красноречиво говорят данные, приводимые в нижеследующей таблице³.

¹ См. «Статистический ежегодник» на 1914 г., стр. 199, а также «Народное хозяйство в 1914 г.», Пгр. 1916, стр. XXV.

² См. К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 449.

³ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 155.

	Число вновь открывшихся обществ				Сумма основного капитала (в млн. руб.)			
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Всего	180	138	244	335	239,2	182,8	381,7	825,5
В том числе:								
а) Выплавка и обработка металлов	19	11	38	34	16,9	19,8	64,0	89,5
б) Горное дело	26	27	43	58	71,1	46,8	107,6	177,2
в) Производство химической продукции	5	6	17	17	2,0	7,7	20,4	21,6

В 1916 г. были открыты 244 новых промышленных и торговых акционерных общества с суммой основных капиталов 381,7 млн. руб. По сравнению с 1915 г. число акционерных обществ, открывшихся в 1916 г., увеличилось на 106 единиц, а сумма основного капитала новых объединений — почти на 200 млн. руб. Рост числа акционерных обществ превзошел в 1916 г. темпы акционирования капиталов в любой из довоенных годов ¹.

Основная масса вновь образованных акционерных обществ приходилась на отрасли промышленности, больше всего связанные с обслуживанием нужд войны (горное дело, выплавка металлов, металлообработка, химия и др.). Количество акционерных обществ в горнорудной промышленности увеличилось в 1916 г. больше чем в два раза в сравнении с предыдущим годом. Сумма основного капитала этих новых акционерных обществ составила более двух третей всего акционерного капитала горнорудной промышленности России. На втором месте по темпам и масштабам развития акционерного капитала стояла металлургическая и металлообрабатывающая промышленность, которая еще в 1914—1915 гг. занимала по размерам акционерного капитала только четвертое место.

¹ В 1912 г., когда акционерный капитал в России достиг высшей точки своего довоенного развития, было основано 208 акционерных обществ с основным капиталом 240 млн. руб.

Особенно высокими темпами росли основные капиталы машиностроительных и механических заводов, переключившихся на выполнение выгодных военных заказов раньше других и активнее других. Так, Общество Коломенских машиностроительных заводов за один только 1915 г. увеличило свой основной капитал с 15 млн. до 26 млн. руб.¹, Общество механического завода Бромлея — с 1,5 млн. до 3 млн. руб.², Общество механических гильзовых и трубочных заводов Барановского — с 13,5 млн. до 22 млн. руб.³

Только в ноябре 1915 г. в металлообрабатывающей и металлургической промышленности возникло 46 новых акционерных обществ с основным капиталом 137,3 млн. руб., в то время как в 1915 г. основной капитал 58 акционерных обществ в этих отраслях составлял 56,2 млн. руб., а в 1914 г. — всего 22,4 млн. руб.⁴ Это значит, что акционирование капитала происходило не только за счет роста числа акционерных обществ, но и за счет роста их капиталов, за счет концентрации и централизации капитала.

Но процесс концентрации и централизации капитала не ограничивался сферой тяжелой индустрии. Он широко охватил и отрасли легкой и пищевой промышленности, о чем свидетельствуют следующие данные (см. табл. на стр. 258)⁵.

Анализируя эти и ранее приведенные данные о росте акционерных обществ, необходимо отметить, что, в первых, этот рост протекал крайне неравномерно (после снижения темпа акционерного учредительства в первые два года войны мы наблюдаем нарастание этого темпа в 1916—1917 гг., когда не только количество акционерных обществ, но и суммы их капиталов увеличились по сравнению с 1914 г. в 2—3 раза); во-вторых, рост акционерных обществ происходил в условиях войны не столько за счет расширения производства и обновления техники, сколько за счет механического объединения существующих предприятий на старой производственно-технической базе, что позволило им (т. е.

¹ См. «Финансовая газета», 3 ноября 1916 г.

² См. «Финансовая газета», 6 октября 1916 г.

³ См. «Финансовая газета», 9 июля 1916 г.

⁴ См. «День», 13 декабря 1916 г.

⁵ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 155.

	Обработка волокнистых веществ	Гумажно- полиграфиче- ское произ- водство	Механическая обработка дерева	Обработка		
				минераль- ных веществ	продуктов животно- водства	пищевых и вкусо- вых веществ
<i>1914 г.</i>						
Количество вновь учреж- денных обществ	12	12	6	4	6	16
Основной капитал (в млн. руб.)	15,3	7,9	5,7	2,2	7,6	10,3
<i>1915 г.</i>						
Количество вновь учреж- денных обществ	12	8	6	4	5	14
Основной капитал (в млн. руб.)	14,2	7,3	25,0	1,9	3,8	19,9
<i>1916 г.</i>						
Количество вновь учреж- денных обществ	16	6	6	10	4	20
Основной капитал (в млн. руб.)	35,3	14,7	2,6	12,8	3,0	18,3
<i>1917 г.</i>						
Количество вновь учреж- денных обществ	26	18	20	5	13	28
Основной капитал (в млн. руб.)	84,4	26,6	75,0	5,3	17,6	81,7

предприятиям, объединенным в акционерные общества) использовать свое монопольное положение на рынке и без повышения уровня техники.

Способствуя расцвету спекуляции и получению монопольно-высоких прибылей без сколько-нибудь значительных затрат на улучшение техники производства, капиталистические монополии тем самым тормозили развитие производительных сил страны и укрепление ее военно-экономического потенциала. Этому способствовали не только промышленные, но и банковские монополии, которые в условиях войны резко изменили свою кредитную политику. Из источника финансирования промышленности и расширения ее производственно-технической

базы они превратились фактически в комиссионеров и ростовщиков, дающих гарантии и ссуды на выполнение выгодных военных заказов, получая за них огромные проценты. Так, от широко развернувшейся комиссионной деятельности банки получили в 1916 г. прибыли 64 754 тыс. руб. против 27 441 тыс. руб. в 1913 г., или 236%. От спекуляции ценными бумагами прибыль банков увеличилась в том же 1916 г. в 3,7 раза против 1913 г.¹

Но, как установлено документальными данными, банки занимались во время войны не только спекуляцией ценными бумагами, что более или менее свойственно их функциям вообще, но и скупкой и перепродажей дефицитных товаров промышленного и сельскохозяйственного производства, что, казалось бы, никак не подходит к роду их деятельности. Это особенно относится к таким дефицитным товарам, как сахар², хлеб, мясо, масло, мануфактура, кожа и кожаные изделия³, от скупки и перепродажи которых банки получали во время войны такие же баснословно высокие барыши, как и от спекуляции ценными бумагами.

Особенно охотно брались банки за выдачу гарантийных обязательств, без которых согласно решению Особого совещания по обороне мелкие и средние предприятия не могли получить от военведа ни заказов, ни, тем более, авансов под их выполнение. Гарантийные обязательства банков, преследовавшие ростовщические и откровенно спекулятивные цели, выдавались предприятиям за крупные проценты, причем банки не считались ни с финансовым «состоянием попавших к ним в кабалу предприятий, ни с интересами казны»⁴.

В этой связи гарантийные операции банков влекли за собой не только усложнение отношений между заказчиком и поставщиком, но и значительное удорожание поставок, поскольку в их стоимость включалась и надбавка

---

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. II, стр. 45.

² См. «Труды Комиссии по изучению современной дороговизны», вып. II, стр. 161—163, а также «Стенографический отчет о заседании Государственной думы от 3/VIII 1915 г.», стр. 370.

³ См. «Стенографический отчет о заседании Государственной думы от 24/III 1916 г.», стр. 3921—3922.

⁴ А. А. Маниковский, Боевое снабжение русской армии в мировую войну, ч. III, М. 1923, стр. 165.

за выплату процентов банку¹. Получая за свои гарантии от 16 до 18% общей стоимости военных заказов², банки широко использовали эту ростовщическую систему отношений с промышленными предприятиями, превратив ее в средство перераспределения созданной в сфере промышленного производства прибавочной стоимости.

Расширению спекулятивно-ростовщических функций и сужению производственного кредитования банками промышленности способствовало и то обстоятельство, что эта функция перешла если не целиком, то в значительной мере в руки казны, кредитовавшей не только государственные, но и частные заводы. Правда, казенные средства шли, как правило (ввиду бесконтрольности со стороны кредитора), не столько на строительство новых и расширение старых заводов, сколько на спекулятивные цели тех же промышленных дельцов, сумевших под различными предложениями обманывать казну и получать огромные ссуды, причем в большинстве случаев безвозвратные. Так, по данным профессора Сидорова, 67 эвакуированных заводов получили от казны 70 млн. руб., предназначенных для их восстановления, а использованных ими, как правило, для спекулятивных целей³.

Во всех этих махинациях банков и промышленных предприятий обнаружилась свойственная капитализму тенденция к паразитизму и загниванию, которая с особой силой проявилась в работе акционированной, т. е. монополизированной русской промышленности и банков в период первой мировой войны. Эта тенденция продолжала действовать и после Февральской революции, передавшей власть в руки буржуазии.

Правительство Гучкова и Керенского приняло все меры для дальнейшего «свободного» развития монополистического капитализма. Если до февраля 1917 г. для образования акционерного общества или увеличения его капитала требовалось специальное разрешение Совета министров, то теперь для этого достаточно было разрешения министра торговли и промышленности. При этом минимальная сумма учредительского капитала акционерного общества была понижена с 200 тыс. до 20 тыс. руб.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 45, л. 118.

² См. «Утро России», 6 мая 1916 г., ст. Менькова.

³ См. «Вопросы истории» № 6, 1947 г., стр. 17.

В два с лишним раза была понижена стоимость акций (с 60 до 26 руб.).

Облегчение формальных требований к организации акционерных обществ позволило промышленной буржуазии еще более усилить процесс акционирования капитала. За одно лишь первое полугодие 1917 г. было образовано 206 новых акционерных обществ с капиталом в 468 млн. руб. Из них: в январе — феврале 1917 г. образовались 64 общества с капиталом в 88 млн. руб., в марте — апреле — 37 обществ с капиталом в 123 млн. руб. и в мае — июне — 105 обществ с капиталом в 256 млн. руб.

Весьма характерно, что, несмотря на общую хозяйственную разруху и резкое обострение классовой борьбы после Февральской революции, период буржуазного Временного правительства оставил далеко позади предвоенный 1913 г. как по числу новых акционерных обществ, так и по размеру вложенных средств. Значительная часть последних принадлежала иностранцам, которые получали от эксплуатации рабочего класса и природных богатств России исключительно большие прибыли. Широко привлекая иностранный и отечественный капитал к участию в акционерных обществах, Временное правительство 10 марта 1917 г. приняло специальный закон, отменявший все ограничения, существовавшие (формально) при царском режиме, для образования национальных акционерных компаний¹.

Министр торговли и промышленности, поддерживавший идею свободного акционирования промышленности, 14 апреля 1917 г. при посещении Московской биржи указывал, что «ныне делаются дальнейшие шаги к упрощению и ускорению открытия акционерных обществ... Вырабатывается ряд примерных уставов различных типов, которыми учредители могли бы руководствоваться при устройстве желаемых компаний. В заботах о нуждах мелкого предпринимательства министерство считает долгом обратить внимание на разработку вопроса о допущении товариществ с переменным составом и капиталом, которые могли бы служить легкой формой для объеди-

---

² См беседу министра торговли и промышленности А. Коновалова с представителями печати, опубликованную в «Торгово-промышленной газете», 30 марта 1917 г.

нения мелких производств»¹. В объединении мелких капиталистов министр торговли и промышленности усматривал возможность широкого вовлечения в акционерные общества не только капиталистов, но и рабочих и служащих с целью смягчения классовых противоречий между трудом и капиталом.

То, что предприняло Временное правительство для облегчения предпринимательской инициативы, было попыткой подражания немецкой военной экономике, опиравшейся в своем развитии на широко распространенную в Германии акционерную форму капитала. Факты показывают, что в Германии в период войны принимались даже некоторые принудительные меры по акционированию и картелированию промышленного производства. Большая часть капиталов была направлена в отрасли промышленности, тесно связанные с обслуживанием военных нужд.

О перемещении капиталов во время войны можно судить по размерам капитальных вложений акционерных обществ и другого рода монополистических объединений Германии в разные отрасли германской промышленности. С 1914 по 1916 г. в горнорудную, металлургическую, металлообрабатывающую и химическую промышленность было помещено 73% всех новых капиталовложений. Особенно выделяются в этом отношении металлургия и химия, утроившие с 1915 по 1916 г. свои инвестиции.

* *
*

Усилившийся во время войны процесс концентрации и монополизации производства в России проходил при активном участии иностранного капитала.

В начале войны в связи с нарушением международных экономических связей долевое участие иностранного капитала в промышленных и банковских инвестициях в России претерпело некоторое изменение. Доля иностранного капитала в акционерных обществах России сократилась с 40,5% в довоенное время до 35,8% в 1916 г.²

¹ См. «Торгово-промышленная газета», 16 апреля 1917 г.

² См. П. Оль, Иностранные капиталы в России, 1922, стр. 8—9; Е. Грановский, Монополистический капитализм в России, стр. 131—134.

Сокращение доли иностранного капитала, помимо затруднения финансово-экономических связей с Россией ввиду условий военного времени, было обусловлено и другими факторами: устремлением иностранного капитала на «свои» внутренние рынки, на финансирование «отечественной» промышленности; нежеланием части иностранных капиталистов рисковать во время войны крупными инвестициями в России, поскольку поражение ее могло бы пагубно отразиться на этих инвестициях. Некоторую роль в снижении удельного веса иностранных капиталов сыграла конфискация части немецких фондов, проведенная царским правительством под давлением русской буржуазии. Сокращение доли иностранного капитала было вызвано и мобилизацией русских капиталов, в частности, прибылей акционерных обществ и банков, и направлением их на расширение военных промышленных предприятий (особенно в связи с усилением накопления военных прибылей).

Однако процесс снижения доли иностранного капитала в русской промышленности за первые два года войны отнюдь не означал, что русский национальный капитал начал освобождаться от иностранного влияния и зависимости, как это ошибочно утверждают некоторые экономисты и историки. П. И. Лященко, например, считал, что в связи с начавшейся во время войны скупкой русскими промышленниками акций закрытых в России некоторых вражеских компаний русская промышленность начала «освобождаться от зависимости от иностранного капитала»¹.

Но это неправильно. П. И. Лященко принял в расчет только факт снижения в русской промышленности доли немецкого капитала в связи с начавшимся во время войны секвестром ряда немецких промышленных предприятий (который, кстати говоря, не был доведен до конца) и скупкой акций этих предприятий русскими промышленниками и не принял во внимание увеличения доли англо-французского и американского капитала, значительно усилившего свои экономические позиции в России и осуществлявшего в отношении ее (особенно с помощью военных займов и поставок вооружения) политику господства и подчинения.

---

¹ П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, стр. 632.

Уже одно то, что царская Россия получила от заграницы за время войны до 8,5 млрд. руб. займов¹, главным образом на покупку предметов боевого и материально-технического снабжения армии, говорит о колоссальном вторжении иностранного капитала в экономическую и военно-политическую жизнь страны, причем здесь не имеет принципиального значения, чей капитал больше устремлялся в Россию — немецкий или англо-американский. Всякий иностранный капитал, какую бы национальную форму он ни имел, ставит своей целью экономическое и политическое порабощение страны, ввозящей капитал, выкачку из нее монопольно высоких прибылей. Эксплуатация природных и человеческих ресурсов России иностранным капиталом продолжала оставаться и во время войны, приняв еще более тяжелые для России формы.

Об усилении (а не об ослаблении) экономической зависимости России от заграницы говорят и данные о притоке иностранного капитала в русскую промышленность, приведенные самим же П. И. Лященко². По его сведениям, а также по сведениям других авторов, занимавшихся исследованием долевого участия иностранного капитала в России (П. Оль, Л. Эвентов, М. Гольман и др.), общая сумма иностранных капиталов в акционерных обществах России составляла на 1 января 1917 г. 2243 млн. руб., из коих 256 млн. падает на облигационный капитал и 237 млн. — на кредитные учреждения. В основном капитале промышленных акционерных обществ России доля иностранного капитала исчислялась суммой в 1750 млн. руб.³ Если учесть, что весь основной капитал акционерной промышленности России составлял на 1 января 1917 г., по расчетам академика Струмилина, 3185 млн. руб.⁴, то на долю иностранного капитала падает не менее 53%. Из этой суммы на долю французского капитала приходится 32,6%, английского — 22,6, немец-

---

¹ См. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. 1, стр. 81.

² См. П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, стр. 376.

³ См. М. Гольман, Русский империализм, 1926, стр. 330—331, а также П. Оль, Иностранные капиталы в России, стр. 8.

⁴ См. С. Г. Струмилин, Проблема промышленного капитала в СССР, 1925, стр. 52.

кого — 19,7, бельгийского — 14,2, американского — 5,2 и на долю остальных стран — 5,7% ¹.

Усилению притока иностранного капитала в русскую промышленность (начиная с 1916 г. и отчасти с конца 1915 г.) способствовали: развернувшаяся в стране «учредительская горячка», рост потребностей в инвестируемом капитале (при отсутствии возможности удовлетворения этой потребности за счет внутренних капиталов), падение курса рубля и рост уровня учетного процента. Падение курса рубля и снижение цен акций русской промышленности содействовали тому, что иностранный капитал, особенно английский, французский, американский и японский, занялся массовым приобретением акций русских металлургических, машиностроительных, нефтяных, угольных и других производств. По состоянию на 1 января 1917 г. общая сумма иностранных капиталов, вложенных в горнозаводскую и металлургическую промышленность России, исчислялась цифрой более чем в 900 млн. руб., из коих на долю черной металлургии падало 318,6 млн. руб., цветной металлургии — 184,3 млн., или 70% всего акционерного капитала этой отрасли промышленности ², нефтяной — 258,5 млн., каменноугольной — 160 млн. руб.

Весьма значительным было участие иностранного капитала в крупной металлообрабатывающей промышленности, где из 636 млн. руб., вложенных в эту отрасль промышленности в 1916—1917 гг., на долю иностранного капитала приходилось 392,4 млн. руб. (включая и облигационный капитал в сумме 20,4 млн. руб.), или около 62% ³. Иностраный капитал в химической промышленности ввиду незначительного объема производства составлял по своим абсолютным размерам меньшую цифру (77,1 млн. руб.), чем в других отраслях тяжелой промышленности. Однако относительная величина его возросла к 1917 г. до 45% против 31% в 1900 г. и 41% в 1915 г. ⁴

---

¹ См. П. Оля, Иностранные капиталы в России, стр. 9.

² См. В. Потресов, Экономика цветной металлургии СССР, М.—Л. 1938, стр. 109 (по другим отраслям промышленности см. указанное произведение П. Оля).

³ См. Л. Эвентов, Иностранные капиталы в русской промышленности, стр. 71—72.

⁴ См. там же, стр. 78.

Конечно, подсчеты иностранного капитала в русской промышленности, особенно в металлообрабатывающей, не могут претендовать на непогрешимость, ибо их авторы (П. Оль, Эвентов, Гольман и др.), во-первых, выводили эти подсчеты, как правило, по отношению только к крупным, преимущественно акционированным предприятиям и исключали из этих подсчетов мелкие и средние предприятия, с капиталом ниже 500 тыс. руб., в которых иностранный капитал, как правило, отсутствовал¹; во-вторых, они включали в сумму иностранного капитала весь капитал иностранного происхождения, без подразделения на экспортированный капитал и капитал, переселившийся в Россию вместе со своими хозяевами, ставший по существу «русским» национальным капиталом.

Без этого подразделения ускользает из поля зрения то обстоятельство, что экспортированный из-за границы капитал вывозит к себе на родину всю прибавочную стоимость, созданную в стране, импортирующей капитал, в то время как осевший, т. е. ассимилированный, иностранный капитал является по существу уже «отечественным» капиталом, не вывозящим всей прибавочной стоимости за границу, а капитализирующим ее (в своей значительной части) внутри страны и тем самым способствующим развитию ее производительных сил. Но если бы даже при подсчете размеров иностранного капитала в русской промышленности были приняты во внимание и отмеченные выше методологические упущения, то относительная величина этого капитала могла бы сократиться на величину, не изменяющую принципиального положения вещей. Во всяком случае это не дало бы возможности считать, что русская промышленность освободилась от зависимости от иностранного капитала.

Продолжая экономическую политику царизма, Временное правительство не ослабило, а еще больше усилило приток иностранных капиталов в Россию и привело русскую промышленность к еще большей зависимости от

---

¹ Так поступал, например, Эвентов, который при подсчете удельного веса иностранного капитала в металлообрабатывающей промышленности брал не всю совокупность акционерных предприятий этой отрасли промышленности, а лишь наиболее крупные из них, с капиталом свыше 500 тыс. руб., в которых, как правило, участвовал иностранный капитал. (См. его работу «Иностранные капиталы в русской промышленности», стр. 71.)

иностранный капитал. Устами своих наемных писак оно хвасталось: «В свободную Россию притекут в огромном количестве иностранные капиталы, которые в соединении с отечественной предприимчивостью дадут максимальный эффект»¹.

После Февральской революции продолжалось трестирование русской промышленности при активном участии иностранного капитала; с каждым месяцем она ставилась все в большую и большую зависимость от международных финансовых групп. Правительство Керенского разрабатывало даже план передачи в эксплуатацию американскому капиталу преобладающей части государственных рудников в России и горных заводов, концессий на эксплуатацию нефти на Сахалине, золотых приисков на Алтае, медных залежей на Кавказе и т. д.²

Некоторое исключение составляли мелкая и средняя промышленность, которые в основном работали на «отечественном» капитале и, как правило, для внутреннего рынка. Но процесс концентрации производства и, в частности, принятые Временным правительством меры по дальнейшей монополизации промышленности создавали условия для постепенного и полного подчинения средней и мелкой промышленности как отечественному крупному акционированному капиталу, так и иностранному, в том числе даже немецкому.

Наши изыскания в фондах Центрального военно-исторического архива позволили обнаружить многочисленные факты, свидетельствующие не только об открытом и особенно замаскированном долевом участии немецкого капитала в русской промышленности в годы войны, но и об активной деятельности немецкого капитала по ослаблению военно-экономического потенциала России, начиная от организации диверсионных актов на промышленных предприятиях и кончая организацией разведывательной службы, передававшей немецкому генеральному штабу важные секретные сведения о военном производстве России. Примером тому является деятельность одного из директоров Путиловского завода — некоего Орбановского, который, будучи связан с немецкими банковскими и промышленными монополиями, передавал немецкой разведке важные сведения как о Путиловском заводе, производив-

¹ «Торгово-промышленная газета» № 55, 1917 г.

² См. А. Vogel, *Der Wirtschaftskrieg*, Jena, S. 194.

шем предметы артиллерийского снабжения, так и о других военных заводах, с которыми он имел связь по выполнению военных заказов. В частности, у Орбановского во время его ареста были найдены секретные документы по строительству военных кораблей, секретные технические документы Морского министерства, ряд секретных сведений о Петроградских военных заводах, приготовленные им для передачи немецкой разведке через существовавшую в России во время войны торговую фирму «Кунст и Альберт»¹.

Не случайно в материалах Чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве указывалось, что если бы жизнью русской армии, внутренней жизнью России руководил германский генеральный штаб, то он не создал бы ничего другого, кроме того, что было уже создано его агентурой в экономической и военнопромышленной жизни страны.

Пользуясь покровительством высокопоставленных лиц в России, немецкая агентура в лице акционеров, забравших в свои руки некоторые важные отрасли тяжелой промышленности (машиностроение, химия, электротехника и т. д.), сознательно тормозила их работу по укреплению военнопромышленного потенциала страны. Больше того, заключая с казной контракты на поставку ей предметов снаряжения армии, немецкие акционеры не торопились с их выполнением, хотя и брали под эти заказы огромные авансы. Так, акционерное общество «Сименс и Шуккерт», взяв под заключенный контракт на поставку предметов военно-технического снабжения армии аванс в размере 10 млн. руб., выполнило этот контракт всего лишь на сумму 10 тыс. руб.², не понеся никакой ответственности за ущерб, причиненный казне. Это же общество должно было по заключенным с казной контрактам поставить военному ведомству до 1 марта 1916 г. 800 тыс. взрывателей, а поставило только 15 тыс.³ Так же поступало и правление акционерного общества Коломенского завода, которое, заключая с казной контракты на поставку ей предметов артиллерийского снабжения и беря под эти контракты миллионные авансы,

¹ См. П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, стр. 591.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, л. 70—71.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 41, л. 301.

систематически срывало их выполнение. Такое поведение правления акционерного общества Коломенского завода Министерство внутренних дел объясняло связями правления завода с германским банком и крупным немецким промышленником Лессингом, скупившим еще в 90-х годах XIX столетия до 90% акций данного завода¹. В этой связи московский губернатор Муравьев в телеграмме на имя министра внутренних дел от 29 июня 1915 г. писал: «Усматривая непопозволительную медлительность Коломенского завода в выполнении работ на нужды армии, дающую повод заподозрить злоумышленность этой медлительности, признаю необходимым командирование специалистов для ознакомления на месте с постановкой дела по обеспечению правильного производства»².

Подрывная деятельность германских промышленников и их агентов в России, выполнявших задание германского генерального штаба, вызвала сильную антинемецкую реакцию в разных кругах русского буржуазного общества. В частности, эта реакция, проявлявшаяся из разных побуждений, заставила Муравьева в своей повторной телеграмме на имя Министерства внутренних дел просить воздействия на пронемецкую дирекцию Коломенского завода, вплоть до «изъятия завода из рук владельцев»³.

При обсуждении 13 марта 1915 г. в междуведомственном совещании при Министерстве торговли и промышленности вопроса о пронемецкой деятельности акционерного общества целлюлозной фабрики «Вальдгоф» было выяснено, что многие предприятия этого акционерного общества, в которых господствует немецкий капитал, действуют в ущерб военным и экономическим интересам России. В резолюции этого совещания указывалось на необходимость всемерной борьбы с «засильем неприятельского капитала, преследующего не только экономические, но и политические интересы». Указывалось на необходимость «вытеснения его с наших рынков. Только при такой системе может возродиться самостоятельная русская промышленность»⁴.

¹ Кроме Коломенского завода, Лессингу принадлежали также Кулебакский и Выксунский заводы, финансировавшиеся Международным банком, в котором большинство акций принадлежало Лессингу (ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 98, л. 61—62).

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 98, л. 61.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 98, л. 74.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 97, л. 35—36.

На заседании Особого совещания по обороне предлагалось закрыть принадлежавшие обществу «Вальдгоф» предприятия, с передачей их во временное управление казны и последующей распродажей акций этого общества русским промышленным организациям. Но из этого ничего не получилось, так как хозяева акционерного общества «Вальдгоф» (т. е. немецкие капиталисты) прикрыли себя подставными лицами: Мясоедовым, Фрейнатом, Тиме и др., на имя которых был переписан принадлежавший немцам капитал указанного выше общества, а следовательно, и все права на его управление¹. Точно так же было сделано и с предприятием акционерного общества «Треугольник».

О прикрытии во время войны немецких капиталов подставными лицами свидетельствуют многочисленные факты. В первые же дни войны на Кадиевском заводе состоялась секретная беседа между директором Южно-русского Днепропетровского металлургического общества Ясюкевичем и немецким капиталистом Кооперсом, владельцем коксовых печей и завода по улавливанию побочных продуктов коксования, о том, что последний как германский подданный выезжает в Германию, а администрация Днепропетровского завода обязуется всю прибыль, получаемую от коксовых печей и завода, переводить по адресу: Дж. Пикк (вымышленная фамилия Кооперса), Шеффилд, Англия. В соответствии с этой договоренностью дирекция Южно-русского Днепропетровского металлургического завода систематически в течение всей войны переводила через особую канцелярию кредитной части Министерства финансов огромные суммы военных прибылей на имя Дж. Пикка², получая за эти услуги соответствующее вознаграждение.

При помощи подставных лиц немецкие капиталисты образовали в самом начале войны новую дирекцию завода Общества русской железной промышленности (бывший Гантке) в Екатеринославе и через эту подставную

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 97, л. 37—38.

² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 357, л. 139. (Есть основание полагать, что о подобных махинациях по прикрытию немецких капиталов подставными лицами знал и министр финансов Барк, который находился в тесных связях с представителями финансовых кругов и, в частности, с банковским и биржевым дельцом Манусом, представлявшим интересы немецкого капитала.)

дирекцию управляли заводом и получали от него военную сверхприбыль¹.

Случаи конфискации (секвестра) капиталов, принадлежавших немцам, были далеко не массовым явлением. При помощи подкупа крупных чиновников и переписывания капиталов на имя подставных лиц немецким капиталистам удавалось не только спасти свои капиталы от секвестра, но и избегать ответственности за срыв военных заказов, под которые они получали миллионные авансы. Это происходило еще и потому, что в составе правительства и даже в самой царской фамилии было немало лиц, которые были тесно связаны с немецкими фирмами и открыто защищали их интересы, как свои собственные. К этим лицам относится, в частности, бывший военный министр генерал Сухомлинов, по предложению которого было принято Особым совещанием по обороне 1 июня 1915 г. решение о том, чтобы в периодической печати были прекращены нападки на фирмы, хотя бы и внушающие подозрения в их германском происхождении².

Имея личные связи со многими из этих фирм, генерал Сухомлинов не только охранял их от нападков прессы, требовавшей секвестра немецких предприятий, но и содействовал выдаче им крупных военных заказов и больших авансов, служивших источником финансирования немецкой разведывательной службы в России. Характерен в этом отношении пример с главным акционером Киевского южно-русского завода Альтшиллером, который, будучи агентом немецкой разведки и состоя в личной дружбе с Сухомлиновым, получал при его помощи не только выгодные военные заказы, но и некоторые интересовавшие немецкую разведку сведения. При этом любопытно, что, несмотря на имевшиеся подозрения о шпионской деятельности Альтшиллера, последний чувствовал себя под покровительственной рукой Сухомлинова неуязвимым. И только тогда, когда были получены компрометирующие данные, Альтшиллер был незаметно сплавлен в Вену, где он не раз встречался перед войной со своим покровителем генералом Сухомлиновым³.

---

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 357, л. 139.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 51, л. 20.

³ См. М. М. Лемке, 250 дней в царской ставке, Пгр. 1920, стр. 620—622 и др.

Таким образом, под невинными вывесками немецких акционерных компаний, носивших часто русские наименования, скрывались очаги экономического и военнополитического шпионажа, органы финансирования диверсионной деятельности немецкой разведки, осуществившей во время войны ряд крупных диверсий на заводах России.

* *
*

В свое время Маркс дал научный ответ на вопрос о происхождении капиталистической прибыли, показал ее как превращенную форму прибавочной стоимости, как результат неоплаченного труда рабочих. Он указывал, что «цель капиталистического производства всегда состоит в создании максимума прибавочной стоимости или максимума прибавочного продукта с минимумом авансированного капитала»¹. Однако капиталисты в домонополистический период ограничивались получением средней прибыли. После вступления капитализма в эпоху империализма изменились экономические условия его развития, приведшие к модификации экономических законов капитализма.

Исследуя изменения экономических условий развития капитализма в эпоху империализма, В. И. Ленин показал, что сущностью империализма является господство не свободной конкуренции и не средней прибыли, а господство монополий, монопольной цены и монопольной сверхприбыли.

Эти черты, свойственные монополистической стадии капитализма, с особой силой проявились в период первой мировой войны, создавшей для капиталистов не только более широкое поле эксплуатации живого труда (особенно труда женщин, подростков, военнопленных, беженцев и т. д.), но и более выгодную конъюнктуру по сбыту своей продукции, а следовательно, и по получению на основе исполнения выгодных военных заказов монопольно высоких прибылей.

Попробуем проследить это на конкретно-историческом материале России, в частности на анализе архивных дан-

---

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, 1936, стр. 218.

ных, а также официальных источников (балансы и отчеты акционерных предприятий), печатавшихся в годы войны в «Вестнике финансов» и в других периодических изданиях. Хотя эти источники и не являются исчерпывающими и достоверными (публикуемая в них отчетность охватывала лишь часть акционерных обществ, причем показывающих свои прибыли в заведомо преуменьшенном виде), они все же могут служить некоторой условной базой при анализе финансово-экономического состояния промышленных предприятий, размеров их прибылей и дивидендов, полученных за годы войны.

По значительно преуменьшенным официальным сведениям Совета съездов представителей торговли и промышленности, 791 акционерное предприятие увеличило свою валовую прибыль с 351,7 млн. руб. в 1913 г. до 692,2 млн. руб. в 1915 г. По некоторым акционерным обществам прибыль превышала весь акционерный капитал. Из 19 крупнейших металлургических обществ с акционерным капиталом в 250 млн. руб. только одно акционерное общество оказалось недостаточно прибыльным. Это — Общество Русско-балтийского вагоностроительного завода в Риге, уменьшение прибылей которого было вызвано эвакуацией завода из Риги. Остальные общества получили в 1914—1917 гг. огромные прибыли.

Опубликованные в 1916—1917 гг. балансы акционерных предприятий позволяют составить следующую сводную таблицу прибылей, полученных предприятиями ведущих отраслей русской промышленности за время войны ¹:

Отрасли промышленности и годы	Количество акционерных предприятий	Акционерный капитал (в тыс. руб.)	Валовая прибыль (в тыс. руб.)	% валовой прибыли к акционерному капиталу
<i>1. Металлообрабатывающие предприятия</i>				
1913	7	18 990	2 572	13,5
1914	7	19 940	4 294	21,5
1915	7	21 060	10 143	48,2
1916	7	25 760	20 889	81,1

¹ «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 31, 1917 г., стр. 125—126; № 33, стр. 190—191.

Продолжение

Отрасли промышленности и годы	Количество акционер- ных пред- приятий	Акционер- ный капи- тал (в тыс. руб.)	Валовая прибыль (в тыс. руб.)	% валовой прибыли к акцио- нерному капиталу
2. Металлургические предприятия				
1913	8	89 900	23 222	25,8
1914	8	95 100	26 358	21,7
1915	8	95 100	28 610	30,1
1916	8	97 100	48 589	50,0
3. Нефтяные предприятия				
1913	6	18 805	2 723	14,5
1914	6	18 812	1 038	5,5
1915	6	18 707	3 264	17,3
1916	6	21 198	4 663	22,0

По отдельным предприятиям тяжелой промышленности прибыль доходила до особенно больших размеров. Так, в записке, адресованной председателю Центрального военпромшленного комитета А. И. Гучкову и опубликованной (в кратком изложении) в суворинской газете «Новое время», сообщалось, что Соединенные кабельные заводы с капиталом в 6 млн. руб. давали до войны 1,4 млн. руб. чистой прибыли, а в 1915 г. — до 3,5 млн. руб.

Значительно увеличили свои прибыли и другие крупные акционированные предприятия металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Так, прибыли Никополь-Мариупольских заводов возросли в 1915 г. против 1913 г. на 1,28 млн. руб., Сормовских — на 1,6 млн., Коломенских — на 2,46 млн. руб. и т. д.¹

В 1916 г. процесс обогащения акционированных предприятий тяжелой промышленности шел еще более интенсивно. Так, Общество машиностроительных заводов Гартмана получило в 1916 г. чистой прибыли 2,06 млн. руб. против 1,04 млн. в 1913 г., Русское паровозостроительное и механическое общество — 2,3 млн. против 0,64 млн. в

¹ См. «Новое время», 8 июня 1916 г.; Сводные балансы акционерных обществ в «Ежегоднике министерства финансов», 1916 г.

1913 г., Общество Тульских меднопрокатных заводов — 15,51 млн. руб., или в 7—9 раз больше, чем в 1913 г.¹

Чудовищные размеры получаемых прибылей ставили, как об этом свидетельствует периодическая печать, в тупик даже самых хитроумных бухгалтеров, не знавших, куда списать и как прикрыть эти огромные доходы от «всевидящего глаза» представителей фиска.

Высокий уровень прибылей, характерный для большинства акционерных предприятий, работавших на нужды войны, определил собой и небывалые размеры дивидендов. Если исходить из опубликованных в периодической печати балансов металлургических производств (в которых приводились, как известно, скорее заниженные, чем действительные, показатели роста прибылей), то и по ним можно составить близкое к действительности представление.

Так, например, по имеющимся в архивных фондах материалам, Кольчугинские латунный и меднопрокатный заводы, контролировавшиеся немецкой фирмой *Wagon*, на основной капитал в 10 млн. руб. получили в 1915/16. операционном году валовой прибыли 14 093 991 руб., или 140% на капитал. После отчисления известных сумм в запасные капиталы и погашения налогов чистая прибыль составила 9 млн. руб., или 90% от общей суммы основного капитала. Но это только прибыль, не считая стоимости запасов топлива, металлов, готовой продукции и т. д., определявшейся цифрой в 17,7 млн. руб.²

Большими дивидендами, т. е. чистой прибылью, подлежащей распределению между акционерами, характеризовалась деятельность металлургических предприятий юга России, объединявшихся синдикатом «Продамет». Предприятия этого синдиката, устанавливая монопольно высокие цены на поставляемый металл (преимущественно предприятиям, работавшим на цели войны), могли получать огромные дивиденды без расширения производства, а иногда и при сокращении его с целью искусственного повышения спроса на металл. На это указывалось, в частности, на заседании металлургического отдела ЦВПК от 25 мая 1916 г., где говорилось, что «недостаток металла в значительной степени является результатом

¹ См. Сводные балансы акционерных обществ в «Ежегоднике министерства финансов», 1916 г.; «Новое время», 8 июня 1916 г.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 289, л. 50.

деятельности общества «Продамет», которое, опираясь на высокие цены, не только не стремится к увеличению производства, а, наоборот, к его сокращению»¹.

В результате этого, а также использования других спекулятивных махинаций дивиденды семи крупных металлургических предприятий юга России, входивших в синдикат «Продамет» (Днепровское, Южно-русское, Русско-бельгийское, Никополь-Мариупольское, Донецко-Юрьевское, Новороссийское и Константиновское общества), составили в 1916 г. 14,6 млн. руб., или 15,3% от общей суммы основного капитала².

Однако рентабельность капиталистического предприятия определяется не только размерами получаемого дивиденда, но и размерами капитализации прибавочной стоимости, ибо буржуазные экономисты обычно включают в дивиденды только чистую прибыль, а прибыль, направляемую на расширение производства, не учитывают. Если же учесть и то и другое, то мы получим еще более яркую картину капиталистического обогащения в годы войны.

В самом деле наряду с получением в 1916 г. чистой прибыли (т. е. дивиденда в буржуазном понимании) в сумме 14,6 млн. руб. предприниматели и акционеры металлургических производств смогли отчислить в фонд расширения производства 23 млн. руб. Это отчисление превысило сумму дивиденда 1916 г. на 65%, и сумма всей прибыли оказалась выше дивиденда более чем в 2,5 раза.

Получение высоких прибылей и дивидендов усилило не только «учредительскую горячку», о которой мы говорили выше, но и создало благоприятные условия для выпуска новых акций и повышения их номинальной стоимости, часто без увеличения реального капитала. Акционерная форма капитала обладает той особенностью, что наряду с реальным капиталом, вложенным в предприятие, существует и фиктивный капитал, определяемый суммой цен выпущенных акций, которые являются своего рода удостоверениями на доход. В то же время биржа создает возможность постоянной продажи и перепродажи этих акций с повышением их курса в соответствии с ростом их доходности. А так как доходность акций во время войны была весьма высокой, то и курс их имел тенденцию к резкому возрастанию.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 40, л. 39.

² См. «Народное хозяйство в 1916 году», вып. III, стр. 36—37.

Несмотря на то что уже в 1914 г. курс акций имел значительно более высокий уровень, чем за последнее предвоенное десятилетие, в 1916 г. он возрос еще больше. Так, по заводам Гартмана довоенный курс акций увеличился в 1916 г. в 2,8 раза, по Донецко-Юрьевскому обществу — в 3,6, по Коломенским заводам — в 3 с лишним, по Сормовским заводам — в 2,8, по Тульским медно-прокатным заводам — в 7,7 раза¹. Даже в пределах одного года колебание курса акций (в сторону повышения) было весьма заметным. Так, в декабре 1916 г. курс акций увеличился по сравнению с маем этого же года: по заводам Барановского — на 71%, по Брянским заводам — на 54, по Никополь-Мариупольским заводам — на 47, по Сормовским — на 47, по Богословским — на 64, по Донецко-Юрьевским — на 48, по Мальцевским — на 57, по Путиловскому — на 54% и т. д.²

Такой баснословно высокий рост курса акций порождал стремление учредителей акционерных обществ к увеличению основных капиталов не за счет роста реального капитала, а за счет выпуска новых акций, т. е. увеличения фиктивного капитала, намного превышающего стоимость реального капитала, вложенного в заводские сооружения, оборудование, наем рабочей силы и т. д. и т. п. Разницу между реальным и фиктивным капиталом, являющуюся не чем иным, как учредительской прибылью, руководители акционерных обществ присваивали себе наряду с теми огромными сверхприбылями, которые получали они от исполнения выгодных военных заказов.

Любопытно при этом отметить, что военную сверхприбыль получали не только акционерные общества и их участники, непосредственно выполнявшие военные заказы. Ее получали, как ни странно, и те предприятия, которые находились в процессе строительства. Так, например, Царицынский завод, начатый стройкой еще в 1913 г. (группой Утина — Вышнеградского — Виккерса), не был построен и в 1915 г. Однако в 1915 г. ему был предоставлен военным ведомством заказ на изготовление пушек на сумму 36 млн. руб. с получением аванса в 11 млн. руб. Этот заказ Царицынским заводом непосредственно не был выполнен, как не были выполнены им и другие

---

¹ См. «День», 24 декабря 1916 г.

² См. «День», 13 декабря 1916 г.

заказы. Однако независимо от этого правление завода за один только 1915 г. получило чистой прибыли 10 млн. руб.¹

Такая хитрая на вид механика с получением баснословно высоких прибылей оказывается совсем несложной, если учесть, что недостроенный Царицынский завод был связан с английской фирмой «Виккерс» и объединял вокруг себя такие мощные заводы, как Сормовский, Коломенский, Петроградский металлический, завод Лесснера, выпускавшие во время войны до 11% всех трехдюймовых полевых пушек, изготовлявшихся промышленностью России². Поэтому, получая от военного ведомства крупные и выгодные заказы, правление Царицынского завода направляло их либо английской фирме «Виккерс» через своего сочлена по строительству завода Виккерса, либо указанным выше заводам, выступая перед ними в роли своеобразного посредника и маклера.

Так оно поступило, например, с заказом Главного артиллерийского управления на производство 2500 полевых трехдюймовых орудий на общую сумму 23 млн. руб. Получив под исполнение этого заказа около 7 млн. руб. аванса, Царицынский завод привлек к его исполнению Сормовский завод (орудийные стволы), Петроградский металлический (лафеты), завод Лесснера (затворы), ограничив свою роль в этом деле лишь передачей Сормовскому заводу 77 станков, закупленных за границей для монтажа Царицынского завода³.

Авансы, выдаваемые казной под исполнение военных заказов в размере от 30 до 60% стоимости заказа, составляли довольно крупные суммы, за счет которых предприниматели производили расширение и перестройку своих производств, закупку необходимого оборудования и материалов для увеличения выпуска военной продукции и расширения источников роста своих прибылей. Так, судостроительные заводы Николаевского общества под заказ на 200 тыс. штук трехдюймовых шрапнелей получили в 1915 г. аванс в размере более 1,5 млн. руб. Завод Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества под заказ на изготовление 360 тыс. штук 48-линейных фугасных бомб получил аванс в размере 5,5 млн.

¹ См. «Вопросы истории» № 8, 1948 г., стр. 61.

² См. А. А. Маниковский, Боевое снабжение русской армии в мировую войну, ч. III, стр. 169.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 175, л. 43.

руб. Брянский завод под заказ на изготовление 330 тыс. трехдюймовых гранат, 66 тыс. 48-линейных фугасных бомб, 3 тыс. 11-дюймовых фугасных бомб получил аванс в размере более 3 млн. руб., или около 40% стоимости всего заказа¹. Сумские машиностроительные заводы под заказ на производство 300 тыс. взрывателей системы «4-ГТ» получили аванс в размере 2160 тыс. руб., или 60% стоимости всего заказа².

Получение огромных авансов, а также высоких сверхприбылей в период войны на основе использования благоприятной конъюнктуры было характерно не только для отраслей тяжелой промышленности, поставлявших вооружение, металл, топливо и т. д., но и для подавляющего большинства текстильных, мукомольных и сахарных заводов, объединенных в акционерные общества.

Вот что говорят об этом сведения, взятые по пяти отраслям легкой и пищевой промышленности³.

Отрасли промышленности	Количество предприятий	Годы	Акционерный капитал (в тыс. руб.)	Прибыль	
				сумма (в тыс. руб.)	в % к акционированному капиталу
1. Хлопчатобумажные мануфактуры	5	1913	9 000	2 637	29,3
		1914	17 200	2 009	11,7
		1915	17 600	6 973	39,6
		1916	19 100	13 335	69,8
		1916	19 100	13 335	69,8
2. Суконные фабрики	31	1913	45 650	5 379	61,8
		1914	46 225	7 625	16,5
		1915	48 750	17 994	36,9
3. Льняные и полотняные фабрики	4	1913	4 300	527	12,3
		1914	4 300	631	14,7
		1915	4 300	1 266	29,4
		1916	4 300	2 094	48,7
4. Мукомольные предприятия . .	7	1913	6 820	703	10,3
		1914	6 820	717	10,5
		1915	7 720	2 464	31,9
		1916	8 220	3 872	55,7
		1916	8 220	3 872	55,7
5. Сахарные заводы	14	1913	22 325	4 038	18,1
		1914	22 625	2 417	10,1
		1915	22 625	10 328	45,6
		1916	23 300	13 855	59,4

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 269, л. 21—22.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 304, л. 2—3.

³ По суконным фабрикам сведения взяты из «Вестника финан-

Из приведенных данных видно, что акционерные предприятия легкой и пищевой промышленности увеличили свои прибыли за годы войны в несколько раз. Причем в отдельных предприятиях этих отраслей промышленности военная прибыль приближалась по своим размерам к сумме основных капиталов. Так, Товарищество Даниловской камвольной фабрики при основном капитале в 1 млн. руб. закончило 1915 г. с прибылью в 1,3 млн. руб.; Товарищество Городищенской суконной фабрики Четверикова с капиталом в 1 млн. руб. дало в 1915 г. 954 тыс. руб. чистой прибыли, или около 96% от основного капитала; Товарищество Ростовской льняной мануфактуры закончило 1915 г. с прибылью, равной 764 тыс. руб., или 127% от основного капитала; Товарищество льнопрядильной и полотняной фабрики Демидова при капитале в 3 млн. руб. получило в 1915 г. прибыль, равную 2068 тыс. руб., или около 70% основного капитала; Товарищество Нарвской льнопрядильной мануфактуры при капитале в 2700 тыс. руб. принесло в том же году прибыль в 2427 тыс. руб., или около 90% на капитал¹.

На этом же примерно уровне находились прибыли и в 1916 г. Так, товарищества Любиновского свеклосахарного завода, Федоровского сахарнорафинадного завода с основным капиталом в 3,7 млн. руб. получили чистой прибыли 2,13 млн. руб., или почти 75 коп. на рубль основного капитала. Двадцать пять мануфактурных предприятий при основном капитале в 94 млн. руб. получили чистой прибыли 39 млн. руб.; из них Никольская мануфактура Саввы Морозова с основным капиталом в 15 млн. руб. дала 12 млн. руб. чистой прибыли, товарищество Анны Красильниковой при 8 млн. основного капитала дало 3,42 млн. руб. чистой прибыли, Гавриловская мануфактура Локалова на 3 млн. основного капитала дала 1,5 млн. руб. прибыли.

Акционерное общество «Треугольник» получило в 1916 г. 30 млн. чистой прибыли, а предприятия Рябушин-

---

сов, торговли и промышленности» № 21, 1917 г., стр. 292, по остальным предприятиям — из № 31 за тот же год, стр. 125.

¹ См. «Вестник финансов» № 21, 1917 г., стр. 292—294.

ского увеличили прибыль по сравнению с довоенным временем в 4 раза ¹.

Наряду с общим ростом прибылей промышленной буржуазии России огромные прибыли в виде вознаграждения были выплачены членам правлений, директорам-распорядителям и другим заправилам акционерных обществ и отдельных предприятий. Особенно распространенной формой «вознаграждения» были комиссионные, выплачиваемые представителям фирм, получавшим от военного ведомства выгодные заказы. Так, по сообщению министра финансов Барка, Русско-балтийское общество механических заводов выдало своему представителю «вознаграждение», равное 2,5% всей суммы заказов, полученных им от военного ведомства. А так как эта сумма определялась в 1915 операционном году цифрой порядка 43 млн. руб., то размер годового «вознаграждения», выданного этому представителю, перевалил за миллион ².

Аналогичное положение было на Сумских заводах Бельгийского акционерного общества, на заводах товарищества «Столл и К^о», где, по свидетельству Барка, «открыто ассигнуются огромные средства под видом комиссионного вознаграждения» лиц, содействующих получению выгодных военных заказов ³.

Что представляла собой эта форма «вознаграждения», за счет каких источников она покрывалась и какие цели преследовала, видно из официальной переписки между военным министром Поливановым и министром юстиции Хвостовым. Так, в одном из писем — от 26 января 1916 г. Поливанов писал, что «вознаграждение» он рассматривает как «замаскированное злоупотребление, основанное на мздоимстве и лихоимстве, а также других преступных действиях». С этим согласился формально и министр юстиции, который в своем ответном письме от 6 июня 1916 г. указывал, что «в настоящее время частные лица и предприятия при получении ими правительственных заказов на нужды государственной обороны нередко ассигнуют огромные денежные средства, в частности, на комиссионные вознаграждения, под которыми скрываются

---

¹ См. Г. И. Шигалин, Экономика мировой империалистической войны 1914—1918 гг., стр. 166.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 2, л. 405 а.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 2, л. 405 б.

суммы на подкуп должностных лиц, имеющих отношение к этим заказам»¹.

Но, констатируя своекорыстный характер комиссионного вознаграждения, определяя его как скрытую форму подкупа государственных лиц, имевших отношение к распределению военных заказов, и имея даже конкретные данные о носителях этого зла, министр юстиции, который, как видно, и сам не был без греха, писал военному министру, что «едва ли в данное время возможно принятие каких-либо мер в отношении указанных нежелательных явлений»². Пользуясь подобным покровительством со стороны «блюстителей законности» и, как никогда, выгодно сложившейся конъюнктурой, крупнейшие русские капиталисты — Путиловы, Вышнеградские, Гужоны и др. — сумели за время войны нажить огромные капиталы. К ним с полным основанием можно отнести слова В. И. Ленина о том, что, «кто был всех богаче и всех сильнее, тот нажился и наградил больше всех»³.

Одновременно с ростом валовых прибылей значительно увеличились также и дивиденды. Однако рост дивидендов намного уступал размерам валовых прибылей. В следующей таблице приведено процентное соотношение прибылей и дивидендов в легкой промышленности в 1913 и 1915 гг.⁴

Отрасли промышленности	1913 г.		1915 г.	
	прибыль	дивиденд	прибыль	дивиденд
Хлопчатобумажная	100	100	260,4	198,1
Шерстяная	100	100	313,2	199,1
Льняная	100	100	324,3	209,9

Официальная статистика акционерных обществ запутывала вопрос о действительных размерах прибылей. Вместо сравнимых величин в одних случаях приводились

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 2, л. 406.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 2, л. 407.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 45.

⁴ См. «Вестник финансов» № 21, 1917 г., стр. 294.

данные о валовых прибылях, в других — о дивидендах. Другой формой вуалирования высоких прибылей было увеличение основных капиталов предприятий, а также списывание части прибыли в запасной и амортизационный капитал. Амортизационный капитал в основных отраслях тяжелой промышленности увеличился в 1915 г. до 373 млн. руб. против 303 млн. в 1913 г., а резервный — с 99 млн. до 117 млн. руб. Возрастание резервного и амортизационного капитала можно считать нормальным явлением, так как в условиях войны оборудование в связи с интенсификацией процессов труда подвержено более быстрому износу, чем в мирное время, а возмещение этого износа главным образом за счет покупки заграничного оборудования по возросшим ценам требует дополнительных накоплений.

Однако несмотря на то, что отчисления в резервный и амортизационный капиталы являются объективной экономической закономерностью, фактическое использование их в условиях капиталистического способа производства не всегда бывает адекватным размерам и нормам этих отчислений. В частности, это относится к амортизационным отчислениям, нормы которых превышают, как правило, стоимость износа оборудования не менее чем на 15%. Таким образом, указанные выше отчисления в резервный и амортизационный капитал, фигурировавшие в балансовых документах предприятий тяжелой промышленности России в первые два года войны, должны рассматриваться не как выражение действительных затрат на восстановление и расширение производства, а как средство вуалирования военных сверхприбылей с целью избежания их высокого налогового обложения. В. И. Ленин не случайно указывал, что публикуемые балансы акционерных предприятий составляются таким образом, чтобы надувать публику и прикрывать мошенничества капиталистов¹.

Но мошеннические махинации капиталистов не заканчиваются преуменьшением прибыли обычным путем. Они дополняются также и «теоретическими» вывертами ученых лакеев капитализма, стремящихся затушевать социальную природу и источники происхождения прибыли. Так, относя прибыль ко всему авансированному капиталу,

---

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 314—315.

буржуазные ученые хотят доказать, что прибыль, которая в действительности является превращенной формой прибавочной стоимости, создаваемой трудом рабочих и безвозмездно присваиваемой капиталистами, есть порождение всего капитала, всей производственно-коммерческой деятельности промышленного предприятия, результат, так сказать, «счастливого» риска предпринимателя, его «бережливости» и т. д.

Больше того, промышленная и банковская буржуазия, для того чтобы оправдать свое обогащение и доказать его «естественную необходимость», выдвинула даже такой аргумент: «Если для сохранения рабочему прежнего реального дохода достаточно увеличение заработной платы пропорционально вздорожанию жизни, то совсем в ином положении находится владелец капитала. Помещая свой капитал в производство, капиталист рискует не только тем, что периодически получаемый им фиксированный доход будет иметь все меньшую и меньшую покупательную силу, но и тем, что самый капитал его по возвращении будет представлять гораздо меньший покупательный фонд, чем в момент заключения займа»¹.

Этот «теоретический» довод подкрепляется такими арифметическими выкладками: «Если, например, капиталист отдал займы 100 тыс. руб. на год по 5% и за этот срок общий уровень цен поднялся на 10%, то для того, чтобы он получил пятипроцентный доход и в то же время капитал сохранил свою прежнюю покупательную силу (т. е., чтобы осталось прежним количество товаров, которое можно на эту сумму приобрести), капиталист должен получить по истечении срока не 5 тыс., а 15,5 тыс. руб., из которых 10 тыс. руб. пойдут на восполнение покупательной силы капитала до первоначальных размеров, а 5,5 тыс. руб. составят 5% на этот капитал. Таким образом, номинальный процент должен подняться до 15,5%»².

Апологетический характер этой концепции, несмотря на всю ее завуалированность, ясен. Автор этой буржуазной концепции, которую он распространяет как на субстанцию ссудного процента, так и на предпринимательский доход, хочет доказать следующее: чтобы капиталист не терпел убытка и чтобы его риск был «счастливым»,

---

¹ «Промышленность и торговля» № 35, 1915 г., стр. 742.

² Там же, стр. 742—743.

ссужаемый капитал должен не только дать ему повышенный доход, но и покрыть то обесценение денежной единицы, которое имело место во время войны благодаря росту цен на товары, сырье и т. д.

Нажившиеся на войне и на эксплуатации рабочего класса капиталисты ничего другого не могли сказать, кроме того, что их капиталы приносят прибыль не в результате эксплуатации рабочих, обворовывания казны и населения, а в результате выгодно складывающейся рыночной конъюнктуры, в результате «счастливого» риска и т. д. Философствуя по поводу «счастливого» риска и отмечая выгодно сложившуюся во время войны конъюнктуру, принесшую капиталистам небывало высокие прибыли, буржуазная печать с нескрываемым цинизмом писала: «Не смущайтесь, если кто-либо получил лишнюю прибыль — она будет немедленно инвестирована в новое предприятие... нам нужны эти прибыли... ибо после войны нам придется переоборудовать всю нашу промышленность»¹.

Так буржуазная пресса выбалтывала не только «тайну» об огромных размерах получаемой промышленниками прибыли, но и то, что эти прибыли пускались ими во время войны не столько на воспроизводство основных фондов (которые подверглись во время войны сильному износу и которые собирались восстанавливать лишь после войны), сколько на спекулятивные махинации, служившие для капиталистов дополнительным источником обогащения.

Характерно, что развернувшийся в годы войны беспримерный в истории капитализма спекулятивный ажиотаж, а также мошеннические махинации, связанные с получением высоких военных прибылей, находили не осуждение, а «общественное» признание и оправдание. Ученые лакеи буржуазии доказывали не только «естественную необходимость», но и общественную пользу от «хорошо организованной» спекуляции, «благотворно» влияющей будто бы на уровень цен и т. д. Так, шведский вульгарный экономист Гекшер уверял, что «хорошо направленная спекуляция есть одно из неизбежных вспомогательных средств экономической жизни. Оно обеспечивает уравнение цен в будущем»².

¹ «Торгово-промышленная газета» № 56, 17 марта 1917 г.

² Э. Гекшер, Экономика мировой войны, Пгр. 1917, стр. 201.

Такого рода циничные восхваления спекуляции не случайны. Они, как и вся буржуазная экономическая наука, направлены на оправдание любых форм обогащения капиталистического класса, в том числе и таких, как принявшие в годы войны неслыханные размеры спекуляция, вздутие цен, прямое и косвенное ограбление трудящихся масс. Не случайно, что спекуляция материалами и сырьем охватила огромный круг предприятий, работавших на войну. Получая государственные лимиты на сырье и материалы, эти предприятия (точнее, их хозяева), пользуясь выгодно сложившейся конъюнктурой, т. е. наличием огромного дефицита на материалы, топливо и сырье, особенно металлического происхождения, развили бешеную спекуляцию этими материалами. Вместо производственной деятельности многие предприятия предпочли заниматься комиссионными операциями, передачей полученных ими военных заказов на сторону по более низким ценам, а сырья — по более дорогим.

При обследовании мелких предприятий Харьковского района, работавших на нужды войны, оказалось, что многие из них, как доносил уполномоченный Особого совещания по указанному району, предпочитали спекулировать получаемыми по особым удостоверениям материалами, т. е. продавать их по завышенным ценам предприятиям, не работавшим на войну¹. Работавшие на войну предприятия пользовались не только привилегиями в снабжении сырьем, топливом и материалами, но и государственными субсидиями, которые выдавались им как в форме возвратных и безвозвратных ссуд, так и в форме аванса, который не возвращался заказчику даже в том случае, если заказ не был выполнен полностью и в срок (для этого поставщики всегда находили нужные для оправдания «причины»).

Все эти выгодно сложившиеся для капиталистической наживы условия не могли не способствовать процветанию спекулятивного ажиотажа и росту паразитизма капиталистической частной инициативы, заработавшей во время войны огромные прибыли не только за счет эксплуатации наемного труда рабочих, но и за счет прямого мародерства, обмана и обворовывания государственной казны. С этим, в частности, связано возникновение фиктивных

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 8, л. 304.

компаний, созданных исключительно с целью получения заказов от казны, но не имевших для выполнения этих заказов ни капитала, ни производственно-технической базы.

К числу таких компаний относится не только Царицынский завод, о комиссионерской деятельности которого говорилось выше, но и завод акционерного общества «Промет», главным пайщиком которого был генерал Сухомлинов. Несмотря на то что этот завод находился в стадии строительства и не мог непосредственно выполнять военные заказы, он все же по настоянию Сухомлинова получал таковые, причем с большими авансами и по повышенным расценкам. Благодаря таким махинациям Сухомлинов помог совладельцам этого завода, а следовательно, и самому себе отстроить за государственный счет не только этот завод, но и соорудить еще два новых завода¹.

На заседании наблюдательной комиссии при Особом совещании 5 января 1916 г. был подвергнут обсуждению вопрос о «неосмотрительности» сдачи Главным артиллерийским управлением тульской самоварной фабрике Капырзиных заказа на изготовление 2 млн. корпусов для ручных гранат. От выполнения этого заказа общей стоимостью в 5 млн. руб. была получена прибыль в 3 млн. руб. (каждая граната обходилась фабрике в 1 руб., а государство платило за гранаты по 2 руб. 50 коп.). Купцы Капырзины получили только от этого заказа прибыль, превышавшую в 5 раз стоимость основного капитала принадлежавшей им фабрики².

Любопытно отметить, что, получив столь высокую прибыль, фабрика все же не выполнила своих обязательств в части своевременного изготовления корпусов гранат. За «уголовно наказуемое деяние» (как об этом говорилось в постановлении наблюдательной комиссии) Капырзины, однако, никакого наказания не понесли. Не понесли наказания за свою «неосмотрительность» и представители ГАУ, вступившие с упомянутой фабрикой (очевидно, не без корысти) в такую невыгодную для казны сделку.

Огромные переплаты за исполнение военных заказов происходили не только по вине частных фирм, занимав-

¹ См. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. 1, стр. 81.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 98, л. 3—8.

шихся рвачеством и обкрадыванием казны, но и по вине самих заказчиков, выступавших от имени казны и щедро разбазаривавших государственные средства. Чем, как не преступным отношением к государственным средствам, можно объяснить поведение некоторых членов Особого совещания, которые на заседании от 27 апреля 1916 г. упорно настаивали на передаче заказа на производство взрывателей фирме «Лесснер», доказывая, что «условленная цена быть может и высока, но во всяком случае ввиду недостатка во взрывателях... соблюдение экономии представлялось бы несвоевременным»¹.

Этим же можно объяснить и покупку в Швеции чугуна, обходившегося России значительно дороже, чем чугун собственного производства. На это указал член Государственного совета Ф. Иванов, заявивший на заседании Особого совещания по обороне, что «цена, по которой закупался шведский чугун (8 р. 50 к. за пуд), является крайне высокой и значительно превышающей ту цену, по которой в свое время не было признано возможным приобрести чугун в России»². Оратор усматривал в этом проявление «чрезвычайной скупости в отношении русской промышленности и расточительности средств в отношении промышленности иностранной»³.

Дело здесь, конечно, не в «скупости» в отношении русской и «щедрости» в отношении шведской металлургической промышленности. Не это беспокоило члена Государственного совета Иванова, выступавшего на совещании в качестве адвоката русской промышленной буржуазии, болезненно реагировавшей на всякий выгодный военный заказ, уплывавший за границу. Дело в том, что как русские, так и, тем более, шведские капиталисты думали не о благе России, не об укреплении ее военно-экономического могущества, а об ограблении России, о получении с нее той огромной общественной дани, которая заключена в прибылях, получаемых за счет хищнической эксплуатации трудящихся, спекуляции на дороговизне, вздутии цен и т. д.

Пользуясь бесконтрольностью и неразберихой в деле установления отпускных цен на предметы боевого и мате-

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 176, л. 115.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 183, л. 76.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 183, л. 76.

риально-технического снабжения армии, многие предприятия и промышленные ассоциации делали такие накладки на себестоимость изготавливаемой продукции, которые обеспечивали им получение прибыли в пределах от 50 до 100%.

Особенно злоупотребляли сложившейся конъюнктурой синдикаты, которые превратились в организации, пользующиеся доверием и покровительством со стороны органов государственной власти «за их особо важные функции в деле обороны страны». Капиталистические объединения «Продуголь», «Продамет» и другие стремились использовать военно-политическую и экономическую конъюнктуру в своих корыстных целях. Синдикаты ставили перед собой задачу — укрепить свои монополистические позиции и стать полными хозяевами во всех областях экономической жизни: в области производства, распределения сырья и установления цен. Синдикаты и банки проникали (через своих представителей) в государственные органы регулирования и прежде всего в Особое совещание по обороне и его комитеты.

Овладев в этих организациях важными позициями, подчинив, а где можно и подкупив руководителей этих организаций, синдикатчики занялись эксплуатацией военного рынка и превратились в монопольных поставщиков вооружения для армии. Персональная уния банков и промышленных объединений с государственным аппаратом достигла во время войны, особенно после Февральской революции 1917 г., таких размеров, которых она не имела в условиях мирного времени. В. И. Ленин, разоблачая связи банков с правительством, писал в апреле 1917 г.: «Бывший министр иностранных дел и нынешний товарищ председателя центрального военно-промышленного комитета Н. Н. Покровский вступил членом Совета в Русский для внешней торговли банк. В члены Совета банка вступил также бывший председатель Совета министров граф В. Н. Коковцев... Сегодня министр — завтра банкир; сегодня банкир — завтра министр... *а в скольких банках участвуют (директорами, пайщиками, фактическими хозяевами) нынешние министры Гучков, Терещенко, Коновалов?»*¹

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 96.

Сращивание государственного аппарата с частнокапиталистическими монополиями способствовало не ослаблению, а еще большему усилению спекулятивно-паразитической деятельности синдикатов. На это указывалось, в частности, на заседании Особого совещания по обороне. Так, на заседании Особого совещания по обороне от 11 мая 1916 г. член Государственной думы М. С. Аджемов заявил, что одной из причин сокращения производства металла явилось (наряду с расстройством транспорта, недостатком топлива, материалов и т. д.) нежелание самих владельцев металлургических предприятий производить металл и продавать его по таксированным, т. е. по дешевым, с точки зрения предпринимателей, ценам¹.

На объединенном заседании бюджетной и военно-морской комиссий от 23 июля 1915 г. член Государственной думы Савенко, говоря «об опасности, нависшей над страной», которая требует некоторых «личных жертв в интересах государства», указывал, что, «к сожалению, частные интересы даже в минуту грозной государственной опасности иногда могут сталкиваться с интересами государственными, и мы, к прискорбию, знаем, что промышленные группы, капиталистические круги иногда свои карманные интересы ставят выше интересов государственных»².

Военнопромышленные комитеты, которые были призваны содействовать делу «государственной обороны», в основном состояли из представителей тех же синдикатов и содействовали их рваческим тенденциям. Даже в «Известиях» Земгора появилось сообщение, что военнопромышленные комитеты оказали не только содействие, но даже весьма серьезное воздействие в другом отношении — в отношении повышения заготовительных цен, в увеличении расходов казны на «государственную оборону». Для обороны государства военнопромышленные комитеты сделали очень мало, но зато доставили очень крупную прибыль своим участникам.

Это видно хотя бы из того, что военнопромышленные комитеты, пользуясь огромным спросом на продукцию военного производства, брали с казны за каждый вид военной продукции на 100% больше, чем казенные заводы. Так, по контракту от 7 сентября 1915 г. казенные

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 175, л. 87.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 33, л. 56.

заводы брали с военного ведомства 6 тыс. руб. за каждую изготовленную пушку, а ЦВПК по контракту от 25 августа — по 12 тыс. руб.¹

На заседании ЦВПК от 31 августа 1915 г. указывалось на огромный разноряд в ценах на одни и те же предметы, поставляемые промышленностью казне. Так, например, на кухни цена устанавливалась от 750 до 1110 руб., а на повозки к ним — от 390 до 515 руб.² То же самое относится и к поставкам Всероссийского земского союза, бравшего с казны за каждое поставляемое для армии бумажное одеяло 6—7 руб., в то время как фабричная стоимость одеяла не превышала 1 р. 50 к.³ В ряде случаев поставляемые по линии общественных организаций буржуазии предметы военно-технического и интендантского снабжения армии обходились казне почти в два раза дороже, чем аналогичные предметы, поставляемые казенными предприятиями⁴.

О разноряд в ценах, достигшем своего апогея в 1916 г., заговорило и Министерство финансов, которое в связи с утверждением в мае 1916 г. сметы ассигнований привело следующие примеры такого «странного» разноряд в ценах на изготавливаемую заводами военную продукцию. Так, Коломенский завод, принявший заказ от военведа на изготовление моторных понтонов, установил цену в 793 тыс. руб. за гарнитур, состоящий из 60 штук. Другие пять крупных русских заводов за такой же заказ брали по 1100 тыс. руб., финляндские заводы — даже по 1400 тыс. руб.⁵

Разница в ценах по заказам, даваемым казенным и частным предприятиям, была весьма ощутительной. Например, трехдюймовая шрапнель расценивалась на частных заводах в 15 р. 32 к., а на казенных — 9 р. 83 к., трехдюймовые гранаты заказывались частным заводам по цене 12 р. 13 к. за штуку, а казенные заводы получали за них по 9 руб. за штуку, пушечные бомбы 152 мм расценивались на частных заводах по 70 руб. за штуку, а на казенных — по 42 руб. То же самое относится и к бездымному пороху, за который частные заводы взимали по

---

¹ См. А. А. Маниковский, Боевое снабжение русской армии в мировую войну, т. 1, стр. 253.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 38.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 6, л. 76.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 6, л. 12.

⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 8, л. 347.

100 руб. за пуд, тогда как казенные заводы отпускали его по 72 руб. за пуд, и т. д. В связи с этим общая переплата, явившаяся убытком для казны и прибылью для капиталистов, составила в 1916 г. цифру, превышающую 1 млрд. руб.¹

Подобного рода спекулятивные махинации производились и тогда, когда на отдельные виды промышленной продукции были установлены так называемые твердые цены. Капиталисты и их нарушали, не считаясь с тем, что это являлось по сути дела государственным преступлением со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями. Не это страшит капиталистов, их страшит отсутствие высоких прибылей. Капиталист боится отсутствия прибыли, или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Ради прибыли и тем более высокой он готов совершить любое преступление². Подобные преступления (спекулятивные махинации, нарушение нормированных цен и вздутие их) были повседневным явлением. Эти спекулятивные махинации были по существу дела плевком в адрес органов государственного регулирования.

В условиях капиталистической анархии производства и отсутствия единой организации, распоряжающейся производством и распределением, нельзя говорить об эффективном регулировании рыночных отношений и рыночных цен. Марксистско-ленинская теория доказала, а практика подтвердила, что колебания цен на капиталистическом рынке не поддаются никакому длительному воздействию со стороны буржуазного государства. Экономическая жизнь России во время войны изобиловала массовыми примерами этого. Синдикат «Продамет» в начале войны продавал сортовое железо по 1 р. 75 к. за пуд³. Казалось бы, что цены этого мощного синдиката, контролировавшего до войны металлургический рынок России, должны были служить «регулирующим» началом для рыночных цен. Однако цены «Продамета», на которые ориентировались государственные органы, не оказали влияния на уровень рыночных цен во время войны. Заводы, не входившие в «Продамет», продавали сортовое железо по цене, значительно превышавшей цену синдиката (по 4—5 руб. за пуд), и получали от этого огромные прибыли.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, л. 8.

² См. *К. Маркс*, Капитал, т. 1, стр. 764, примечание 250.

³ См. «День» № 23, 1916 г.

Сложилась своеобразная ситуация, необычная для монополистического этапа развития капитализма, при которой в ряде случаев несиндицированные предприятия (так называемые аутсайдеры) могли продавать свою продукцию дороже, чем монополизированные предприятия. Это обуславливалось тем, что синдикат «Продамет», обслуживавший нужды войны, не имел в своем распоряжении достаточно товарных резервов, чтобы удовлетворить покупательную способность мирного рынка. Он не справлялся даже с поставками металла ведомству, отношения с которым регламентировались договорными условиями. Немонополизированные же предприятия (работавшие в значительной мере на мирный рынок), не будучи связаны государственными поставками и не стесненные во время войны конкуренцией со стороны синдиката, имели возможность использовать для непрерывного повышения цен благоприятно сложившуюся для них рыночную конъюнктуру.

Факты вздутия цен, спекуляции и на этой основе безудержного обогащения были так многочисленны, что они вызывали реакцию даже у многих убежденных покровителей частной инициативы. Так, например, министр торговли и промышленности князь Шаховской в письме на имя председателя Совета министров признал в качестве весьма тревожного факта положение с динамикой цен на хлопок. По его заявлению, цена 1 пуда ферганского хлопка, составлявшая в июне 1914 г. 16 р. 70 к., в январе 1915 г. поднялась до 20 р. 75 к., а в июне 1915 г.— до 30 р. 50 к. Между тем издержки производства в Средней Азии и на Кавказе в указанные годы не возросли против предыдущих лет, и если даже учесть введение на русский хлопок налога в размере 2 р. 50 к. за пуд, то и тогда продажная цена хлопка не должна была превышать 19—20 руб.¹

«Поднятие цен на хлопок,— писал Шаховской,— приходится отнести главным образом за счет спекуляции, чему много способствовало прекращение планомерных подвозов иностранного волокна, ввозившегося к нам обычно перед войной в количестве до 7 млн. пудов в год»². По данным Министерства торговли и промышленности, прибыль торговых фирм от реализации урожая хлопка составила в 1915 г. не менее 50 млн. руб.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 156, л. 109.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 156, л. 109.

В «Русских ведомостях» была помещена резкая статья, направленная против фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. В статье указывалось, что в связи с быстрым ростом цен на хлопок заправили хлопчатобумажной промышленности обратились в Министерство торговли и промышленности с просьбой о понижении цен на хлопок. Министерство согласилось и установило нормированную цену за пуд первосортного ферганского хлопка в Москве в размере 24 руб. (против среднерыночной цены 32 руб.)¹. Однако, получив относительно дешевое сырье, фабриканты хлопчатобумажных тканей не снизили, а еще больше повысили цены на готовую продукцию. Как показывают приводимые в упомянутой статье данные, при удорожании хлопка против довоенного времени на 50% (по нормированным ценам) ткани повысились в цене: миткаль — на 272%, некоторые цветные ткани — на 350—400% и т. д.

От спекулятивных цен на готовые изделия широкого потребления фабриканты получали огромные прибыли. Хлопчатобумажная промышленность перерабатывала около 2 млн. пудов хлопка в месяц. Из всей ее готовой продукции только 40% поступало по нормированной цене в интендантское ведомство. Остальные же 60% продукции по разным каналам уходили на частный рынок, что при указанном выше уровне цен на ткани приносило фабрикантам не менее 36 млн. руб. прибыли в месяц. На это же обстоятельство указывает и журнал «Экономическое обозрение», приводящий факты беззастенчивого ограбления хлопчатобумажными фабрикантами казны, широкого потребителя, вынужденного покупать ткани по неимоверно вздутым, спекулятивным ценам и увеличивать тем самым сверхприбыли капиталистов².

Не отставали от своих собратьев по взвинчиванию цен и получению огромных сверхприбылей и объединения спичечных фабрикантов, работавшие только на мирный рынок. Наряду с сокращением производства спичек они повысили во время войны цены настолько, что, например, в 1915 г. ящик шведских спичек в оптовой продаже шел по цене 30 руб., в то время как в 1914 г. он продавался за 18 руб. В оправдание такого неприкрытого мародерства

---

¹ См. «Русские ведомости» № 11, 1916 г.

² См. «Экономическое обозрение» № 1, 1916 г., стр. 5.

спичечные фабриканты ссылались на дороговизну сырья, рабочих рук и другие затруднения, вызванные войной.

Однако, несмотря на эти «затруднения», спичечные фабриканты сумели получить во время войны такие огромные прибыли, о которых они не могли и мечтать в условиях мирного времени, когда, по их признанию, не было никаких «затруднений». Так, общество «В. А. Лапшин», стоявшее во главе спичечного синдиката и вырабатывавшее приблизительно около 25% всего производства спичек в России, получило в 1915 г. 686 700 руб. чистой прибыли, или 24,7% от общей суммы основного капитала, а товарищество «Солнце» — 158 700 руб., или 31,6% от суммы основного капитала, что превысило доходность 1913 г. в первом случае на 65%, а во втором случае — на 72%¹.

Продажа товаров по взвинченным ценам и повышение этим способом и без того больших прибылей капиталистов имели место и в других отраслях промышленности. В частности, это имело место в металлической промышленности, цены на изделия которой сделали огромный скачок. Так, например, если в 1914 г. сортовое железо продавалось по 1 р. 75 к. за пуд, то в 1916 г. оно продавалось уже по 8 р. 50 к. Гвозди проволочные вместо 2 р. 80 к. продавались по 17 руб., а подковные гвозди — по 56 руб. за пуд вместо 4 руб. в 1914 г.²

Резкое повышение цен на продукцию промышленного производства обусловлено было целым рядом обстоятельств, главным из которых являлся небывалый спекулятивный ажиотаж, какая-то «вакханалия, безудержная и стремительная, не сдерживаемая никакими преградами»³.

Этот спекулятивный ажиотаж был характерен не только для России, но и для других стран, испытывавших сырьевой и товарный голод во время войны. Так, например, в Германии, как пишет о том профессор Леопольд фон Визе, в ответ на установление правительством твердых цен возник подпольный рынок, куда уплывали товары и где продавались они по спекулятивным ценам⁴.

¹ См. Г. Циперович, Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР, Л. 1927, стр. 254.

² См. «День» № 232, 1916 г.

³ «Летопись», кн. 1, 1917 г., стр. 281.

⁴ Leopold von Wiese, Frei Wirtschaft, Leipzig 1922, S. 29.

Идеологи буржуазии, лидеры ее партий, буржуазные экономисты и наемные писаки выдвинули целый арсенал доказательств недопустимости не только ограничения капиталистических прибылей, но и какого-либо вмешательства государства в финансовые дела частного капитала, в его спекулятивные махинации по взвинчиванию цен, получению высоких прибылей и т. д. Один из видных представителей торгово-промышленного мира России — А. Н. Рафалович, выступая на втором чрезвычайном съезде представителей биржевой торговли и отстаивая принцип невмешательства государства в сферу обращения (а уже о сфере производства и говорить нечего) и, в частности, в область установления твердых цен на продукты промышленности, доказывал, что «закон спроса и предложения... является могущественным средством для установления надлежащей расценки товара». На основании этого он сформулировал требование к правительству об устранении всех тех обстоятельств, которые «препятствуют правильному действию этого экономического закона». Другими словами, он предлагал не борьбу со спекуляцией и вздутием цен, а «облегчение в стране свободной конкуренции»¹.

Съезд представителей биржевиков, заинтересованный в свободе спекуляции и в получении огромных сверхприбылей, не облагаемых прогрессивно-подходящим налогом, утвердил эти положения целиком и полностью². С. Прокопович, пытавшийся критиковать Рафаловича и решения указанного съезда, сам скатился на их позиции и одобрил, в частности, их тезис о том, что «свобода торговли лучше хаоса несогласованных административных запретов и такс». По его мнению, «лучше держать административную власть подальше от экономической жизни»³, поскольку государственная таксировка цен и особенно их снижение приводят-де лишь к нарушению соответствия между спросом и предложением, к недостатку таксируемых товаров и т. д.

В этой связи он, так же как и Рафалович, считал, что складывающаяся на рынке цена в соответствии с законом

---

¹ «Промышленность и торговля» № 4, 1915 г., стр. 181.

² См. «Свод постановлений второго чрезвычайного съезда представителей биржевой торговли 24—28 апреля 1916 г.», стр. 33—35.

³ «Экономическое обозрение» № 1, 1916 г., стр. 106.

спроса и предложения не может и не должна подвергаться государственному «регулированию», пока механизм этого «регулирования» не будет усовершенствован, т. е. пока он не будет действовать в соответствии с экономическим законом спроса и предложения, обеспечивающим капиталистам полную свободу повышения цен, а следовательно, и свободу спекуляции на экономических трудностях, созданных самими же капиталистами в годы войны.

Подобные «теоретические» рассуждения о пользе свободы торговли (точнее, свободы спекуляции) и «вреде» государственного вмешательства во внутренние дела промышленной буржуазии были на руку последней. Вооружившись такого рода аргументацией, промышленники нарушали не только установленные государством твердые цены на товары промышленного производства, но и успешно отбивали атаки государственных органов, пытавшихся обложить их военные сверхприбыли дополнительным подоходным налогом.

* * *

*

Из цифр и многочисленных материалов, приведенных нами выше, видно, что размеры капиталистической прибыли доходили до невероятно больших размеров, в то время как народное хозяйство страны и ее военно-промышленный потенциал находились на пределе бедственного положения. Для того чтобы усилить и расширить материально-техническую и финансовую базу военной экономики России, царское правительство пыталось провести ряд налоговых мероприятий по усилению существующих и отысканию новых источников финансирования войны. Одним из таких источников являлся налог на военную сверхприбыль. Обложение сверхприбылей военного времени было впервые осуществлено в России на основании «временных правил» от 13 мая 1915 г. об установлении временного налога на прибыли торгово-промышленных предприятий. 6 апреля 1916 г. был введен постоянный подоходный налог. Но, во-первых, эти налоги капиталисты перекладывали на трудовые слои населения, во-вторых, эффективность этих налогов была крайне незначительной. Так, по проекту государственной росписи на 1917 г. налог на военную прибыль определялся совершенно ничтожной для государственных масштабов суммой в 55 млн. руб.,

а весь подоходный налог должен был составить 130 млн. руб.¹, что всего лишь в два раза превышало уровень налоговых обложений 1900 г., в то время как уровень прибылей этого года был превзойден минимум в 6—7 раз.

Поскольку указанные суммы налоговых поступлений от обложения прибылей капиталистов не могли сыграть сколько-нибудь существенной роли в укреплении источников финансирования войны и в ликвидации образовавшегося в государственном бюджете огромного дефицита, царское правительство попробовало ввести в 1916 г. дополнительный налог на военную сверхприбыль капиталистов. С этой целью Министерство финансов разработало проект «Об установлении временного налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий, подлежащих обложению процентным сбором». Согласно этому проекту обложению подлежали все предприятия, дающие своим хозяевам не менее 8% прибыли на основной капитал. Однако этот проект и указанный в нем предел прибылей, подлежащих обложению, были встречены в штыки.

Крупные промышленники, объединенные Советом съездов торговли и промышленности, ответили на этот проект резким возражением, указав Министерству финансов, что обложению могут подлежать те предприятия, прибыль которых превышает 10% с основного капитала. Но если Совет съездов торговли и промышленности еще считал возможным обложение налогом предприятий, получавших прибыль свыше 10%, то Совет съездов горнопромышленников Юга занял в этом вопросе менее «уступчивую» позицию. Он заявил в одном из своих решений, что «при таких условиях налог чрезвычайно сильно угрожает развитию частной предприимчивости и поэтому нежелателен, как вредящий правильному развитию производительных сил России».

Под давлением промышленников царское правительство и автор проекта о налогах министр финансов Барк вынуждены были пойти на уступки. Принимая делегацию промышленников, Барк сообщил, что он готов созвать специальное совещание промышленников для обсуждения законопроекта и внесения в него соответствующих поправок. Во всяком случае «правительство,— как заявил

---

¹ См. «Промышленность и торговля» № 41, 1916 г., стр. 276—277.

Барк,— считает совершенно недопустимым создание такого положения, которое мешало бы дальнейшему росту промышленности и открытию предприятий»¹.

Таким образом, не правительственные органы в напряженный для страны момент диктовали свою налоговую политику промышленникам, а, наоборот, промышленники навязывали свои решения, свою волю правительственным органам. Такая нерешительная позиция царского правительства в отношении изъятия части капиталистической прибыли делала буржуазию не только более алчной, но и более наглой. В дальнейшем всякая попытка пересмотра вопроса о налогах на военную прибыль вызывала еще большие протесты. В передовой статье журнала «Промышленность и торговля» говорилось: «Обложение промышленности доведено до крайнего предела, налоговая чаша испита до дна, налоговое давление на промышленность вполне определилось, и теперь нужно подумать о том, как бы не задохнуться под его тяжестью»².

Между тем законопроект предусматривал обложение прибыли, превышающей в военное время 10% на основной капитал. Следовательно, предприятие, не получавшее этого процента прибыли, вообще не облагалось дополнительным налогом. Это ли не показатель вольготной жизни капиталистов, лицемерно вопивших о «тяжести» налогового обложения и загребавших в то же время прибыли, превышавшие стоимость основного капитала. Привыкшие к получению таких огромных прибылей, капиталисты доказывали, что 10% прибыли на основной капитал — это само собой разумеющийся минимум, который ни при каких политических и экономических условиях не подлежит обложению.

В связи с этим редакция указанного выше журнала, возглавлявшаяся небезызвестным бароном Майделем (управляющий делами ЦВПК и Совета съездов представителей промышленности и торговли), в предостерегающих тонах заявляла, что введение налогового обложения, превышающего указанный минимум, «может убить в лице промышленности курицу, несущую золотые яйца»³. Но эти золотые яйца, как известно, шли в карманы самих же

¹ «Известия Центрального военнопromышленного комитета» № 24, 1916 г.

² «Промышленность и торговля» № 21, 1916 г., стр. 594.

³ Там же, стр. 592.

промышленников. Прикрываясь заботой о развитии производительных сил страны и необходимости поднятия отечественной промышленности до уровня западноевропейских стран, представители промышленной буржуазии в лице ее печатного органа — журнала «Промышленность и торговля» угрожающе предупреждали авторов окончательного варианта проекта налогового обложения, что «ограничения прибылей, безусловно, понизят производительность наших предприятий и таким образом сделают быстрый подъем национальной промышленности невозможным». Больше того, оно «не только понизит производительность существующих предприятий, но и воспрепятствует возникновению новых; оно ограничит, в частности, приток иностранных капиталов, без которых немислим широкий экономический подъем России»¹.

Таким образом, в ход были пущены не только демагогические увещевания насчет необходимости создания условий для развития национальной промышленности, имеющей-де важное значение «как с точки зрения будущего экономического развития России, так и с точки зрения интересов обороны»², но и апелляция к иностранному капиталу, приток которого не мог, конечно, радовать русскую промышленную буржуазию, поскольку в его лице она видела серьезного и опасного конкурента. Все эти аргументы, угрозы и шантаж были пущены в ход для того, чтобы выторговать себе условия, позволяющие с минимальными налоговыми издержками получать максимум военных прибылей. Такой исход дела представлялся для промышленников само собой разумеющимся, ибо, как указывалось в редакционной статье журнала «Промышленность и торговля», «трудно ожидать от рядового промышленника бескорыстной деятельности ради экономического прогресса»³.

Этот «рядовой промышленник» потому и кричал на весь мир, когда зашла речь об ограничении его прибылей (путем налогового обложения и таксировки цен), что подобное «ограничение прибылей противоречит самому существу капиталистического хозяйства, основанного на возможно более полном развертывании личной инициа-

---

¹ «Промышленность и торговля» № 14—15, 1917 г., стр. 267.

² «Промышленность и торговля» № 21, 1916 г., стр. 591—592.

³ «Промышленность и торговля» № 14—15, 1917 г., стр. 267.

тивы»¹. С его точки зрения, всякое ограничение частнокапиталистической инициативы, лимитация прибылей и спекулятивного ажиотажа являются «опасным шагом, сопряженным с техническим застоєм, а может быть, и регрессом»².

Из борьбы промышленников за каждый процент получаемой прибыли наглядно видно все лицемерие, вся лживость крупной буржуазии, прикрывавшейся «патриотической заботой» о мобилизации промышленности в целях «защиты отечества» и т. д. Спекулируя лозунгами «мобилизации промышленности», она на деле противодействовала малейшему посягательству со стороны государства на ее крупные барыши под благовидным предлогом нанесения этим ущерба производительным силам страны. В печати появилось много ханжеских заявлений, лицемерно доказывавших, что промышленники затрачивают много труда на расширение предприятий, на ускорение поставок казне и, следовательно, оказывают значительные «услуги» отечеству.

Рисую положение предпринимателей в самых мрачных тонах и приписывая им чрезмерную заботу об организации производства и о выполнении государственных заказов, представители капиталистических общественных организаций в государственных органах утверждали, что высокая прибыль является лишь справедливым вознаграждением за «мучительный» труд предпринимателей. Наряду с этим устами своих наемных писак капиталисты доказывали, что страдания солдат, находящихся в окопах, ничуть не больше «страданий» капиталистов, организующих дело снабжения армии снарядами, вооружением и боеприпасами.

Многочисленные печатные органы промышленной буржуазии, возражавшие против специального налога на сверхприбыль, мотивировали это так: «Жертвы, приносимые армией в окопах, не должны противопоставляться благоденствию населения (т. е. буржуазии.— И. М.) в тылу... Войска далеко не все время проводят в окопах... они вовсе никаких лишений не испытывают, а напротив,— гораздо лучше снабжены и продовольствием и одеждой, чем прочее население. Более того, поскольку войска на-

---

¹ «Промышленность и торговля» № 14—15, 1917 г., стр. 266—267.

² Там же.

ходятся в завоеванных городах и селах, то они могут жить со всеми удобствами и комфортом»¹.

Так рассуждали апологеты капитализма, всячески защищавшие спекулятивную горячку и рост военных прибылей. В поисках оправдания сверхвысоких военных прибылей известный шведский буржуазный экономист Э. Гекшер в своей работе «Экономика мировой войны», в которой он касается и экономики России, выдвигает даже такой абсурдный тезис, что эти прибыли являются следствием внезапно сократившегося подвоза иностранных товаров. По Гекшеру, прибыль, получаемая капиталистами, порождается в сфере обращения. По его мнению, чем выгоднее в этой сфере складывается для капиталистов соотношение между спросом и предложением, тем выше и прибыль. Поскольку спрос и предложение, по Гекшеру, зависят от степени участия иностранных товаров, от их конкурентоспособности, то, если на внутреннем рынке отсутствуют иностранные товары, товары отечественного производства могут продаваться по любой цене. Тем самым внутри страны, рассуждает Гекшер, может быть получена прибыль колоссальных размеров не за счет эксплуатации народных масс, а «путем присвоения прибыли иностранных фирм»². Гекшер так и заявляет, что «поскольку эти прибыли получают за счет иностранцев, то они, во-первых, увеличивают национальные доходы, а, во-вторых, они не являются причиной нужды и угнетения других».

Считая военные прибыли капиталистов делом «очень полезным», Гекшер всячески предупреждает о нецелесообразности применения к капиталистам каких-либо мер (конфискация, налоги и т. д.), противодействующих получению высоких прибылей. Гекшер считает, что всякое противодействие частной инициативе в получении сверхприбылей может удержать предпринимателя от дальнейшего стремления к росту и расширению производства. Отстаивая интересы частного капитала и считая его основной формой хозяйственной деятельности, Гекшер далее пишет, что «развитие государственной деятельности во время войны хотя и необходимо, но может ли она (государственная деятельность.— И. М.) при одинаковых усло-

¹ См. «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 32, 1917 г., стр. 152.

² Э. Гекшер, Экономика мировой войны, стр. 208.

виях исполнить свою задачу лучше, чем частные предприниматели?»¹

Смысл этой апологетики ясен. Она направлена не только на восхваление и оправдание капиталистической предприимчивости и ее спекулятивного ажиотажа, но и на отождествление, как это указывалось выше, интересов буржуазии с интересами народа. Но попытки отождествления народа, страдающего от войны, с кучкой людей, создававших крупные состояния на страданиях народа, были слишком лживы и нелепы. Даже часть буржуазных источников того времени отмечала, что на войне гибнет масса людей, семьи лишаются своих кормильцев, люди проводят годы в окопах, в самых тяжелых условиях, теряют свое здоровье, нашествие противника вызывает разорение десятков тысяч людей. А рядом с этим — другие люди наживающиеся на войне, на поставках снарядов и продовольствия, люди, тратящие огромные суммы «шалых денег на предметы роскоши, создающие картину мотовства, праздности в тылу, страшной вакханалии во время жестокой кровопролитной войны»².

Этому неслыханному обогащению кучки капиталистов царское правительство не могло противопоставить ни одного сколько-нибудь решительного мероприятия по регулированию прибылей и по их налоговому обложению. Длившаяся на протяжении целого года борьба по поводу дополнительного налога на сверхприбыль закончилась по существу победой промышленников. Дополнительное обложение прибылей капиталистов было введено лишь 12 июня 1917 г., т. е. после Февральской революции, и то под влиянием нараставшего возмущения рабочего класса, вынудившего Временное правительство сделать показной шаг по пути «обуздания» капиталистической наживы. Но ни этот дополнительный налог, ни, тем более, подходящий налог, введенный в апреле 1916 г. царским правительством, не могли сколько-нибудь существенно ограничить размеры капиталистических прибылей.

При существовавших во время войны экономических условиях, когда предложение продуктов промышленного производства не покрывало растущего спроса на них, цены на промышленные изделия почти непрерывно росли. Даже

¹ Э. Гекшер, Экономика мировой войны, стр. 208—209.

² «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 32, 1917 г., стр. 149.

буржуазные экономисты не могли скрыть того факта, что, чем меньше становилось во время войны предназначенных для продажи товаров, тем дороже продавались они, тем, следовательно, большую разницу между стоимостью и рыночной ценой получали капиталисты¹. В результате капиталисты имели возможность покрыть не только сравнительно низкий подоходный налог, но и дополнительный налог на прибыль.

В ряде воевавших стран налог на прибыль был введен несколько раньше, чем в России, и ставки его были сравнительно более высокими. В Англии и Германии были установлены, например, предельные размеры прибылей, излишки над которыми должны были изыматься в казну. Так, английские акционерные общества вынуждены были в соответствии с прогрессивно возрастающими налоговыми ставками отдать государству: в 1915 г.— 50% своих прибылей, в 1916 г.— 60 и в 1917 г.— 70%.

В Германии, где налог на военную прибыль был введен несколько позднее, чем в Англии, в государственную казну поступило налогов от прибылей (на 1 апреля 1918 г.) около 5 млрд. марок. Эта цифра была бы еще более внушительной, если бы означенный налог был введен в Германии не в июне 1916 г., а с самого начала войны. Во всяком случае эта цифра увеличилась бы, если исходить из средней ставки обложения в 30%, до 15 млрд. марок.

Прогрессивный промысловый военный налог на прибыль был установлен и в других воевавших странах, в частности, во Франции и Италии. Однако введенные в этих странах более радикальные, чем в России, налоговые обложения заметно не снизили капиталистических сверхприбылей. Снижая уровень издержек производства (за счет снижения стоимости рабочей силы и повышения степени ее эксплуатации), а также используя черный рынок и спекулятивные махинации при продаже сырья, топлива и готовой продукции, капиталисты Германии, Англии, Франции, Италии и других капиталистических стран нажили на войне огромные барыши, проявив при этом такую жадность, которая, по выражению некоторых либерально настроенных буржуазных экономистов, «никогда еще не справляла таких оргий, как в годы войны»².

---

¹ E. Reaerer, Deutsche Wiederaufbau, 1920, S. 22.

² E. Schulze, Die Zerrütung der Weltwirtschaft, 1923, S. 48.

К примеру можно взять германские оружейные заводы, которые в 1915 г. увеличили чистые прибыли почти в два раза, а Кельнско-Вестфальские пороховые заводы — более чем в три раза по сравнению с 1913 г. В таком же размере увеличили свои прибыли Баденский союз промышленников, Трефельский сталелитейный завод, пушечные заводы Круппа и оружейные заводы Эргардта. Даже машиностроительный завод Шрубе в Магдебурге, не давший в 1913 г. ни единого процента дивиденда, в 1915 г. дал целых 15%¹. Некоторые заводы принесли своим владельцам еще более крупные прибыли. Так, например, моторный завод «Оберурзель» и завод повозок «Эйзенах» дали в 1915 г. в шесть раз больше прибылей, чем в 1913 г.²

От предприятий тяжелой индустрии не отставали и отрасли легкой промышленности. Германская шерстяная промышленность, поставлявшая сукно для германской армии, получила в 1917 г. чистой прибыли 37,1 млн. марок против 16,1 млн. в 1913 г. Дивиденды в этой отрасли промышленности выросли с 10,8 млн. марок в 1913 г. до 16,2 млн. марок в 1917 г. В два раза увеличились прибыли хлопчатобумажной промышленности, составившие в 1917 г. 30,9 млн. марок против 15,5 млн. марок в 1913 г.³

Возьмем, далее, итальянскую шерстяную промышленность, в которой наряду с нищенской зарплатой рабочих имел место бурный рост прибылей капиталистов. Суконные фабрики в Пьемонте каждодневно получали чистой прибыли свыше 222 тыс. лир или 66 млн. лир в месяц⁴. Получая огромные прибыли от выполнения военных заказов, итальянские капиталисты, равно как и немецкие, отказывались от всякого повышения зарплаты рабочим.

Большую прибыль давали автомобильные заводы Италии, особенно такие, как «Фиат», который, кроме обычной годовой прибыли, фигурировавшей в разного рода балансах и бухгалтерских отчетах (в преуменьшенном виде), давал своим владельцам еще и неофициальную прибыль, т. е. скрытую прибыль, а именно по 50 лир на каждую акцию номинальной стоимостью в 100 лир. Причем дела-

---

¹ См. *Рихард Левинсон (Морус)*, *Перемещения капиталов в Западной Европе*, Л. 1925, стр. 44.

² См. там же, стр. 42.

³ *O. Goebel*, *Deutsche Rohstoffwirtschaft im Weltkrieg*, 1930, S. 163.

⁴ См. «Русские записки» № 2, 1916 г., стр. 216.

лось это не путем выпуска новых акций и, тем более, не путем увеличения реального капитала акционерного общества «Фиат», а путем повышения номинальной стоимости акций со 100 до 150 лир¹.

По сообщению немецкого экономиста Шульце, одно французское акционерное общество, выпускавшее автомобили, получило за годы войны чистой прибыли около 60 млн. франков при основном капитале в 1,5 млн. франков². Рекордно высоких прибылей достигли пароходные компании, занимавшиеся в годы войны перевозкой военных грузов. Так, чистая прибыль норвежских пароходных компаний увеличилась за годы войны в 18 раз, а японских — в 20 раз³.

Таким образом, предприниматели Германии, Италии и других стран, так же как и предприниматели России, расточая уверения насчет своего «патриотического долга», расхищали не только основную производительную силу общества — живую человеческую энергию, но и казну, охрану которой не смогли обеспечить даже официальные законы «об обложении военных прибылей» капиталистов, издававшиеся правительствами буржуазных стран в годы войны.

* *
*

Находя средства не платить высоких налогов (путем сокрытия прибылей, официальных протестов против высоких налоговых ставок, подкупов представителей фиска и т. д.), капиталисты в то же время широко использовали выгодно сложившуюся для них военную конъюнктуру, позволявшую им за счет усиления эксплуатации живого труда, спекуляции дефицитными видами сырья, топлива и готовых изделий, а также вздутия цен на поставляемую казне военную продукцию поднять свои прибыли до огромных размеров. При этом характерно, что в погоне за высокой нормой прибыли капиталисты старались экономить на всем, но только не на рабочей силе, для хищнической эксплуатации которой были созданы условия, граничащие с военной каторгой.

В расточении рабочей силы, являющейся основным фактором национального богатства и главным элементом

¹ См. «Русские записки» № 2, 1916 г., стр. 217.

² E. Schulze, Die Zerrütung der Weltwirtschaft, S. 46.

³ Ibid., S. 39.

производительных сил общества, в снижении ее стоимости ниже прожиточного минимума проявилась одна из характерных особенностей всеобщего закона капиталистического накопления. Характерно, что, в то время как валовые прибыли капиталистов России увеличились за время войны в среднем в 3—4 раза, а размеры дивидендов — более чем в 2 раза, основной капитал за этот же промежуток времени увеличился всего лишь на 10—15 %.

Это доказывает, что установившаяся до войны высокая норма эксплуатации живого труда доходила в условиях военного времени до невероятно больших размеров. Интенсификация процессов труда далеко обгоняла процесс обновления основных фондов. Несмотря на огромные военные прибыли, капиталисты не стремились к расширению и обновлению основного капитала, к покупке новых машин для замены изношенных. Учитывая дороговизну оборудования, они предпочитали выжать все возможное из старого оборудования путем усиленной эксплуатации рабочего класса.

Усиление эксплуатации пролетариата в период 1914—1917 гг. привело к изменениям в структуре издержек производства, к изменениям в соотношении между постоянной и переменной частью капитала. До войны, например, зарплата рабочих русской промышленности составляла в среднем 10 % от стоимости произведенной промышленной продукции, а во время войны — около 20 %¹. Повышение доли зарплаты в издержках производства объясняется здесь не ростом реальной зарплаты рабочих, которая была в годы войны ниже, чем перед войной, а ростом номинальной зарплаты и увеличением численности рабочих, вызвавшим соответственное повышение и общего фонда зарплаты.

Изменение структуры издержек производства находилось в неразрывной связи с изменением органического состава капитала, что нашло свое выражение в снижении постоянной его части и в резком возрастании переменной. Этому изменению составных частей общественного капитала способствовала не только сложившаяся конъюнктура, но и заинтересованность самих капиталистов, всегда предпочитающих экономить на постоянном капитале за счет хищнического использования переменного капитала.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 567, л. 4.

Итак, концентрация производства, принявшая в условиях войны характер объединения уже существующих производств без сколько-нибудь существенного обновления и, тем более, расширения их технического базиса, обнаружила во время войны свойственную капитализму тенденцию прогрессирующего загнивания производительных сил. Особенностью концентрации производства в условиях войны было также и то, что, с одной стороны, происходил процесс обобществления средств производства и рабочей силы в немногих крупных монополизированных производствах, что ставило Россию по уровню концентрации производства и централизации капитала на первое место в мире, а, с другой стороны, этот процесс не выводил русскую промышленность из состояния технической отсталости и зависимости от иностранного капитала, выкачивавшего из России не только ценное сырье, но и огромные прибыли, получаемые за счет эксплуатации русского рабочего класса и всякого рода спекулятивных махинаций на поставках вооружения и т. д.

Развернувшийся во время войны спекулятивный ажиотаж по выполнению выгодных военных заказов, получению государственных субсидий по военным поставкам, вздутию цен на мирном рынке и т. д. был основным ускорителем образования новых акционерных обществ, в учредительстве которых принимали активное участие как русские так и иностранные банки, получавшие от этого не только большую учредительскую прибыль, но и неограниченные возможности для развития спекулятивной деятельности.

В результате выгодно сложившейся для капиталистов военной конъюнктуры, а также крайне низкой зарплаты промышленных рабочих при высокой норме эксплуатации их труда и росте цен на предметы военного и мирного потребления были созданы во время войны невиданные условия для получения капиталистами огромных прибылей. В. И. Ленин писал: «Война — «ужасная» вещь? Да. Но она ужасно *прибыльная* вещь»¹.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXX, изд. 3, стр. 226.

ГЛАВА 6

ПРОБЛЕМА РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

В процессе материального производства независимо от его общественной формы и исторических условий труд человека и носитель этого труда — рабочая сила выступают в качестве основного и решающего фактора в развитии производительных сил общества.

Труд как целесообразная деятельность человека есть не что иное, как затрата физиологической энергии и духовных способностей на производство потребительных стоимостей. Он является вечной, естественной необходимостью. Без него «не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь»¹. Однако капиталистический способ производства, лишаящий труд всякого содержания и превращающий его в каторгу для наемных рабочих, «...в несравненно большей степени, чем всякий другой способ производства, является расточителем людей, живого труда, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга»².

Капиталистический способ производства ведет к варварскому расточительству рабочей силы — носительницы труда, основы существования человеческого общества, его главной производительной силы. Объясняя понятие рабочей силы, Маркс писал: «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает организм,

---

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 49.

² К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 93—94.

живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости»¹. При этом от уровня квалификации рабочей силы зависит количество и качество потребительных стоимостей, произведенных ею в единицу времени.

Квалифицированная и неквалифицированная рабочая сила находятся между собой в таких же отношениях, в каких находятся простой и сложный труд. Сложный труд, по выражению Маркса, есть не что иное, как «*помноженный* простой труд», т. е. труд, меньшее количество которого равняется большему количеству простого².

Это общетеоретическое определение качества рабочей силы и труда должно быть принято (наряду с другими факторами) в расчет при анализе результатов капиталистического использования рабочей силы в условиях первой мировой войны, в течение которой произошли огромные изменения как в количественном, так и особенно в качественном составе рабочей силы. Это, между прочим, не могло не сказаться на уровне производительности труда, являющейся важнейшим показателем дееспособности рабочей силы, ее квалификационного уровня и т. д.

При исследовании этого вопроса необходимо учесть и то специфическое обстоятельство, что рабочая сила, являющаяся в условиях капиталистического способа производства товаром, свободно продающимся и покупающимся на рынке труда, превратилась во время войны в предмет «регулирования» и закрепления за предприятиями. Сокращение, а затем и полная ликвидация рынка квалифицированной рабочей силы, мобилизация ее на фронт, закрепление за предприятиями, особенно работавшими на войну, запрещение свободной миграции и т. д. и т. п. довели дело с рабочей силой до положения, граничащего с крепостническими формами труда. Это способствовало снижению производительности труда и ослаблению и без того слабого военнопромышленного потенциала страны.

Изучение проблемы рабочей силы и производительности труда в условиях войны имеет свои специфические особенности и трудности. Это изучение имеет прежде всего то своеобразие, что оно связано не с обычными условиями мирного производства, а с военной экономикой, вызывающей ломку структуры промышленного производства

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 173—174.

² См. там же, стр. 51.

и его технологии, вызывающей перекавалификацию рабочих, увеличивающей спрос на квалифицированную рабочую силу, повышающей интенсификацию ее использования, ее физическое и духовное истощение. Своеобразие изучения данной проблемы состоит, наконец, в том, что оно имеет дело с процессами, породившими во время войны огромные пертурбации в промышленной и трудовой жизни страны, в связи с переключением промышленности на изготовление изделий, не производившихся в мирное время, тем более, в таких количествах, которые требует большая война. А первая мировая война была именно такой войной, которую можно сравнить с исполинским предприятием, вовлекающим в свой водоворот громадные количества рабочей силы, сырья, промышленных изделий, транспорт и совершенно видоизменяющим всю экономическую и промышленную жизнь страны.

Первая мировая война в силу своих грандиозных масштабов потребовала от промышленности не только перестройки технологического процесса и расширения объема производства средств вооружения, но и перераспределения, а больше всего переобучения рабочей силы в соответствии с новыми технологическими изменениями в производстве. Но, как показывают многочисленные официальные материалы, решение этих задач встретило на своем пути целый ряд социально-экономических и производственно-технических преград, преодолеть которые не смогли ни царское правительство, ни его «регулирующие» органы, ни сама промышленная буржуазия, проявившая большой, чем кто бы то ни было, интерес к работе на войну.

Одной из основных проблем, оказавших отрицательное влияние на ход промышленного производства, была проблема рабочей силы, особенно квалифицированной, острый недостаток которой обнаружился в первый же период войны в связи с мобилизацией в армию до 25% всей численности промышленных рабочих (к концу войны этот процент поднялся до 40)¹. Отрыв от непосредственной производственной деятельности такого огромного количества наиболее здоровых и полноценных рабочих (в возрасте 20—40 лет) привел не только к сокращению численности рабочей силы, но и к понижению производительности труда в связи с ухудшением ее качественного состава.

¹ См. «Ежегодник Коминтерна», 1923 г., стр. 335; В. Грицевецкий, Послевоенные перспективы русской промышленности, стр. 34.

Только за один август 1914 г. в армию было взято около 92 тыс. кадровых рабочих металлургической, железорудной и каменноугольной отраслей промышленности¹. В дальнейшем контингент рабочих, мобилизованных в армию, доходил до многих сотен тысяч человек, что оказывало чрезвычайно отрицательное влияние на производственную деятельность русской промышленности, переключившейся в своей значительной части на обслуживание нужд войны. Об этом свидетельствуют, в частности, и данные, содержащиеся в фондах председателя Особого совещания по обороне, на имя которого министр торговли и промышленности князь Шаховской писал 21 июня 1915 г., что если в ноябре 1914 г. на каменноугольных копях Донбасса «обращалось до 208 тыс. человек, т. е. количество, обеспечивающее нормальную продуктивность бассейна», то по мере мобилизации рабочих-шахтеров в армию контингент рабочих резко сократился и нуждается в пополнении².

Об этом же говорит донесение генерал-майора Петрово-Соловово, обследовавшего ряд заводов юга России. В его донесении указывается, что многие заводы юга России работали с большими перебоями вследствие недостатка рабочей силы. Так, по доменному производству на Петровском заводе не хватало 2500 рабочих, на машиностроительном заводе Гартмана имелась возможность увеличить выпуск паровозов с 12 до 16 в месяц, но для этого требовалась 1000 квалифицированных рабочих. Такое же положение наблюдалось и на других заводах как юга, так и центра России. Об этом говорит, в частности, выступление московского промышленника Гужона, который на первом съезде ВПК заявил следующее: «Каждый день нам посылают новые заказы, и я уже полтора месяца посылаю их обратно, потому что у меня нет рабочих»³. То же самое относится и к Московскому военно-промышленному товариществу, занимавшемуся выпуском гранат и бомб и испытывавшему недостаток в квалифицированной рабочей силе в количестве более 2 тыс. человек.

Острый недостаток в рабочей силе испытывал и Урал, где уже первая мобилизация вырвала из рядов рабочего

---

¹ См. «Промышленность и торговля» № 44, 1916 г.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 98, л. 28—29.

³ «Труды первого съезда военнопромышленных комитетов», стр. 157.

класса до 12% самых квалифицированных и физически полноценных рабочих. В силу этого, как заявил на заседании Особого совещания начальник Главного артиллерийского управления генерал Маниковский, «уральские заводы работают далеко не в полную силу; многое оборудование уже долгое время стоит без действия»¹. Особенно остро ощущался на Урале недостаток в рабочей силе в области заготовки древесного топлива, выжига угля и перевозок горючего, где недокомплект рабочих составил в 1915 г. 30%. То же самое можно сказать и про железные рудники Криворожского бассейна, где не хватало 20% потребного количества рабочих².

В лучшем положении в отношении обеспеченности рабочей силой находились казенные заводы. Хотя в первые месяцы войны мобилизации подвергались рабочие не только частных заводов, но и казенных, но уже в сентябре 1915 г. был принят закон об отсрочках рабочим, работавшим на казенных заводах, и о возвращении из армии тех рабочих, которые были мобилизованы с этих заводов в первые месяцы войны. Помимо того, что рабочие казенных заводов не подлежали больше призыву в армию, эти заводы пополнялись в случае необходимости рабочей силой за счет мобилизованных рабочих-солдат. К 1917 г. на казенных заводах работало 33 тыс. солдат, прикомандированных из воинских частей. Эти солдаты-рабочие, будучи закреплены за казенными заводами, не только лишались права свободного перехода на другие предприятия, но и оплачивались по пониженному тарифу, невзирая на то что многие из них работали на этих заводах раньше и получали зарплату в соответствии со своей квалификацией.

В квалифицированной рабочей силе и особенно в инженерно-технических кадрах русская промышленность и до войны испытывала огромные затруднения. Во время войны эти затруднения еще больше обострились, поскольку наряду с мобилизацией значительных контингентов рабочей силы и части технического персонала на фронт потребность в кадрах рабочей силы и технического персонала в связи с расширением военных производств росла из месяца в месяц. Между тем, не имея возможности покрыть эту потребность за счет внутренних ресурсов, особенно по инженерно-техническому персоналу, подготовка

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 177, л. 161.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 40, л. 22.

которого всячески тормозилась в царской России благодаря действию имущественных и сословных ограничений, царское правительство вынуждено было и в этом вопросе встать на путь кабальной зависимости от иностранных государств, поставлявших русской промышленности «специалистов», а на самом деле часто разведчиков и авантюристов.

Это приводило к тому, что Россия превращалась не только в объект приложения иностранных капиталов, но и в потребителя иностранных, часто сомнительных по качеству инженерно-технических кадров. Царское правительство, боясь просвещения народа, не только не предпринимало никаких мер по созданию национальных инженерно-технических кадров из людей рабочего класса и крестьянства, а всячески мешало этому как в довоенное, так и в военное время.

* *
*

Острый голод в квалифицированных рабочих кадрах некоторые крупные предприятия пробовали преодолеть путем массового рекрутирования неквалифицированной рабочей силы и ускоренного обучения ее соответствующему ремеслу. Эта идея была подхвачена также Военным комитетом научных и технических организаций. По его инициативе летом 1915 г. при некоторых предприятиях были даже организованы технические курсы для подготовки квалифицированных рабочих различных специальностей. На эти курсы предполагалось привлечь в первую очередь квалифицированных рабочих, для того чтобы сделать из них инструкторов, преподавателей по массовой подготовке рабочих кадров.

Однако предприниматели неохотно шли на эти мероприятия. Они не хотели отдавать (хотя бы и на время) свою немногочисленную квалифицированную рабочую силу. На курсы пришлось привлекать исключительно студентов технических учебных заведений. Но и этот вариант не устраивал предпринимателей. Рассматривая студентов как «вольнодумный» и ненадежный элемент, боясь политической агитации и разглашения военно-технических секретов, предприниматели создавали всевозможные преграды допуску студентов на предприятия.

Попытка смягчения остроты проблемы рабочей силы путем внесения элементов «плановости» в распределение

рабочих кадров также не увенчалась успехом. Член Государственной думы Б. А. Энгельгардт при обсуждении вопроса об обеспечении рабочей силой предприятий, работавших на войну, говорил о необходимости организации учета живой силы страны, «чтобы знать, какими запасами этой силы располагаем мы как для пополнения армии, действующей на фронте, так и для обеспечения людским материалом того фронта, который может быть назван фабричным»¹. С этой целью были организованы биржи труда в Петрограде, Минске, Могилеве, Витебске, Смоленске, Орше и в других городах. Но даже такая крупная биржа труда, как Петроградская, не только не могла организовать рациональное использование наличных трудовых резервов, но и дать сколько-нибудь точную фотографию действительного положения дел на рынке труда. В этом признался сам председатель рабочей комиссии при Особом совещании по обороне А. Стишинский, который объяснял провал планового распределения и учета рабочих кадров «несовершенством статистики»².

Биржа труда, выступавшая в роли распределительного центра, могла учесть только незначительную часть спроса и предложения труда и могла выполнять посреднические функции лишь в весьма ограниченной области. Даже такой апологет буржуазно-помещичьего строя, как князь Львов, и тот вынужден был признать, что «системы целесообразного использования остающейся в стране рабочей силы у нас не существует»³ и что роль биржи труда в этом вопросе сводится к фикции. Между тем по наблюдениям прессы и по ее сводкам можно было установить более полную картину спроса и предложения труда, чем по официальным источникам. В частности, по данным Совета съездов представителей торговли и промышленности, в 1915 г. общая потребность в рабочей силе для одного лишь Донецкого бассейна достигала 100 тыс. человек, для Урала — 20 тыс., для Москвы и Петрограда — 10 тыс. человек. Потребность на рабочую силу продолжала повышаться в течение всей войны.

При такой нехватке рабочей силы трудно было рассчитывать на своевременное выполнение срочных зака-

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 179, л. 119.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 179, л. 120.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 179, л. 118.

зов военведа и обеспечение при этом высокого качества продукции. Поэтому Центральный военнопромышленный комитет считал, что «выходом из создавшегося положения должно явиться принятие правительством решительных и срочных мер к изданию в России Особого положения «о военнообязанных рабочих» по примеру декрета, изданного по этому же поводу во Франции, которое обеспечило бы фабрики и заводы устойчивым рабочим элементом путем удовлетворения ходатайств отдельных предприятий о возвращении на первое время хотя бы из тыловых частей армии необходимейших им специалистов-рабочих и служащих, откомандирование коих обратно на фабрики и заводы усилит производительность предприятий по изготовлению предметов снабжения армии»¹.

Еще острее этот вопрос был поставлен на втором съезде ВПК, в резолюции которого не только констатировалось бедственное положение с рабочей силой и не только подчеркивалась необходимость сохранения существующих контингентов рабочей силы (т. е. освобождение их от призыва в армию), но и выдвигалось требование о немедленном «возвращении квалифицированных рабочих из армии»². Требование о демобилизации из армии определенной части квалифицированной рабочей силы поддерживалось не только промышленными кругами и их общественными организациями, но и представителями государственных учреждений. Так, А. Стишинский на заседании Особого совещания от 14 декабря 1916 г. заявил, что в течение первых 17 месяцев войны наша промышленность лишилась весьма значительного числа квалифицированных рабочих. «Между тем общее количество квалифицированных рабочих в России и до войны было недостаточным. При таких условиях наши промышленные предприятия оказались в крайне затруднительном положении и были вынуждены возбуждать ходатайства о возвращении квалифицированных рабочих из армии»³. Однако эти ходатайства, как заявил Стишинский, удовлетворялись далеко не полностью, и поэтому он предложил «в интересах государственной обороны вернуть из действующей армии всех квалифицированных рабочих,

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 96, л. 215.

² «Труды второго съезда военнопромышленных комитетов», стр. 633.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 182, л. 152—153.

за исключением тех, присутствие которых в технических войсковых частях будет признано надлежащей военной властью безусловно необходимым»¹. Но Главное управление генерального штаба (ГУГШ) не хотело отозвать из армии мобилизованных квалифицированных рабочих. В письме начальника генерального штаба на имя начальника ГАУ от 18 февраля 1915 г. указывалось: «Молодые люди являются в высшей степени желательным элементом для пополнения рядов войск».

Свои отказы от возвращения на производство квалифицированных рабочих военное ведомство либо вовсе не мотивировало, либо приводило в их оправдание аргументацию, не выдерживающую никакой критики. Так, в письме начальника генерального штаба на имя Особого совещания (где по настоянию промышленных кругов обсуждался этот вопрос неоднократно) указывалось, что возвращение военнообязанных рабочих из строя признано Верховным командованием армиями недопустимым, «так как подобное возвращение крайне неблагоприятно отзывается на настроении оставшихся в частях и учреждениях их товарищей»². Больше того, начальник генерального штаба в ответ на требования промышленных кругов о возвращении на производство соответствующих категорий квалифицированных рабочих писал в адрес Особого совещания: «Технически подготовленными рабочими предприятия до некоторой степени обеспечены, а чернорабочих в 180 млн. России найти нетрудно»³.

Правда, под давлением обстоятельств, связанных со снабжением армии предметами вооружения, военное ведомство вынуждено было все же пойти на некоторые компромиссы с промышленными кругами и вернуть некоторую часть квалифицированных рабочих на производство. В частности, на предприятиях, работавших на нужды войны, была предоставлена отсрочка от призыва в 1916 г. около 400 тыс. человек. В некоторых случаях военвед пошел дальше: он вернул не только из тыловых, но и из действующих армий некоторое количество специалистов⁴.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 182, л. 155; а также оп. 9, д. 8, л. 59 об.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 96, л. 228; а также оп. 9, д. 8, л. 12.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 96, л. 230.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 96, л. 230.

На такой путь вынуждены были встать и другие государства. В Германии, например, где проблема рабочей силы стояла еще острее, чем в России, было возвращено из армии до 1,2 млн. промышленных рабочих. Французское правительство отозвало из армии и направило в промышленность около 500 тыс. рабочих¹. Но как в России, так и в других воевавших странах возвращение из армии рабочих, в том числе и квалифицированных, проходило с большими трудностями и коллизиями между военными властями и промышленными кругами. «Военные власти выискивали в промышленности таких военнообязанных, которых можно было бы призвать в армию, а промышленники, наоборот, добивались возвращения из армии наиболее ценных рабочих, используя в этом случае любые средства, вплоть до подкупов военного начальства, протекции и т. д.»²

Поскольку попытки возвращения из армии промышленных рабочих не дали значительных результатов, то воевавшие государства вынуждены были прибегнуть к целому ряду других средств, одним из которых была обязательная трудовая повинность. В Германии трудовая повинность была введена в первые же месяцы войны и сопровождалась изданием закона, закрепляющего за предприятиями всех призванных в порядке трудовой повинности мужчин и женщин на все время войны (таким способом Германии удалось восполнить в промышленности до двух третей всех мобилизованных на фронт рабочих).

На этот же путь встала и Россия, где возвращение на производство отдельных категорий рабочих и предоставление промышленным рабочим отсрочек от призыва в армию сочетались с милитаризацией предприятий. В связи с этим режим труда забронированных рабочих менялся коренным образом. Они не могли уйти с одного предприятия на другое без согласия того предприятия, на котором работали. Труд все более принимал принудительный характер. Член Государственного совета Гурко — отъявленный защитник методов военно-феодалной эксплуатации рабочих — доказывал, что подобного рода закрепощение

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 70, л. 93.

² E. Wriesberg, *Heer und Heimat* 1914—1918, 1922, S. 292.

труда является необходимым с точки зрения «интересов обороны»¹. Высказывание Гурко не исключение, оно типично для глашатаев государственно-монополистического капитализма, стремящегося использовать государственное «регулирование» в интересах капиталистических кругов. В данном случае ставилась задача борьбы со свободной миграцией рабочей силы, с требованиями рабочих о повышении зарплаты, с забастовками и т. д.

В угоду монополистическому капиталу, стремившемуся использовать в своих интересах государственное «регулирование», Особое совещание, исходя из практики иностранных государств, а также из соображений борьбы с нехваткой рабочих кадров, решило пойти навстречу предпринимателям и внесло в дело обеспечения предприятий рабочей силой «порядок», связанный в случае необходимости «с принудительностью труда в виде известной натуральной повинности»².

В связи с этим Особое совещание утвердило в октябре 1915 г. специальные «правила об обязательном наряде»³, согласно которым для работы на военных заводах могло привлекаться все трудоспособное население из ближайших местностей, за исключением лиц духовного звания, государственных служащих, учащихся и преподавателей. Пункты 15 и 16 этих «правил» гласят: «Лица, привлеченные к исполнению работ в порядке обязательного наряда, не могут прекращать свое в них участие... без письменного разрешения администрации. Виновные в неисполнении настоящих правил или требований могут быть подвергнуты местным по производству работ губернатором или градоначальником аресту сроком до 3-х месяцев или денежному взысканию до 3 тыс. руб.»⁴

Утвердив эти «правила», Особое совещание встало фактически на путь закрепощения труда. Против этих откровенно крепостнических приемов по «урегулированию» рабочего вопроса выступили даже сами буржуа, которые, выдвинув в качестве фигового листка мотив о

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 181, л. 24.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 181, л. 203 (из выступления члена Государственного совета Ф. Иванова на заседании Особого совещания от 2 ноября 1916 г.).

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 181, л. 205—208.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 181, л. 207—208.

пользе «свободного творчества», лицемерно «доказывали» вредность принудительных мер, какими они считали закрепление рабочих за предприятиями, милитаризацию предприятий и другие меры, связанные с «режимом принуждения и высшей регламентацией»¹. На самом деле эти возражения были чистой демагогией, направленной на то, чтобы отвлечь внимание рабочего класса от хищнических планов буржуазии, заинтересованной больше, чем кто-либо, в обеспечении своих предприятий дешевым трудом, в его эксплуатации и в увеличении своих капиталов.

Прикрываясь демагогическими рассуждениями об интересах «государственной обороны» и о необходимости выполнения срочных военных заказов, буржуазия шла не только на указанные выше формы принудительного труда, но и на отмену всяких ограничений в эксплуатации женского и детского труда. Именно об этом говорит издание в 1915 г. по настоянию промышленников двух законов, из коих один (от 9 мая 1915 г.) отменял запрещение ночных и подземных работ для лиц женского пола и малолетних рабочих, не достигших 15-летнего возраста, а второй закон (от 1 октября 1915 г.) предоставлял министру торговли и промышленности право разрешать отступление от требований закона о работе малолетних, подростков и женщин, занятых в производствах, работающих на войну.

Однако ни принудительные формы вербовки рабочей силы, ни частичные акты по возвращению отдельных категорий рабочих на производство и закрепление их за производством, ни даже самые грубые формы эксплуатации труда путем введения ночных и сверхурочных работ и т. д. не ослабили и, тем более, не устранили начавшегося в годы войны падения промышленного производства, одной из важнейших причин которого был кризис в обеспечении квалифицированной рабочей силой. Это обстоятельство заставило промышленные круги царской России принять ряд дополнительных мер по смягчению остроты этого кризиса за счет количественного возмещения потерь квалифицированной рабочей силы путем ее суррогатирования, т. е. вовлечения в промышленное производство

---

¹ См. статью проф. С. Мигулина в ежегоднике «Речи» за 1915 г., а также статью члена Государственной думы А. Шингарева в кадетской газете «Речь» № 184, 1915 г.

женского и детского труда, труда военнопленных, беженцев и т. д.

Беженцы. Резервуаром, из которого предполагалось черпать значительные кадры дешевой рабочей силы, являлось население, бежавшее из районов, которым угрожало вторжение немцев. Волна беженцев нарастала с каждым месяцем войны и особенно усилилась в связи с отступлением русской армии. Созданный правительством комитет (так называемый Татьянинский комитет помощи жертвам войны) подсчитал, что число беженцев всего лишь за два года войны составило около 6 млн. человек, из коих на 1915 г. приходилось 2,6 млн. и на 1916 г. — 3,3 млн. человек.

Комитет помощи беженцам, так же как и соответствующие министерства и, в частности, Министерство внутренних дел, ставил своей задачей не только оказание беженцам продовольственной и санитарной помощи, но и использование их в качестве рабочей силы. Причем привлечение беженцев к работе не всегда базировалось на их добровольном согласии. Было немало случаев, когда они привлекались к работе любого характера в полупринудительном и принудительном порядке.

Беженцы, отказавшиеся от работы в промышленных предприятиях, рассматривались как «лентяи, не желавшие своим участием в труде окупить тот продовольственный паек, который они получали от правительственного комитета». Применялось экономическое давление: в случае отказа от работы беженцев лишали продовольственного снабжения. Комитеты, призванные защищать интересы беженцев, хотя и жаловались на низкую зарплату беженцев, работавших на предприятиях, тем не менее заявляли, что не может быть и речи об уклонении беженцев от труда на нужды войны.

Под предлогом заботы о «трудовом устройстве» беженцев на них была организована по существу своеобразная охота, которой занимались не только агенты промышленных предприятий, но и всякого рода общественные и благотворительные организации типа Татьянинского комитета, которые, живя подачками промышленных корпораций, старательно выполняли их заказ по «трудовому устройству» беженцев. Бюро труда по устройству беженцев на работу, учрежденные при земских и городских комитетах, при Татьянинском, Еврейском, Польском и других

комитетах помощи беженцам, пачали даже конкурировать между собой по устройству их на работу. В результате конкуренции между указанными комитетами стала понижаться заработная плата не только беженцев, но и других категорий рабочих, что вызвало у последних резкое неудовольствие беженцами и их «устроителями».

Но, несмотря, однако, на низкую оплату труда беженцев, работу для них, особенно подходящую, не всегда можно было найти. Объясняется это тем, что значительная, если не подавляющая часть беженцев не могла быть использована в промышленном производстве, так как не обладала нужной квалификацией. Подавляющая часть беженцев, происходившая из крестьян, торговцев, ремесленников и лиц свободных профессий, была использована в учреждениях, в сельском хозяйстве и в торговых предприятиях. В промышленность попало не больше 250—300 тыс. человек. Неудачу с вовлечением в промышленное производство беженцев признал военнопromышленный комитет при Московском биржевом комитете, который в письме на имя председателя Особого совещания от 6 июля 1915 г. писал: «Попытки привлечения в промышленные предприятия рабочих-беженцев пока не увенчались успехом, так как этот элемент при первой возможности уезжал обратно, причем незнание беженцами языка, непригодность их к местным условиям служат серьезным препятствием к массовому найму таких рабочих»¹.

Военнопленные. Голод в рабочей силе заставил правительственные и промышленные круги прибегнуть к использованию и такой дешевой и массовой рабочей силы, как военнопленные. Вопрос об использовании труда военнопленных не раз обсуждался на заседаниях Особого совещания по обороне. В частности, на заседании от 10 декабря 1916 г. был заслушан специальный доклад представителя генштаба, в ведении которого находились военнопленные.

В этом докладе указывалось, что «первоначально требования на труд военнопленных поступали от промышленности сравнительно редко. В дальнейшем, в связи с увеличением недостатка рабочих рук в стране явилась необходимость более планомерного распределения труда воен-

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 96, л. 215.

попленных»¹. Особенно эта необходимость была продиктована обострившейся летом 1916 г. потребностью в рабочей силе на фабриках и заводах, обслуживающих войну. Для удовлетворения этой потребности было решено «снять некоторое количество пленных с сельскохозяйственных работ». Количество это было определено Советом министров в 30%².

Количество военнопленных, используемых на работах в промышленности, возрастало из года в год. На 1 октября 1915 г. количество пленных в сфере промышленного производства доходило до 100 тыс. человек. В 1916 г. эта цифра увеличилась еще на 120 тыс. человек. Пополнение промышленности за счет труда военнопленных привело к тому, что на некоторых предприятиях Урала работало больше военнопленных, чем русских. Так, в Богословском округе из 33 тыс. рабочих русских было только 12 тыс., остальные — военнопленные (17 тыс.), корейцы и китайцы (4 тыс.). Еще в 1915 г. число военнопленных у мартеновских печей в качестве чернорабочих не превышало 3—4%, а летом 1916 г. их насчитывалось у тех же печей, но уже не только на вспомогательных, но и на основных работах 48—50%³.

Несмотря на то что производительность труда военнопленных была по расчетам ЦВПК намного ниже, чем у русских рабочих, предприниматели охотно использовали их труд, поскольку он оплачивался по пониженным расценкам. Крупный московский металлозаводчик Гужон настаивал даже на введении всеобщего принудительного труда военнопленных. В своем выступлении на заседании МВПК от 17 февраля 1916 г. он требовал, в частности, не только более широкого использования труда военнопленных, но и прекращения выдачи им пищи в случае их отказа от выполнения работ⁴.

Наряду с использованием труда военнопленных некоторым источником пополнения русской промышленности рабочей силой в годы войны были *иностранные рабочие*, привлекаемые в порядке «вольного» найма. Вопрос о привлечении в промышленность иностранных рабочих

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 182, л. 127—128.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 8, л. 128.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 8, л. 282—283.

⁴ «Известия Московского военнопromышленного комитета», № 15—16, 1916 г., стр. 97.

(персов, китайцев и корейцев) был предметом специального обсуждения в правительственных сферах. Однако никаких радикальных мер по нему не было принято. Совет министров, обсуждавший этот вопрос по представлению Особого совещания по обороне, ограничился принятием резолюции, предлагавшей промышленникам самим озаботиться вербовкой иноземных рабочих, послав за ними своих агентов. В этой связи было решено отменить для означенной категории рабочих некоторые паспортные формальности¹. Китайцы, которые во время войны были использованы в уральской и южно-русской промышленности, начали появляться и на предприятиях Петрограда. Однако там они насчитывались единицами.

Наиболее массовым источником пополнения армии промышленных рабочих был *женский и детский труд*. Вследствие дешевизны женского и детского труда, а также выгоды его эксплуатации капиталисты охотно прибегали к массовому вовлечению в производство труда женщин и детей. Для капитала это не ново. Женский и детский труд, говорит Маркс, был первым словом капиталистического применения машин². О динамике вовлечения в промышленное производство женского и детского труда рассказывает следующая таблица³:

Годы	% мужчин к общему числу рабочих	В том числе			% женщин к общему числу рабочих	В том числе		
		взрослых	подростков	малолетних		взрослых	подростков	малолетних
1913	61,3	91,5	7,1	1,4	38,7	88,5	9,7	1,8
1914	60,5	91,1	7,6	1,3	39,5	88,6	9,6	1,8
1915	58,5	90,2	8,3	1,5	41,5	88,2	10,1	1,7
1916	56,4	89,4	8,8	1,8	43,6	88,4	9,6	2,0
1917	56,6	90,1	8,0	1,9	43,4	89,1	8,9	2,0

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 106, л. 317.

² См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр 400.

³ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 50.

Из этих данных мы видим непрерывное, из года в год нарастающее увеличение доли женского труда, труда подростков и даже малолетних. Процент женщин (всех возрастов) в общем количестве промышленных рабочих поднялся с 38,7 в 1913 г. до 43,4 в 1917 г. Если же взять только взрослых женщин, без детей и подростков, то удельный вес их труда в промышленности России увеличился с 31,2% в 1913 г. до 41% в 1917 г.¹

Рассмотрим изменения, происшедшие в составе рабочей силы по отдельным отраслям промышленности, в частности металлообрабатывающей, химической и хлопчатобумажной².

	1913 г.			1917 г.		
	металло- обраба- тывающая	хими- ческая	хлоп- чатобу- мажная	метал- лообра- баты- вающая	хими- ческая	хлоп- чатобу- мажная
% рабочих мужчин к общему числу рабочих	83,9	63,5	45,0	77,9	58,3	33,8
% рабочих-женщин к общему числу рабочих	11,1	36,5	55,0	22,1	41,7	66,2

Из таблицы видно, что за годы войны повысился процент женщин во всех указанных отраслях промышленности. При этом следует заметить, что, если по промышленности в целом удельный вес женщин по отношению к общей численности рабочих возрос в 1917 г. до 43,4% против 38,7% в 1913 г., то в отдельных отраслях этот рост составил: в металлообрабатывающей — с 11,1% в 1913 г. до 22,1% в 1917 г., в хлопчатобумажной — соответственно с 55% до 66,2%, в деревообрабатывающей — с 11,4 до 20,8%, в полиграфическом производстве — с 15,6 до 33,7% и т. д.

¹ См. «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», Труды ЦСУ, т. VII, вып. I, М. 1921, стр. 4, 34, 38.

² См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 100.

Наиболее показательна динамика роста женского труда в металлообрабатывающей и особенно в машиностроительной промышленности, где до войны женский труд применялся в ничтожных размерах. Если 1913 г. взять за 100%, то общее количество женщин, занятых в годы войны в отдельных отраслях промышленности (по состоянию на 1917 г.), составит: в металлообрабатывающей промышленности — 260,6% (в том числе в машиностроительной — 598,7%), в кожевенно-меховой — 249,1%. В хлопчатобумажной промышленности, где всегда преобладал женский труд, количество женщин в годы войны составило 115,5%, или увеличилось всего лишь на 15,5%¹.

Возьмем промышленность Петрограда, которая занимала в общепромышленном производстве страны одно из первых мест. Несмотря на затруднительность применения женского труда в ряде отраслей промышленности, особенно в металлообработке и деревообработке, замена мужского труда женским происходила здесь в весьма крупных размерах. По данным «Статистики труда», на 1 января 1914 г. в числе рабочих, занятых обработкой металла, было 3,2% женщин, а на 1 января 1917 г. их было уже 20,3%.

В других отраслях промышленности Петрограда, в которых замена мужского труда женским была менее затруднительной, пополнение рабочей силы за счет женщин происходило еще более интенсивно. Так, например, в полиграфическом производстве на 1 января 1914 г. было занято 19,8% женщин, а на 1 января 1917 г. — 45,3%. В составе рабочих, занятых обработкой животных продуктов, женщин до войны было 22,1%, а на 1 января 1917 г. их стало 42,8%.

Исключение составляла нефтяная промышленность, в которой женский труд почти не нашел применения. По крайней мере в 367 нефтедобывающих предприятиях с числом рабочих в 34,4 тыс. человек было зарегистрировано всего 10 женщин, что, помимо всего прочего, объяснялось особенностями Кавказа, где женский труд вообще редко применялся в промышленном производстве.

---

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 98.

Усиленное вовлечение женского труда в промышленность России дополнялось не менее усиленным вовлечением труда малолетних и подростков. По данным К. А. Пажитнова, удельный вес этого вида труда возрос в текстильном и швейном производстве с 11,2% в 1914 г. до 14% в 1916 г., в производствах по обработке дерева — соответственно с 6,2 до 12,1%, в писчебумажном производстве — с 13,6 до 17,1%, в пищевом и табачном производстве — с 7,3 до 10,7% и т. д.¹ Таким образом, рост женского труда в промышленности России как по удельному весу в общей численности рабочих, так и по динамике является характерной чертой военной экономики России, вставшей на путь суррогатирования и массовой замены квалифицированного труда неквалифицированным, трудом женщин, малолетних и подростков, трудом хотя и малопродуктивным, но дешевым.

Использование этого вида труда было характерно, между прочим, не только для России, но и для других стран, участвовавших в первой мировой войне. Так, в столице Шотландии Глазго на фабриках, изготовлявших порох для гранат, 94% рабочих были женщины². Аналогичное положение наблюдалось и во Франции, где до войны на предприятиях, работавших на военные нужды, было всего лишь 4800 женщин, а в декабре 1917 г. насчитывалось уже 400 тыс.³, и т. д.

* *
*

Массовое применение женского, детского и других видов малоквалифицированного труда, несомненно, способствовало стабилизации баланса рабочей силы. В целом по России количество промышленных рабочих составило в 1917 г. 118,2% к уровню 1913 г.⁴ В железнорудной промышленности он доходил до 100%, а по отношению к уровню 1914 г. — до 123% (с 1914 по 1916 г. число рабо-

---

¹ См. его книгу «Положение рабочего класса в России», Л. 1924, стр. 33.

² См. Г. И. Шигалин, Подготовка промышленности к войне, стр. 157.

³ См. «Мобилизация промышленности в иностранных государствах». Сб. статей, вып. 1, 1924, стр. 20.

⁴ См. «Вестник статистики», кн. XIV, стр. 124.

чих в этой отрасли промышленности увеличилось на 66,2 тыс человек) ¹.

На предприятиях южной металлургии численность рабочих в связи с массовым вовлечением в производство военнопленных, женщин и подростков увеличилась с 87 500 человек по состоянию на 1 августа 1914 г. до 129,8 тыс. человек по состоянию на 1 октября 1916 г. При этом на долю военнопленных, подростков и женщин приходилось до 48% всей численности рабочих этой отрасли промышленности ². На пяти крупных предприятиях южной металлургии, входивших в состав «Продамета», общая численность рабочих увеличилась к концу 1916 г. по сравнению с довоенным уровнем на 12 тыс. человек (с 25 тыс. до 37 тыс.). Причем это увеличение произошло, так же как и в целом по южной металлургии, в основном за счет военнопленных, женщин и отчасти беженцев, составивших в общей массе вновь принятых рабочих более 60% ³. Такое же положение можно было наблюдать в горнорудной и в металлургической промышленности Урала.

В целом по металлургической промышленности России динамика соотношения числа предприятий и количества рабочей силы представляется в таком виде ⁴:

Годы	Всего предприятий	Количество рабочих (в тыс. человек)
1914	223	280,6
1915	223	295,8
1916	223	343,9
1917	219	427,5

О том же свидетельствуют данные о каменноугольной промышленности юга России, где контингент рабочих в связи с массовым вовлечением в производство менее полноценных видов труда увеличился в 1916 г. до 235 975 человек против 202 960 в 1914 г., или на 33 тыс. человек. Причем среди рабочих каменноугольной промышленности

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 40, л. 157—158.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 23, л. 248; д. 9, л. 186, 194.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 31, л. 185.

⁴ См «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 90—91.

юга России военнопленные, женщины и подростки составляли летом 1916 г. 33,7%¹. Это, разумеется, не могло не способствовать ухудшению качественного состава рабочей силы, понижению ее квалификационного уровня. Примером может служить металлургическая промышленность Екатеринославского района, где доля квалифицированного труда снизилась с 70,2% в 1913 г. до 46,3% в 1916 г., а доля неквалифицированного труда повысилась соответственно с 29,8% до 53,7%².

Об этом же говорят и данные массового обследования заработной платы за 1914—1916 гг., проведенного по всей петроградской промышленности³. Хотя квалификационный уровень рабочих на предприятиях Петрограда и был выше, чем в среднем по всей промышленности России, тем не менее эти данные могут служить подтверждением все

**Падение квалификации рабочих в Петрограде за два года войны
(квалификация взрослого мужчины-чернорабочего = 100)**

Группы рабочих	Июнь 1914 г.	Июнь 1916 г.	Квалификационный уровень 1916 г. в % к 1914 г.
Взрослые мужчины	141,1	144,4	98
» женщины	75,0	62,9	84
Подростки-мужчины	64,7	64,5	99
» женщины	58,8	41,1	70
Малолетние обоюго пола	38,8	28,4	84
Все рабочие	111,0	100,3	90
<i>В том числе по производствам:</i>			
1. Металлисты	172,1	142,7	83
2. Химики	107,4	86,9	81
3. Текстильщики	84,5	61,7	73
4. Минеральщики	80,2	48,3	60
<i>По профессиям:</i>			
1. Токари	286,0	253,3	88
2. Слесари	223,5	197,5	88
3. Прядильщики	144,9	113,7	79
4. Ткачи	97,8	67,3	79

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 9, л. 186, 194, а также оп. 15, д. 8, л. 281.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 30, л. 17.

³ См. С. Г. Струмилин, Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913—1922 гг., М 1923, стр. 15—16.

той же определенно наметившейся тенденции резкого снижения квалификационного уровня рабочих в годы войны.

В приведенной на предыдущей странице таблице в качестве единицы квалификации принята квалификация взрослого мужчины-чернорабочего и по отношению к ней выведены коэффициенты для различных категорий рабочих (исходя из сравнительной расценки за урочный час).

Из таблицы видно, что снижение квалификационного уровня рабочих в петроградской промышленности, имевшее место вследствие замены в больших масштабах мужского труда женским и детским, равняется в среднем 10%. Наиболее резко снизилась квалификация рабочих на производствах, которые не были непосредственно связаны с обслуживанием военных действий: на текстильном — на 27%, на кирпичном — на 40%. Показательно, что квалификация рабочих-мужчин снизилась только на 2%, в то время как квалификация женщин-работниц снизилась по сравнению с довоенным уровнем на 16%, а женщин-подростков — на 30%. Что касается металлистов, работавших преимущественно на обслуживание нужд войны, то здесь в результате проведенных мобилизаций квалификационный уровень понизился в целом на 17%, а по группе токарей и слесарей — на 12%.

Само собой разумеется, что взятая за 100 квалификация взрослого мужчины-чернорабочего не является абсолютно точным и непогрешимым критерием, ибо чернорабочие не оставались на одном и том же квалификационном уровне. Кроме того, труд чернорабочих одних производств не равен по напряженности труду чернорабочих других производств. Известно, что в металлообрабатывающих предприятиях, где переноска тяжестей требует более сильного состава чернорабочих, зарплата этой категории рабочих всегда была выше, чем в отраслях легкой промышленности. И поскольку процент металлистов заметно возрос в период войны, то и средняя квалификация чернорабочего могла несколько подняться. Такое измерение качественных сдвигов в составе рабочей силы является, как уже отмечалось выше, весьма условным. Но, к сожалению, других, «безусловных» критериев мы не обнаружили, да и вряд ли их можно обнаружить, поскольку известно, что измерение сложного труда с помощью простого является с методологической точки зрения наиболее общим, а вместе с тем и наиболее пра-

вильно отражающим изменение квалификационного уровня рабочих.

Вызванные войной разрушительные процессы не только пагубно отражались на качественном составе рабочей силы и на ее квалификационном уровне, но и способствовали общему снижению стоимости рабочей силы в связи с начавшейся инфляцией и ростом цен на средства существования. Средства существования (необходимые для воспроизводства жизненной энергии рабочих) приходилось приобретать рабочим в условиях все увеличивающегося выпуска бумажных денег, обесценение которых обгоняло (особенно начиная с первой половины 1917 г.) любое повышение номинальной зарплаты. Это «соревнование» в темпах роста номинальной зарплаты и стоимости средств существования приводило к резкому ухудшению условий, влияющих на уровень производительности труда.

Таким образом, выходит, что:

а) мобилизация на фронт значительных контингентов квалифицированной и в физическом отношении наиболее полноценной рабочей силы весьма болезненно отразилась на рынке труда, где спрос на рабочую силу значительно опережал предложение;

б) превышение спроса над предложением заставило предпринимателей пойти на привлечение в промышленность неквалифицированной и физически менее полноценной рабочей силы из числа женщин, подростков, военнопленных и т. д.;

в) увеличение численности рабочей силы за счет неквалифицированных и в физическом отношении менее полноценных кадров способствовало не только деформации качественного состава рабочей силы, но и понижению производительности труда;

г) вместе с этим нужно отметить, что понижение реальной зарплаты русского рабочего (несмотря на рост номинальной) в немалой степени способствовало падению производительности труда.

Снижение среднего уровня квалификации рабочих, резкое ухудшение их материального положения, в частности ухудшение питания, низкий уровень общественной организации производства и состояния науки и техники, свидетельствовавший о технико-экономической отсталости дореволюционной России, вызвали в годы войны общее

падение производства и понижение производительности труда при одновременном росте численности рабочей силы.

С общетеоретической точки зрения снижение производительности труда есть не что иное, как увеличение затрат живого и овеществленного труда на производство единицы продукции. «... Чем ниже производительные силы труда, — указывает Маркс, — тем меньше продукта изготовляется за одинаковое время... тем больше труда затрачивается на одно и то же количество продукта и тем, следовательно, выше его стоимость». Наоборот, «чем выше производительные силы труда, тем больше продукта изготовляется в данное рабочее время... тем меньше труда затрачивается на данное количество продукта и, следовательно, тем меньше стоимость продукта»¹. Другими словами: «Повышение производительности труда заключается именно в том..., что общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается»².

Посмотрим, как конкретно обстояло дело с производительностью труда в русской промышленности в годы войны. Если взять выработку на одного рабочего по всей промышленности России, то в 1917 г. она составила к уровню 1913 г. всего лишь 85,3%³. Представляет интерес рассмотрение динамики производительности труда в отдельных ведущих отраслях русской промышленности — каменноугольной, металлургической, машиностроительной, химической, текстильной.

Производительность труда в *каменноугольной промышленности*, несмотря на огромный спрос на продукты ее производства, падала из года в год. Так, например, среднемесячная выработка одного рабочего в угольной промышленности юга России выражалась в следующих цифрах⁴:

1914	1-е полугодие	753 пуда
	2-е »	757 »
1915	1-е »	779 »
	2-е »	733 »
1916	1-е »	655 »
	2-е »	507 »

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 380—381.

² К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 271.

³ См. «Вестник статистики», кн. XIV, стр. 125.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 8, л. 282—283

В каменноугольной промышленности юга России производительность труда резко отставала от роста численности рабочей силы, о чем свидетельствуют данные о добыче угля в мае и сентябре 1915 и 1916 гг.¹

Годы	Май		Сентябрь	
	добыча (в млн. пудов)	количество рабочей силы (в тыс. человек)	добыча (в млн. пудов)	количество рабочей силы (в тыс. человек)
1915	135	175	138	190
1916	140	220	148	247
1916 в % к 1915	103,7	125,7	107,2	130,0

Из этой таблицы видно, что при увеличении численности рабочей силы в мае и в сентябре 1916 г. на 25—30% (против соответствующего периода 1915 г.) добыча угля увеличилась за этот отрезок времени всего лишь на 3—7%. В докладе от 16 августа 1916 г. на имя председателя Совета министров министр путей сообщения указывал, что, несмотря на некоторое увеличение добычи угля в 1916 г. по сравнению с 1915 г., она все же значительно отстает от потребностей страны. Пытаясь проанализировать причины отставания добычи угля от возросших потребностей на него, министр указывал, что «главная причина падения добычи топлива за последнее время — это недостаток рабочих и низкая производительность труда»².

Что производительность труда на угольных копях была низкой, это верно, но, что угольные копи испытывали недостаток в рабочей силе, это не совсем так. Недостаток в рабочей силе ощущался в угольных районах страны лишь в первый период войны в связи с призывом в армию значительного контингента рабочих. В дальнейшем же в связи с распространением на угольную промышленность отсрочек от призыва в армию, возвращением из армии некоторой части квалифицированных рабочих, а также массовым вовлечением в производство женского труда и труда военнопленных численность рабочих возрастала из года в год.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 150, л. 7, а также оп. 9, д. 40, л. 193.

² «Торгово-промышленная газета» № 15, 1917 г.

Так, в Донецком бассейне среднemesячное число рабочих на антрацитовых и каменноугольных копях выросло с 168,5 тыс. человек в 1913 г. до 291,5 тыс. человек в 1917 г., а добыча угля в расчете на одного рабочего падала из года в год. Это подтверждается следующими данными о соотношении общей добычи угля, численности рабочей силы и производительности труда, выведенными за все годы войны ¹:

Годы	Добыто угля (в млн. пудов)	Среднее число рабочих		Месячная производительность рабочего	
		в тыс.	в %	в пудах	в %
1913	1 543,8	168,5	100,0	764	100,0
1914	1 683,6	185,8	110,0	755	98,0
1915	1 626,6	180,6	107,0	751	98,0
1916	1 751,0	235,0	139,0	622	81,4
Январь 1917	156,0	291,5	172,8	534	60,8

Из этих данных мы видим, что в январе 1917 г. число рабочих увеличилось на 72,8%, а производительность труда снизилась на 39,2%. Эта же тенденция наблюдалась и в Уральском угольном бассейне, где при численном увеличении контингента рабочих с 7,2 тыс. человек в 1913 г. до 16,2 тыс. человек в 1917 г. (т. е. более чем на 100%) среднemesячная добыча угля на одного рабочего понизилась за указанный отрезок времени с 847 пудов до 524 пудов, или на 38,7%.

Падение производительности труда в угольной промышленности, равно как и общее понижение угледобычи в стране, обусловлено было не недостатком рабочей силы, на что ссылались обычно предприниматели и их агенты, а целым рядом экономических и производственно-технических причин, из коих в первую очередь можно назвать снижение качественного состава рабочей силы. Так, например, на 1 января 1917 г. из общего числа рабочих в 291,5 тыс. человек на военнопленных приходилось 74 тыс., а на женщин и подростков — 30 тыс. В совокупности они составляли около 40% всей численности рабочих угольной промышленности.

¹ См. «Народное хозяйство в 1916 году», вып. III, стр. 66; «Известия Особого совещания по топливу» № 7, 1917 г., стр. 19.

На уровень производительности труда в камешно-угольной промышленности оказывали огромное влияние и такие факторы, как: а) ухудшение технического оснащения каменноугольных копей в связи с использованием предпринимателями не по назначению средств, предназначенных для восстановления и расширения амортизированного основного капитала; б) затруднения, «вызванные общей разрухой и отсутствием... снабжения угольных бассейнов всеми необходимыми продуктами продовольствия и материалами»¹; в) ухудшение материально-бытовых условий рабочих, в частности резкое понижение реальной зарплаты, не покрывавшей прожиточного минимума и приводившей (как в этом признавалась сама буржуазная печать) «к общей усталости рабочих, их изнурению, дополняемому плохим питанием, отсутствием отпусков и т. д.»²

Последнее обстоятельство подтвердил также и министр торговли и промышленности князь Шаховской, который, несмотря на свою рабскую преданность магнатам финансового капитала, вынужден был заявить на экономическом совещании членов Государственного совета 25 марта 1915 г., что главнейшей причиной падения производительности Донецкого угольного бассейна и нежелания рабочих идти на шахты является «низкая заработная плата». Объехав почти все шахты Донбасса, Шаховской убедился, что «в то время как цена на уголь поднялась почти на 100%, зарплата повысилась всего лишь на 0,5%»³. Выражая беспокойство по поводу огромного разрыва между возросшей ценой на добываемый рабочими уголь и ценой их рабочей силы, Шаховской думал, конечно, не о благе рабочих, а о катастрофическом снижении производительности их труда.

Действительное положение дел было еще хуже: при мизерном повышении зарплаты цены на многие предметы жизненной необходимости поднялись на 50% и выше. Тяжелые материальные условия плюс неудовлетворительное жилье приводили к тому, что многие квалифицированные рабочие уходили в деревню. Это особенно коснулось тех промышленных районов, рабочая сила которых комплектовалась за счет прилегающих сельскохозяйствен-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 14, д. 33, л. 15—16.

² «Вестник финансов» № 50, 1917 г.

³ «Русские ведомости», 26 марта 1915 г. Приложение к № 68.

ных районов, куда рабочие уходили обратно при любом подходящем случае. К таким промышленным районам принадлежал, в частности, и Донбасс, значительная часть рабочих которого была связана со своим хозяйством в деревне и работала на шахтах преимущественно в свободное от сельскохозяйственных работ время.

Следует отметить, что падение производительности труда в русской каменноугольной промышленности и связанное с этим общее понижение угледобычи в стране было характерно не только для России, но и для других стран, понижающаяся тенденция угледобычи в которых определялась примерно теми же причинами, что и в России. О конкретном проявлении этой понижающейся тенденции говорят следующие данные, взятые за первые два года войны по четырем крупнейшим странам мира (в млн. пудов) ¹.

Страны	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Германия	17 032	14 987	14 352
Великобритания	17 820	16 470	15 698
Франция	2 450	1 818	1 240
США	31 266	28 230	29 450

Но если снижение угледобычи в Англии, Германии и США отразилось преимущественно на экспорте угля, не затронув почти норм потребления угля внутри страны, то в России, наоборот, снижение добычи угля резко отразилось на балансе внутреннего потребления, содействовало росту диспропорций между добычей угля и возросшими потребностями на него со стороны всех сфер материального производства.

В *металлургической промышленности* падение производительности труда приняло еще большие размеры, чем в каменноугольной и нефтяной ². Среднегодовая выра-

¹ См. «Промышленность и торговля» № 7, 1917 г., стр. 159.

² По данным К. А. Пажитнова, выработка на одного рабочего в основном нефтепромышленном районе страны — Бакинском составила: в 1915 г. — 14 800 пудов, в 1916 г. — 14 900, в 1917 г. — 12 800 пудов против 16 300 пудов в 1913 г. (См. его книгу «Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности», М.—Л. 1940, стр. 162.)

ботка на одного рабочего составляла в 1917 г. во всей металлургической промышленности всего лишь 41 % от выработки 1913 г. Динамика производительности труда в этой отрасли промышленности выглядит в стоимостном выражении следующим образом ¹:

Число учтенных предприятий	Среднегодовая выработка на 1 рабочего (в довоенных рублях)				
	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
35	1 421	1 358	1 207	1 226	583

Наряду с этим возросли затраты материалов на единицу выработанной продукции. Если до войны на производство одного пуда чугуна расходовалось 1,2 пуда кокса, то в период войны в связи с изменением качественного состава рабочей силы и ухудшением качества кокса расходовалось 1,5 пуда. В южной металлургии, где увеличение численности рабочей силы не избавило промышленность от падения общей выработки и выработки на одного рабочего, положение в годы войны обострялось следующим образом ²:

Годы	Годовое производство чугуна (в млн. пудов)	Число рабочих (в тыс. человек)	Выработка на 1 рабочего (в пудах)
1914	186,2	89,5	2 080,0
1915	167,5	89,0	1 882,0
1916	176,2	106,0	1 653,0
1917	137,5	137,0	1 004,0

Из таблицы видно, что при увеличении в 1917 г. численности рабочих почти на 45 % общая выплавка чугуна понизилась на 28 %, а выработка на одного рабочего сократилась еще больше — на 50 % по сравнению с уровнем 1914 г.

Причиной такого резкого сокращения производства металла явилось не только падение выработки на одного рабочего вследствие понижения качественного состава

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 174—175.

² Подсчитано по данным: «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», М. 1921, стр. 80; «Народное хозяйство в 1916 году», вып. VII, стр. 89.

рабочей силы, но и ухудшение оборудования на металлургических заводах, а иногда и сокращение количества действующих доменных и мартеновских печей, прокатных станков и т. д. Так, по данным Особого совещания, в 1916 г. из-за отсутствия топлива бездействовало 46 печей, а в 1917 г. — около 100. В связи с этим Центральный военнопromышленный комитет вынужден был признать, что при сложившейся конъюнктуре вопрос стоит не столько об увеличении выплавки чугуна и производства металла, сколько о сохранении производства «на нынешнем уровне»¹.

Но сохранение производства металла «на нынешнем уровне», составлявшем против 1913 г. всего лишь 73%, а по выработке на одного рабочего и того меньше — 50%, не могло спасти положения и, тем более, улучшить его. Падение производства в этой отрасли промышленности, ознаменовавшее собой начало общепromышленной деградации и подрыв и без того слабого военнопromышленного потенциала страны, ударило прежде всего по таким отраслям, как металлообработка и машиностроение, которые являются главными и первоочередными потребителями чугуна, железа и стали.

В телеграмме председателя общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района говорилось: «всем московским механическим заводам не хватает чугуна»². Вследствие этого металлообрабатывающие и машиностроительные заводы Московского района вынуждены были в 1916 г. и особенно в начале 1917 г. работать только в одну смену и с нагрузкой не более 70% их производственной мощности. Этот низкий процент использования производственной мощности заводов объясняется наряду с недостатком квалифицированной рабочей силы нехваткой соответствующих видов сырья (низкоуглеродистая сталь для изготовления снарядов и высокоуглеродистая сталь для изготовления инструментов).

Но работа металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности определяется не только степенью загрузки ее производственных мощностей, наличием металлического сырья и т. д., но и уровнем производительности труда, зависящим от целого ряда экономиче-

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 8, л. 286.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 51, л. 107.

ских и производственно-технических факторов. Приведем некоторые данные, характеризующие уровень среднегодовой выработки на одного рабочего на предприятиях металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности России в 1913—1917 гг.¹:

Отрасли промышленности	Число учтенных предприя- тий	Среднегодовая выработка на 1 рабочего (в руб.)		
		1913 г.	1916 г.	1917 г.
Машиностроительная . . .	120	1 823	2 555	1 632
Металлообрабатывающая .	110	3 319	4 246	2 446

В указанных отраслях промышленности выработка на одного рабочего, превысившая в 1916 г. уровень 1913 г., резко снизилась в 1917 г. и составила: по машиностроению — 89,5% к уровню 1913 г. и 63,9% к уровню 1916 г., по металлообрабатывающей промышленности соответственно — 73,9 и 57,6%.

Немалую роль в понижении производительности труда сыграли износ оборудования, а также изменения в качественном составе рабочей силы, что было общим явлением для всех отраслей промышленности.

В химической промышленности производительность труда снизилась почти по всем производствам, за исключением производства взрывчатых и дубильно-красящих веществ, где уровень производительности труда 1913 г. был несколько превзойден в 1917 г. О динамике производительности труда в химической промышленности можно судить по следующим данным²:

Основные отрасли производства	Число предприя- тий	Среднегодовая выработка на 1 рабочего (в довоенных рублях)		
		1913 г.	1916 г.	1917 г.
<i>По всей химической промышленности</i>	123	5 729	7 590	5 260
1. Производство неоргани- ческих кислот	11	4 019	2 911	1 634

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 174—177.

² См. там же, стр. 176—177.

Продолжение

Основные отрасли производства	Число предприятий	Среднегодовая выработка на 1 рабочего (в довоенных рублях)		
		1913 г.	1916 г.	1917 г.
2. Производство газов . . .	2	5 901	2 566	2 184
3. Химическая переработка дерева	9	4 586	4 256	2 313
4. Резиновое производство	3	5 844	5 929	5 001
5. Производство дубильно- красящих веществ . .	19	9 673	21 409	12 841
6. Мыловаренное произ- водство	22	12 907	9 336	6 202
7. Производство химико- фармацевтическое . .	10	4 715	3 771	2 086
8. Производство взрывча- тых веществ	3	7 577	17 673	8 233
9. Спичечное производство	35	1 645	1 206	1 109

Из приведенных в таблице цифр мы видим, что уровень производительности труда в химической промышленности в 1917 г. оказался более низким, чем в 1913 г. Что касается 1916 г., то он был для химической промышленности годом особенно большого напряжения, и мы наблюдаем в этом году некоторое повышение выработки на одного рабочего по сравнению с 1913 г. и особенно по сравнению с 1917 г. Здесь некоторую роль сыграл рост заработной платы, динамика которой видна из следующих данных¹:

Основные отрасли химической промышленности	Годовая зарплата 1 рабочего (в довоенных рублях)		
	1913 г.	1916 г.	1917 г.
<i>По всей химической промышленности</i>	313	373	361
1. Производство неорганических кислот	354	449	278
2. Химическая переработка дерева	290	183	97
3. Резиновое производство	309	377	409
4. Производство дубильно-крася- щих веществ	280	414	249
5. Производство химико-фармацев- тическое	372	354	266
6. Производство взрывчатых ве- ществ	419	415	418

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 134—135.

Из этих данных мы видим, что по всей химической промышленности произошло увеличение зарплаты по сравнению с 1913 г. как в 1916, так и в 1917 г. Между тем среднегодовая выработка на одного рабочего была повышена по сравнению с 1913 г. лишь в 1916 г. А в 1917 г. химическая промышленность показала общее снижение производительности труда, если не считать производства взрывчатых и дубильно-красящих веществ, несколько повысившего производительность труда по сравнению с 1913 г.

Таким образом, между динамикой зарплаты и динамикой производительности труда имела место явная несогласованность — налицо диспропорциональное развитие этих двух крупнейших показателей производства. Более или менее нормальное соотношение этих двух показателей мы наблюдаем в химической переработке дерева и в химико-фармацевтическом производстве, где падение среднегодовой зарплаты в 1916 и 1917 гг. находилось в полном соответствии с падением выработки на одного рабочего. В производстве взрывчатых веществ зарплата находилась в основном в стабильном состоянии, хотя производительность труда значительно превосходила уровень 1913 г. как в 1917 г., так и особенно в 1916 г.

Общий вывод из этих данных таков, что, хотя рост зарплаты, а следовательно, и некоторое улучшение материального положения рабочих играют крупную роль в повышении производительности труда, тем не менее практика развития русской промышленности в период первой мировой войны показала и прямо противоположные факты, факты, связанные с ростом зарплаты и падением производительности труда. Правда, эти факты мы не можем рассматривать как проявление какой-либо определенной закономерности, но они заслуживают того, чтобы их отметить и по возможности объяснить. А объяснить их можно тем, что острый недостаток в рабочей силе вынудил отдельных предпринимателей, выполняявших сверхприбыльные военные заказы, несколько повысить стоимость рабочей силы. Но в силу низкого уровня квалификации большинства вновь принятых рабочих это повышение не вызвало соответственного роста производительности труда.

В текстильной промышленности среднегодовая выработка на одного рабочего также снизилась в большинстве

отраслей, за исключением шерстеобрабатывающего производства и особенно производства по обработке пеньки, где в 1916 г. был превышен уровень 1913 г. В 1917 г. резко сократилась среднегодовая выработка на одного рабочего по сравнению с 1913 г. во всех отраслях текстильной промышленности и особенно в таких, как хлопчатобумажная (на 47,9%), шелкообрабатывающая (на 39,5%), льняная (на 31,5%) и т. д. На отдельных предприятиях падение выработки было еще большим. Так, например, на ситценабивной фабрике Коншина выработка на одного рабочего в 1917 г. понизилась по сравнению с 1913 г. в $2\frac{1}{2}$ раза¹. На фабрике «Тверская мануфактура» производительность труда даже в 1916 г., т. е. в году наибольшего напряжения производства, составила всего лишь 74,5%, а в 1917 г.— 46,8% от уровня 1913 г. Коэффициент полезного действия ткацких станков на этой фабрике снизился в 1917 г. (под влиянием снижения квалификационного уровня рабочих, износа оборудования и недостаточности его восстановления) по сравнению с 1913 г. на 18,8%.

В целом по предприятиям хлопчатобумажной промышленности коэффициент использования ткацких станков составил в 1917 г. не более 80% от уровня 1913 г. Это не могло не вызвать снижения выработки на одного рабочего и увеличения затрат живого труда на единицу продукции. Следует при этом отметить, что производительность труда, являющаяся наиболее общим и концентрированным выражением дееспособности рабочей силы и производственного процесса в целом, дала в годы войны не одинаковые показатели при сопоставлении часовой и среднегодовой выработки одного рабочего. Среднечасовая выработка одного рабочего показала меньшее падение, чем среднегодовая. Это объясняется тем, что среднее количество дней, отработанное одним рабочим в разные годы, неодинаково, как неодинаковы напряжение и интенсивность его труда. Среднее число проработанных дней одним рабочим составило в хлопчатобумажной промышленности: в 1914 г.— 258, в 1915 г.— 272, в 1916 г.— 266, а в 1917 г.— только 240².

¹ См. «Труды секции промышленности и товарооборота», ч. 1, М. 1920, стр. 65.

² См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 162—163.

Среднегодовая производительность труда одного рабочего хлопчатобумажной промышленности понизилась в 1917 г. по сравнению с 1913 г. на 44,2%, в то время как среднечасовая выработка — только на 20—25%¹. О снижении среднегодовой выработки в текстильной промышленности говорят следующие данные²:

Отрасли производства	Среднегодовая выработка на 1 рабочего (в довоенных рублях)		
	1913 г.	1916 г.	1917 г.
Хлопчатобумажное производство .	2 218	1 887	1 245
Шерстеобрабатывающее	2 245	2 248	1 515
Шелкообрабатывающее	1 476	1 447	997
Производство по обработке льна .	1 343	1 312	927
Производство по обработке пеньки	2 016	2 183	1 608

В целом по промышленности снижение выработки на одного рабочего объясняется наряду с теми общими причинами, о которых было сказано выше (ухудшение качественного состава рабочей силы, износ оборудования):

а) резким снижением жизненного уровня и, в частности, снижением зарплаты, ухудшением продовольственного снабжения рабочих;

б) трудностями в снабжении промышленности сырьем, что приводило к простоям и всякого рода заминкам в производственной деятельности текстильной промышленности.

* *
*

Из приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что падение производительности труда явилось крупным фактором в деградации производительных сил страны и в ускорении краха капиталистической экономики России. Падение производительности труда в период войны было свойственно не только русской промышленности. Оно имело место и в промышленности Германии, Франции и Англии. Известно, что производительность

¹ См. П. А. Хромов, Очерки экономики текстильной промышленности СССР, стр. 65.

² См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 163.

труда в германской каменноугольной промышленности сократилась за время войны в следующих размерах: в Верхне-Силезском бассейне — на 27,5%, в Дортмундском бассейне — на 14,7%¹. Производительность труда в английской каменноугольной промышленности упала за годы войны почти на 10%. Во французской каменноугольной промышленности в 1918 г. она была ниже на 18,9%, чем в 1913 г.²

Таким образом, падение производительности труда было не случайным, а массовым и непреодолимым явлением в работе промышленности капиталистических стран в условиях военной экономики 1914—1918 гг.

Чем была вызвана эта падающая динамика производительности труда, какие факторы лежали в основе этой понижающей тенденции? Отвечая на этот вопрос, мы должны еще раз подчеркнуть, что падение производительности труда было обусловлено теми изменениями в производственно-технических условиях труда, которые возникли в связи с общей дезорганизацией народного хозяйства.

Оно обусловлено было, во-первых, изменениями качественного состава рабочей силы в связи с уходом в армию значительной части квалифицированных рабочих и заменой их неквалифицированным женским и детским трудом, а в некоторых отраслях промышленности — и трудом военнопленных; во-вторых, снижением качества оборудования, его износом и крайне медленным восстановлением; в-третьих, трудностями снабжения промышленности сырьем и топливом, что вызывало перебои в производственной деятельности промышленных предприятий, а иногда и прямые простои оборудования; и наконец, общим ухудшением жизненного уровня рабочих масс и, в частности, снижением зарплаты и прожиточного минимума в связи с повышением цен на продукты массового потребления.

Но вместе с этими факторами на уровень производительности труда влиял также и целый ряд других факторов, из которых важнейшим является организация труда и распределение рабочих по видам производства. Надо

---

¹ См. *Нахимсон (Спектатор)*, Мировое хозяйство до и после войны, М.—Л. 1926, т. II, стр. 85.

² См. там же, стр. 83, 85.

заметить, что в этой области в России произошли за время войны весьма существенные изменения. Если исходить из материалов промышленной переписи, то они представляются в следующем виде. В то время как в 1913 г. непосредственно в сфере материального производства было занято 86,9% рабочих, в 1917 г. их было занято только 82,5%. В то время как в 1913 г. в сферах непроизводительного или малопроизводительного труда (ремонтное дело, административная и вспомогательная служба) было занято 13,1%, в 1917 г. в этой сфере было уже занято 17,5% всей рабочей силы.

Из этих немногих данных мы видим весьма отрицательную эволюцию промышленного производства, где стихийный процесс распределения и перераспределения рабочей силы способствовал не увеличению, а снижению выработки продукции.

Такого рода изменения в промышленном производстве способствовали не только снижению количества вырабатываемой продукции, но и повышению непроизводительных затрат, что вело к повышению издержек производства и стоимости продукции. Приведем динамику затрат живого и овеществленного труда в промышленности за годы войны (в % к общим затратам)¹:

Главные элементы расходов по выработке продукции	1913 г.	1916 г.	1917 г.
1. Оплата администрации	2,8	2,6	4,0
2. Зарплата рабочих	9,7	11,2	24,5
3. Топливо и смазочные материалы	4,0	4,8	6,5
4. Сырье и вспомогательные материалы	55,1	50,3	45,2
5. Общая сумма главных расходов	71,6	68,9	80,2

Эти итоговые данные, относящиеся к самым разнообразным отраслям промышленности, довольно наглядно подчеркивают происшедшие во время войны изменения в соотношении главнейших элементов производства.

Даже в 1916 г. (не говоря уже о 1917 г.), когда промышленное производство достигло своего кульминационного уровня, расходы на оплату администрации и рабочих

¹ См. «Вестник статистики», кн. XIV, стр. 146—147.

увеличились по сравнению с 1913 г., в то время как расходы на сырье и вспомогательные материалы (несмотря на их значительное удорожание) несколько понизились. Снижение расходов на сырье нельзя, конечно, объяснить рациональным использованием его в процессе производства или снижением цен на него (ибо ни того, ни другого не было). Это явление объясняется, с одной стороны, сокращением потребления сырья вследствие сокращения объема производства и, с другой стороны, относительным ростом расходов по оплате численно возросшего контингента рабочих.

Процесс труда, осуществленный во времени и пространстве, имеет свои критерии, свои наиболее общие экономические показатели. Таким наиболее общим показателем, как мы уже отмечали выше, является производительность, или эффективность, труда, определяемая количеством предметов, созданных в течение данного времени. Экономия времени составляет основу роста производительности труда и сокращения издержек производства. Действительная экономия, пишет Маркс, состоит в сбережении рабочего времени, в сведении к минимуму издержек производства; это сбережение тождественно развитию производительной силы труда¹.

Капитализм, основанный на частной собственности и эксплуатации наемного труда путем применения «научных систем выжимания пота», достиг невиданного при феодализме и, тем более, при рабовладельческом строе уровня производительности труда.

Но в условиях капитализма закон развития производительной силы труда имеет относительное, а не абсолютное значение. «...Для капитала,— указывает Маркс,— закон повышающейся производительной силы труда имеет не безусловное значение»². Этот закон безусловен для него лишь в том случае, если он обеспечивает ему получение наивысших прибылей. Именно ради этого капиталист затрачивает средства на введение новой техники, позволяющей ему интенсифицировать труд и повысить его производительность. При капитализме все методы повышения производительности труда осуществляются за счет жесточайшей эксплуатации рабочего класса. Здесь

---

¹ «Из неопубликованных рукописей К. Маркса», см. «Большевик» № 11—12, 1939 г., стр. 64—65.

² К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 273.

«все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, уродуют рабочего, делая из него неполного человека, понижают его до роли придатка машины...»¹

Рост производительности труда при капитализме носит поэтому антагонистический характер, определяемый основным противоречием капитализма — противоречием между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Повышение производительности труда в условиях капиталистического способа производства достигается ценой невероятной эксплуатации рабочих во имя накопления богатства и увеличения роскоши на одном полюсе, накопления «нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе...»²

Этот социальный парадокс, вытекающий из самой системы капиталистической организации труда, не может не породить факторов, тормозящих развитие производительной силы труда. Оно и понятно, ибо рабочий не может при таких социально-экономических условиях быть заинтересованным в повышении производительности труда, в росте капиталистического производства.

Это обстоятельство, являющееся основным и решающим фактором, задерживающим рост производительности труда при капитализме, с особой силой проявилось в условиях империалистической войны, до крайней степени обострившей противоречия между трудом и капиталом, усилившей эксплуатацию рабочих, особенно женщин и подростков, заработная плата которых упала во время войны до чрезвычайно низкого уровня (среднемесячная зарплата рабочих, составлявшая в 1913 г. 22 товарных рубля и не покрывавшая прожиточный минимум рабочих, в 1917 г. понизилась до 17,8 товарного рубля³, при одновременном удлинении рабочего дня и повышении нормы эксплуатации).

Следует отметить некоторую однобокость и теоретическую ограниченность в определении факторов, вызывавших снижение производительности труда и общего уровня промышленного производства в годы первой

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 651.

² Там же.

³ См. П. А. Хромов, Экономическое развитие России в XIX—XX веках, стр. 353.

мировой войны, которые встречаются не только в работах буржуазной профессуры (Прокопович, Гриневецкий, Дикс и др.), но и в работах некоторых советских авторов. Так, известный статистик Н. Воробьев, обобщавший итоги промышленной переписи 1918 г., доказывал, что на уровень производительности труда влияет не только качественное, но и количественное изменение рабочей силы. Но это ошибка, ибо производительная сила труда определяется не количеством рабочей силы, а ее качеством, ее дееспособностью, сноровкой и умением в единицу времени дать наибольшее количество продукции. К тому же падение производительности труда нельзя объяснить и одним только качественным изменением рабочей силы (хотя последнее оказывает огромное влияние на выработку рабочих), оставляя в стороне другие факторы, определяющие уровень производительности труда. «Производительная сила труда,— говорит Маркс,— определяется многосложными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства...»¹

Из этого следует, что динамика производительности труда в русской промышленности в годы первой мировой войны находилась не только под действием качественного изменения в составе рабочей силы, но и целого ряда других факторов, на которые мы указывали выше. Она находилась, в частности, под влиянием тех общественно-экономических противоречий капиталистического способа производства, которые ускорили и углубили падение промышленного производства России и снижение уровня производительности труда в годы войны. Выражением этих противоречий явилось, как известно, не только падение промышленного производства и производительности труда, но и многочисленные стачки и забастовки рабочих, принявшие форму революционной борьбы против несправедливости, нищеты и эксплуатации, доведенных буржуазией во время войны до высшего предела.

Попытки промышленной буржуазии и правящих кругов России локализовать эти противоречия и заставить рабочих при помощи «научных систем выжимания пота»

---

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 46.

и палочной дисциплины повысить производительность труда потерпели полную неудачу. Потерпели неудачу и попытки «планомерного» использования трудовых ресурсов страны, их централизованной подготовки и перераспределения. В этом сказалась вся несостоятельность капиталистической системы хозяйства, основанной на господстве частной собственности на орудия и средства производства.

Прямой противоположностью этому явилась советская социалистическая система хозяйства, которая, будучи основана на общественной собственности на орудия и средства производства и развиваясь в соответствии с законом планомерного, пропорционального развития, позволила Советскому государству успешно справиться с решением аналогичной проблемы (т. е. проблемы рабочей силы и производительности труда) в годы Великой Отечественной войны, хотя масштабы и потребности последней намного превосходили масштабы и потребности первой мировой войны. Успешному решению этой проблемы способствовал целый ряд факторов, главнейшими из которых являются: планомерность воспроизводства рабочей силы, правильность ее распределения и перераспределения в соответствии с интересами обороны страны и обеспечения непрерывности процесса общественного воспроизводства.

В частности, в противовес паллиативным и хаотичным методам вербовки рабочих кадров в промышленные предприятия царской России советская промышленность обеспечивалась в годы Великой Отечественной войны кадрами квалифицированных рабочих в плановом порядке. Для этого использовались созданные по решению партии и правительства школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища, а также массовое производственно-техническое обучение рабочих без отрыва от производства. При помощи этой системы обучения (не считая курсовой и индивидуальной) промышленности и транспорт получили за время войны около 2 млн. квалифицированных рабочих, что равняется почти всей численности рабочих, занятых в крупной промышленности России в 1915 г.

Производительность труда в промышленности СССР понизилась в первый период войны в связи с начавшейся эвакуацией промышленных предприятий на Восток и

переключением их на выпуск военного ассортимента продукции. В дальнейшем производительность труда в промышленности СССР обнаружила тенденцию к росту, увеличившись с 1942 по 1944 г. на 40%. Этому способствовал ряд факторов, главнейшими из которых являются: высокая техническая оснащенность труда, во много раз превышающая дореволюционную, рациональное использование оборудования, сырья, топлива и электроэнергии, высокая организация труда, а самое главное — героический труд рабочих, их изобретательность и творческая инициатива, особенно проявлявшиеся в росте числа рационализаторских предложений и т. д. Примером этому явилась промышленность, производящая предметы боевого снабжения армии, где только за вторую половину 1942 г. поступило около 24 тыс. предложений по рационализации и усовершенствованию производственных и технологических процессов.

Эти примеры лишней раз подтверждают, какой огромный контраст существует между жизнеутверждающей системой социализма, сумевшей успешно разрешить одну из сложных проблем военной экономики в период второй мировой войны, и прогнившим буржуазно-помещичьим строем царской России, оказавшимся беспомощным в решении этой проблемы в годы первой мировой войны.

ГЛАВА 7

УХУДШЕНИЕ ЖИЗНЕННЫХ УСЛОВИЙ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА И ЕГО СТАЧЕЧНАЯ БОРЬБА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Изучая производственные отношения капиталистического способа производства, Маркс вскрыл непримиримые противоречия между трудом и капиталом, показал, что, по мере того как капитал накапливается, жизненный уровень рабочего ухудшается, какова бы ни была, высока или низка, заработная плата.

С развитием капитализма не только падает доля рабочего класса во всем национальном доходе при одновременном росте прибылей буржуазии, но рабочий класс абсолютно живет все хуже и хуже, повышается интенсивность труда, растет безработица, падает реальная заработная плата, ухудшаются жилищные условия и т. д.

Вульгарная политическая экономия, стремясь обелить капитализм и свалить вину за бедствия и нищету масс на самих трудящихся, «объясняет» их обнищание тем, что рост средств существования якобы отстает от роста численности населения. Эта антинаучная, человеконенавистническая «теория», выдвинутая английским экономистом Мальтусом в конце XVIII столетия, была разоблачена марксистской политической экономией как самая реакционная буржуазная апологетика, ничего общего не имеющая с действительными причинами прогрессирующего обнищания трудящихся масс при капитализме. Наиболее наглядным примером несостоятельности этой лженаучной «теории» может служить дореволюционная Россия, где обнищание рабочего класса и рост прибылей капиталистов достигли огромных размеров.

В. И. Ленин на основе материалов обследования заработков промышленных рабочих и прибылей капиталистов, произведенного Министерством финансов в 1908 г., установил, что средняя годовая заработная плата одного русского рабочего в 1908 г. составила 246 руб. (20 р. 50 к. в месяц), а средняя прибыль одного промышленного капиталиста — 297 тыс. руб. Каждый рабочий принес в 1908 г. капиталисту по 252 руб. прибыли¹. В. И. Ленин показал, что норма эксплуатации в промышленности России перед первой мировой войной превышала 100%, и из 11 часов среднего рабочего дня большую часть времени рабочий бесплатно работал на капиталиста.

Еще нагляднее характеризуют положение рабочих в России сравнительные данные о национальных различиях в заработной плате рабочих отдельных стран. Так, дневная заработная плата квалифицированного металлиста в Эссене составляла в 1914 г. в пересчете на русскую валюту 3 р. 34 к. Дневная заработная плата рабочего американской металлургической промышленности в 1914 г. составляла в пересчете на русскую валюту 6 р. 30 к., текстильщика — 2 р. 91 к., печатника — 7 р. 12 к. и т. д.² В том же 1914 г. русский рабочий-металлург зарабатывал 1 р. 53 к. в день, текстильщик — 80—90 коп., печатник — 2 р. 8 к.

Противоречия, присущие капитализму, с особой силой проявились в России в годы первой мировой войны, когда наряду с разрухой в народном хозяйстве в огромной степени усилился процесс обогащения класса капиталистов, наживших на войне огромные капиталы, возросла эксплуатация рабочих, резко ухудшились их жизненные условия и, в частности, снизилась реальная заработная плата.

Получить полную, правдивую и законченную, картину движения заработной платы русских рабочих в условиях войны чрезвычайно трудно, особенно если учесть отсутствие в тот период централизованного статистического учета вопросов труда и заработной платы. Анализ имеющихся статистических данных методологически затруднен в связи с искусственным завышением их со стороны предпринимателей. С этой оговоркой рассмотрим сначала

---

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 232—233.

² См. «Мировая война в цифрах», М.—Л. 1934, стр. 81—82.

материалы о движении номинальной заработной платы русских рабочих в годы первой мировой войны.

Среднегодовой номинальный заработок рабочих Московского промышленного округа непрерывно увеличивался на протяжении всей войны. Об этом свидетельствует приводимая ниже таблица, составленная по данным журнала «Статистика труда» (в руб.)¹:

Годы	Средняя заработная плата для всех производств	Химиче- ские про- изводства	Металло- обработка	Машинно- строение	Обработка хлопка
1913	218	243	384	398	201
1914	221	263	324	409	202
1915	248	297	445	502	221
1916	406	671	761	852	320

Таким образом, номинальная заработная плата рабочих Московского промышленного района возросла за 1913—1916 гг. в среднем на 86%, а по отдельным отраслям, работавшим на нужды войны, — еще выше. Так, например, в металлообрабатывающей промышленности заработная плата выросла с 1913 по 1916 г. на 98%, в химической — на 176% и т. д. Значительно возросла за время войны также номинальная заработная плата строительных рабочих, спрос на которых сильно повысился в связи с военным и железнодорожным строительством. По сравнению с 1914 г. заработная плата плотников выросла в 1916 г. на 200—300%, зарплата маляров и кровельщиков — соответственно на 200—350, землекопов — на 250—400% и т. д. Если посмотреть на эволюцию номинальной зарплаты по более широкому кругу отраслей промышленности Московского района и взять ее не в годовом, а в месячном разрезе, то мы получим следующую картину. (См. табл. на стр. 354).

Как видно из этой таблицы, повышение номинальной зарплаты коснулось почти всех категорий производства, за исключением производства электроэнергии, где имело место снижение зарплаты. При этом повышение зарплаты было далеко не равномерным. Наряду со значительным

¹ См. «Статистика труда» № 5—7, 1919 г., стр. 16.

Среднемесячная заработная плата взрослого рабочего в 1915 и 1916 гг.¹
(в руб.)

Отрасли промышленности	Конец 1915 г.	Июль 1916 г.	Рост (в %)
Обработка волокнистых веществ . .	33,99	47,24	39,0
Металлообработка	58,03	97,42	67,9
Химическая	45,73	72,52	58,6
Обработка животных продуктов . .	71,30	75,42	5,7
Добыча и обработка минералов . .	28,62	44,52	55,5
Обработка дерева	50,16	57,11	13,9
Бумажно-полиграфическая	50,72	63,97	26,0
Электроэнергетическая	135,19	119,37	-11,8

увеличением размера номинальной зарплаты у металлистов, химиков и минеральщиков у остальных рабочих Московского промышленного района оно было крайне незначительным и намного отставало от роста цен на продукты первой необходимости. Кроме того, начиная с июля 1916 г. зарплата рабочих указанных производств обнаружилась довольно заметную тенденцию к понижению. Так, зарплата рабочих по обработке волокнистых веществ понизилась на 2 р. 45 к. в месяц, в химическом и парфюмерном производствах — на 2 р. 54 к., в обработке и добыче минералов — на 1 р. 66 к., в производстве электроэнергии — на 11 р. 10 к.

Снижению средней номинальной зарплаты способствовали не только начавшиеся перебои в работе промышленных производств в связи с недостатком сырья и топлива, но и массовое вовлечение в промышленность дешевого женского и детского труда, а также труда военнопленных. В несколько более благоприятных условиях в смысле повышения номинальной зарплаты находились рабочие военных производств, выполнявших прибыльные военные заказы. Эволюция почасовой зарплаты в этих производствах видна на примере петроградской металлической промышленности, целиком работавшей на войну и превратившейся в годы войны в типичную отрасль военного производства (см. табл. на стр. 355).

Примерно в таком же положении находились и московские металлисты, зарплата которых дала значительный рост в 1916 г. по сравнению с 1915 г.

¹ См. «Труд в России», кн. 1, 1925 г., стр. 24.

**Часовая заработная плата в металлической промышленности
Петрограда по отдельным профессиям в 1915 и 1916 гг. ¹**
(в коп.)

Профессии	1915 г.	1916 г.	1916 г. в % к 1915 г.
Токари	39,6	56,7	142,5
Токари снарядные	44,0	74,0	168,2
Слесари	28,0	47,1	167,8
Слесари снарядные	37,0	52,0	140,5
Фрезеровщики	29,0	49,6	169,8
Строгальщики	34,0	57,0	167,6
Кузнецы	38,0	60,0	158,0
Молотобойцы	20,0	31,0	155,0
Столяры	33,0	48,0	145,0
Револьверщики	29,0	46,0	157,0
Формовщики	40,0	55,0	138,0
Литейщики	36,0	46,0	130,0
Механики	41,0	51,0	124,0
Чернорабочие-мужчины	13,8	20,3	146,0
Чернорабочие-женщины	9,0	11,0	122,0

Комиссия, изучавшая условия труда на крупных промышленных предприятиях, работавших на войну, установила, что на машиностроительном заводе Гартмана в Луганске средняя месячная зарплата в апреле 1916 г. составляла 52 руб., а в июне она поднялась до 69 руб. На паровозостроительном и механическом заводах в Харькове среднедневной заработок вырос с 1 р. 95 к. в 1914 г. до 2 р. 62 к. в 1916 г.

Среднемесячная заработная плата на металлургических заводах Екатеринославского района увеличилась в 1916 г. по сравнению с 1914 г.: квалифицированного рабочего — на 44,8%, чернорабочего — на 75,4%. Среднемесячная заработная плата рабочих на 70 предприятиях металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности этого района возросла в 1916 г. по сравнению с 1914 г. по группе квалифицированных рабочих на 86,4%, по группе чернорабочих — на 72,2% ².

Таким образом, можно считать установленным, что номинальная заработная плата весьма значительно воз-

¹ См. «Летопись» № 5, 1916 г., стр. 239.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 30, л. 17—18.

росла. Однако рост ее не только не улучшил жизненный уровень рабочего класса, но даже не избавил рабочих от голода, ибо цены на продукты и предметы широкого потребления все время повышались, причем в темпе, значительно обгоняющем рост уровня номинальной зарплаты. На размеры рыночных цен влияла наряду с сокращением товарного оборота и бумажно-денежная инфляция, за которую, как утопающий за соломинку, хваталось царское правительство. К 1917 г. количество бумажных денег в обращении возросло в 2,75 раза по сравнению с 1914 г., а покупательная сила рубля сократилась из-за необеспеченности его золотым и товарным покрытием в 3 раза¹. Если уровень цен на важнейшие продукты питания в 1913—1914 гг. принять за 100, то последующее движение их, по данным Статистико-экономического бюро союза городов, выражается следующими цифрами²:

	Июль 1915 г.	Декабрь 1915 г.	Июль 1916 г.
Хлеб	137	174	189
Сахар	131	146	147
Мясо	121	168	332
Масло	114	233	224
Соль	228	401	583

В дальнейшем индексы общероссийских цен растут еще быстрее: если по сравнению с 1913 г. общий индекс цен на 17 июня 1916 г. был 1,84, то на 1 января 1917 г. он составил 3, а на 1 июня 1917 г.—4,8. В важнейших промышленных центрах страны цены росли еще быстрее, чем в провинции. Так, стоимость бюджетного набора в Московском фабричном округе уже в середине 1915 г. повысилась на 50% против января 1914 г., а среднее повышение цен на периферии в этот период составляло 38%. В то время как в среднем по России стоимость бюджетного набора рабочего на 1 января 1917 г. повысилась

¹ См. П. Каценельбаум, Денежное обращение в России в 1914—1924 гг., М.—Л. 1924, стр. 72.

² См. «Промышленность и торговля» № 1, 1917 г., стр. 4.

против января 1914 г. на 294%, повышение для Москвы составило 306%¹.

Если принять московские цены в январе 1916 г. за 100, то через год, т. е. в январе 1917 г., они составили (в %): хлеб печеный — 141, мясо — 249, мясные изделия — 252, рыба — 208, овощи — 328. Индекс цен на главные продукты питания в Петрограде в 1915 г. выглядел следующим образом (1913 г. = 100): мука ржаная — 192,8, крупа гречневая — 221,0, масло соленое — 274,4, соль — 188,5 и т. д. Сравнивая цены на продукты питания с зарплатой по Петрограду, мы видим, что номинальная зарплата поднялась к концу 1915 г. на 41%, а цены на продукты питания — на 94%². Повышение цен на продукты питания обуславливалось тем, что промышленность, работая на военные нужды, почти не давала деревне товаров в обмен. Эти продукты приходилось получать за счет все увеличивающегося выпуска бумажных денег, обесценение которых обгоняло любое повышение номинальной зарплаты.

Попытка перевести хотя бы рабочих военной промышленности на натуральное снабжение ни к чему не привела. Это мероприятие царизма, введенное «для улучшения материального положения рабочих», провалилось, как и многие другие его мероприятия, направленные на перестройку промышленности и организацию централизованного управления ею.

Естественно, что резкое повышение товарных цен оказало решающее влияние на уровень и динамику реальной заработной платы. От реального значения заработной платы зависит не только уровень потребления, а следовательно, и степень воспроизводства рабочей силы, но и рост производительности труда. Изучение этой стороны развития русской промышленности в период первой мировой войны имеет важное научно-историческое значение. Хотя, как уже указывалось, рассмотрение вопроса значительно осложняется отсутствием полных статистических отчетов, несопоставимостью некоторых показателей в связи с падающей валютой, тем не менее данные, которые мы использовали, дают некоторый ключ к выявлению действительного положения вещей.

¹ См. «Наемный труд в России», под ред. С. Струмилина, вып. 1, стр. 52.

² См. «Труд в России», кн. 1, стр. 22.

Вначале рассмотрим общую динамику среднемесячной оплаты труда фабрично-заводских рабочих России в полугодовом разрезе в период первой мировой войны ¹.

Годы	Номинальная зарплата		Реальная зарплата	
	в руб.	в %	в товарных рублях	в %
1913	22,0	100,0	22,0	100,0
1914 1-е полугодие	22,1	100,0	22,1	100,0
2-е »	22,2	101,0	20,5	93,2
1915 1-е »	24,1	110,0	20,1	91,2
2-е »	29,5	134,0	21,1	96,0
1916 1-е »	36,0	164,0	21,7	98,7
2-е »	45,0	204,0	18,7	85,0

Хотя приведенные данные и не являются достаточно полными, поскольку они не охватывают всех губерний, но они отражают, несомненно, правильно общую понижающую тенденцию реальной зарплаты рабочих. Необходимо, однако, отметить, что не во всех отраслях индустрии падение реальной заработной платы происходило равномерно. С каждым последующим годом войны этот процесс охватывал все большее количество отраслей промышленности, пока, наконец, в 1917 г. его разрушительному действию не подверглись все фабрично-заводские предприятия в России.

Покажем это на примере статистических данных о заработной плате 1 рабочего в непрерывно действовавших в годы войны предприятиях (в довоенных рублях, в год) ². В 1914 г. реальная заработная плата рабочих уменьшилась по сравнению с 1913 г. только в двух отраслях: в горной (с 268 до 255 руб.) и в шелковой (с 242 до 197 руб.). Остальные отрасли промышленности переживали в этот период некоторый подъем, связанный с началом военных действий и получением крупных военных заказов. Однако в 1915 г. снижение реальной зар-

¹ См. С. Г. Струмилин, Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913—1922 гг., стр. 17.

² См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 102—103.

платы распространяется уже на следующий круг отраслей (в довоенных рублях, в год) ¹:

Отрасли	1913 г.	1915 г.
Пищевая промышленность . . .	211	198
Обработка камней и глины . . .	240	189
Шерстяная	190	179
Бумажная	238	209
Полиграфическая	512	439

В 1916 г. к числу отраслей, регрессирующих по уровню заработной платы, присоединились обработка хлопка и льна и художественная промышленность. Наконец, в 1917 г. процесс падения реальной зарплаты охватил всю остальную промышленность, в том числе металлообрабатывающую, машиностроительную, кожевенную и ряд других отраслей.

О степени ухудшения положения рабочих свидетельствует следующая таблица (в довоенных рублях, в год) ².

Отрасли	1913 г.	1917 г.	1917 г. в % к 1913 г.
Горная	268	168	62,7
Металлообрабатывающая .	357	254	71,1
Машиностроение	446	291	65,2
Кожевенная	268	173	64,5
Шелковая	242	170	70,2
Полиграфическая	512	333	65,0

Из приведенных данных видно, что заработная плата, исчисляемая в довоенных рублях, даже в ведущих отраслях промышленности составила в 1917 г. немногим более $\frac{2}{3}$ от довоенного полугодного уровня. В целом же по промышленности она упала с 272 руб. в 1914 г. до

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XXVI, стр. 102—103.

² См. там же.

220 руб. в 1917 г.¹ При этом характерно, что если номинальная заработная плата металлистов Московского промышленного района возросла на 98%, а у всех рабочих этого района в среднем — на 86%, то товарные цены, исходя из общероссийского индекса, возросли на 200—265%.

Цены на предметы потребления росли настолько быстро, что все уступки, вырванные рабочими у предпринимателей, немедленно сводились на нет. По всей промышленности реальная среднемесячная заработная плата рабочего в первом полугодии 1916 г. была 22,1 руб., в этом же полугодии 1917 г. она составила только 19,4 руб. Приведенные данные об отставании роста номинальной зарплаты от роста цен на предметы потребления были бы еще более разительными, если бы данные промышленной переписи охватили окраинные районы России (переписью, как известно, были охвачены только центральные и северо-западные районы страны во главе с Петроградским и Московским промышленными районами, где номинальная зарплата и до войны была выше, чем в окраинных районах, а за годы войны она увеличилась по Московскому и Петроградскому районам почти в два раза).

В окраинных же районах она увеличилась в совершенно ничтожных размерах. Так, например, на металлургическом заводе Новороссийского акционерного общества это повышение составило в 1916 г. по сравнению с 1914 г. от 10 до 12%², на Урале — 10%, а в Сибири произошло даже снижение номинальной заработной платы в связи с образовавшейся там безработицей³.

Но и эта тяжелая картина не полностью отражала действительное экономическое положение рабочего класса. Дело в том, что официальные индексы стоимости жизни учитывали только легальные, частично нормированные цены, в то время как самые необходимые продукты приобретались большей частью на «черном рынке» по ценам, значительно превосходящим легальные. Не будет преувеличением сказать, что в годы первой мировой войны рабочий класс России близко подошел по уровню реальной заработной платы к тому пределу, который

¹ См. «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», т. XVI, стр. 103.

² ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 67, д. 631, л. 214.

³ См. «Труд в России», кн. 1, стр. 25—26.

К. Маркс называл «низшей, или минимальной, границей стоимости рабочей силы».

Хотя процесс падения реальной зарплаты наблюдался в годы войны во всем мире, но уровень зарплаты в России (и, следовательно, уровень жизни русских рабочих) упал значительно больше, чем в странах Западной Европы. Так, если принять уровень 1914 г. за 100, то в 1917 г., по данным «Bulletin de la Statistique Generale de la France», индекс дневной зарплаты рабочих мужчин в горной промышленности и на железных дорогах Франции составил 125, а индекс стоимости жизни — 174,4. В Италии, по данным Национальной кассы страхования, индекс номинальной зарплаты составил 138, а индекс розничных цен на пищевые продукты — 184. Между тем для России соответствующие цифры были 219 и 306¹.

Мы рассматривали до сих пор только прямые причины ухудшения материального положения рабочего класса, связанные с образованием «ножниц» между денежной заработной платой и ценами на товары. Однако на уровень экономического положения влиял еще ряд факторов. К ним относятся: широкая интенсификация труда, требовавшая более значительных средств для воспроизводства рабочей силы, ухудшение санитарных условий труда, фактическая отмена законодательства по труду, широкое внедрение более дешевого женского труда, рост прямых и косвенных налогов. На действии этих факторов необходимо остановиться тем более, что условия труда в годы войны значительно изменились к худшему. Несмотря на формально регламентированный рабочий день, продолжительность его значительно увеличилась вследствие применения сверхурочных работ.

В 1915 г. в связи с массовым вовлечением в производство женщин и детей и отменой в этом году законодательной регламентации в области охраны женского и детского труда, а также в результате роста продолжительности рабочего дня сильно возросло количество несчастных случаев. Так, на Путиловском заводе оно увеличилось с 20,8% от общей численности рабочих в 1914 г. до 30,2% в 1915 г., на заводе Лесснера — соответственно с

---

¹ На 1 января 1917 г. В дальнейшем соотношение еще более ухудшилось.

22,6 до 34,6%. По заводам «Парвийнен», Балтийскому, Петроградскому металлическому, «Гейслер» количество увечий в 1915 г. возросло против 1914 г. на 54%¹.

Нечеловеческие условия труда, высокая степень изношенности организма рабочих приводили к росту случаев заболеваемости. Заболеваемость на Невском заводе составляла в 1914 г. 62%, на Путиловском — 64,3, на Петроградском металлическом — 60,3, на заводе Лесснера — 95%. В 1915 г. процент заболеваемости составил: на Путиловском заводе — 98,2%, на Петроградском металлическом — 118,4, на заводе Лесснера — 116,9%².

По количеству заболеваний и несчастных случаев, по тяжести и изнурительности труда ничем не отличались и другие заводы.

За счет усиленной интенсификации труда буржуазия увеличивала свои прибыли и сокращала жизнь рабочим. Заботясь о получении высоких прибылей, она сэкономила все, но только не силы рабочих, создание человеческих условий труда для которых она всегда считала, а в годы войны в особенности, «бесцельной и бессмысленной расточительностью»³.

В 1915 г. царское правительство спровоцировало арест большевистской фракции в Государственной думе и тем самым лишило пролетариат своего представительства в этом единственном «народном» собрании, с трибуны которого большевики могли разоблачать капиталистические махинации, произвол самодержавия и полицейского аппарата.

Лишив рабочий класс представительства в Государственной думе, правительство и промышленники вели линию на дальнейшее ухудшение условий труда рабочих. Соответствующими постановлениями Совета министров были отменены все важнейшие ограничения, касающиеся эксплуатации труда подростков и женщин. Были отменены даже те минимальные нормы охраны и регламентации труда, которые были зафиксированы в «Уставе о промышленном труде», устанавливавшие для взрослых мужчин, женщин и подростков (от 15 до 17 лет) рабочий день в 11,5 часа, под тем предлогом, что «неукоснитель-

---

¹ См. «Труд в России», кн. II и III, 1925, стр. 156—158.

² См. там же.

³ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 92.

ное соблюдение их крайне неблагоприятно отражается на работе».

По закону от 19 октября 1915 г. министру торговли и промышленности предоставлялось право разрешать использование женского и детского труда на ночных работах во всех предприятиях, работавших на нужды войны. По этому же закону министр торговли и промышленности мог санкционировать удлинение рабочего дня на милитаризованных предприятиях. Капиталисты не преминули воспользоваться этим законом.

О лишениях рабочих, особенно подростков и женщин, свидетельствуют многочисленные документы, наиболее ярким из которых является протокол обследования Общества Мальцевских заводов: «Малолетние рабочие и работницы несут работы совершенно непосильные, и отношение к ним близко к истязанию. 10—12 лет девочки целый день таскают корзину, в которой по взвешивании оказалось два пуда. При этом дети семилетнего возраста работают и в ночные смены... Низкий уровень заработной платы (семья в 5 душ зарабатывает 30 руб. в месяц) и условия жизни и быта рабочих привели рабочее население к физическому истощению... Благодаря антисанитарному состоянию фабрик огромный процент рабочих болен туберкулезом. Рабочие до того обнищали, что выехать на другие заводы не в состоянии...»¹

Применение женского и детского труда приняло массовый характер и широко внедрялось во всех отраслях промышленности. По данным фабричной инспекции, половой и возрастной состав фабричных рабочих в Московском округе за два года изменился следующим образом (в тыс. человек)²:

	на 1.I 1914 г.	на 1.I 1916 г.	+ —
<i>Мужчины</i>			
Взрослые	386,7	316,4	— 70,3
Подростки и малолетние .	41,6	52,1	+ 9,5

¹ См. М. Г. Флеер, Рабочее движение в России в годы империалистической войны, Л. 1926, стр. 42.

² См. С. Н. Прокопович, Война и народное хозяйство, Пгр. 1917, стр. 122.

	на 1.I 1914 г.	на 1.I 1916 г.	+ -
<i>Женщины</i>			
Взрослые	303,8	352,8	+ 49,0
Подростки и малолетние .	39,5	48,8	+ 9,3
Всего . . .	771,6	770,1	- 1,5

Удельный вес мужчин в общей массе рабочих снизился с 50,1% на 1 января 1914 г. до 41% на 1 января 1916 г. Их место заняли главным образом женщины, а также подростки и малолетки обоего пола. Насколько эти структурные изменения были выгодны для предпринимателей, свидетельствует то, что малолетние рабочие получали в 1916 г. в среднем 33% платы взрослых мужчин, подростки — 50, женщины — 75%¹.

Следующее явление, которое необходимо учитывать при анализе условий труда в период первой мировой войны, — это тенденция к уравнительной оплате квалифицированного и неквалифицированного труда. Расценки токарей составляли в довоенное время 327% по отношению к расценкам чернорабочих. За первый же год войны в результате снижения квалификационного уровня рабочей силы этот процент упал до 174². Уравнительная тенденция в оплате труда различных по своему уровню квалификаций объясняется тем, что первые массовые мобилизации в армию извлекли из промышленности самую квалифицированную часть рабочей силы, заменив ее менее квалифицированной и в физическом отношении менее полноценной. Качественное изменение рабочей силы явилось важной причиной снижения расценок на оплату труда и общего уровня заработной платы.

Снижению реальной зарплаты рабочих способствовала и налоговая политика царского, а вслед за ним и Временного правительства. Анализ источников поступления налогов и сборов в государственное казначейство пред-

¹ См. С. Н. Прокопович, *Война и народное хозяйство*, стр. 144.

² См. «На новых путях», сб., вып. 3, 1922, стр. 95.

ставляет значительный интерес для выяснения причин низкого материального уровня трудящихся классов в России перед Октябрьской революцией. Как видно из «Росписи налогов и доходов за 1915—1916 гг.», из всех поступлений в бюджет по статье «косвенные налоги» на долю трудящихся приходилось около 90 %, или 835,4 млн. руб., по статье «промысловый налог» — около 30 %, или 74,4 млн. руб., по статье «железнодорожные, почтовые и прочие пошлины и сборы» — около 60 %, или 430 млн. руб., и т. д.¹

В целом удельный вес налогов и сборов с трудящегося населения в общей сумме налоговых поступлений составлял в годы войны около 70 %, в то время как доля трудящихся классов в национальном доходе не превышала 20—30 %. В решении Совета министров от 2 сентября 1914 г. указывалось, что введение налогов на «низшие классы населения... нельзя не признать вполне целесообразным». В связи с таким решением косвенные налоги, которые ложатся главным образом «на низшие слои населения», возросли на 54 % и составили в 1916 г. 35,6 % всех бюджетных поступлений, тогда как прямые налоги возросли на 42,4 % и составили 12,3 % всех бюджетных поступлений.

На эту сторону дела обратил внимание Государственной думы в своем выступлении один из ее членов — Доротин. На заседании от 18 августа 1915 г. он сказал следующее: «Здесь все очень сочувственно... отнеслись к идее обложения предметов роскоши (которые, как известно, потребляются не рабочими, а капиталистами.— *И. М.*), но как же наше правительство разрешило в военный период этот вопрос. Если просмотреть те временные законы, которые были изданы правительством по 87 ст., то оказывается совсем наоборот: все предметы первой необходимости оно обложило в наибольших размерах, а предметы роскоши оставило совершенно без обложения»².

Временное правительство продолжало налоговую политику царских властей. Помимо общего повышения косвенных налогов, оно снова ввело казенные монополии на

---

¹ Подсчет и выборка произведены по данным, содержащимся в книге С. Н. Прокоповича «Война и народное хозяйство», стр. 40.

² «Стенографический отчет заседания Государственной думы 18 августа 1915 г.», стр. 952—953.

табак, спички и керосин, тяжесть которых ложится главным образом на трудящихся. Закон об установлении на время войны лимита для прибылей капиталистов, принятый 6 апреля 1917 г., имел, как это признавал инициатор закона министр Коновалов, лишь «моральное значение», т. е. призван был обмануть трудящихся доказательством «жертв капиталистов для общего блага».

В результате всего этого потребление русского рабочего класса, которое и до войны не было удовлетворительным, во время войны вследствие роста дороговизны и понижения покупательной способности рабочих понизилось еще больше и составило к уровню 1913 г.: в 1914 — 15 г. — 74,7%, в 1915—16 г. — 56,6, а в 1916—17 г. — всего лишь 47,4% ¹.

Особенно тяжелым было положение семей рабочих, призванных в армию. Пособий, выдававшихся им, едва хватало на оплату квартиры и коммунальных услуг.

Все это накаляло обстановку и усиливало недовольство рабочего класса, оказывавшего уже со второго года войны организованное и с каждым днем нараставшее сопротивление буржуазии. Хотя право на стачки, завоеванное в 1905 г., и превратилось в период войны в пустой звук и за участие в стачках угрожали всяческими репрессиями, волнения среди рабочих стали все более и более усиливаться. Этому способствовали, в частности, рост дороговизны и продовольственный кризис, которые, по выражению Ленина, были исходными пунктами революционирования рабочего класса.

Разъяснение политического значения продовольственного вопроса становилось одной из тем, наиболее доступных и понятных для каждого рабочего. На этой почве шло быстрое вовлечение в революционное движение широких масс рабочих и работниц. «Продовольственные беспорядки», начавшиеся в апреле 1915 г. в Петрограде и Москве, постепенно охватили многие пункты.

Волна забастовок протеста против интенсификации труда, против нарушения рабочего законодательства со стороны предпринимателей прокатилась по всей России. С середины 1915 г. на почве непомерно высоких цен на предметы потребления усиливается волнение и возмущение фабрично-заводских рабочих. Цены и уровень зар-

---

¹ См. С. Н. Прокопович, *Война и народное хозяйство*, стр. 134.

платы служат предметом непрерывных стычек между рабочими и предпринимателями.

В письме генерала Маниковского на имя помощника военного министра от 5 октября 1915 г. имеется ссылка на информацию начальника Вятской губернии о том, что возрастающая на Ижевском заводе «дороговизна жизни служит источником тревожных опасений относительно возможности на этой почве волнений в рабочей среде»¹. О росте недовольства рабочих свидетельствует также журнал Особого совещания по обороне от 4 июля 1915 г., в котором говорится: «За последнее время на некоторых частных заводах... в связи с требованием рабочих об увеличении заработной платы, усиливается недовольство рабочих, которое вылилось в забастовочное движение с приостановкой работ по исполнению заказов военного ведомства»². Рабочие 16 частных фабрик в апреле 1915 г. объявили забастовку, продолжавшуюся 14 дней. Их требования об улучшении условий труда и повышении заработной платы были частично удовлетворены — рабочий день был сокращен с 11,5 часа до 11 и несколько повышена была зарплата.

На Грозненских нефтепромыслах 13 мая 1916 г. забастовали 9 тыс. рабочих. Забастовка продолжалась до 10 июня, т. е. почти целый месяц, и закончилась увеличением зарплаты рабочим на 15%. Однако в отместку за это многие военнообязанные получили расчет и были призваны в армию³. В марте 1916 г. забастовочным движением были охвачены 62 предприятия металлообрабатывающей промышленности с числом бастовавших 94 278 человек. В результате забастовки было потеряно 368 242 рабочих дня (из них на долю петроградских забастовщиков приходилось почти 50%)⁴. В апреле этого же года бастовало 80 предприятий с количеством забастовщиков 95 тыс. человек и числом потерянных рабочих дней 481 853. С 1 января по 1 июня 1916 г. бастовало 71 предприятие, работавшее на войну. Количество забастовщиков составило 130 579 человек, а число потерянных дней — 939 617⁵.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 2, л. 73.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 51, л. 50.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 115, л. 10.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 115, л. 20.

⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 115, л. 21.

В отдельных случаях, как видно из изложенного, рабочим удавалось добиться временного улучшения своего материального и правового положения. В. И. Ленин в статье «О стачках», написанной еще в 1899 г., указывал, что стачки «приучают рабочих к объединению, стачки показывают им, что только сообща могут они вести борьбу... против всего класса фабрикантов и против самовластного, полицейского правительства»¹. Ленин называл стачку «школой, в которой рабочие учатся вести войну против своих врагов за освобождение всего народа и всех трудящихся от гнета чиновников и гнета капитала»².

Экономические стачки военного времени были следствием нетерпимого положения русских рабочих, эксплуатируемых «отечественным» и иностранным капиталом. Вот несколько примеров требований забастовщиков.

В письме рабочих Люберецкого завода Международной компании жатвенных машин к администрации компании от 8 октября 1915 г. были выдвинуты такие требования:

1. Вежливое обращение администрации завода с рабочими.

2. Прекращение увольнения рабочих без причин.

3. Признание выборных от рабочих посредников (или старост) между рабочими и администрацией на случай каких-либо переговоров.

4. Прибавка зарплаты на всем заводе в следующей пропорции: получающим до 2 руб. в день — 50 %
от 2 до 3 р. 50 к. — 30 %
от 3 р. 50 к. до 5 р. — 20 %

5. Увеличить надбавки по случаю вздорожания жизни до 30%. На обсуждение этих условий рабочие дали администрации 3 дня³.

В секретном донесении Петроградского охранного отделения от 26 сентября 1915 г. указывалось, что рабочие Старо-Сампсоньевской мануфактуры в числе 750 человек прекратили работу, предъявив администрации завода нижеследующие требования:

1. Увеличить заработную плату на 20%.

2. Увеличить обеденный перерыв до 1,5 часа вместо 1 часа.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 293.

² Там же.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 2, л. 112.

3. На простом станке оплачивать по 5 коп. за каждый отработанный час вместо 2,5 коп.

4. Выдавать военную прибавку каждому рабочему в размере 30 коп. в день¹.

Рабочие механического завода «Айваз» выдвинули требование о повышении зарплаты в следующих размерах: для лиц, получающих 1 руб. в день,— на 100%, 2 руб. в день — на 60, от 3 до 5 руб.— на 30%².

Оценивая итоги и характер экономических стачек в годы войны, следует сказать, что своей главной целью они ставили улучшение материального положения рабочих в рамках существующего способа производства. Прежде всего это выражалось в требовании повышения реальной зарплаты, или, точнее говоря, ликвидации «ножниц», образовавшихся вследствие отставания номинальной зарплаты от быстрого роста цен на предметы первой необходимости. Но не только заработная плата была причиной возникновения экономических стачек. Много и других требований, связанных с материально-правовым положением рабочего класса (оказание медицинской помощи, вежливое обращение с рабочими, свободный переход рабочих из одного цеха в другой, сокращение сверхурочных и ночных работ и т. д.), входило в программу экономических стачек.

Эти стачки были важным этапом в развитии классовой борьбы рабочего класса против буржуазии. Но они были по существу переходной формой борьбы, преддверием к политической борьбе, ставившей своей конечной целью низвержение существующего строя и замену его новым общественным строем. Неудовлетворение экономических требований рабочих, наступление на их жизненные права с неумолимой логикой превращали экономическую борьбу трудящихся в политическое движение.

Приведем следующие данные о результатах экономических забастовок в годы войны³ (см. табл. на стр. 370).

Как видим, наибольшего результата экономические забастовки достигли в 1915 г., когда всеобщее повышение цен на предметы потребления не могло не повлиять на «уступчивость» буржуазии, получавшей от исполнения

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 2, л. 53.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 2, л. 64.

³ Составлено по «Материалам статистики труда», М. 1920, вып. VIII, стр. 71.

	Всего экономических забастовок	В пользу рабочих		Компромиссом		Против рабочих	
		Количество забастовок	%	Количество забастовок	%	Количество забастовок	%
1914	969	89	9,2	206	21,2	674	69,6
1915	737	232	31,5	320	43,4	185	25,1
1916	1 026	275	26,8	402	39,2	349	34,0
1917	190	38	20,0	99	52,1	53	27,9

выгодных военных заказов огромные барыши. Но исход забастовок в пользу рабочих зависел не только и не столько от экономической конъюнктуры и, тем более, «уступчивости» буржуазии, сколько от настойчивости самих рабочих.

Конец 1916 г. и начало 1917 г. показывают особое упорство буржуазии, которая при поддержке властей с помощью полицейских расправ все чаще сводила стачки рабочих в свою пользу или в лучшем случае заканчивала их компромиссами. Объявляя жизненный уровень рабочих вполне сносным, буржуазия, поддерживаемая властями, утверждала, что увеличение зарплаты рабочим при начавшейся деградации промышленного производства было бы «ущербом» не только для предпринимателя, но и для казны, поскольку государству пришлось бы покупать предметы «обороны» с известной накидкой на повышение зарплаты рабочим военных заводов. За счет же сокращения собственных прибылей капиталисты не хотели повышать зарплату и улучшать материально-бытовые и жилищные условия рабочих.

Известно, что стачечная борьба на отдельных ее этапах зачастую приносила русским рабочим ощутительные результаты. В частности, после мощного стачечного движения 1905 г. среднегодовая заработная плата фабрично-заводского рабочего увеличилась более чем на 10% (на 26 руб.), в то время как все предыдущее пятилетие она топталась на одном месте. Рабочие потеряли на стачках 1905 г. (от недополучения заработка в забастовочные дни) 17,5 млн. руб., а выиграли от повышения заработной платы за пять лет (1906—1910 гг.) — 286 млн. руб.¹ Толчок, который испытала заработная плата промышлен-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 234—235.

ного пролетариата России в 1905 г., не смог свести на нет все последующие усилия капиталистов.

Экономическая борьба между трудом и капиталом и периодические попытки рабочих добиться повышения заработной платы неразрывно связаны с системой наемного труда и являются ее спутниками. Однако марксизм никогда не считал экономическую борьбу решающей формой в столкновении между трудом и капиталом. К. Маркс писал: «...Рабочий класс не должен преувеличивать конечные результаты этой повседневной борьбы. Он не должен забывать, что в этой повседневной борьбе он борется лишь против следствий, а не против причин, порождающих эти следствия; что он лишь задерживает тенденцию, ухудшающую его положение, но не меняет направления этой тенденции; что он применяет лишь паллиативы, а не излечивает болезнь»¹. В. И. Ленин также неоднократно указывал, что стачки — это только одно из средств борьбы, одно, но не единственное. Это показал 1905 год, когда стачечное движение перешло на высшую степень борьбы — вооруженное восстание.

Рабочий класс России все более убеждался, что без превращения экономической борьбы в политическую, без свержения самодержавия и прекращения империалистической войны не может быть выхода из того тупика, в который зашли взаимоотношения между трудом и капиталом. Экономические забастовки, при которых рабочие выставляли только требования повышения заработной платы, сокращения сверхурочных работ и т. д., постепенно под руководством большевистской партии перерастали в политическое движение.

За время с августа 1914 г. по декабрь 1916 г. на предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции, были зарегистрированы 473 политические и 2202 экономические стачки с общим количеством участников в 1785 тыс. человек. Большинство стачек и около 80% их участников приходились на Петроградскую, Московскую и Владимирскую губернии, где были сосредоточены наиболее крупные предприятия металлообрабатывающей, машиностроительной и текстильной промышленности. Ряд экономических стачек, возникших на почве

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. 1, стр. 406.

дороговизны, низкого уровня оплаты труда и повышения нормы его эксплуатации и пр., перерастал под влиянием большевистской агитации в политические. Экономическая борьба рабочего класса соединялась с политической борьбой, направленной против фабрикантов и заводчиков, против полицейских преследований, которым подвергались забастовщики. Таковы стачки в Костроме, в Иваново-Вознесенске, на Тульских и Брянских заводах, на металлургических заводах Таганрога, на шахтах и рудниках Мариупольского и Донецкого округов, на судостроительных верфях Николаева, на Путиловском и Сормовском заводах и т. д.

Огромное политическое значение имела забастовка на Путиловском заводе, вспыхнувшая 4 февраля 1916 г. из-за неудовлетворения требования рабочих о повышении заработной платы на 70%. Несмотря на грубое вмешательство полицейских и военных властей и, в частности, на закрытие по распоряжению начальника Петроградского военного округа ряда цехов, увольнению рабочих и мобилизацию многих из них на фронт, забастовка не была прекращена, и 10 февраля забастовали рабочие большинства цехов завода, потребовавшие освобождения арестованных и отмены призыва в армию военнообязанных рабочих¹.

Не меньшее политическое значение имели и события на Сормовском заводе в июне 1916 г., где, как это видно из телеграммы нижегородского губернатора Гирса, начались серьезные политические волнения в связи с увольнением с завода неугодных администрации рабочих. Поскольку требования рабочих о возвращении уволенных не были удовлетворены, рабочие объявили массовую забастовку, остановив 24 июня электростанцию, что парализовало фактически всю работу завода. В этот день на работу вышли только 4963 рабочих из 8 тыс., но и те работали, как указывается в телеграмме, «вяло и неохотно»².

Для наведения «порядка» на Сормовский завод были посланы две роты солдат. Несмотря на это, 27 июня на работу из 8 тыс. рабочих явилась только тысяча, причем многие из них вернулись домой, не приступив к работе.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 174, л. 8—9.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 115, л. 147.

В связи с этим губернатор докладывал: «Сегодня ночью распоряжением прокурора 12 рабочих, выступавших на собрании, будут арестованы и заключены в тюрьму. Начальник жандармского управления приступает к переписке и выяснению зачинщиков забастовки. Требования органов полиции в случае их невыполнения будут поддержаны силой оружия. Рабочие, которые не вернутся на работу до 12 часов дня 28/VI, будут уволены заводоуправлением, а военнообязанные будут переданы в распоряжение военных властей для отправки в действующую армию»¹.

Применяя угрозы, аресты, увольнения с работы, отправку на фронт и т. д., администрации Сормовского завода при поддержке губернатора, жандармов и полиции удалось заставить рабочих приступить к работе, однако рабочие согласились встать на работу при условии: возвращения на работу уволенных рабочих, увольнения начальника цеха, гарантии, что никто из рабочих не будет уволен или арестован за участие в забастовке. Рабочие предупредили администрацию завода, а вместе с ней и тех, кто стоял за ее спиной, что они «не приступят к работе впредь до удовлетворения указанных выше требований»².

Еще в феврале 1916 г. Совет министров вынужден был признать всю серьезность происшедших «за последнее время событий в рабочей жизни», которые свидетельствовали не только «о широких размерах забастовок, но и о небывалой «организованности рабочего класса»³. И действительно, несмотря на увольнения и аресты рабочих, на мобилизацию их на фронт и т. д., забастовки продолжали расти, принимая все более массовый и политически острый характер. О характере и количестве забастовок и числе их участников можно судить по следующей таблице, составленной по заведомо преуменьшенным данным фабричной инспекции. (См. табл. на стр. 374 вверху).

Таким образом, общее количество участников этого мощного движения русского рабочего класса перевалило за 1,6 млн. человек. Промышленность потеряла за время стачек около 6,8 млн. рабочих дней. Вместе с тем росло

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 115, л. 147—151.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 115, л. 159—160.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 36, ч. 1, л. 90.

**Забастовочное движение в годы войны на предприятиях,
подчиненных надзору фабричной инспекции
(с августа 1914 г. по декабрь 1916 г.)¹**

Характер забастовок	Число забастовок	Число участников (в тыс.)	Общая продолжи- тельность забастовок (в тыс. ра- бочих дней)
Политические . . .	465	469,0	895,6
Экономические . .	2 047	1 205,2	5 898,3
Всего . .	2 512	1 674,2	6 793,9

и среднее количество стачечников, приходившееся на одну забастовку².

Годы	Число участников эконо- мических забастовок (в среднем)	Число участников полити- ческих забастовок (в среднем)
1914	523	406
1915	485	1 034
1916	665	1 410

В связи с нарастанием забастовочного движения царское правительство встало на путь отмены свободы стачек, завоеванной рабочим классом в предшествующие годы, и установило уголовную ответственность за стачки на «предприятиях общественно необходимых, прекращение или приостановление деятельности которых угрожает безопасности государства или создает возможность общественного бедствия». Так как все предприятия, работавшие в той или иной мере на войну, считались «общественно необходимыми», то устройство стачек на этих предприятиях рассматривалось как государственная измена со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Этим самым правящие круги России и союзы промышленников пытались взять «в железные тиски» не только военнообязанных рабочих, которых за участие в

¹ «Материалы по истории рабочего движения в России», М. 1925, стр. 19, 294.

² Там же, стр. 5.

забастовках немедленно отправляли на фронт, но и свободных от воинской повинности рабочих, которых в случае участия в забастовках увольняли, заносили в черные списки в надежде на то, что перспектива голода сломит непокорный дух рабочих и их волю к борьбе за свои права. Но и это не помогло буржуазии. Забастовки принимали массовый характер, и многие из них продолжались по месяцу и больше.

В этой связи наблюдательная комиссия Особого совещания выступила с предложением о принятии решительных мер против забастовок на заводах, выполнявших военные заказы, для чего предлагала: «1. Объявить на военном положении все означенные заводы, зачислив на действительную военную службу применительно к статье 443 устава о воинской повинности всех подлежащих призыву рабочих и служащих из означенных предприятий, где они находились в день объявления военного положения. 2. Установить особые правила, подлежащие обязательному применению в отношении тех рабочих и служащих, кои не состоят на действительной военной службе или не могут быть призваны на сию службу»¹.

Председатель Особого совещания генерал Поливанов, соглашаясь в основном с рекомендациями наблюдательной комиссии, высказался за «проведение в жизнь милитаризации заводов, с распространением ее в равной мере на всех лиц, работающих на данном предприятии»².

Особое совещание высказалось фактически за принятие рекомендаций наблюдательной комиссии, одобренных Поливановым, т. е. за мобилизацию промышленных рабочих и милитаризацию предприятий.

Были разработаны специальные правила, сущность которых сводилась к предоставлению военным начальникам права объявлять заводы на особом положении, с момента объявления которого вольнонаемным служащим и рабочим запрещалось под угрозой наказания оставлять в частных предприятиях службу или работу, а администрации заводов увольнять их без согласия уполномоченных военного и морского ведомства³. Закрепив таким образом рабочих за милитаризованными предприятиями

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 174, л. 174—175, а также оп. 4, д. 141, л. 18.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 96, л. 222.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 99, л. 16—17.

и создав для них условия, граничащие с военной каторгой, Особое совещание в то же время угрожающе предупредило рабочих, что в случае участия их в забастовочном движении они будут наказываться со всей строгостью военного времени, т. е. предаваться военнополевому суду, отправляться на фронт и т. д.

Применяя в отношении бастующих рабочих подобные драконовские меры, Особое совещание и его члены пытались не только оправдать их «необходимость», но и доказать их «общественную полезность», поскольку следствием забастовок являлось будто бы «резкое понижение выпуска снарядов, что в свою очередь наносит прямой ущерб военным операциям». На это упирал, в частности, и начальник ГАУ генерал Маниковский, который в своем секретном донесении от 31 сентября 1915 г. на имя помощника военного министра писал: «Каждый день забастовки на заводах, изготовляющих боевые припасы, стоит нам примерно одного парка»¹.

На забастовочное движение правящие круги России пытались свалить все свои неудачи на фронте и в тылу, против забастовщиков были обрушены все средства насилия: массовые аресты, предание военно-полевому суду, ссылки, мобилизация на фронт и т. д. При этом полицейские расправы и аресты забастовщиков приняли настолько широкие размеры, что они превратились по существу из средства ликвидации забастовок в одну из причин нарастания новой волны забастовок.

Смущенный этим обстоятельством председатель Особого совещания по обороне генерал Поливанов вынужден был в секретном письме на имя председателя Совета министров Горемыкина указать, что «одной из главных причин возникновения волнений и забастовок являются производимые по ордерам полиции многочисленные аресты в среде рабочих после каждой, даже вполне допустимой их сходки». Намекая на произвол полицейских властей, генерал Поливанов беспокоился, конечно, не о судьбе рабочих. Он сознавал, что, чем сильнее репрессии, тем сильнее противодействие рабочих, тем острее их борьба за свои политические и экономические права.

Обсуждению предложенных Особым совещанием мер по предупреждению и прекращению забастовочного движения Совет министров посвятил специальное совещание

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 5, л. 33.

от 7 февраля 1916 г., на котором, во-первых, констатировалось быстрое развитие забастовок и их широкий размах, во-вторых, были намечены меры «по предотвращению и прекращению фабричных забастовок». Эти меры предусматривали дальнейшую милитаризацию заводов, работавших «на оборону», закрепление за ними рабочих и отправку рабочих на фронт в случае участия в забастовочном движении.

Реализация вновь выработанных мер по борьбе с забастовочным движением приняла самые широкие размеры. Например, на Тульских меднопрокатных и патронных заводах в январе 1916 г. забастовало 12 116 рабочих. Эта забастовка закончилась частичной победой рабочих. По их требованию была повышена зарплата на 40—75%, удалены с завода некоторые лица из администрации, передано лечение рабочих в ведение больничной кассы и т. д. Но победа рабочих была встречена владельцами заводов при поддержке властей контрмерами. По ходатайству тульского губернатора и заводской администрации, объявивших рабочих виновниками срыва выполнения военных заказов и недопоставки фронту 12 млн. патронов¹, было получено распоряжение военного министра «немедленно, не давая обычного трехдневного срока для устройства домашних дел, призвать из числа бастовавших военнообязанных, сверстники коих уже зачислены в ряды войск ...и отправить в запасные батальоны, расположенные где-либо в пределах Московского военного округа, за исключением г. Тулы»².

В связи с событиями на Тульских заводах рабочие этих заводов в обращении, адресованном на имя Государственной думы, писали 14 июня 1916 г.: «Мощные союзы фабрикантов и заводчиков, опираясь на гражданские и военные власти, ведут исключительно дерзкую, вызывающую политику по отношению к рабочим... Самым сильным орудием в их руках является воспреещение рабочим-военнообязанным права свободного перехода из предприятия в предприятие... Угроза фронтом — последнее слово предпринимательской тактики, которую они так охотно реализуют»³.

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 37, л. 144.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 37, л. 144—145.

³ «Материалы по истории рабочего движения в России», стр. 295—307.

Так же поступило царское правительство и с забастовкой, возникшей в 1916 г. на Николаевском судостроительном заводе, где из 14 тыс. рабочих бастовали в продолжение месяца 12 тыс. человек. Ввиду угрожающих размеров этой забастовки в Николаев был командирован морской министр Григорович, по распоряжению которого завод был закрыт на несколько недель. Многие рабочие были направлены на фронт. Требование рабочих о повышении зарплаты не было удовлетворено¹.

В условиях нарастания противоречий между трудом и капиталом, роста мощного забастовочного движения рабочего класса, наводившего страх и панику на правящие круги России, отдельные группы буржуазии считали необходимым прибегнуть к своей излюбленной иезуитской политике кнута и пряника. В то время как самодержавие и наиболее реакционная часть буржуазии считали, что для борьбы с забастовочным движением нужны самые крутые меры, являвшиеся, по их мнению, единственным средством прекращения забастовочного движения и установления «гражданского мира» между трудом и капиталом, «либеральная» буржуазия находила такие меры устаревшими и не дающими должного эффекта. Для ликвидации забастовочного движения она предлагала более гибкие меры, связанные с идеологическим одурманиванием рабочего класса и навязыванием ему шовинистических лозунгов — единения и сотрудничества классов во имя борьбы «за спасение отечества».

Вместо применявшейся тактики репрессий Гучковы, Коноваловы и др. предложили тактику разложения рабочего класса изнутри, стремясь подчинить рабочее движение интересам капитала, повернуть его на путь тредюнионизма и соглашательства. При этом буржуазия опиралась на свою агентуру в рабочем классе в лице Гвоздевых, Мартовых, Чхеидзе и др., стремившихся сорвать революционное движение в стране, не допустить забастовочного движения и установить «социальный мир» в промышленности. Играя в либерализм, русская буржуазия шла иногда на некоторые мелкие подачки рабочим в виде грошовой прибавки зарплаты, лишь бы предотвратить забастовки, вызывавшие простой предприятий и снижение прибылей капиталистов.

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 37, л. 154.

Проповедуя тактику умиротворения классов, русская буржуазия и ее прислужники пускали в ход весь арсенал своей лживой пропаганды, направленной на то, чтобы затуманить сознание рабочих идеями «демократизации капитала», связанной с вовлечением рабочих в акционерные общества и участием их в прибылях. Участие рабочих в прибылях рассматривалось буржуазией и ее апологетами не только как средство борьбы с забастовочным движением, но и как важнейший фактор повышения производительности труда и роста капиталистического накопления. В связи с этим на страницах буржуазной печати появились специальные статьи, восхваляющие индивидуальное участие рабочих в прибылях и рекламирующие заграничный опыт по одурманиванию рабочих идеями «демократизации капитала».

Чтобы придать этой идее более интригующий характер, журнал «Промышленность и торговля», ссылаясь на подсчеты Тотомианца, писал, что в Европе и Америке насчитывалось в 1912—1914 г. 378 предприятий¹, в которых рабочие участвовали в прибылях, причем наибольшее количество таких предприятий приходилось на Англию (152), Францию (140), Германию (46) и Америку (43), где деятельность соглашательских и социал-реформистских политических организаций была наиболее активной. Особенно упирал названный журнал на автомобильные заводы Форда в Америке, где 25 тыс. рабочих была будто бы выдана в 1914 г. прибыль, равная 10 млн. долл.² Но это была явная ложь. Рабочие хотя и считались формально совладельцами такого рода «демократизированных» предприятий, как заводы Форда, металлический завод Годена и К⁰ в Гизе (Франция) и Южностолличная газовая компания в Лондоне³, но порядок был таков, что причитавшаяся «совладельцам» (т. е. рабочим) прибыль на руки не выдавалась, а вносилась в фонд расширения предприятия, что способствовало как раз увеличению размеров капитала и обогащению его подлинных владельцев, а не росту благосостояния рабочих.

---

¹ См. «Промышленность и торговля» № 14—15, 1917 г., стр. 273; В. Тотомианц, Участие в прибыли и рабочее акционерство, М. 1919, стр. 102—103.

² См. «Промышленность и торговля» № 14—15, 1917 г., стр. 271.

³ См. В. Тотомианц, Участие в прибыли и рабочее акционерство, стр. 81—90.

Цепляясь за проверенную на опыте западноевропейского оппортунизма силу подкупа верхушки рабочего класса, русская буржуазия пыталась при помощи своей агентуры в рабочем классе сбить его с классовых позиций, обезоружить как своего классового противника. С этой целью она не только широко рекламировала формы участия рабочих в прибылях предприятий, но и разработала при помощи Министерства торговли и промышленности официальный проект соглашения «между предпринимателем и рабочими, по которому рабочие получают, кроме установленной зарплаты, и некоторую часть прибыли... пропорционально заработной плате или постоянному капиталу»¹.

Этими подачками, которые являются не чем иным, как украденным у рабочих прибавочным продуктом, буржуазия хотела купить рабочих, отвлечь их внимание от борьбы за свое освобождение от капиталистического рабства. Стремясь одурачить рабочих лозунгами сотрудничества между трудом и капиталом, социал-соглашатели и другие лакеи буржуазии не жалели красок на описание идеи «классового мира» в промышленности. Они доказывали возможность ликвидации имущественного неравенства между капиталистами и рабочими путем превращения последних через участие в акционерных обществах в крупных собственников.

Жизнь, однако, показала, что, какие бы комбинации с вовлечением рабочих в акционерные общества ни проводились, рабочий класс будет оставаться до тех пор объектом эксплуатации и наживы со стороны капиталистических классов, пока не будет уничтожена частная собственность на средства производства. «Долевое участие» рабочих в предприятиях является лишь ширмой, прикрывающей эксплуатацию и создающей фальшивую заинтересованность рабочих в повышении производительности труда. Пропагандируя демагогическую политику материальной заинтересованности рабочих, буржуазия пыталась, с одной стороны, отвлечь их от революционной борьбы, а с другой — повысить у них чувство ответственности за судьбу промышленного производства, за уровень производительности труда.

---

¹ «Промышленность и торговля» № 14—15, 1917 г., стр. 271.

Другим методом проведения тактики «единения» труда и капитала, установления «гражданского мира» в промышленности было создание рабочей группы при Центральном военнопромышленном комитете. Какую «деятельность» осуществляла эта группа в рядах рабочего класса, видно из письма ЦВПК, адресованного на имя Министерства внутренних дел. В этом письме говорилось, что «рабочая группа и отдельные ее члены оказывали комитету самое деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих, занятых в предприятиях, работавших на оборону. При этом группа решительно выступила против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы... Эта совместная деятельность рабочей группы в ЦВПК не только не носила революционного характера, но, напротив, имела целью создание условий для спокойной работы на оборону»¹.

О подрывной деятельности так называемой «рабочей группы» говорит одно из выступлений ее лидера — меньшевика-provokatora Абросимова, который, приехав 3 февраля 1916 г. на Николаевский судостроительный завод, где вспыхнула забастовка, произнес предательскую в отношении рабочих и угодническую в отношении буржуазии речь. Лозунг о поражении русского империализма в этой грабительской войне он назвал «страшным». «Для нас, для рабочего класса,— говорил он,— далеко не безразлично — поражение или победа... Пораженчество — это признак сознания собственного бессилия...» Призывая к напряжению труда ради победы буржуазии, Абросимов лживо и лицемерно говорил: «Всюду наблюдаются хорошие отношения между рабочими и заводской администрацией».

Лучшим опровержением этой меньшевистской лжи относительно царившего якобы классового мира между предпринимателями и рабочими были приведенные выше факты о конфликтах между рабочими и владельцами предприятий.

В связи с массовым забастовочным движением царское правительство усилило и тайную борьбу, слежку и шпионаж за рабочими организациями. В одном из со-

---

¹ См. М. Г. Флеер, Рабочее движение в России в годы империалистической войны, стр. 22.

вершенно секретных указаний министра торговли и промышленности чинам фабричной инспекции и горного надзора (от 19 декабря 1916 г.) указывалось на необходимость использования услуг полицейских и жандармских органов: «Общая полиция,—говорилось в циркуляре,—должна озабочиваться собиранием осведомительного материала о настроениях рабочих и доносить о сем губернатору для зависящих распоряжений. К ведению жандармской полиции относится освещение настроений рабочих, главным образом с политической стороны»¹.

В докладе начальника охранного отделения Петрограда от 15 октября 1915 г. указывалось: «Согласно вновь полученным за последнее время от секретной агентуры повторным указаниям местные представители «ленинского» течения Российской социал-демократической рабочей партии, определенно став на «пораженческую» точку зрения по вопросу об отношении своем к войне, по-прежнему прилагают все свои усилия к возможному и скорейшему сорганизованию рабочих масс на почве исповедания революционных требований»². В докладе перечисляются меры предостережения и слежки, принятые охранным отделением в отношении «наиболее активных руководителей движения».

Панический страх царских властей перед нараставшим забастовочным движением в годы войны был не случаен. Царские опричники и буржуазия прекрасно понимали, что забастовочное движение, начавшееся с митингов протеста против участия России в империалистической войне, с требований рабочих об улучшении их материального положения, должно было с логической неизбежностью перерасти в политическую борьбу рабочего класса против прогнившей монархии и буржуазного строя России. Они знали и о том, что вдохновителями забастовочного движения рабочих были большевики, которые призывали рабочих к ослаблению экономических и политических позиций российского абсолютизма, к созданию условий для поражения его в империалистической войне, которую В. И. Ленин справедливо назвал самой реакционной войной «современных рабовладельцев за сохранение и укрепление капиталистического рабства», войной

---

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 40, л. 61.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 2, л. 96.

«между двумя группами разбойнических великих держав из-за дележа колоний, из-за порабощения других наций, из-за выгод и привилегий на мировом рынке»¹.

По отношению к этой войне большевики в противовес социал-демократическим партиям II Интернационала, призывавшим рабочий класс к поддержке «своего» правительства, «к защите отечества» и т. д., выдвинули лозунг поражения своего правительства в империалистической войне как лозунг борьбы для каждой социал-демократической партии любой империалистической страны. Военное поражение царской монархии и ее войск Ленин считал наименьшим злом для народа², так как это облегчило бы рабочему классу победу над царизмом. Поэтому в противовес социал-соглашательскому призыву к гражданскому миру Ленин выдвинул лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую. Он считал при этом, что осуществлению этого лозунга должна способствовать всякая последовательная классовая борьба во время войны и всякая серьезно проводимая тактика массовых действий³.

Именно с этих позиций и должна оцениваться стачечная борьба рабочего класса в годы первой мировой войны. С этих позиций должна оцениваться и та отчаянная борьба со стачечным движением, которую вели царское правительство и буржуазия, не только обрушившие на забастовщиков полицейские расправы, но и клеветнически приписывавшие забастовочному движению пагубное влияние на производительные силы страны, подрыв промышленности и всего народного хозяйства.

Подобного рода демагогической пропагандой была заполнена вся буржуазная печать периода первой мировой войны. Она пыталась доказать, что неудачи на фронте — результат забастовок, срывавших выполнение военных заказов, что в развале промышленности и транспорта повинны забастовщики, не желающие работать с высокой производительностью труда и увеличивать промышленное производство, и т. д. и т. п.

Изображая забастовочное движение как фактор «разрушения» производительных сил, буржуазная печать хотела ошелюмовать рабочий класс, свалить на него вину

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 334.

² См. там же, стр. 3.

³ См. там же, стр. 284.

за развал народного хозяйства и, в частности, промышленности. Снижение выпуска продукции, падение производительности труда, простой предприятий, плохое снабжение их сырьем и топливом, невыполнение в срок военных заказов и т. д. объясняли только «разрушительным» влиянием забастовочного движения.

Такая тенденциозная оценка забастовочного движения нужна была буржуазии и правящим кругам России для того, чтобы, с одной стороны, затушевать, скрыть от народа истинные причины неудач на фронте и тяжелого положения в тылу, а с другой стороны, подвести под преследования забастовщиков определенную «юридическую» базу, изобразив их не только как «нарушителей общественного порядка», но и как «дезорганизаторов» народного хозяйства.

Конечно, рабочий класс не был заинтересован ни в войне, ни в обеспечении ее вооружением, ибо империалистическая война не соответствовала его классовым интересам. Рабочие не могли быть заинтересованы в выполнении военных заказов, в повышении производительности труда и в росте военных сверхприбылей капиталистов.

Но, несмотря на это, рабочие не были повинны в плохой обеспеченности армии вооружением, как не были они повинны в падении промышленного производства, в снижении производительности труда и в общем развале народного хозяйства России в годы войны. Ответственность за это лежит на правящих кругах России и русской буржуазии, втянувших страну в непопулярную в народе империалистическую войну и не создавших для ее ведения сколько-нибудь прочной материально-технической базы. В этом была повинна сама капиталистическая система хозяйства России, которая наряду со слабой материально-технической базой имела самую реакционную надстройку, создавшую невыносимый полицейский режим и военно-феодалное угнетение трудящихся классов.

Мощное забастовочное движение, все более принимавшее политический характер, являлось преддверием революции, которая должна была навсегда покончить с самодержавием, а затем и с капитализмом в России. Ни предательская тактика меньшевиков, ни фальшивый либерализм промышленной буржуазии с ее попытками разложить рабочее движение изнутри, ни демагогические лозунги о «единстве» интересов труда и капитала, ни

военные и полицейские репрессии не могли остановить забастовочное движение и его перерастание в мощную общенациональную борьбу рабочего класса против самодержавия и помещичье-капиталистического строя России.

Первые два месяца 1917 г. дают громадный подъем забастовочного движения в стране. Количество забастовок в эти два месяца превосходило общее число забастовок в 1915—1916 гг. В январе 1917 г. общее количество бастовавших составило 244 тыс. человек, в феврале — 432 тыс., в том числе в Петрограде — 200 тыс. и в Москве — 161 тыс. В январе — феврале 1917 г. число рабочих, принимавших участие в политических стачках, достигло 85 % всего числа стачечников против 40 % в 1914 г. Революционное движение, политические стачки и демонстрации охватывают не только Петроград и Москву, но и другие промышленные центры страны, вовлекая в свой водоворот десятки и сотни тысяч рабочих. Нарастание политических мотивов и требований в стачках приводит рабочее движение к открытой политической борьбе с самодержавием.

Против самодержавия боролась главная движущая сила революции — рабочий класс. Против самодержавия боролись крестьянство и все демократические слои народа. Против самодержавия выступала даже буржуазия, недовольная его слабостью и спешившая предотвратить надвигающуюся революцию. Под напором этих объединенных сил «развалилась монархия, державшаяся веками».

Однако буржуазное Временное правительство, сформировавшееся в результате победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., оказалось не в состоянии, да и не стремилось наладить пришедшую в полное расстройство хозяйственную жизнь России и ликвидировать ненавистную народу империалистическую войну. Оно не улучшило и не собиралось улучшать положение народных масс, а русская буржуазия, стоявшая за спиной этого правительства, пошла в своей ненависти к рабочему классу дальше царя, стремясь не только продолжить войну «до победного конца», но и еще больше усилить эксплуатацию рабочих, не допуская при этом никаких уступок рабочему классу в деле повышения его жизненного уровня и т. д.

Поэтому уже с апреля 1917 г. поднимается новая волна забастовочного движения, которая непрерывно нарастала вплоть до Октября. Большинство забастовок в этот период носит ярко выраженный политический характер. Рабочие под влиянием большевистской агитации наряду с повышением заработной платы, установлением восьмичасового рабочего дня все настойчивее требовали введения рабочего контроля над производством, удаления ненавистных администраторов, создания фабрично-заводских комитетов без представителей администрации и хозяев.

Эти требования, вытекавшие из программных документов нашей партии и указаний В. И. Ленина, осуществлялись рабочими в период перехода от буржуазной революции к социалистической вопреки воле промышленной буржуазии и выражавшего ее интересы Временного правительства.

Фабрично-заводские комитеты и контрольные комиссии, создававшиеся под руководством большевиков на предприятиях, были важнейшим фактором не только в деле проникновения в жизнь промышленных предприятий и контроля за их деятельностью (учет сырья, готовой продукции, уровня прибылей капиталистов, определение размеров зарплаты и т. д.), но и в деле дальнейшего революционирования рабочих масс, их организации и сплочения вокруг лозунгов борьбы за свержение капиталистического строя в России.

Против фабрично-заводских комитетов, руководимых большевиками, буржуазия сразу же повела бешеную борьбу, объявив рабочий контроль проявлением анархии, «преступным посягательством на самые основы современного способа производства»¹. Всероссийское общество фабрикантов и заводчиков, опираясь на официальные правительственные распоряжения, запрещающие организацию фабрично-заводских комитетов, давало строжайшие предписания своим членам — владельцам промышленных предприятий ни в коем случае не допускать рабочего контроля на предприятиях, «так как осуществление его явилось бы выражением непредоставленной законом власти рабочего комитета над предприятием»².

---

¹ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 425, л. 111.

² ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 2, д. 50, л. 52.

Однако революционная инициатива рабочего класса, направленная на подрыв экономических позиций буржуазии, нарастала с каждым днем.

Целый ряд сообщений обществ и отдельных предпринимателей (товарищество русско-французских заводов «Проводник», Общество заводчиков и фабрикантов Московского района, ряд предприятий кожевенной промышленности, Майкопские нефтяные промыслы, Днепровский металлургический завод, Мариупольское горнометаллургическое общество, акционерное общество Николаевских заводов и верфей и др.) говорит о повсеместном мощном движении рабочих, остановить которое было уже невозможно ни репрессиями, ни заклинаниями, ни тем более паническими телеграммами, которыми засыпались министерства и ведомства Временного правительства.

С первых же дней революции империалистическая буржуазия и ее Временное правительство сознательно осуществляли политику дезорганизации всего народного хозяйства, чтобы «костлявой рукой голода» задушить революцию. В. И. Ленин в своей работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной в сентябре 1917 г., писал: «России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков»¹.

Разоблачая контрреволюционный характер деятельности Временного правительства и намечая меры по предотвращению нависшей над страной катастрофы, большевистская партия требовала немедленной национализации банков, крупной синдицированной промышленности, отмены коммерческой тайны, установления рабочего контроля над производством и распределением продуктов, что вместе с прекращением империалистической войны представляло шаги по пути к социалистической революции.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 299.

Империалистическая война, потребовавшая огромного напряжения народного хозяйства и приведшая его к глубочайшей разрухе, унесшая миллионы человеческих жизней, усилившая наступление капитала на жизненные интересы рабочего класса и до крайности обострившая противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми, явилась, по выражению Ленина, тем историческим двигателем¹, который ускорил не только крушение самодержавия, но и всей социально-экономической системы русского капитализма.

Говоря об этом всемирно-историческом событии, В. И. Ленин писал: «Мы имеем право гордиться и считать себя счастливыми тем, что нам довелось первыми свалить в одном уголке земного шара того дикого зверя, капитализм, который залил землю кровью, довел человечество до голода и одичания, и который погибнет неминуемо и скоро, как бы чудовищно зверски ни были проявления его предсмертного неистовства»².

Уничтожение капиталистического строя в России было обусловлено всем ходом исторического развития. Являясь узловым пунктом всех противоречий империализма, очагом феодально-капиталистического, колониального и военного гнета, Россия была больше, чем какая-либо другая страна, чревата пролетарской революцией. Совершить эту революцию, а следовательно, прорвать цепь мирового империалистического фронта выпало на долю русского революционного рабочего класса, руководимого партией коммунистов во главе с В. И. Лениным.

---

¹ См. «Ленинский сборник», т. II, стр. 354.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 460.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Русская промышленность накануне первой мировой войны	5

Особенности и уровень развития монополистического капитализма в России накануне первой мировой войны. Сравнительные данные о размерах производства в России и в других крупных капиталистических странах. Удельный вес промышленности в национальном доходе страны. Соотношение отраслей, изготавливающих средства производства и средства потребления. Высокий уровень концентрации русской промышленности и относительно низкий уровень ее технической вооруженности. Чрезмерный универсализм и слабость специализации промышленных производств. Неравномерное размещение промышленности. Иностранний капитал в русской промышленности и факторы, усилившие его приток в довоенную Россию. Критика реакционных взглядов на развитие отечественной промышленности и на ее роль в условиях войны. Сравнительная характеристика технико-экономической подготовленности к войне России и Германии. Масштабы первой мировой войны и провал расчетов на проведение ее за счет запасов мирного времени.

Глава 2. Характер и результаты перестройки (мобилизации) промышленности на удовлетворение нужд войны	50
---	-----------

Отставание внутреннего производства средств ведения войны от ее потребностей. Возрастание дефицита в средствах боевого и материально-технического снабжения армии. Попытки устранения этого дефицита за счет перестройки (мобилизации) промышленности на рельсы военного производства. Стихийный характер перестройки и ее результаты. Заграничный рынок и кабальные условия заграничных поставок вооружения и снаряжения для русской армии. Растрата валютных фондов и срыв строительства отечественных военно-промышленных объектов. Особенности госкапитализма в России и формы государственного вмешательства в процесс перестройки промышленности. Государственное регулирование и его проявление в условиях военной экономики России. Государственные регулирующие органы и перестройка промышленности на военный лад (Особое совещание по обороне). Военно-промышленные комитеты, Союз земств и городов, их роль в мобилизации промышленности и выполнении военных заказов. Общая оценка перестройки и работы промышленности на войну.

Глава 3. Особенности развития русской промышленности в условиях войны . . . . .

99

Общие замечания о закономерностях развития промышленности в условиях войны. Образование нового (военного) рынка и новые требования, предъявленные к промышленному производству. Военные заказы и выгоды их исполнения — главный фактор перестройки промышленности и ее структуры. Перемещение капиталов и военные отрасли производства. Рост военных производств и сокращение «мирных». Анализ изменения структуры, динамики и объема промышленного производства в целом и по отдельным отраслям. Диспропорциональность в развитии отдельных отраслей промышленности. Эволюция взаимосвязей промышленности с другими отраслями народного хозяйства. Особенности воспроизводства в промышленности в условиях первой мировой войны.

Глава 4. Производство и формы распределения металла и топлива . . . . .

167

Проблема металла. Падающая динамика его производства. Образование дефицита в производстве и потреблении черных и цветных металлов. Попытки централизованного распределения и рационализации потребления металла. Металлургический комитет и главный уполномоченный Особого совещания по металлосодействию. Закупки металла за границей. Проблема топлива. Топливный баланс страны. Падающая динамика добычи угля при одновременном росте потребностей на него. Попытки государственного вмешательства в область распределения топлива. Особое совещание по топливу и государственные монополии по торговле углем. Установление твердых цен и очередности отпуска (продажи) топлива потребителям. Проблема перевозок металла и топлива. Органы регулирования перевозок. Транспортные затруднения и нерациональность использования подвижного состава железных дорог и водного транспорта в перевозке металла и топлива. Бесплодные попытки планирования перевозок.

Глава 5. Концентрация производства и рост прибылей капиталистов . . . . .

248

Концентрация производства и капиталистические монополии в России в предвоенный и военный периоды. Усиление процесса концентрации производства в военные годы. Банки и их роль в образовании промышленных монополий в годы войны. Иностранный капитал в русских акционерных обществах. Немецкий капитал и его роль в ослаблении военно-экономического потенциала России в годы войны. Прибыли акционерных обществ и методы их получения. Спекулятивный ажиотаж вокруг военных заказов и гондерство. Рост курса акций и учредительской прибыли. Размеры валовых прибылей и дивидендов. Методы маскировки прибылей. Попытки обложения капиталистических прибылей военным налогом. Буржуазно-апологетическое оправдание военных сверхприбылей. Марксистско-ленинская оценка природы капиталистической прибыли и источников ее возрастания в годы войны.

Глава 6. Проблема рабочей силы и производительности труда

309

Массовые мобилизации рабочих на фронт и сокращение численности рабочей силы в промышленности. Меры борьбы с недостатком рабочей силы. Вовлечение в производство беженцев, военнопленных, женщин и подростков. Анализ изменения качественного состава рабочей силы и снижения ее квалификационного уровня. Влияние этого фактора на уровень производительности труда. Динамика производительности труда в основных отраслях русской промышленности. Уровень производительности труда в военных и невоенных отраслях производства. Критика ошибочных положений в определении факторов снижения производительности

сти труда в годы войны. Сравнительная оценка в решении проблемы рабочей силы и производительности труда в периоды первой и второй мировых войн.

Глава 7. Ухудшение жизненных условий промышленного пролетариата и его стачечная борьба в годы войны 351

Усиление поляризации классовых отношений. Рост богатства на одном полюсе и обнищания — на другом. Падение реальной заработной платы рабочих. Ухудшение питания и жилищных условий рабочих. Интенсификация труда и рост продолжительности рабочего дня. Сверхурочные ночные работы. Условия труда женщин и детей. Отсутствие охраны труда. Рост недовольства рабочего класса. Экономические стачки и их основные требования. Полицейские меры борьбы против требований рабочего класса. Перерастание экономических стачек в политические. Руководящая роль партии большевиков в организации стачечного движения в годы войны. Обострение экономического и политического кризиса в стране. Факторы, ускорившие крушение самодержавия и капиталистического строя в России.

МАЕВСКИЙ Иван Васильевич
Экономика русской промышленности
в условиях первой мировой войны

Редактор С. Рывкин

Художественный редактор Г. Семиреченко

Технический редактор М. Пиотрович

Ответственные корректоры О. Леонович
и Л. Самыкина

Сдано в набор 31 мая 1957 г.
Подписано в печать 22 октября 1957 г.
Формат 84 X 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 12¹/₄.
Условн. печ. л. 20,09 Учетно-изд. л. 20,88.
Тираж 10 000 экз. А 07999. Заказ № 2615.
Цена 10 руб.

Государственное издательство
политической литературы,
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства
культуры СССР, Москва,
Краснопролетарская, 16.